Перевод Елены Токаревой

кори доктороу

младший брат

18+

Младший брат
Кори Доктороу

Аннотация
Кори Доктороу. Младший брат
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Эпилог
Послесловие Брюса Шнайера
Послесловие Эндрю Банни Хуана, человека, который взломал Иксбокс
Библиография
Благодарности

Аннотация

Маркусу всего семнадцать, но волею судьбы он становится подозреваемым в теракте, который произошел в центре Сан-Франциско. Департамент внутренней безопасности отправляет Маркуса в секретную тюрьму, где его подвергают пыткам. Вскоре его отпускают, однако, выйдя на свободу, Маркус обнаруживает, что в городе установлен полицейский режим…

Кори Доктороу
Младший брат

© Елена Токарева, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2023
Text copyright © 2008 by Cory Doctorow
Cover art copyright © Richard Wilkinson

Посвящается Элис – рядом с ней я становлюсь собой

Глава 1

Я живу в Сан-Франциско, в солнечном районе Мишен-Дистрикт, и учусь в выпускном классе школы имени Сезара Чавеса, а значит, за мной следят так, как никогда не следили ни за кем на свете. Меня зовут Маркус Яллоу, но до начала этой истории я был больше известен под ником w1n5t0n. Произносится «Винстон».

И не вздумайте произносить это как «Дабл-ю-один-эн-пять-ти-ноль-эн». Так говорят только бестолковые школьные чиновники, настолько отсталые, что до сих пор называют интернет «информационной магистралью».

Я лично знаю одного такого тупицу. Это Фред Бенсон, по должности один из трех замдиректора нашей школы, а по сути — язва двенадцатиперстная. Но если уж нам положен надзиратель, пусть лучше он будет бестолочью, чем знатоком.

Однажды в пятницу утром из динамика школьной системы оповещения прогремел его голос:

— Маркус Яллоу!

Наша система громкой связи и так-то никуда не годится, а уж если учесть привычку Бенсона

бормотать себе под нос, то получается не школьное объявление, а бессвязное урчание, словно чей-то желудок пытается переварить несвежий бутерброд. Но люди так устроены, что хорошо улавливают в потоке звуков свои имена. Эта привычка заложена в нас инстинктом, и иногда она помогает спасти жизнь.

Я схватил сумку, прикрыл ноутбук на три четверти — не хотел, чтобы загрузки слетели, — и приготовился к неизбежности.

— Немедленно явиться в администрацию.

Мисс Галвес, учительница обществознания, бросила на меня выразительный взгляд, и я ответил тем же. Старик имел на меня зуб, потому что я с легкостью проникал через школьные файрволы, обманывал систему распознавания походки и рвал в клочья следящие чипы, которыми нас обвешивали с ног до головы. Однако Галвес, добрая душа, никогда на меня не сердилась — наверно, потому что я помог ей наладить электронную почту, чтобы она могла общаться с братом, служившим в Ираке.

Мой приятель Дэррил подловил момент, когда я шел мимо, и отвесил шлепок. С Дэррилом мы дружим с пеленок, вместе прогуливали занятия в детском саду, и из-за меня он то и дело вли-

пает в неприятности — правда, я же его из них вытаскиваю. Я победным жестом вскинул руки над головой, покинул урок обществознания и поплелся в администрацию.

На полпути у меня в кармане зазвонил телефон. В нашей школе телефоны под строгим запретом — но разве меня этим напугаешь? Я свернул в туалет, заперся в средней кабинке — дальняя всегда бывает хуже всех, потому что люди направляются прямо туда, считая, что она чище, однако наилучшие решения всегда скрываются посередине. Проверил телефон — оказалось, мой домашний компьютер прислал сообщение о том, что поступили новости от «Харадзюку Фан Мэднесс», лучшей игры всех времен и народов.

Отлично. Вот и хороший повод свалить с занятий. Сидеть в школе по пятницам — тоска зеленая.

Я вприпрыжку преодолел остаток пути до Бенсона, вплыл в дверь и приветливо помахал.

— Да это же Дабл-ю-один-эн-пять-ти-ноль-эн собственной персоной, — любезно встретил меня Фредрик Бенсон: номер в системе социального страхования 545-03-2343, родился 15 августа 1962 года, девичья фамилия матери Ди Бона, место рождения Петалума. Ростом он намного

выше меня. Я со своими ста семьюдесятью двумя сущий карлик перед его двухметровой громадой. Его лучшие баскетбольные дни остались далеко позади, и грудные мускулы, когда-то могучие, безобразно отвисли и колыхались под извечными футболками поло — бесплатными рекламными подарками от какой-то компании. Вид у него всегда был кровожадный — того и гляди оторвет тебе голову. А для пущего эффекта говорил он только на повышенных тонах. Но когда слышишь это по многу раз, перестаешь обращать внимание.

— Как-как? Это что-то вроде R2D2? — Я невинно захлопал глазами. — Простите, никогда о нем не слышал.

— W1n5t0n, — повторил он по буквам, впился в меня испепеляющим взором и стал ждать, пока я увяну. Разумеется, это был мой ник, я пользовался им уже много лет, постил сообщения на форумах, когда вносил свой вклад в дело исследования прикладных систем безопасности — то есть смывался с уроков, отключая устройства, вычисляющие местонахождение телефона. Но он-то не знал, что этот ник мой. Знали лишь немногие, те, кому я полностью доверял.

— Гм, мне это ни о чем не говорит, — упорствовал я. Под этим ником я проделал немало

интересного — например, придумал, как отключать следящие чипы, чем и горжусь. Если Бенсон сумеет сопоставить эти две стороны моей личности, мне не поздоровится. К счастью, никто в школе, даже близкие друзья, не называет меня W1n5t0n или даже Винстоном. Для всех я Маркус — только так, и не иначе.

Бенсон откинулся на спинку кресла и нервно побарабанил пальцами по пресс-папье. Он так всегда делает, когда чувствует, что дела не клеятся. В покере для таких вещей даже специальный термин есть — «теллс», наводка то есть. Знак, который дает понять, что творится у противника в голове. Наводки Бенсона я знаю вдоль и поперек.

— Маркус, надеюсь, ты понимаешь, что дело серьезное.

— Обязательно пойму, сэр, как только вы объясните, в чем дело. — Я всегда обращаюсь к власть имущим «сэр», когда прикалываюсь над ними. Это моя собственная наводка.

Он покачал головой и опустил глаза — еще одна наводка. Вот-вот разорется.

— Слушай, малый, пойми наконец, что мы знаем обо всех твоих проделках и не собираемся спускать тебе это с рук. И если тебя сегодня же не вышвырнут, считай, тебе повезло. Хочешь

нормально закончить школу?

— Мистер Бенсон, вы так и не объяснили, в чем же дело…

Он хлопнул ладонью по столу и погрозил мне пальцем.

— Дело, мистер Яллоу, в том, что ты организовал преступный сговор с целью подорвать школьную систему безопасности и снабдил своих товарищей средствами обхода защитных мер. Тебе известно, что на прошлой неделе мы отчислили Грасиелу Уриарте за то, что она использовала одно из твоих устройств.

Да, Грасиеле влетело по первое число. Она купила в какой-то лавчонке у метро на Шестнадцатой улице передатчик радиопомех и включила его в школьном коридоре. Я тут ни при чем, но мне ее жаль.

— И вы думаете, тут замешан я?

— У нас есть надежные доказательства, что w1n5t0n — это ты. — Он опять произнес это по буквам и цифрам. Видимо, даже не догадывается, что 1 — это i, а 5 заменяет s. — Нам известно, что этот w1n5t0n в прошлом году похитил задания к контрольным работам. — На самом деле это сделал не я, но та кража была выполнена красиво, и даже стало лестно, что ее приписывают мне. — И

следовательно, он рискует сесть за решетку на несколько лет, если ты не станешь сговорчивее.

— Говорите, у вас есть надежные доказательства? А можно на них взглянуть?

Он пригвоздил меня взглядом.

— С таким отношением ты делу не поможешь.

— Если у вас есть доказательства, сэр, полагаю, вы можете вызвать полицию и передать дело им. Как я понимаю, вопрос очень серьезный, и мне бы не хотелось стоять на пути у полноценного расследования, проводимого компетентными органами.

— Хочешь, чтоб я вызвал полицию?

— И еще хорошо бы позвать моих родителей.

Наши взгляды скрестились над столом. Он, видимо, ожидал, что под его натиском я быстро сдамся. Не дождется! У меня есть особая манера изводить таких, как Бенсон. Я устремляю взгляд чуть левее его головы и повторяю про себя слова старинной ирландской песенки, бесконечной, строк на триста. При этом вид у меня получается спокойный и безмятежный, а противник тушуется.

«Крылышко у птички, а птичка на яичке, яичко в гнезде, а гнездо на листе, а листик на прутике, а прутик на веточке, а ветка на суку, а сук тот

на дубу, а дуб на болоте, на том, что в долине, о-о, о-о-о… На страшном болоте, что в страшной долине, о-о, о-о-о…»

— Так уж и быть, возвращайся в класс, — сдался он наконец. — Я тебя позову, когда понадобишься полиции.

— Может быть, лучше вызвать их прямо сейчас?

— Вызвать полицию — процедура сложная. Я-то надеялся уладить дело с тобой легко и быстро, но раз ты такой упрямый…

— Давайте я подожду их вместе с вами, — вызвался я. — Не волнуйтесь, я не спешу.

Он опять забарабанил пальцами, и я сжался в ожидании взрыва.

— Вон отсюда! — заорал он. — Прочь из моего кабинета, паршивец!

Я вышел, храня невозмутимое выражение. Ни в какую полицию он не позвонит. Если бы у него было что им предъявить, он бы их первым делом позвал. Просто он меня терпеть не может. Должно быть, услышал какие-то сплетни и понадеялся, что, если меня хорошенько припугнуть, я сам все выложу. Еще чего!

В прекрасном настроении я направился по коридору, стараясь шагать ровно и размеренно,

чтобы камеры, различающие людей по походке, уж наверняка опознали бы меня. Этими игрушками у нас вся школа утыкана. Система настолько идиотская, что просто прелесть. Установили ее в прошлом году. До этого на каждом углу стояли камеры распознавания лиц, но суд признал, что они противоречат Конституции. В итоге Бенсон с другими такими же параноиками из школьной администрации грохнул деньги из школьного бюджета на эти дурацкие аппараты, которые вроде бы должны были по походке отличать одного человека от другого. Ага, как же.

Я вернулся в класс и сел на место. Мисс Галвес поздравила меня с возвращением. Я распаковал школьный ноутбук и вошел в учебный режим. Эти скулбуки тут главные шпионы, регистрируют каждое нажатие, просматривают трафик, вылавливая подозрительные ключевые слова, отмечают каждое движение мышки, читают любую мимолетную мысль, какую вас угораздило выложить в интернет. Нам их вручили в прошлом году, и как только народ вычислил, что эти «бесплатные» игрушки стучат на нас да в придачу вываливают тонны назойливой рекламы, то их блестящий лоск сразу потускнел. Шпионские машины легли на плечи тяжким бременем.

Взломать школьный ноутбук оказалось делом плевым. Уже через месяц после того, как нам раздали эти машинки, в сети появился кряк, и ничего сложного в нем не было — всего лишь скачать образ DVD-диска, записать его на болванку, вставить в скулбук и загрузить, держа нажатыми определенные клавиши. Остальное проделывал инсталлятор, записанный на диск. Он ставил на компьютер кучу скрытых программ, спрятанных настолько хорошо, что их не могла обнаружить даже учебная часть, ежедневно выполнявшая удаленную проверку машин. Время от времени приходилось ставить обновления, чтобы ускользать от новейших способов этой проверки, но это было не так уж сложно — вполне приемлемая цена за то, чтобы иметь хоть какую-то власть над собственным компьютером.

Я запустил IMParanoid — секретный мессенджер, в котором можно было незаметно пообщаться прямо посреди урока. Дэррил был уже в сети.

> Эй, слышь! В игре новый этап начинается. Ну что, рванем?

> Ни за что. Если меня застукают в третий раз, точно выпрут. Сам знаешь. Давай

лучше после уроков.

> Сейчас будет большая перемена, а потом самостоятельные занятия. Это целых два часа. Успеем сбежать, выполнить задание и вернуться. Нас не хватятся. Соберу всю команду.

«Харадзюку Фан Мэднесс» — лучшая на свете игра. Я это уже говорил, но не грех и повторить. Это ARG — игра в альтернативной реальности. По сюжету компания японских подростков нашла в храме Харадзюку чудодейственный целительный камень. Поясню: Харадзюку — это район Токио, место, где зародились все крутые японские подростковые субкультуры последних лет. Так вот, за ребятами охотятся злобные монахи, жестокая якудза — японская мафия, таинственные инопланетяне, налоговые инспекторы, родители и в придачу взбесившийся искусственный интеллект. Организаторы посылают игрокам зашифрованные сообщения, мы должны разгадать их, найти место, где спрятана новая подсказка, разгадать и ее тоже, и так далее, и тому подобное.

Представьте себе, как прекрасным теплым днем вы бродите по улицам города, выискива-

ете неизвестно что, всматриваетесь во всяких чудиков, читаете объявления на столбах, заглядываете в магазинчики и лавчонки в поисках секретных знаков. Добавьте сюда увлекательную охоту за скрытыми намеками, ради которых надо пересмотреть множество старых-престарых фильмов, переслушать кучу песен, вникнуть в тонкости подростковой культуры со всего света и со всех времен. И все это выстроено как соревнование между командами по четыре человека, в котором победителей ждет главный приз — десять дней в Токио. Эти счастливчики будут гулять по мосту Харадзюку, зависать в гиковских магазинчиках Акихабары, привезут домой кучу сувениров с Астро-Боем. Правда, в Японии его называют Атом-Боем.

Вот что такое «Харадзюку Фан Мэднесс»! Стоит вам решить головоломку-другую, и пиши пропало — вы уже не сможете оторваться.

> Нет, старик. Ни за что. Даже не проси
> Дэр, ты мне нужен. Ты лучше всех в команде. Я сделаю так, что мы выберемся из школы и вернемся обратно, и никто ничего не заметит. Ты же знаешь, что мне это под силу, верно?

> Знаю

> Ну так что, идем?

> Сказал же, нет

> Да ладно тебе. Вряд ли на смертном одре ты пожалеешь, что слишком мало просиживал штаны на уроках

> Вряд ли я на смертном одре пожалею, что слишком мало играл в ARG

> Но, может быть, на смертном одре ты пожалеешь, что слишком мало бывал с Ванессой Пак?

Ван — девчонка из моей команды. Она учится в женской частной школе в Ист-Бэй, и я знал, что она вырвется оттуда и пойдет со мной на эту миссию, чего бы ей это ни стоило. Дэррил не сводит с нее глаз уже много лет. Он начал сохнуть по ней еще до того, как период полового созревания одарил ее приятными округлостями. Дэррил полюбил ее не за красоту, а за умственные способности. Печально, но факт.

> Чтоб тебя

> Значит, идешь?

Он посмотрел на меня и покачал головой. Потом кивнул. Я подмигнул ему и стал налаживать

связь с остальной командой.

* * *

Я не всегда увлекался ARG. Открою вам свою страшную тайну: раньше я был ролевиком. Играл в настоящие ролевые игры, действие которых происходит не в альтернативной, а в обычной нашей реальности. Разгуливал в причудливых костюмах, говорил, коверкая слова, изображал то супершпиона, то вампира, то средневекового рыцаря. Веселухи не меньше, чем когда гонщики на монстр-карах устраивают «взятие флага», но при этом с примесью школьного драмкружка. Самые крутые игры затевались в скаутских лагерях за городом, где-нибудь возле Сономы или на Полуострове. Эти трехдневные эпопеи были нехилым испытанием. Мы проводили целые дни в пеших походах, затевали геройские битвы на бамбуковых мечах в пенопластовой оболочке, накладывали друг на друга чары, бросаясь фасолинками из мешочков и крича «Огненный шар!», — словом, чего только не вытворяли. Классная развлекуха, хоть и немного глуповатая. Уж всяко лучше, чем, сидя за столом, заваленным банками диет-колы и цветными картинками, обсуждать с такими же чудиками очередной

замысел твоего эльфа. И для здоровья полезнее, чем целыми днями зависать перед компьютером, еле шевеля мышкой, в какой-нибудь многопользовательской игре.

Больше всего шишек на наши головы валилось во время мини-игр в отелях. Всякий раз, когда в городе проходил фестиваль научной фантастики, кто-нибудь из наших ролевиков убеждал организаторов, что для полноты картины неплохо бы подключить к делу и нас. И мы затевали в арендованных залах беготню часиков на шесть. Толпа восторженных ребятишек в нелепых костюмах, конечно, добавляла мероприятию красочности, а нам было приятно порезвиться среди людей еще более повернутых, чем мы.

Но беда была в том, что не всем постояльцам отелей нравится такая кутерьма. В тех же коридорах обитают нормальные люди. Которые не ходят на голове, не читают фантастику. Они просто приехали отдохнуть. Из глухих провинциальных штатов.

И эти люди не всегда правильно воспринимали особенности наших игр.

Впрочем, хватит об этом.

* * *

До конца урока осталось всего десять минут, и времени на подготовку было совсем мало. Первым делом надо было одолеть эти настырные камеры идентификации людей по походке. Как я уже говорил, сначала в школе поставили систему распознавания лиц, но она была признана не соответствующей Конституции. Насколько мне известно, еще ни один суд не успел решить, соответствуют ли Конституции эти шагомерные системы, и, пока юристы разбираются, нам придется как-то приспосабливаться.

Походка — это ваша манера двигаться. Она у каждого своя. Люди хорошо различают ее. Когда в следующий раз окажетесь на природе с ночевкой, обратите внимание, как покачивается фонарь, когда к вам из темноты направляется друг. Скорее всего, вы, глядя на лучик света, издалека поймете, кто там идет. Наши обезьяньи мозги прекрасно улавливают микроскопические особенности давно знакомых движений.

Программы распознавания походки фотографируют ваши движения, пытаются выделить на картинке ваш силуэт и сравнивают этот силуэт с базой данных, чтобы понять, кто вы такой. Это

такой же биометрический идентификатор, как отпечатки пальцев или рисунок сетчатки, однако дает гораздо больше коллизий. Биометрической коллизией называется ситуация, при которой результаты измерений могут принадлежать не одному человеку, а сразу нескольким. Ваши отпечатки пальцев свойственны только вам, но похожей манерой двигаться могут обладать разные люди.

Нет, конечно, люди ходят не совсем одинаково. Ваша походка, если измерить ее очень тщательно, сантиметр за сантиметром, свойственна только вам и больше никому. Но беда в том, что ваша скрупулезно измеренная походка может меняться в зависимости от внешних обстоятельств: от того, сильно ли вы устали, чем выстлан пол, не потянули ли вы лодыжку на уроке физкультуры и не жмут ли новые ботинки. Так что система рисует ваш профиль немного расплывчато и выискивает людей, которые ходят примерно как вы.

Но дело в том, что на свете есть множество людей, которые ходят примерно как вы. Мало того, вам и самому не составит труда изменить походку — достаточно снять один ботинок. Конечно, в этом случае вы будете ходить так, как

всегда ходите в одном ботинке, и камеры рано или поздно вычислят, что это все равно вы. Вот почему я добавляю в свои атаки элемент случайности — подсыпаю в каждый ботинок горсточку гравия. Дешево и сердито, и каждый шаг будет отличаться от других. В придачу к этому вы получите прекрасный рефлексологический массаж обеих стоп. (Шучу, шучу. От рефлексологии как науки пользы примерно столько же, как от распознавания походки.)

Поначалу камеры настроили так, чтобы они включали тревогу, если на территорию школы ступит нога незнакомого им человека.

Ух, что тут началось!

Тревога включалась каждые десять минут. Когда почтальон приносил письма. Когда приходили чьи-то родители. Когда ремонтная бригада чинила инвентарь на спортплощадке. Когда кто-нибудь из учеников являлся в новых ботинках.

Теперь система просто пытается отслеживать, кто, где и когда находится. Если кто-то выходит через ворота во время уроков, система проверяет, совпадает ли его походка с кем-нибудь из учеников, и если да, то сирена поднимает бешеный вой.

Дорожки на школьной территории усыпаны

мелким гравием. Я всегда держу в сумке пригоршню-другую, просто на всякий случай. Я неслышно протянул Дэррилу штук десять-пятнадцать крошечных острых камушков, и мы зарядили ботинки.

Урок вот-вот закончится. И вдруг я вспомнил, что так и не заглянул на сайт «Харадзюку Фан Мэднесс» посмотреть следующую подсказку! Слишком увлекся подготовкой побега и даже не удосужился вычислить, куда мы, собственно говоря, бежим.

Я включил свой скулбук и пробежался пальцами по клавиатуре. Веб-браузер поставлялся вместе с машиной. Это была защищенная шпионская версия Internet Explorer, глючное майкрософтовское барахло, которым не пользуется ни один разумный человек моложе сорока лет.

У меня на флешке в часах был записан браузер Firefox. Но и это еще не все. На скулбуках работала Windows Vista4Schools, древняя операционная система, дающая школьным администраторам иллюзию того, что они могут контролировать, какие программы ученикам разрешено ставить, а какие нет.

Но Vista4Schools — сама себе злейший враг. На скулбуке установлено множество программ,

которые вы по ее замыслу не должны отключать. Это, например, клавиатурные перехватчики, регистрирующие каждое нажатие клавиш, фильтрующие программы, не дающие доступа куда не положено. И у всех этих программ есть особый режим, делающий их невидимыми для системы. Вы не можете закрыть их, потому что даже не видите, как они работают.

Любая программа, название которой начинается с SYS, невидима для операционной системы. Она не значится ни в директориях жесткого диска, ни в списке процессов диспетчера задач. Именно поэтому моя копия Firefox называется SYSFirefox, и, когда я запускаю ее, она становится невидимкой и для Windows, и для шпионских программ.

Теперь у меня есть автономный браузер, и нужно найти свободный от прослушки выход в интернет. Школьная сеть регистрирует каждый шаг и каждый клик, она не допустит, чтобы ты в учебное время развлекался на сайте «Харадзюку Фан Мэднесс».

Для таких целей придумана весьма хитроумная штуковина — TOR, или луковый маршрутизатор. Эта сеть с многослойной переадресацией представляет собой интернет-сайт, который

принимает запросы на посещение нужных тебе веб-страниц и перенаправляет их на другой луковый сервер, а тот — на третий, и так далее. Наконец один из этих узлов сочтет нужным заглянуть на заданную страницу и передать информацию обратно через сотни слоев «луковых одежек», пока она не вернется к тебе. Весь трафик луковых серверов зашифрован, а значит, школа не видит твоих запросов, при этом слои луковицы не знают, на кого они работают. В луковичной сети миллионы узлов. Эта система была создана американским Управлением военно-морских исследований, чтобы помочь обойти цензуру в таких странах, как Сирия или Китай, поэтому она идеально подходит для работы в обычной американской школе.

Браузер TOR работает потому, что в школе существует закрытый «черный список» подозрительных интернет-адресов, на которые нам запрещено заходить. А адреса узлов в луковой системе постоянно меняются, и школа не в состоянии отследить их все. Используя Firefox вместе с TOR, я становлюсь невидимкой, надежно укрытым от пристального взгляда школьного руководства. Я могу свободно зайти на сайт «Харадзюку ФМ» и посмотреть, что там затевается.

А вот и оно, новое задание. Как обычно бывает в этой игре, у него есть физическая, онлайновая и умственная составляющие. Онлайновый компонент — это головоломка, которую надо решить, предварительно найдя ответы на множество непростых вопросов. На этот раз вопросы вертятся вокруг сюжетов додзинси — фанатского творчества, созданного любителями манга, японских комиксов. Книжки додзинси по толщине не уступают исходным комиксам манга, однако гораздо закрученнее, в них куча переплетающихся сюжетных линий и часто попадаются дурацкие песенки и бестолковые выходки. И конечно, полным-полно любовных историй. Каждому хочется увидеть, как их любимые персонажи мутят друг с другом.

Разберусь с этими головоломками вечером, когда вернусь домой. Их лучше решать всей командой. Каждый загружает себе сотни файлов додзинси и перелопачивает их, выискивая ответы.

Едва я записал все задания в блокнот, как прозвенел звонок, и мы приступили к побегу. Я украдкой высыпал гравий в голенища своих «бландстоунов» родом из Австралии — коротких, до щиколотки, сапог. В них очень удобно бегать

и карабкаться, к тому же они не имеют шнурков, поэтому легко снимаются и надеваются при проходе через рамки металлоискателей, которые нынче понатыканы на каждом шагу.

Еще, конечно, надо было ускользнуть от зоркого учительского глаза, но это день ото дня становилось все легче и легче. Наша дорогая администрация без конца добавляла к наблюдательным контурам очередные примочки, и с каждым новым колокольчиком или свистком в их душах крепла уверенность в том, что система абсолютно надежна и непроницаема. Мы в толпе двинулись по коридорам, направляясь к моему любимому боковому выходу. И на полпути Дэррил вдруг прошептал:

— Черт! Совсем забыл! У меня же в сумке библиотечная книга!

— С ума сошел? — Я втащил его в подвернувшийся туалет. С библиотечными книгами шутки плохи. В переплет каждой из них вклеены РЧИДы — маячки для радиочастотной идентификации. Проведя такой книгой перед считывающим устройством, библиотекарь регистрирует выдачу, и сразу становится ясно, все ли учебники в шкафу на месте или чего-то не хватает.

Но к тому же по этим маячкам школа может

следить за тобой. Вот вам еще один пробел в законодательстве: суд запрещает школам следить за учениками, однако отслеживать библиотечные книги не возбраняется, а выяснить, кто какую книгу взял, не так уж сложно.

У меня всегда при себе «чехол Фарадея» — кожаный мешочек с подкладкой из медной сетки. Он прекрасно блокирует радиоволны, заглушая маячки. Но такие чехольчики делаются для нейтрализации всякой мелочи вроде карточек, удостоверений личности и дорожных транспондеров для проезда по платным трассам, а не книг толщиной с…

— Неужели «Введение в физику»? — простонал я. Этот талмуд был размером с энциклопедический словарь.

Глава 2

— Ты же знаешь, в Беркли я хочу специализироваться по физике, — сказал Дэррил. Его отец преподавал в Калифорнийском университете Беркли, поэтому сын имел право на бесплатное обучение там. И в семье Дэррила никогда не стоял вопрос, куда ему идти после школы.

— Хорошо, но ты что, не мог изучать ее онлайн?

— Папа сказал, надо прочитать. И вообще, сегодня я не планировал никаких преступлений.

— Прогулять школу не преступление. А просто небольшое правонарушение. Почувствуй разницу.

— Маркус, что нам делать?

— Ну, спрятать ее я не могу, поэтому придется спалить.

Убить радиомаячок — это непростое искусство, сродни черной магии. Производители нарочно не сочиняют для таких маячков радиосигнал-убийцу, которым можно принудительно выключить устройство, потому что в противном случае злонамеренные покупатели будут бродить по ма-

газинам, оставляя за собой груды слепых и глухих товаров, потерявших свой невидимый штрихкод. Имея нужное оборудование, радиомаячки можно перепрограммировать, но у меня рука не поднимается проделывать это с библиотечными книгами. Это почти так же плохо, как вырывать страницы, потому что книгу с перепрограммированным маячком невозможно поставить на нужную полку и потом найти на своем месте. Она превращается в иголку в стоге сена.

Оставалось только одно: спалить эту штуковину. В буквальном смысле. Тридцать секунд в микроволновке гарантированно превратят любой маячок в безмолвную железку. Когда Дэррил вернет книгу в библиотеку, она не отзовется на запрос, тогда для нее просто изготовят новый маячок, запишут на него всю необходимую каталожную информацию и благополучно водрузят на полку.

Осталось только найти микроволновку.

— Через две минуты перемена закончится, и в учительской не останется ни души, — пообещал я.

Дэррил выхватил книгу и шагнул к двери.

— Даже не думай. Ни за что. Я возвращаюсь в класс.

Я схватил его за локоть и потащил обратно.

— Да ладно тебе. Все будет хорошо.

— В учительскую? Маркус, ты, наверно, не расслышал. Если я попадусь еще хоть раз, то меня точно выгонят. Понял? Вы-го-нят.

— Да не попадешься ты, — заверил я. Когда начнется урок, в учительской уж точно никого не останется. — Мы войдем с черного хода.

В комнате отдыха была небольшая кухонька, имевшая отдельный вход на случай, если кто-то из учителей заскочит выпить кофе. Там на маленьком холодильничке стояла микроволновка, пропахшая попкорном и пролитым супом.

Дэррил застонал. Я лихорадочно соображал.

— Слушай, звонок уже прозвенел. Если сейчас пойдешь в класс самоподготовки, тебе засчитают опоздание. Уж лучше вообще не показываться. А я могу запросто проникнуть в любое помещение на школьной территории и так же легко выйти оттуда. Ты уже видел, как я это проделывал. Не бойся, братан, с тобой ничего не случится, я этого не допущу.

Он опять застонал. Это одна из наводок Дэррила: начал хныкать — значит, вот-вот уступит.

— Пошли, — сказал я. И мы тронулись в путь.

Все прошло без сучка без задоринки. Мы обо-

гнули учебный корпус, спустились по черной лестнице в подвал, вышли оттуда по парадной лестнице и очутились прямо перед учительской. Из-за двери не доносилось ни звука. Я неслышно повернул ручку, втащил Дэррила внутрь и без единого шороха закрыл дверь.

С тех пор как я заходил сюда в прошлый раз, микроволновка стала еще грязнее.

— Ну и свиньи же у нас учителя, — выругался я. Дэррил, бледный и напуганный, промолчал. Я аккуратно завернул книгу в бумажные полотенца. Она еле-еле уместилась внутри.

Радиомаячок погиб, рассыпавшись фонтаном ярких искр. Красивое зрелище, хоть и не такое впечатляющее, как фейерверк, который происходит, если положить в микроволновку замороженную виноградину. Эффект поразительный — пока не увидите своими глазами, не поверите.

Теперь осталось только незаметно просочиться со школьной территории, и только нас и видели.

Дэррил открыл дверь, шагнул было наружу, я за ним по пятам. Миг — и он стоит у меня на мысках, упираясь локтями мне в грудь, и пятится, заталкивая меня обратно в микроскопическую кухоньку.

— Отходим! — с жаром прошептал он. — Живее! Там Чарльз!

Мы с Чарльзом Уокером не ладили. Учились в одном классе, знали друг друга с тех же самых пор, с каких я знаю Дэррила, но на этом сходство заканчивается. Чарльз всегда был рослым для своих лет, а теперь, когда занялся американским футболом и стал принимать гормоны, вымахал еще крупнее. Он никогда не умел сдерживать свою злость — в третьем классе в драке с ним я лишился молочного зуба — и, чтобы ему не влетало за жестокие выходки, заделался главным школьным стукачом.

Хулиган, который в придачу ябедничает, это кошмар. Он с превеликим удовольствием докладывал учителям обо всех проступках своих товарищей, даже о самых незначительных. Бенсон в нем души не чаял. Чарльз пустил слух, что у него какие-то трудноопределимые проблемы с мочевым пузырем, и под этим предлогом без конца отпрашивался в туалет, а сам бродил по школьным коридорам и высматривал себе жертву.

Именно из-за его стукачества мне в свое время пришлось бросить ролевые игры. Не хватало только снова попасться ему на глаза.

— Что он делает? — спросил я.

— Сюда идет, вот что, — отозвался Дэррил. Его трясло.

— Ладно, — сказал я. — Пора принимать экстренные меры предосторожности.

Я достал телефон. На такой случай у меня имелся давно заготовленный план. Скоро Чарльз поймет, что со мной лучше не связываться. Я отправил электронное письмо на домашний сервер, он ожил и стал выполнять заложенные в него команды.

Через несколько секунд телефон Чарльза забился в судорогах. На него одновременно обрушились десятки тысяч случайных звонков и эсэмэсок, и взбесившийся аппарат весело чирикал, щебетал, верещал и трезвонил на разные голоса, не умолкая ни на миг. Атака проводилась через ботнеты, и за это мне было немного стыдно, однако ради благой цели все средства хороши.

Ботнеты — это места, где зараженные компьютеры ведут свою незримую жизнь. Когда вы подцепите червя или вирус, компьютер пошлет сообщение об этом в IRC — ретранслируемый интернет-чат. В этом сообщении ваш комп известит ботмастера, который и подпустил вам червя, о том, что готов выполнять любые его приказы.

Ботнеты — штука очень мощная, потому что они могут объединять тысячи, даже десятки тысяч компьютеров, разбросанных по всему интернету и подключенных к хорошему высокоскоростному каналу. И эти тысячи быстрых домашних машин, в обычное время мирных и послушных своему владельцу, по приказу ботмастера внезапно восстают, как зомби из могил, и начинают повиноваться его воле.

В интернете так много зараженных компьютеров, что цена, запрашиваемая за аренду ботнета на часок-другой, резко упала. Чаще всего такие сети используются дешевыми спамерами, которые наводняют ваш почтовый ящик всем чем угодно — от рекламы таблеток для эрекции до новых вирусов, которые заразят ваш компьютер и подключат его к ботнету.

Я арендовал всего лишь 10 секунд работы трех тысяч персональных компьютеров, и каждый из них отправил на телефон Чарльза текстовое сообщение или голосовой IP-вызов. Спрашиваете, откуда я знаю номер Чарльза? Подсмотрел на бумажке на столе у Бенсона во время одного судьбоносного визита в его кабинет.

Ясное дело, телефон Чарльза был к таким сюрпризам не готов. Оснащения не хватало. Сначала

эсэмэски под завязку заполнили память, и аппарат стал захлебываться на простейших операциях — он уже не мог ни подавать звуковые сигналы, ни регистрировать номера входящих звонков, разумеется фальшивые. Кстати, знаете ли вы, что вызывающий номер очень легко подменить? Введите в поисковик «подмена телефонных номеров», и вам предложат штук пятьдесят разных способов.

Чарльз ошалело уставился на свой взбесившийся телефон, пошевелил густыми бровями, стал яростно тыкать пальцем во все кнопки, пытаясь изгнать бесов, вселившихся в его самый любимый и близкий аппарат. До этой минуты мой план работал безукоризненно, но дальше что-то пошло не так. Я рассчитывал, что Чарльз уйдет, забьется в какой-нибудь укромный уголок и станет думать, как починить свихнувшуюся трубу. А он торчал на месте. Тут Дэррил тряхнул меня за плечо, и я нехотя отвел глаза от щелочки между дверью и косяком.

— Что он там делает? — шепнул Дэррил.

— Я ему мобилу вырубил. А он никуда не уходит, только стоит и пялится на нее.

Вернуть к жизни его девайс будет нелегко. Придется повозиться. Поскольку память забита

до отказа, он не сможет загрузить программу, которая одним махом сотрет все груды мусора. А функции «Удалить все сообщения» в его телефоне нет, поэтому придется ему вручную выковыривать одну за другой все эти тысячи эсэмэсок.

Дэррил отодвинул меня и прильнул к щели одним глазом. Через мгновение его плечи заходили ходуном. Я было испугался, решил, что он бьется в истерике, но нет: он обернулся, и стало ясно, что он хохочет. Еле сдерживается, чтобы не заржать в голос, аж слезы по щекам текут.

— Его Галвес застукала. Видел бы ты, какую она ему дала взбучку! Оттаскала по полной программе — и за то, что прогуливает уроки, и за телефон в придачу.

Мы торжественно пожали друг другу руки, выскользнули в коридор, спустились по лестнице, вышли через боковой вход, миновали школьную ограду — и вот оно, теплое послеполуденное солнышко! Мы шли по улице Валенсии, и никогда еще наш родной район не казался таким прекрасным.

Я посмотрел на часы и охнул:

— Идем скорей! Через двадцать минут мы должны быть у фуникулера! Там ждут все наши.

* * *

Ван заметила нас первой. Она смешалась с группой корейских туристов — это ее любимый способ маскироваться, когда прогуливает. Еще до появления платформ, куда каждый может настучать на прогульщика, в мире было полным-полно не в меру любопытных лавочников и прочих лицемеров — они с превеликим удовольствием снимали сачкующих студентов и выкладывали фотки в интернет на радость школьной администрации.

Ван откололась от толпы и направилась к нам. Дэррил был без ума от нее с ранних лет, и она милостиво делала вид, будто ничего не замечает. Она обняла меня, шагнула к Дэррилу и по-сестрински чмокнула его в щеку, отчего он залился краской до ушей.

Забавная из них пара. Дэррил немного полноват, хотя двигается легко, лицо у него розоватое, и, стоит ему хоть чуть-чуть пробежаться или разволноваться, щеки наливаются ярким пунцовым румянцем. Лет в четырнадцать он сумел отрастить бородку, однако после недолгого периода, прозванного в нашей компании «эпохой Линкольна», к счастью, стал бриться. И он высок.

Очень, очень высок. Как баскетболист.

А Ван на полголовы ниже меня и худющая, как щепка. Длинные черные волосы она заплетает в замысловатые косички, почерпнутые в интернете. Лицо у нее красивого медного оттенка, глаза темные, руки унизаны толстыми стеклянными браслетами, которые позвякивают, когда она танцует.

— А где Джолу? — спросила она.

— Привет, Ван, как поживаешь? — придушенным голосом спросил Дэррил. Рядом с ней он всегда отстает от беседы на один шаг.

— Отлично, Дэр. А как ощущаешь себя ты — в целом и в мелких деталях?

Безжалостный она человек. Дэррил чуть в обморок не хлопнулся.

От прилюдного позора его спас Джолу, еще один из нашей великолепной четверки. Его полное имя — Хосе-Луис Торрес. Он щеголял в просторной кожаной куртке, модных кроссовках и бейсболке с сеточкой на затылке и начертанным спереди именем Эль Санто — младшего — нашего любимого мексиканского борца. Джолу учится в католической школе в Аутер-Ричмонде. Там очень строгие правила, и ускользнуть оттуда нелегко. Но ему это всегда удается — ни-

кто не умеет просачиваться через контрольные системы лучше, чем наш Джолу. Куртка ему нравилась, во-первых, потому, что была длинная, а это в некоторых районах города считалось очень стильным, а во-вторых, под ней легко скрывалась католическая школьная форма, которая как магнит притягивала любителей совать нос не в свои дела — при виде учеников в такой форме они хватались за телефон и сообщали о прогульщике в школу.

Наконец все перездоровались, и я спросил:

— Ну что, готовы? — Я достал телефон и показал недавно скачанную карту. — Как я понимаю, нам опять надо идти вверх до Никко, потом один квартал до О'Фаррелл, затем налево к Ван-Несс. Где-то там ловить беспроводной сигнал.

Ван наморщила носик.

— Не могли найти местечко получше.

Возразить было нечего. Этот район считался очень стремным. Выйдите из отеля «Хилтон» через парадный вход — и очу́титесь в самом популярном туристическом месте: конечная станция фуникулера, уютные семейные ресторанчики. Но покиньте отель с другой стороны — и вы в Тендерлойне, злачном месте, где тусуются прибабахнутые проститутки-трансвеститы,

шныряют прилипчивые сутенеры, перешептываются наркоторговцы и шатаются бездомные. До товаров, которыми там промышляют, никто из нашей четверки еще не дорос, хотя немало девчонок нашего возраста торгуют там собой.

— С другой стороны, — сказал я, — если там и появляться, то только при дневном свете. Никто из игроков носа туда не сунет по меньшей мере до завтра. И у нас появится великолепнейшая фора.

— Тебя послушать, так все не так уж плохо, — ухмыльнулся Джолу.

— Уж всяко лучше, чем жрать морских ежей, — отозвался я.

— Будем болтать дальше или займемся наконец делом? — осведомилась Ван. Она в нашей команде самая фанатичная — после меня, конечно. Всей душой стремится к победе и ни за что не отступит.

И мы, четверо верных друзей, тронулись в путь, чтобы расшифровать подсказку и победить в игре. Знали бы мы, что в конце пути навсегда лишимся всего, что нам было дорого.

* * *

Физической стороной сегодняшнего задания был набор GPS-координат — они были разными

для всех крупных городов, в которых шла игра «Харадзюку Фан Мэднесс». По этим координатам надо было найти точку доступа в сеть Wi-Fi. Ее сигнал нарочно глушился другой точкой, замаскированной так, что ее нельзя было найти обычным вайфайндером — крошечным устройством величиной с брелок, которое сообщает, имеется ли недалеко от вас чья-нибудь открытая точка доступа с бесплатным выходом в сеть.

От нас требовалось найти расположение «скрытой» точки, измеряя сигнал «видимой». О том, что цель близка, говорило место, где сигнал таинственным образом слабел. Здесь нас ожидала другая подсказка — в прошлый раз это было фирменное дневное блюдо в «Андзу», шикарном суши-ресторане в отеле «Никко» посреди Тендерлойна. Владельцем «Никко» была авиакомпания «Джапан Эйрлайнс», один из спонсоров «Харадзюку Фан Мэднесс», и, когда мы наконец вычислили подсказку, весь персонал поднял вокруг нас невиданную суету. Нам налили супа мисо, заставили попробовать уни — это такие суши с икрой морских ежей, по консистенции они похожи на мягкое масло, а по запаху — на собачий понос. Но на вкус — объедение. Об этом рассказал Дэррил. Лично я эту дрянь в рот не возьму.

Я поймал сигнал Wi-Fi телефонным радиопеленгатором кварталах в трех вверх по О'Фаррелл, недалеко от перекрестка с Гайд-стрит, у дверей сомнительного заведения под названием «Азиатский массажный салон», где на окне мигала красная табличка «Закрыто». Сеть называлась «ХарадзюкуФМ», значит, мы на верном пути.

— Если оно не здесь, я дальше не пойду, — предупредил Дэррил.

— У всех есть искатели? — спросил я.

У Дэррила и Ван были телефоны со встроенными пеленгаторами. А Джолу у нас крутышка и не признает телефонов размером больше мизинца, поэтому пользуется автономным брелочком.

— Итак, расходимся и прочесываем. Ищем место, где уровень сигнала резко падает, и направление, в котором он ослабевает еще сильнее.

Я шагнул назад и наступил кому-то на ногу. За спиной охнул женский голос, и я резко обернулся. Наверно, сломал каблук какой-нибудь ошалелой шлюхе и за это получу перо в бок.

Но вместо шлюхи я очутился нос к носу с девчонкой моих лет. Копна ярко-розовых волос, лицо остренькое, как у мышонка, огромные солнечные очки, в которых, наверно, не страшно сесть за штурвал самолета. На ней было черное

старушечье платье, увешанное десятками мелких японских побрякушек — тут и герои аниме, и мировые лидеры прошлых эпох, и эмблемы заграничной газировки. Из-под платья торчали ноги в полосатых колготках.

Девчонка подняла фотоаппарат и щелкнула меня вместе с командой.

— Улыбочку, — сказала она. — Вас снимает скрытая камера.

— Только попробуй, — угрожающе произнес я.

— И попробую, — пообещала она. — Через тридцать секунд отправлю ваше фото в систему отслеживания прогульщиков. Ваше единственное спасение — свалить отсюда и дать нам с подругами обшарить это место. Можете вернуться через час и продолжить поиски. По-моему, очень даже справедливо.

За спиной у нее стояли еще три девицы в похожих прикидах. У одной волосы были синие, у другой зеленые, у третьей фиолетовые.

— Это что у вас за леденцовая бригада?

— Наша команда вчистую размажет вас в «Харадзюку Фан Мэднесс», — заявила она. — А я сию же секунду загружу вашу фотку, и вам ой как не поздоров…

Ван рванулась вперед. Я даже не услышал это, а

скорее почувствовал. Ее девчачья школа славится жестокими потасовками, и у Ван хватит сил разделать эту красотку под орех.

И в это мгновение наш прежний мир полетел ко всем чертям.

Сначала мы ощутили, как тошнотворно, головокружительно всколыхнулся асфальт под ногами. С этим инстинктивно знаком каждый калифорниец. Землетрясение! В первый миг мне, естественно, захотелось убежать и спрятаться. «Если страшно, не молчи — топай, бегай и кричи!» Однако я быстро сообразил, что мы и так находимся в самом безопасном месте. Не в здании, которое вот-вот рухнет, не посреди дороги, где нам на головы будут сыпаться обломки опорных конструкций, вылетающих из соседних домов.

Землетрясения — по крайней мере вначале — происходят в жуткой, зловещей тишине. А сейчас тишины не было и в помине. В воздухе стоял оглушительный гул — я такого громкого никогда не слыхивал. Он пронизывал тело до мозга костей, давил так, что подкосились колени. И не только у меня. Дэррил схватил меня за руку и указал куда-то вверх, над крышами домов. Там, на северо-востоке, где-то над Заливом, медленно

вздымалось к небу огромное черное облако.

Снова загрохотало, черная туча разрослась, расползлась в стороны зловещим грибом, какой мы много раз видели в кино. Там что-то взорвалось. Что-то очень большое.

Опять громыхнуло, опять затряслась земля. Из окон стали высовываться люди. И все в молчании смотрели на черный дымный гриб.

Потом взвыли сирены.

Такие сирены я уже слышал много раз — по вторникам в полдень проводятся испытания систем гражданской обороны. Но внезапно, не по графику, они включаются только в старых фильмах о войне да в видеоиграх, когда кто-то кого-то бомбит. Сирены воздушной тревоги. От их заунывного воя все происходящее казалось еще нереальнее.

— Немедленно укройтесь в убежищах! — прогремело, будто глас божий, со всех сторон сразу. Никогда раньше не замечал, что на некоторых электрических столбах установлены громкоговорители. И теперь они заголосили все разом. — Немедленно укройтесь в убежищах!

Каких еще убежищах? Мы растерянно переглянулись. Облако медленно, неудержимо росло. Может быть, оно ядерное? И мы вот-вот испустим

последний вздох?

Девчонка с розовыми волосами подхватила подружек, и они помчались вниз, к станции метро у подножия холма.

— НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ В УБЕЖИЩАХ!

Поднялся крик и гвалт, все куда-то бежали. Кинулись врассыпную туристы — их легко отличить, они считают, что в Калифорнии всегда тепло, и, приезжая в Сан-Франциско, стучат зубами в шортах и маечках.

— Надо сматываться! — проорал мне в ухо Дэррил. Я его еле расслышал сквозь этот гвалт. К воздушной тревоге присоединились и обычные полицейские сирены. Мимо с воем промчался десяток патрульных машин.

— НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ В УБЕЖИЩАХ!

— Идем к метро! — крикнул я в ответ. Друзья кивнули, и мы тесной кучкой торопливо зашагали по улице, идущей под уклон.

Глава 3

Дорога к станции «Пауэлл-стрит» была запружена народом. Одни бежали, другие шли, кто-то молча плелся, побледнев от ужаса, кто-то вопил и метался в панике. Бездомные забились под козырьки подъездов и в ужасе взирали на все это, а рослый чернокожий трансвестит орал что-то двум молодым усачам.

Чем ближе к метро, тем плотнее становился людской поток. На лестнице, ведущей вниз, началась настоящая давка. Огромная толпа раскачивалась, толкалась и пихалась, силясь втиснуться в узкий коридор. Меня прижало щекой к чьей-то широкой спине, в спину уперся тяжелый кулак.

Дэррилу удавалось держаться рядом со мной — такого великана не отпихнешь. За ним, буквально цепляясь за пояс, плелся Джолу. А Ванессу людской поток отнес на несколько метров в сторону.

— Ах ты, гад! — услышал я ее пронзительный вопль. — Убери руки, подонок!

Я вытянул шею и сквозь толпу разглядел, как

какой-то прилично одетый старикашка пытается прижаться к Ван, а она испепеляет его взглядом. Она копалась в сумочке, и я догадался, что она там ищет.

— Не газуй его! — заорал я, перекрывая гвалт. — Нас всех зацепишь!

При слове «газуй» старикашка испуганно попятился, но людской поток упрямо выталкивал его вперед. Чуть поодаль женщина в хипповском платье пошатнулась и упала. Я слышал ее крики, видел, как она барахтается, пытаясь встать, однако напор был слишком велик. Оказавшись ближе, я хотел ей помочь, наклонился, и меня самого чуть не опрокинули. Толпа понесла меня дальше, и я нечаянно наступил ей на живот, но, по-моему, она уже ничего не чувствовала.

Мне было страшно как никогда. Со всех сторон кричали, под ногами все чаще попадались тела, а сзади толпа неумолимо напирала, как бульдозер. В голове крутилась только одна мысль: удержаться бы на ногах.

Мы очутились в просторном вестибюле с турникетами. Тут было не лучше: в замкнутом пространстве голоса отражались от стен, громыхали гулким эхом и звенели в голове, а от запаха и напора бесчисленных тел накатил приступ клау-

строфобии. Вот уж не знал, что я ею страдаю!

А сверху по лестнице прибывали все новые и новые люди, давка перед турникетами стала еще сильнее, толпа спускалась по эскалатору и выплескивалась на платформу, и стало ясно: ничем хорошим это не кончится.

— Может, попробуем выбраться наверх? — предложил я Дэррилу.

— Да, — горячо поддержал он. — Тут нам хана.

Я поглядел на Ванессу — она меня не услышит. Тогда я сумел достать телефон и набрал ей сообщение.

> Уходим отсюда

Я видел, как она ощутила вибрацию телефона, посмотрела на экран и с жаром кивнула мне. Тем временем Дэррил связался с Джолу.

— Что будем делать? — прокричал мне на ухо Дэррил.

— Пробираться к выходу! — Я указал на сплошную стену человеческих тел.

— Не получится! — воскликнул он.

— Проторчим тут еще минуту, и тогда точно не получится!

Он пожал плечами. Ван чудом протолкалась ко мне и схватила за руку. Я вцепился в Дэррила, он

другой рукой стиснул плечо Джолу, и мы двинулись в путь.

Сказать, что было нелегко, — не сказать ничего. Сначала мы продвигались дюйма на три в минуту, ближе к лестнице темп снизился еще сильней. И все, мимо кого мы проталкивались, встречали нас отнюдь не радостно. Нас обругивали последними словами, а один парень, казалось, охотно двинул бы мне кулаком, если бы сумел высвободить руки. Под ноги попались еще трое упавших, но я ничем не мог им помочь. Честно сказать, в голове уже вообще не осталось мыслей о помощи. Я лишь выискивал перед собой хоть щелочку пространства, чувствовал на руке сильные пальцы Дэррила, мертвой хваткой сжимал Ван, идущую сзади.

Миновала вечность, и мы выскочили на свободу, как пробки от шампанского, щурясь от серого дымчатого света. Сирены воздушной тревоги всё еще завывали, их перекрывал рев машин скорой помощи, мчавшихся по Маркет-стрит. На улицах не осталось почти никого — все отчаянно пытались пробиться в метро. Многие плакали. Я заметил пустые скамейки — обычно на них тусуются алкаши — и двинулся туда.

Шли мы осторожно, пригибаясь и шарахаясь от

воя сирен. И почти у самых скамеек Дэррил вдруг завалился вперед.

Мы завопили, Ванесса подхватила его и повернула к себе. На боку по рубашке расползалось большое красное пятно. Она задрала край рубашки — на пухлом боку алела длинная глубокая рана.

— О господи! Видать, какой-то мерзавец в толпе пырнул его ножом, — стиснул кулаки Джолу.

Дэррил застонал, поднял глаза на нас, потом поглядел на раненый бок, опять застонал, и голова бессильно откинулась назад.

Ванесса скинула джинсовую куртку, сняла хлопчатый джемпер, скомкала и прижала к ране.

— Приподними ему голову, — велела она мне. — Так и держи. — Потом повернулась к Джолу: — А ты приподними ему ноги. Куртку подсунь, что ли.

Джолу не стал мешкать. У Ванессы мама медсестра, и Ван каждое лето в лагере проходит курс первой помощи. Обожает смотреть и потешаться, когда в кино, помогая раненым, люди совершают кучу глупостей. Я был рад, что она с нами.

Мы долго сидели, зажимая рану джемпером. Дэррил утверждал, что с ним все хорошо, и поры-

вался встать, но Ван всякий раз приказывала ему заткнуться, а не то получит по шее.

— Может, позвоним в 911? — предложил Джолу.

Ну и болван же я! Выхватил телефон, быстро набрал номер. В ответ услышал даже не сигнал «занято» — скорее жалобный стон дико перегруженной телефонной системы. Так бывает, если три миллиона человек одновременно пытаются набрать один и тот же номер. Кому нужны ботнеты, когда на свете есть террористы?

— А если посмотреть в Википедии? — сказал Джолу.

— Нет связи — нет данных, — ответил я.

— Может, их попросим? — Дэррил указал куда-то по улице. Я проследил его взгляд, ожидая, что увижу полицейских или парамедиков, но там никого не было.

— Ты полежи, старик, отдохни, — сочувственно произнес я.

— Да нет же, болван, я вон о них, о копах в машине! Вон там!

И верно. Каждые пять секунд мимо нас пролетали то полицейская машина, то скорая помощь, то пожарный фургон. Они могли бы нам помочь. Я и впрямь болван.

— Пойдем, — сказал я. — Выйдем туда, где нас смогут увидеть, и остановим кого-нибудь.

Ванессе эта затея не понравилась, но я счел, что в такой день, как сегодня, полиция, увидев на обочине машущего мальчишку, и не подумает притормозить. А вот если увидят Дэррила, истекающего кровью, то, может быть, остановятся. Мы заспорили. Распрю прекратил Дэррил — встал, пошатываясь, и заковылял к Маркет-стрит.

Первая машина — скорая помощь — с воем пролетела мимо, даже не сбавив ход. Точно так же просвистела машина полиции, потом пожарная, потом еще три полицейских. Дэррилу становилось все хуже — он побледнел как полотно и тяжело дышал. Джемпер Ванессы насквозь промок от крови.

Мне осточертело смотреть на пролетающие мимо машины. Завидев следующую, я выскочил прямо на дорогу, замахал руками, заорал: «Стой!» Машина замедлила ход, и я только тогда разглядел, что это не скорая помощь, не полиция и не пожарные.

К нам ехал джип военного образца, что-то вроде бронированного «хаммера», только безо всяких военных опознавательных знаков. Взвизгнув шинами, автомобиль остановился прямо рядом

со мной. Я отскочил, не удержался на ногах и грохнулся на асфальт. Открылась дверь, перед лицом замелькали ноги в тяжелых ботинках. Из фургона высыпал целый отряд людей с военной выправкой, в защитных комбинезонах, лица скрыты под противогазами, в руках тяжелые навороченные винтовки.

И не успел я и глазом моргнуть, как все эти винтовки нацелились на меня. Мне до сих пор не доводилось видеть перед собой ружейное дуло, но все рассказы об ощущениях, которые испытываешь в этот миг, чистая правда. Вы замираете как вкопанный, время останавливается, в ушах колотится кровь. Я открыл рот, потом закрыл, потом медленно, очень медленно поднял руки перед собой.

Безликий, безглазый человек держал меня на мушке, и винтовка в его руках не дрогнула. Я затаил дыхание. Ван что-то кричала, и Джолу тоже кричал, я обернулся к ним, и в тот же миг мне на голову накинули колючий мешок и затянули на шее — так проворно и сильно, что я едва успел глотнуть воздуха. Потом меня грубо и деловито перекатили на живот, заломили руки за спину, дважды скрутили чем-то жестким, вроде пластиковых стяжек. Они больно впились в кожу. Я

вскрикнул, но мешок не пропустил ни звука.

Меня окружила кромешная темнота. Я напряг уши, пытаясь понять, что происходит с друзьями. Слышал сквозь мешковину их приглушенные крики. Меня поставили на ноги, грубо дернув за связанные руки. Плечевые суставы отозвались острой болью.

Я споткнулся, чья-то рука наклонила мне голову и втолкнула в «хаммер». Вслед за мной запихнули еще несколько человек.

— Ребята! — закричал я и заработал тяжелый подзатыльник. Услышал ответный крик Джолу, потом такой же подзатыльник, доставшийся ему. Голова загудела, как колокол. — Послушайте, — сказал я солдатам. — Мы обыкновенные школьники. Я хотел остановить вас, потому что мой друг истекал кровью. Ему в толпе всадили нож. — Понятия не имею, многое ли из моих слов просачивалось сквозь плотную мешковину. Но я все равно продолжал: — Поймите, тут какое-то недоразумение. Мы хотели доставить нашего друга в больницу…

Мне на голову опять обрушился удар. Похоже, дубинкой или чем-то еще. Никогда меня еще не били так сильно. Перед глазами все поплыло, хлынули слезы, я буквально не мог вздохнуть.

Через мгновение стало легче, но я приумолк. Урок пошел впрок.

Что это за отморозки? Знаков различия нет. Может, террористы? До сих пор я не очень-то верил в террористов. Точнее, знал теоретически, что где-то на свете есть какие-то террористы, но не считал, что они представляют опасность лично для меня. Этот мир способен разделаться с вами миллионом различных способов — для начала, например, вы можете очутиться на пути у пьянчуги, бредущего по Валенсии. И все эти способы гораздо более вероятны и неотвратимы, чем террористическая угроза. От рук террористов погибло гораздо меньше народу, чем в результате падения в ванной или от случайного удара электричеством. Опасения насчет встречи с ними всегда казались мне столь же обоснованными, как страх перед ударом молнии.

Но, трясясь на заднем сиденье этого «хаммера», с мешком на голове, связанными руками и набухающими кровоподтеками, я вдруг остро ощутил, что терроризм — штука вполне реальная.

Машина, раскачиваясь, карабкалась вверх по склону. По моим прикидкам, мы направлялись куда-то на Ноб-Хилл и, судя по уклону, выбрали не самый пологий маршрут — должно быть,

по Пауэлл-стрит.

Потом начался столь же крутой спуск. Если меня не обманывает пространственная память, путь лежал к Рыбацкой пристани. Для террористов маршрут вроде бы вполне логичный — там можно сесть на катер и уйти в море. Но за каким чертом террористам понадобилось похищать компанию школяров?

Машина остановилась прямо на склоне. Мотор заглох, двери распахнулись. Меня вытащили за руки, повели, подталкивая, по бугристой мостовой. Через несколько секунд я споткнулся о ступеньку железной лестницы и больно ушиб лодыжки. В спину подтолкнули еще сильней. Со связанными за спиной руками я стал осторожно подниматься. Преодолел третью ступеньку, стал нащупывать четвертую, но ее не было. Я опять чуть не упал, меня снова подхватили, на сей раз спереди, поволокли по железному полу, поставили на колени и пристегнули руки к чему-то за спиной.

Послышались шаги, и я почувствовал, как рядом со мной приковывают других пленников. Стоны, приглушенные звуки. Смех. Потом время будто остановилось. На целую вечность я остался в безмолвном сумраке, где слышалось только

мое сдавленное дыхание да бродили в голове горькие мысли.

* * *

Я даже ухитрился немного поспать — стоя на коленях с пережатыми венами на ногах, с застилающим свет мешком на голове. За тридцать минут организм выбросил в кровь годовой запас адреналина — на пике воздействия это вещество придает вам столько сил, что вы с легкостью поднимаете автомобиль, наехавший на ваших близких, или перепрыгиваете через высоченные преграды. Но последствия всегда мучительны.

Проснулся оттого, что кто-то стянул с меня мешок. Человек действовал не грубо и не заботливо, просто равнодушно. Словно работник «Макдоналдса», готовящий бургеры.

Комнату заливал яркий свет, и я зажмурился. Приоткрыл глаза сначала чуть-чуть, потом еще немного и наконец осмотрелся.

Мы все сидели в крытом кузове огромной большегрузной фуры. Через равные промежутки виднелись колесные арки. Здесь устроили нечто вроде передвижного командного пункта вместе с тюрьмой. Вдоль стен тянулись стальные столы, над ними висели тонкие мониторы на

суставчатых консолях, позволявших разворачивать их кольцом перед операторами. Перед каждым столом стояло роскошное офисное кресло с бесчисленными рукоятками, позволявшими регулировать каждый миллиметр сидячего пространства, а также высоту, глубину и наклон.

В передней части кузова, подальше от дверей, была устроена тюрьма. Ее отгораживали стальные брусья, привинченные к стенам, и к этим брусьям были прикованы пленники.

Я сразу заметил Ван и Джолу. Дэррил, наверно, где-то в глубине, но разглядеть его было невозможно — человек десять других прикованных пленников сидели, бессильно ссутулившись, и полностью закрывали обзор. В воздухе висел резкий запах пота и страха.

Ванесса поймала мой взгляд и прикусила губу. Ей было страшно. Мне тоже. И Джолу тоже — его глаза бешено вращались, сверкая белками. И мне было страшно. Хуже того, я до безумия хотел в туалет.

Я окинул взглядом наших мучителей. До сих пор я избегал на них смотреть — точно так же мы боимся заглядывать в темный шкаф, где напридумывали себе чудовище. А вдруг окажется, что оно не выдумка? Лучше не смотреть.

Но надо было получше присмотреться к этим мерзавцам, которые нас похитили. Кто они? Террористы? Я понятия не имел, как выглядят террористы, хотя телевизор услужливо подсовывал нам картинку смуглых арабских бородачей в вязаных шапках и длинных хлопчатых балахонах.

Но наши тюремщики на эту картинку не походили. Они с легкостью могли бы выступать на разогреве зрителей перед Суперкубком. В них было что-то бесспорно американское — я даже не смог бы определить, почему так решил. Квадратные подбородки, короткие аккуратные стрижки, но не военного фасона. Среди них были и белые, и темнокожие, и мужчины, и женщины, они сидели в дальнем конце фургона, улыбались друг другу, перешучивались и пили кофе из бумажных стаканчиков. Больше похожи на туристов из Небраски, чем на афганских бандитов.

Я впился взглядом в одну из них — молодую белую девушку с каштановыми волосами, на вид ненамного старше меня, довольно симпатичную даже в старомодном деловом костюме. Если долго смотреть на человека, он в конце концов взглянет на вас. Так и случилось. Ее лицо сразу стало другим — бесстрастным, даже механическим, как

у робота. И улыбка мгновенно погасла.

— Привет, — сказал я. — Понятия не имею, что тут происходит, но, слушай, мне очень надо отлить.

Она смотрела сквозь меня, будто не слышала.

— Я серьезно. Если срочно не доберусь до сортира, выйдет очень неловко. И запах тут будет соответствующий.

Она обернулась к коллегам, тихо посовещалась с троими из них — сквозь шум компьютерных вентиляторов я не расслышал ни слова.

Потом обернулась ко мне.

— Потерпи еще минут десять, и каждого из вас выведут облегчиться.

— Вряд ли я продержусь еще десять минут. — Я вложил в голос чуть больше беспокойства, чем реально испытывал. — Я серьезно, леди, сейчас или никогда.

Она покачала головой, смерила меня высокомерным взглядом. Еще немного посовещалась с друзьями, и вперед вышел один из них. Постарше, лет тридцати, с широкими накачанными плечами. На вид то ли кореец, то ли китаец — даже Ван не всегда может различить. Но что-то неуловимое, такое, чему я и сам вряд ли дал бы определение, выдавало в нем настоящего аме-

риканца.

Он на миг распахнул спортивную куртку, показывая мне пристегнутое снаряжение. Я успел разглядеть пистолет, электрошокер и баллончик то ли со слезоточивым газом, то ли с перечным спреем.

— Только без глупостей, — сказал он.

— Без глупостей, — подтвердил я.

Он коснулся чего-то на поясе, и с меня свалились наручники. Руки за спиной бессильно обвисли. Похоже, у него было что-то из арсенала Бэтмена — дистанционное управление наручниками! Пожалуй, это имело смысл: ведь иначе, когда наклонишься над пленником, весь этот смертоносный комплект окажется у него перед глазами, и он сможет зубами выхватить у тебя пистолет и языком нажать на спусковой крючок — или что-то в этом роде.

Руки у меня остались связаны пластиковыми стяжками. До этого я практически висел на наручниках; когда их расстегнули, я, лишившись опоры, вдруг обнаружил, что ноги стали как ватные. Я завалился лицом вниз, с трудом затрепыхал ногами — их кололо как иголками, — тщетно пытаясь встать.

Охранник рывком поставил меня на ноги, и

я клоунской походкой заковылял в самый дальний угол фургона, к тесной кабинке переносного туалета. Попытался разглядеть Дэррила. Им мог оказаться любой из пятерых или шестерых скорчившихся пленников — или никто из них.

— Входи, — скомандовал охранник.

— Руки мне развяжите, — попросил я. После долгих часов в пластиковых стяжках пальцы посинели и раздулись, как сосиски.

Он не шелохнулся.

— Послушайте, — заговорил я, стараясь, чтобы в голосе не звучало ни тени сарказма или злости — а это было нелегко. — Либо вы освободите мне руки, либо вам придется мне помочь. Без рук сходить в туалет невозможно.

Кто-то в грузовике хохотнул. У охранника заходили желваки — он меня охотно прибил бы. Ну и отморозки они тут.

Он снял с пояса аккуратный мультиинструмент, раскрыл зловещего вида ножик и перерезал стяжки. Я пошевелил руками и сказал:

— Спасибо.

Он втолкнул меня в кабинку. Руки онемели, стали как глиняные. Я с трудом пошевелил пальцами — их сначала закололо, потом нахлынула жгучая боль, от которой я чуть не вскрикнул.

Опустил сиденье, стянул штаны, сел. Боялся, что на ногах не удержусь.

Вместе с мочой на волю хлынули слезы. Я беззвучно плакал, раскачиваясь взад-вперед, заливаясь слезами и соплями. Зажал рот руками, чтобы не разрыдаться в голос. Они там, за дверью, не услышат ни звука — я не доставлю им этого удовольствия.

Наконец я опорожнился и выплакался. Охранник уже колотил в дверь. Я, как сумел, вытер лицо туалетной бумагой, бросил ее в унитаз и спустил воду. Потом огляделся, ища раковину, но обнаружил лишь большую бутыль дезинфицирующего средства с пришпиленным листком, на котором перечислялся состав. Протер этим средством ладони, вышел из кабинки.

— Чем ты там занимался? — спросил охранник.

— Использовал по назначению, — ответил я.

Он повернул меня спиной, схватил за руки и стянул их свежими наручниками. На руках еще держалась опухоль после первой пары, и новые стяжки жестоко впились в раздраженную кожу, но я не издал ни звука. Пусть не злорадствует.

Он приковал меня обратно на то же место и подхватил следующего пленника — это был Джо-

лу. Его лицо распухло, на щеке темнел синяк.

— Что с тобой? — спросил я, и мой новый знакомый с бэтменским поясом положил руку мне на лоб и резко толкнул. Я ударился затылком о металлическую стену фургона, и она зазвенела, словно старинные часы, пробившие час.

— Не болтать, — велел он, пока я приходил в себя.

Терпеть их всех не могу. Я уже тогда решил, что они мне поплатятся за все эти издевательства.

Пленников одного за другим уводили в кабинку, потом возвращали, и, когда все перебывали там, охранник вернулся к своим приятелям выпить кофе. Они наливали себе из большого картонного контейнера с эмблемой «Старбакс» и болтали, видимо, о чем-то забавном — оттуда то и дело доносились взрывы хохота.

Потом задняя дверь фургона распахнулась, и потянуло свежим воздухом — не дымным, как раньше, а с терпким запахом озона. Пока дверь не захлопнулась, я успел разглядеть, что снаружи уже стемнело и идет дождь — извечная сан-францисская изморось пополам с туманом.

Человек, вошедший в грузовик, был в военном мундире. Американском. Он по-уставному отдал честь охранникам без знаков различия, они отве-

тили ему тем же, и я понял, что мои похитители отнюдь не террористы. Меня взяли в плен Соединенные Штаты Америки.

* * *

В задней части фургона повесили небольшую шторку и стали допрашивать по одному. Приходили, отстегивали, отводили за шторку. Я мысленно отсчитывал секунды — раз гиппопотам, два гиппопотам, — и получалось, что беседы длились минут по семь. В голове гудело от обезвоживания и нехватки кофеина.

Меня допрашивали третьим. За мной пришла женщина с очень короткой стрижкой. Вид у нее был усталый, под глазами темнели круги, в уголках рта залегли суровые складки.

Она расстегнула мне наручники дистанционным пультом и поставила на ноги.

— Спасибо, — машинально поблагодарил я. Обругал себя за эту автоматическую вежливость, но поделать ничего не мог — с годами она въелась в меня до мозга костей.

В ее лице не дрогнул ни один мускул. Она провела меня перед собой в дальний конец грузовика, втолкнула за ширму. Там стоял единственный складной стул, и я плюхнулся на него. Со своих

эргономичных кресел на меня взирали двое — стриженая дама и тот самый качок с бэтменским поясом.

Перед ними стоял столик, и на нем было разложено все содержимое моего бумажника и рюкзака.

— Здравствуй, Маркус, — начала стриженая. — У нас к тебе есть несколько вопросов.

— Я нахожусь под арестом? — поинтересовался я. Вопрос был не праздный. Если вы не под арестом, то существуют строгие правила насчет того, что позволено делать с вами полицейским и на что они не имеют права. Для начала им нельзя надолго задерживать вас, не предъявляя ордер на арест. Они обязаны предоставить вам право на телефонный звонок и на разговор с адвокатом. Ну с адвокатом-то я непременно поговорю, это уж точно.

— Что это значит? — Она показала мне мой телефон. На экране была картинка, которая обычно появляется, если вы пытаетесь разблокировать его, не введя правильного пароля. Признаюсь, картинка была грубоватая — анимированная рука, складывающая пальцы в универсальном жесте. Люблю делать свои гаджеты непохожими на других.

— Я нахожусь под арестом? — повторил я. Если я не арестован, то имею полное право не отвечать на их вопросы. А если спрашиваю, арестован ли я, они обязаны ответить. Таковы правила.

— Ты задержан Департаментом внутренней безопасности, — отчеканила стриженая.

— Я нахожусь под арестом?

— Маркус, с этой минуты тебе следует быть более сговорчивым. — Она не добавила «а не то», но это отчетливо подразумевалось.

— Я бы хотел поговорить с адвокатом, — заявил я. — Хотел бы знать, в чем меня обвиняют. Хотел бы увидеть ваши удостоверения личности.

Агенты переглянулись.

— Я считаю, ты должен в корне пересмотреть свой подход к этой ситуации, — сказала стриженая. — И сделать это сейчас же. Мы нашли у тебя множество подозрительных устройств. Захватили тебя и твоих подельников возле эпицентра самой жестокой террористической атаки за всю историю страны. Сложи эти два факта, Маркус, и поймешь, что твои дела плохи. Если не станешь сговорчивее, то очень сильно пожалеешь. Итак, продолжим. Что это означает?

— Вы считаете меня террористом? Мне всего семнадцать лет!

— Самый подходящий возраст. «Аль-Каида»[1] любит вербовать сторонников среди впечатлительных, идеалистически настроенных молодых людей. Знаешь, мы погуглили про тебя. Ты выкладываешь в общий доступ интернета очень много отвратительных вещей.

— Я бы хотел поговорить с адвокатом, — повторил я.

Стриженая посмотрела на меня как на букашку.

— Ты находишься под ложным впечатлением, что тебя арестовала полиция за некие правонарушения. Выбрось эти мысли из головы. Ты задержан правительством Соединенных Штатов как возможный участник боевых действий на стороне противника. Я на твоем месте очень серьезно задумалась бы о том, как убедить нас, что ты не сражаешься на стороне врага. Очень серьезно. Потому что вражеские боевики могут исчезать. Они проваливаются в очень, очень глубокие темные скважины, и в одну из таких скважин можешь провалиться и ты. И исчезнешь там. Навсегда. Ты слушаешь меня, молодой человек? Немедленно разблокируй телефон и

---

[1] Примечания: 1

Запрещенная в России террористическая организация.

расшифруй файлы в его памяти. И изволь объяснить: почему ты оказался на улице? Что тебе известно о нападении на город?

— Не собираюсь я ничего разблокировать для вас, — оскорбленно ответил я. В памяти моего телефона много такого, что я не хотел бы показывать никому. Фотографии, электронные письма, мелкие хаки и моды, которые я установил. — Это очень личное.

— У тебя есть что скрывать?

— Я имею право на личную свободу, — заявил я. — И хочу поговорить с адвокатом.

— Малыш, даю тебе последний шанс. Честным людям нечего скрывать.

— Я хочу поговорить с адвокатом.

Папе и маме такая беседа влетит в копеечку. Но из справочных систем на разных сайтах я прекрасно знал, как себя вести, если меня задержат. Что бы мне ни говорили и о чем бы ни спрашивали, надо снова и снова твердить о встрече с адвокатом. А в его отсутствие держать язык за зубами, иначе ничем хорошим это не кончится. Эти двое утверждают, что они не полицейские, но если это не арест, то что же тогда такое?

Потом, задним числом, я не раз пожалел, что не разблокировал тогда мобильник.

Глава 4

Меня снова заковали, надели мешок и вернули на место. Через очень долгое время грузовик снова тронулся в путь, под уклон. И тогда меня опять подняли на ноги. Я сразу упал. Ноги затекли и стали как ледышки — кроме коленей, я простоял на них много часов, и они, наоборот, распухли и болели.

Чьи-то руки подхватили меня за плечи и за ноги, поволокли, как мешок с картошкой. Вокруг раздавались невнятные голоса. Кто-то плакал, кто-то чертыхался.

Несли меня недолго, потом опустили и снова приковали к какой-то железяке. Колени по-прежнему нестерпимо болели, я завалился вперед и, свернувшись калачиком, бессильно повис на натянутых цепях наручников.

Потом мы снова тронулись в путь, и на сей раз, кажется, не в грузовике. Ощущения были другие. Пол подо мной мягко покачивался и вибрировал, где-то внизу работали мощные дизельные двигатели. Это корабль! Я похолодел. Меня увозят с берегов Америки черт знает куда! До этого мне

тоже было страшно, но сейчас я просто онемел и оцепенел от неимоверного ужаса. Я понял, что, может быть, никогда больше не увижу свой город, дом, маму и папу, и стало так тошно, что чуть взаправду не вырвало. Мешок на голове словно стиснулся плотнее, не давая дышать, а от неестественной скрюченной позы было еще хуже.

Но, к счастью, путь по воде продлился не слишком долго. Мне тогда показалось, что прошел час, но теперь-то я знаю, что миновало всего минут пятнадцать, не больше. Двигатели сбавили обороты, судно подошло к причалу. По палубе застучали шаги, я услышал, как других пленников отстегивают и уводят или уносят. Когда пришли за мной, я попытался встать, но не смог, и меня опять понесли — грубо, бесцеремонно, будто ненужную вещь.

Потом мешок сняли, и я увидел, что очутился в тюремной камере.

Камера была старая, обшарпанная, в ней пахло морем. Высоко под потолком имелось единственное окошко, закрытое ржавой решеткой. Снаружи еще не рассвело. На полу валялось одеяло, к стене был приделан маленький металлический унитаз без сиденья. Охранник, снявший с меня мешок, ухмыльнулся и вышел, захлопнув за собой тяже-

лую стальную дверь.

Я осторожно помассировал ноги. К ним медленно, с болью, возвращалась кровь. Руки тоже постепенно оживали. Наконец я кое-как сумел встать, а потом и пройтись. Из соседних камер доносились голоса. Люди разговаривали, плакали, кричали. Я тоже присоединился к общему гаму:

— Джолу! Дэррил! Ванесса!

Мой крик разлетелся по всему тюремному блоку. Его подхватили другие голоса, кто-то окликал по имени своих друзей, кто-то ругался на чем свет стоит. Голоса тех, кто был ближе всех, звучали как бубнеж выживших из ума пьянчуг на уличном углу. Может, мой голос слышался точно так же.

Охрана застучала в двери камер, приказывая замолчать, но после этого гвалт только усилился. Мы вопили, орали до хрипоты, раздирали глотки. А что? Что нам теперь терять?

* * *

Когда меня опять вызвали на допрос, я еле доплелся. Мечтал о горячей ванне, хотел есть, пить и отдохнуть. За мной явилась все та же короткостриженая дама, а с ней три здоровяка — один чернокожий, двое белых, хотя один смахивал на латиноса. Они швыряли и пихали меня,

как ненужную тряпку. И у всех четверых были пистолеты. Наверно, со стороны это походило на «Контр-страйк» на фоне рекламной картинки «Бенеттона».

Меня вывели из камеры, сковали по рукам и ногам. На ходу я старался внимательно смотреть по сторонам. Услышал снаружи шум прибоя и подумал, что мы, может быть, в Алькатрасе — это как-никак тюрьма, хотя и давным-давно превращенная в туристическую достопримечательность, куда приходят, чтобы посмотреть, в каких местах коротали свои дни Аль Капоне и другие гангстеры тех времен. Но в Алькатрасе я бывал на школьной экскурсии и помню это здание — допотопное, ветхое, разъеденное морскими ветрами. А эта тюрьма тоже не новая, но построена скорее в годы Второй мировой войны, а не в колониальную эпоху.

На дверях всех камер были номера и наклейки со штрих-кодами, отпечатанными на лазерном принтере, но больше никакой информации, по которой можно было бы понять, кто находится внутри.

Комната для допросов была обставлена по последнему слову техники. Флуоресцентные лампы, эргономичные кресла — не для меня,

естественно, мне достался складной садовый стульчик — и большой деревянный стол из тех, за какими директора проводят совещания. Одна стена была зеркальная, точь-в-точь как в полицейских фильмах, — должно быть, кто-то невидимый стоит сейчас в соседней комнате и наблюдает за ходом допроса. Стриженая дама и ее приятели налили себе кофе из контейнера на боковом столике — ради глотка кофе я был готов перегрызть ей горло, — а для меня поставили пенопластовый стаканчик с водой. Но руки оставили связанными за спиной, так что дотянуться до него я все равно не мог. Мол, пусть помучается. Отменное чувство юмора.

— Здравствуй, Маркус, — приветствовала меня стриженая. — Ну что, ты успел подумать над своим поведением?

Я ничего не ответил.

— Знаешь, все, что с тобой случилось до сих пор, это еще цветочки, — продолжала она. — А дальше будет только хуже. Твоя спокойная жизнь закончилась. Даже если ты сообщишь нам все, что мы хотим узнать, даже если сумеешь убедить нас, что просто очутился не в том месте и не в то время, мы все равно возьмем тебя на заметку. Будем следить за тобой повсюду, куда бы ты

ни пошел, чем бы ни занялся. Ты ведешь себя так, словно тебе есть что скрывать, и это нам не нравится.

Стыдно об этом вспоминать, но мой разум цепко ухватился за фразу «убедить нас, что просто очутился не в том месте и не в то время». Ничего хуже этого со мной еще никогда не случалось. И никогда прежде мне не было так плохо и так страшно. Эти слова — «не в том месте и не в то время» — казались мне спасательным кругом, который поможет мне не утонуть в бездонной пучине.

— Эй, Маркус! — Она прищелкнула пальцами у меня перед лицом. — Ты здесь? — На ее губах играла ехидная улыбка, и я презирал себя за то, что выказал перед ней свой страх. — Маркус, твои дела могут пойти намного хуже. Это еще далеко не самое страшное из мест, куда мы могли бы тебя поместить.

Она извлекла из-под стола портфель. Раскрыла, вытащила оттуда мой мобильник, устройство для клонирования радиомаячков, радиопеленгатор, флешки. Не торопясь разложила все это богатство на столе.

— Нам от тебя нужно вот что. Сегодня ты разблокируешь для нас телефон. В этом случае тебя

ждут некоторые послабления. Мы дадим тебе возможность помыться под горячим душем и погулять во дворе. Завтра мы снова приведем тебя сюда и попросим расшифровать данные на этих картах памяти. Сделаешь это — получишь полноценный обед в столовой. На следующий день ты сообщишь нам пароль от электронной почты, и за это тебе будет разрешено пользоваться библиотекой.

Меня так и подмывало ответить: «Нет», но я не смог произнести это слово. Вместо него выдавил:

— Почему?

— Хотим убедиться, что ты тот, за кого себя выдаешь. Это делается ради твоей же безопасности, Маркус. Предположим, ты ни в нем не виновен. Может быть, так оно и есть, но все же мне трудно понять, почему ни в чем не повинный человек хочет столь многое от нас скрыть. Но все же предположим это. Ведь ты и сам мог оказаться на том мосту, когда произошел взрыв. Там могли проезжать твои родители. Твои друзья. Разве не хочешь помочь нам поймать злоумышленников, покусившихся на твой дом?

Странное дело: когда она заговорила обо всех этих поблажках, я со страху чуть было не поддался. Мне почему-то стало казаться, что я очутился

здесь неспроста, может быть, я и в самом деле что-то натворил и теперь должен хоть частично загладить свою вину.

Но как только она понесла этот бред насчет безопасности, ко мне вернулось самообладание.

— Уважаемая, — сказал я, — вы вещаете о каких-то нападениях на мой дом, но до сего момента единственная, кто на меня действительно напал, это вы. Мне казалось, я живу в стране, где главенствует Конституция. В стране, где у меня есть права. А по-вашему получается, что ради защиты моей свободы надо разорвать в клочки основной закон страны!

По ее лицу промелькнула тень раздражения, но тотчас же исчезла.

— Не надо мелодрамы, Маркус. Никто на тебя не нападает. Ты задержан правительством США на время проведения расследования. Мы изучаем подробности сильнейшей террористической атаки за всю нашу историю. В твоих силах помочь нам одержать победу над врагами нашей страны. Хочешь сохранить Конституцию в действии? Помоги нам поймать негодяев, взорвавших наш город. Итак, даю тебе ровно тридцать секунд. Разблокируй свой телефон, иначе тебя отведут обратно в камеру. Нам сегодня еще многих надо

допросить.

Она посмотрела на часы. Я тряхнул кистями, погремел наручниками, мешавшими мне дотянуться до мобильника и разблокировать его. Да, я решился на это. Она показала мне, где пролегает путь на свободу — в открытый мир, домой, к маме и папе, — и тем самым подарила надежду. А потом пригрозила отослать меня в камеру, столкнуть с этого пути, моя надежда рухнула, и в голове вертелась только одна мысль — вернуть ее обратно.

Так что я гремел наручниками, силясь дотянуться до мобильника и разблокировать его, а она лишь сверлила меня ледяным взглядом и посматривала на часы.

— Пароль, — сказал я, наконец-то сообразив, чего она от меня добивается. Чтобы я произнес этот пароль вслух, здесь и сейчас, в присутствии ее коллег, и она могла бы внести его в протокол допроса. Ей мало было, чтобы я просто разблокировал телефон. Она хотела, чтобы я сдался. Признал ее превосходство. Выдал все свои секреты, все самые сокровенные подробности. — Пароль, — повторил я — и назвал ей этот пароль. Помилуй меня господи, я поддался-таки ее воле.

Ее губы растянулись в холодной улыбке — ви-

димо, таким было у нее проявление триумфа. Охранники увели меня. Когда дверь закрывалась, я успел заметить, как она склонилась над телефоном и нажимает кнопки, вводя пароль.

Хотел бы я сказать, что заранее предвидел такой исход событий и создал фальшивый пароль, который отпирает самый безобидный и ненужный раздел. Но нет. Я, к сожалению, не настолько предусмотрителен и не настолько хитер.

Вам наверняка стало интересно, какие такие сокровенные тайны я храню у себя в телефоне, на флешках и в электронной почте. Что за секреты у обыкновенного пацана?

По правде сказать, особых секретов у меня нет, и в то же время их очень много. Изучив мой мобильник и флешки, вы узнаете, с кем я дружу, что думаю о своих друзьях, как мы вместе оттягиваемся и прикалываемся. Прочтете расшифровку всех наших электронных споров и электронных примирений.

Дело в том, что я никогда ничего не удаляю. А какой в этом смысл? Пространство для хранения стоит недорого, и мало ли когда мне вдруг захочется снова просмотреть все эти записи. Особенно воспоминания о всяких глупостях. Сидите, например, где-нибудь в метро, и поговорить не

с кем, и вдруг на память приходит какая-нибудь недавняя ссора, и всплывают все гадости, которые вы кому-то наговорили. Вам наверняка тоже знакомо это чувство, правда? Но, заглянув в старые файлы, вы понимаете, что на самом деле все было не так плохо, как вам помнится. Вернуться и пролистать забытые страницы — хороший способ напомнить себе, что вы не такой паршивец, каким себя считали. Благодаря этому мы с Дэррилом ссорились и успешно мирились столько раз, что и не сосчитать.

Но и это еще не все. Я знаю, что к моему телефону имею доступ только я и больше никто. И к флешкам тоже. В этом помогает криптография — шифрование сообщений. Шифрование зиждется на строгих и суровых математических правилах, и мы с вами имеем доступ к тем же самым шифрам, которыми пользуются, например, банки и Агентство национальной безопасности. Иными словами, криптография для всех одна и та же, она открытая, общедоступная и может использоваться каждым. Потому она и распространена.

Когда ты точно знаешь, что в твоей жизни есть уголок, который принадлежит только тебе, куда не может попасть никто из посторонних, это

дает потрясающее чувство свободы. Возьмем, например, наготу или отправление естественных надобностей. Каждый из нас время от времени обнажается. Каждый сидит на унитазе. И в этом нет ничего постыдного, ненормального или странного. Но если я вдруг издам указ, что отныне вы обязаны облегчаться исключительно в стеклянной витрине, установленной посреди Таймс-сквер, и при этом быть в чем мать родила?

Даже если у вас идеально сложенное тело — а многие ли могут этим похвастаться? — такая идея вряд ли придется вам по вкусу. Большинство будет громко протестовать. Или терпеть, пока не лопнут.

И не потому, что вы совершаете нечто постыдное. А потому, что это должно происходить вдали от посторонних глаз. Эта частичка жизни принадлежит только вам, и туда нет доступа никому.

И вот эту частную, только мне принадлежащую жизнь отбирали у меня кроха за крохой. Пока меня вели обратно в камеру, снова нахлынуло то самое чувство — ощущение, будто я получаю по заслугам. Всю жизнь я нарушал правила, и почти всегда это сходило мне с рук. Наверное, вот оно, торжество высшей справедливости. Мне возда-

ется за все мои былые прегрешения. Как-никак я оказался на той площади именно потому, что тайком сбежал из школы.

Меня, как и было обещано, отвели в душ. И выпустили на прогулку во двор. Над головой голубел кусочек неба, в воздухе пахло морем. Похоже, это место находится где-то недалеко от залива Сан-Франциско, но определить более точно, куда меня запихнули, я не сумел. Во время прогулки других пленников не было видно, и мне быстро наскучило нарезать круги по двору. Я напрягал уши, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук, который подскажет, что это за место, но слышал лишь шум изредка проезжающих машин, обрывки далеких разговоров, гул самолета, идущего на посадку где-то неподалеку.

Потом меня вернули в камеру, принесли на обед полпирога с колбасой пеперони из пиццерии «Гоут-Хилл», что недалеко от моего дома в Потреро-Хилл. Я ее хорошо знал и не раз покупал там пиццу. Коробка со знакомой картинкой и телефонным номером, начинавшимся на 415, навела на грустные мысли о том, что еще вчера я был свободным человеком и жил в свободной стране, а теперь сижу за решеткой. Из головы не шла тревога за Дэррила и беспокойство за

остальных друзей. Может, они оказались более сговорчивыми и их уже отпустили. Может, они уже обо всем рассказали моим маме и папе и те уже лихорадочно названивают во все концы, разыскивая меня.

А может быть, и нет.

В камере было пусто и тоскливо, как у меня на душе. Я напридумывал себе, что стена напротив койки — это экран, и я взламываю эту систему, открываю дверь камеры. Представил себе свой рабочий стол с выставленными на нем моими изобретениями — тут и сварганенная из консервных банок акустическая система с объемным звуком, и воздушный змей с камерой для аэрофотосъемки, и собранный своими руками ноутбук.

Я мечтал выбраться отсюда. Мечтал уйти домой, встретиться с друзьями, пойти в школу, обнять маму и папу, вернуть свою прежнюю жизнь. Мечтал иметь возможность пойти куда захочу, а не снова и снова и снова мерить шагами тесную камеру.

* * *

Потом у меня выпытали пароль к USB-флешкам. На них были записаны кое-какие интересные выступления на онлайн-форумах, записи из

разговорных чатов — в общем, советы по самым разным темам, которыми со мной щедро делились знающие люди. Без их помощи я не смог бы сделать всего того, что было сделано. Там, разумеется, не содержалось ничего такого, чего нельзя было бы просто нагуглить, но вряд ли этот факт будет засчитан в мою пользу.

В тот день меня опять вывели на прогулку, и на этот раз я был не один. Во дворе гуляли еще несколько человек — четверо парней и две женщины разных возрастов и расовой принадлежности. Видимо, многие тут делают всё что приказано, лишь бы заработать эти «послабления».

На прогулку мне выделили полчаса, и я попытался завязать разговор с узником, который показался мне наиболее нормальным из всех, — чернокожим парнем примерно моих лет с короткой стрижкой афро. Я представился, протянул руку, но он лишь указал взглядом на видеокамеры, зловеще взиравшие на нас из углов двора, и продолжил шагать с каменным лицом.

Но вдруг, за миг до того, как меня окликнули по имени и повели обратно в камеру, дверь распахнулась и во двор вышла… Ванесса! Как же приятно было увидеть дружеское лицо! Вид

у нее было усталый и недовольный, но не истерзанный. Заметив меня, она вскрикнула: «Маркус!» — и подбежала. Мы крепко обнялись, и меня пробила крупная дрожь. Потом я почувствовал, что ее тоже трясет.

— Как ты? — спросила она, отстранившись на вытянутую руку.

— Ничего, — ответил я. — Мне сказали, что отпустят, если я выдам свои пароли.

— А меня без конца расспрашивают о тебе и о Дэрриле.

Громкоговоритель взревел, требуя от нас прекратить болтовню и продолжать прогулку, но мы пропустили это мимо ушей.

— Отвечай им, — немедля сказал я. — Отвечай на всё, что ни спросят. Может, сумеешь выбраться.

— А как Дэррил и Джолу?

— Я их не видел.

Дверь с грохотом распахнулась, оттуда вывалились четверо здоровенных дуболомов. Двое схватили меня, двое — Ванессу. Меня швырнули на землю, отвернули голову в другую сторону от Ванессы. Судя по звукам, с ней обошлись так же. На руках защелкнулись пластиковые стяжки. Меня поставили на ноги и потащили обратно

в камеру.

Вечером меня оставили без ужина. Наутро не принесли завтрака. Никто за мной не пришел, не повел в комнату для допросов, чтобы выпытать еще какие-нибудь мои секреты. Никто не снял пластиковые наручники. Плечи сначала горели огнем, потом стали тупо ныть, потом онемели, потом опять заполыхали. Рук я давно уже не чувствовал.

И мне очень хотелось в туалет. Очень, очень. А штаны расстегнуть я не мог.

Я обмочился.

После этого, когда моча уже остыла и холодные джинсы, и без того грязные, прилипли к ногам, за мной пришли. Пришли и повели по длинному коридору, где с обеих сторон тянулись двери, и на каждой двери был штрих-код, и за каждым штрих-кодом скрывался несчастный узник, такой же как я. Меня долго вели по закоулкам и втолкнули в комнату для допросов. Войдя туда, я словно очутился на другой планете — в безмятежном мире, где все идет как положено, где ни от кого не несет мочой. А я, грязный и вонючий, стоял, сгорая от стыда, и на меня снова нахлынуло то же самое чувство — будто я получаю по за- слугам.

Стриженая дама уже сидела на своем месте. Выглядела она идеально: аккуратная укладка, чуть-чуть косметики. До меня долетал запах ее парикмахерского средства. Она поглядела на меня и наморщила носик. Я был готов провалиться сквозь землю.

— Ай-яй-яй, как не стыдно. Такой большой мальчик — и так плохо себя ведет.

Сгорая от стыда, я тупо уставился на стол. Не было сил поднять глаза. Хотелось только одного — поскорее сообщить ей пароль от электронной почты и исчезнуть.

— О чем вы с подругой говорили во дворе?

Я горько рассмеялся, не сводя глаз со стола.

— Сказал ей, чтобы отвечала на все ваши вопросы. Чтобы слушалась вас.

— Значит, приказы отдаешь ты?

Вся кровь бросилась мне в голову.

— Да хватит уже, — сказал я. — Мы просто вместе играли. Есть такая игра — «Харадзюку Фан Мэднесс». Я капитан команды. Мы просто школьники, а не террористы. Никаких приказов я ей не отдаю. Сказал ей, что надо честно отвечать на все ваши вопросы, и тогда мы сможем отвести от себя все подозрения и выйти отсюда.

Она ничего не ответила.

— Что с Дэррилом? — спросил я.

— С кем?

— С Дэррилом. Вы схватили нас вместе. Он мой друг. Его пырнули ножом на станции «Пауэлл-стрит». Потому мы и вышли из метро на поверхность. Чтобы позвать кого-нибудь на помощь ему.

— Уверена, с ним все хорошо, — ответила она.

У меня внутри все перевернулось.

— Значит, вы даже не знаете? Он не тут, не у вас?

— Мы не собираемся с тобой обсуждать, кто тут у нас, а кто не у нас. Это не твоего ума дело. Маркус, ты уже убедился, что с нами лучше сотрудничать, чем спорить. Видел, что случается, если ты не подчиняешься нашим приказам. Раньше ты был более сговорчив, и это сильно приблизило тебя к моменту, после которого мы могли бы тебя отпустить. Если хочешь, чтобы эта возможность осуществилась, продолжай отвечать на мои вопросы.

Я промолчал.

— А ты понятливый. Так-то оно лучше. А теперь назови пароль от электронной почты.

К этому я был готов. И выдал все: адрес сервера, логин, пароль. Все эти подробности не имели

никакого значения. Потому что я не держу писем на сервере. Мой домашний ноутбук каждые шестьдесят секунд заходит в почтовый ящик, проверяет письма, загружает их к себе на диск и стирает с сервера. По электронному адресу они ничего не найдут — вся почта давно перекочевала ко мне домой.

Потом меня увели обратно в камеру, однако освободили руки, разрешили помыться под душем и вместо джинсов выдали пару оранжевых тюремных штанов. Они оказались мне велики, мотня болталась почти до колен, как у мексиканских братков у нас в Мишен-Дистрикте. Теперь понятно, откуда у них мода на мешковатые штаны, которые болтаются ниже задницы. Из тюряги. И таскаться в таких штанах не фасона ради, а по необходимости совсем не прикольно.

Так прошел еще один день в тюремной камере. Обшарпанные стены были сделаны из бетона, залитого поверх стальной арматуры. В соленом воздухе сталь быстро ржавеет, и сквозь зеленую краску проглядывали красно-оранжевые проплешины. Где-то там, за этим окном, мои мама и папа.

Назавтра за мной пришли опять.

— Мы целый день изучали твою почту. При-

шлось изменить пароль, чтобы твой домашний компьютер не забирал ее с сервера.

Ну разумеется, в этом я не сомневался. Если вдуматься, я бы и сам так поступил.

— Теперь мы знаем о тебе, Маркус, достаточно, чтобы закрыть тебя очень, очень надолго. Все эти принадлежащие тебе предметы… — Она обвела рукой мои мелкие гаджеты. — Вместе с данными, которые мы получили из твоего телефона и с карт памяти, а также подрывные материалы, которые мы, без сомнения, найдем, если обыщем твой дом и заберем компьютер, дают основания полагать, что на свободу ты выйдешь глубоким стариком. Тебе это понятно?

Я не поверил своим ушам. Ни один судья не признает в моем барахле состава преступления. У нас все-таки существует свобода слова, а мои проделки — всего лишь технологические манипуляции, а никакое не преступление.

Но разве эти отморозки допустят, чтобы я предстал перед судом?

— Мы знаем, где ты живешь, знаем, кто твои друзья. Знаем, как ты действуешь и о чем думаешь.

И тут до меня дошло. Они собираются меня отпустить. В комнате словно стало светлее. Я так

обрадовался, что даже дыхание участилось.

— Мы хотим узнать только одно. Каким образом бомбы были доставлены на мост?

У меня перехватило дыхание. В комнате опять сгустился сумрак.

— Чего?

— На мосту, по всей его длине, было заложено десять зарядов. Именно заложено, а не привезено в автомобильных багажниках. Кто и как доставил их на мост?

— Чего? — оторопело повторил я.

— Маркус, даю тебе последний шанс. — Она печально покачала головой, словно ей меня искренне жаль. — До сих пор ты себя вел просто замечательно. Скажи нам это, и тебя отпустят домой. Ты сможешь нанять адвоката, который будет защищать тебя в суде. Наверняка найдутся смягчающие обстоятельства, которыми ты сможешь объяснить свои поступки. Только скажи нам это, и будешь свободен.

— Да я вообще не понимаю, о чем вы говорите! — У меня из глаз хлынули слезы. Я, не смущаясь, всхлипывал и рыдал в голос. — Ума не приложу, чего вы от меня хотите!

Она покачала головой.

— Маркус, прошу тебя. Мы хотим тебе помочь.

Ты наверняка уже понял, что мы всегда добиваемся того, чего хотим.

В голове словно что-то щелкнуло. Да они все с ума посходили! В этом-то все и дело! Я взял себя в руки, постарался унять слезы.

— Послушайте, все это какая-то нелепость. Вы изучили все мои вещи, все файлы, знаете обо мне все. Я не террорист, я школьник, и мне всего семнадцать лет! Неужели вы всерьез…

— Маркус, разве ты еще не понял, что мы всегда предельно серьезны? — Она покачала головой. — У тебя хорошие отметки в школе. Мне казалось, ты умнее.

Она взмахнула рукой, охранники подхватили меня под руки и уволокли.

Уже в камере мне пришли в голову сотни вариантов различных ответов. Французы называют это esprit d'escalier — лестничная реакция, едкие остроумные ответы, которые приходят в голову, когда ты уже покинул комнату и катишься вниз по лестнице. Мысленно я произносил десятки пламенных речей, втолковывая ей, что я истинный гражданин своей страны и стою на страже свободы, и это делает меня настоящим патриотом, а ее — предательницей. Мысленно я стыдил ее за то, что она превращает мою страну

в армейский лагерь. В своем воображении я был блестящим оратором и убедительными речами довел ее до слез.

Но знаете что? На следующий день, когда меня опять притащили на допрос, все эти прекрасные слова мигом вылетели из головы. В мыслях осталось только одно — вырваться на свободу. Увидеть маму и папу.

— Здравствуй, Маркус, — произнесла стриженая. — Как ты себя чувствуешь?

Я посмотрел на стол. Перед ней лежала аккуратная стопка документов и стоял неизменный кофейный стаканчик из «Старбакса». Он даже как-то успокоил меня, напомнив, что где-то там, за стенами, по-прежнему шумит обычный реальный мир.

— Мы пока что закончили расследование касательно тебя. — Она многозначительно примолкла. Может быть, ее слова означали, что меня наконец отпустят. А может — что сбросят в шахту и забудут, что я был на свете.

— И что? — спросил я, не выдержав.

— И я хочу еще раз подчеркнуть, что мы относимся к этому вопросу крайне серьезно. Наша страна подверглась самой жестокой террористической атаке за всю свою историю. Сколько раз

еще должно повториться одиннадцатое сентября, чтобы ты наконец захотел с нами сотрудничать? Детали расследования держатся в строжайшем секрете. Мы не остановимся ни перед чем в своих усилиях выявить и призвать к ответственности всех причастных к этим чудовищным преступлениям. Тебе это понятно?

— Да, — выдавил я.

— Сегодня мы отпустим тебя домой, но знай: мы взяли тебя на заметку. Отныне ты будешь под нашим неусыпным контролем. Ты не сумел доказать необоснованность наших подозрений, и мы отпускаем тебя только потому, что уже задали тебе все вопросы, какие намеревались. Но в покое мы тебя не оставим. Будем наблюдать за тобой. Будем ждать, пока ты совершишь хоть один неверный шаг. Тебе ведь понятно, что мы способны не сводить с тебя глаз денно и нощно?

— Да, — опять промямлил я.

— Вот и хорошо. Ты никогда и никому не обмолвишься ни единым словом о том, что здесь происходило. Это вопрос национальной безопасности. Известно ли тебе, что за государственную измену в военное время полагается смертная казнь?

— Да, — пролепетал я.

— Вот и чудненько, — промурлыкала она. — А теперь ты должен подписать вот эти документы.

Она придвинула ко мне стопку бумаг. То тут, то там были прилеплены стикеры со словами «Подпись». Охранник расстегнул мне наручники.

Я пролистал бумаги, и голова закружилась, а в глазах защипало. Сначала я ничего не понял. В юридическом языке я не силен. Попытался разобраться в этом словесном хитросплетении — получалось, что я находился здесь по доброй воле и сознательно дал разрешение подвергать меня допросам.

— А если не подпишу? — спросил я.

Она выхватила у меня бумаги и снова привычным жестом взмахнула рукой, будто прогоняла муху. Охранники рывком поставили меня на ноги.

— Погодите! — крикнул я. — Не надо! Я все подпишу!

Меня поволокли к двери. Для меня весь мир сжался до размеров этой самой двери. Я видел только ее, мог думать только об одном — она вот-вот захлопнется у меня за спиной.

Я слетел с катушек. Рыдал горькими слезами. Умолял, чтобы мне дозволили подписать эти бумаги. Свобода была так близко, и ее выдернули

у меня из-под носа, поэтому я был готов сделать все что угодно. Мы все много раз слышали выражение «Я скорее умру, чем сделаю то-то и то-то», я и сам так частенько говорил. И только сейчас я в полной мере понял весь смысл этих слов. Я скорее умру, чем вернусь в свою камеру.

Меня вытащили в коридор, а я все умолял и умолял. Говорил, что подпишу все, что они попросят.

Стриженая окликнула охранников. Меня втащили обратно. Усадили за стол. Дали ручку.

Я, как заведенный, ставил и ставил свою подпись под всеми до единого документами.

* * *

В камере меня ждали мои джинсы и футболка, постиранные и сложенные. От них пахло стиральным порошком. Я надел их, умылся, сел на койку и уставился в стену. У меня отобрали все. Сначала свободу и частную жизнь, потом достоинство и уважение к себе. Довели до того, что я был готов подписать все что угодно. Вплоть до признания в том, что я убил Авраама Линкольна.

Хотелось зареветь, но из глаз не выкатилось ни слезинки. Наверно, все уже выплакал.

За мной опять пришли. Охранник принес ме-

шок, такой же, как тот, в котором меня привезли сюда. Сколько прошло с тех пор — дни, недели?

Мешок надели мне на голову и туго затянули на шее. Я снова очутился в полной темноте, в спертом застоявшемся воздухе наедине со своим дыханием. Меня поставили на ноги, повели по коридорам, по лестнице, вывели на улицу. Под ногами захрустел гравий. Заскрипели доски — вверх по сходням. Зазвенела стальная палуба. Мне завели руки за спину и приковали к поручням. Я опустился на палубу и стал прислушиваться к ровному гудению дизельных двигателей.

Корабль тронулся в путь. Соленый воздух просочился даже в мешок. Шел мелкий дождик, одежда промокла и стала тяжелой. Я наконец-то очутился под открытым небом, пусть даже с мешком на голове. Вернулся в реальный мир, и считаные мгновения отделяли меня от свободы.

За мной опять пришли, помогли спуститься с корабля на твердую землю. Ноги ступали по неровному грунту. Три металлические ступеньки вверх. Мне расковали руки, сняли с головы мешок.

Я снова очутился в кузове того же самого грузовика. И стриженая дама уже была там, сидела на своем прежнем месте за столом. Без единого

слова она протянула мне застегнутый пакет, в котором лежало все, что у меня отобрали. Телефон и прочие девайсы, бумажник, горсть мелочи.

Я рассовал вещи по карманам. Как приятно было почувствовать, что все лежит на своих привычных местах, что на мне снова надеты привычные шмотки. А через заднюю дверь грузовика доносятся привычные звуки моего привычного города.

Охранник вернул мне рюкзак. Дама протянула руку. Я не взял, лишь вперился взглядом. Тогда она убрала руку, криво улыбнулась. Изобразила, будто застегивает рот на молнию, и показала пальцем на меня. Потом распахнула дверь.

Снаружи хлынул яркий свет. Стоял день, серый и дождливый. Вдаль уходил переулок, за перекрестком по дороге проносились машины, грузовики, велосипедисты. Я в оцепенении застыл на верхней ступеньке грузовика, смотрел на эту свободу и не мог насмотреться.

Колени задрожали. Я понял: они издеваются надо мной. Еще миг — и охранники схватят меня, заволокут обратно, мне опять натянут на голову мешок, погрузят на корабль и отправят в тюрьму, будут снова и снова терзать бесконечными, бессмысленными допросами. Стало так горько, что я

чуть не застонал.

Поборов слабость в коленях, я пошел. Одна ступенька. Другая. Последняя. Под ногами хрустнул мусор. Его тут, в переулке, было много: битое стекло, кирпичная крошка и тому подобное. Шаг. Еще шаг. Я добрел до переулка и ступил на тротуар.

Никто за мной не гнался.

Я свободен.

И вдруг меня обхватили сильные руки. Я чуть не зарыдал.

Глава 5

Это была Ванесса. Она плакала и обнимала меня так крепко, что аж дыхание перехватило. Ну и пусть. Я тоже обнял ее, зарылся лицом в волосы.

— Ты жив! — всхлипнула она.

— Жив и здоров, — кое-как выдавил я.

Наконец она выпустила меня, и в тот же миг я снова очутился в объятиях. Это был Джолу! Нас привезли вместе.

— Братан, ты цел! — шепнул он мне на ухо и обнял даже крепче, чем Ванесса.

Когда он отпустил меня, я огляделся.

— А где же Дэррил?

Они переглянулись.

— Может, еще в грузовике? — предположил Джолу.

Мы обернулись и посмотрели на машину в конце переулка. Это была непримечательная белая фура без опознавательных знаков. Складную лесенку уже подняли и спрятали внутри. Вспыхнули красным задние огни, и грузовик, надсадно гудя, попятился в нашу сторону.

— Стойте! — закричал я. Фура, все ускоряясь, катила прямо на нас. — Погодите! А как же Дэррил? — Грузовик приближался. А я все кричал и кричал: — Где Дэррил? Что с ним?

Джолу и Ванесса подхватили меня под руки и оттащили в сторону. Я вырывался, кричал. Грузовик задним ходом выехал из переулка на улицу, повернул и покатил под горку. Я хотел было бежать следом, но Ван и Джолу не пустили.

Я сел на тротуар, обхватил колени руками и заплакал. Плакал долго, навзрыд, горькими слезами, громко всхлипывая, как не ревел с раннего детства. И не мог остановиться. Меня била крупная дрожь.

Ванесса и Джолу поставили меня на ноги, повели. Мы добрели до автобусной остановки, они усадили меня на скамейку и сами сели рядышком. Долго сидели в обнимку, обливаясь слезами. Мы оплакивали Дэррила, потому что не надеялись увидеть его больше никогда.

* * *

Мы находились на севере Чайнатауна, там, где он постепенно переходит в Норт-Бич. Здесь сверкают неоновыми огнями бесчисленные стрип-клубы, среди них спрятался легендарный

независимый книжный магазин «Сити лайтс», где в далеких пятидесятых зародилось движение бит-поэзии.

Я хорошо знал этот район. Здесь находился итальянский ресторан, куда любили ходить папа и мама, они часто брали меня туда. Я поглощал огромные тарелки лингвини и целые горы итальянского мороженого с засахаренными финиками, запивая их крохотными чашечками эспрессо убийственной крепости.

Но сейчас этот район воспринимался совсем иначе. Я впервые за долгое время — казалось, за целую вечность — с наслаждением вдохнул воздух свободы.

Мы вывернули карманы и наскребли на уличный, скрытый под матерчатым навесом столик в одном из итальянских ресторанов. Симпатичная официантка зажгла газовый обогреватель, приняла наш заказ и скрылась внутри. До чего же приятно было выбирать блюда из меню, чувствовать, что я снова могу поступать как хочу, что моя судьба снова находится в моих руках.

— Сколько мы там проторчали? — спросил я.

— Шесть дней, — ответила Ванесса.

— Я насчитал пять, — отозвался Джолу.

— А я вообще не считал.

— Что с тобой делали? — спросила Ванесса. Мне не хотелось об этом говорить, но они оба не сводили с меня выжидательных взглядов. Начав рассказ, я уже не мог остановиться. Выложил все, не утаил даже, как меня заставили нассать в штаны. Друзья слушали, не произнося ни слова. Официантка принесла нам газировку. Я дождался, пока она отойдет, и только тогда продолжил. Под конец я уже и сам не понимал: то ли привираю ради красного словца, то ли стараюсь, чтобы это звучало не так ужасно. Воспоминания плавали, как рыбки в аквариуме, я выхватывал их одно за другим, но иногда они изворачивались и выскальзывали из рук.

Джолу покачал головой.

— Ну и досталось тебе, братан.

И рассказал о своих собственных приключениях. Его допрашивали большей частью обо мне, и он отвечал без утайки, упрямо рассказывая всю правду о нашей дружбе и о том, что случилось в тот кошмарный день. Его заставляли повторять это снова и снова, однако не издевались над его рассудком так, как над моим. Его кормили в столовой с остальными пленниками, выпускали в общий зал смотреть телевизор, где по видео крутили прошлогодние блокбастеры.

История Ванессы была примерно такой же. Пообщавшись со мной, она разозлила их, у нее отобрали одежду и заставили напялить оранжевую тюремную робу. Два дня держали в камере, не давая ни с кем видеться, однако кормили регулярно. Но в основном с ней действовали как с Джолу: снова и снова повторяли одни и те же вопросы.

— Они на тебя очень сильно взъелись, — сказал Джолу. — За что? Что ты им такого сделал?

Я понятия не имел. Потом припомнилось: «Если не станешь сговорчивее, то очень сильно пожалеешь».

— Потому что в первый вечер я не разблокировал для них свой телефон. Потому меня сразу и невзлюбили. — Мне и самому трудно было в это поверить, но другого объяснения не было. Надо мной измывались чисто из жажды мщения. От этой мысли перед глазами все поплыло. Им хотелось только одного — наказать меня за непослушание.

До этого мне было очень страшно. Но сейчас я разозлился.

— Вот мерзавцы, — еле слышно выдавил я. — Поквитаться со мной хотели! За то, что посмел раскрывать рот!

Джолу выругался, а Ванесса разразилась длинным потоком слов на корейском — это случалось лишь тогда, когда она была зла как сто чертей.

— Я до них доберусь, — прошептал я, глядя в стакан с газировкой. — Они у меня поплатятся.

Джолу покачал головой.

— Не доберешься, сам знаешь. На них управы нету.

* * *

Никому из нас в тот раз не хотелось говорить об отмщении. Вместо этого мы стали думать, что делать дальше. Прежде всего надо вернуться домой. Батареи в телефонах давно сели, а таксофонов в нашей округе уже давным-давно нет. Надо возвращаться как можно скорее. Я даже подумал, не взять ли такси, но на это, даже если скинуться, денег не хватало.

Так что мы пошли пешком. На углу бросили несколько монеток в газетный автомат, приобрели «Сан-Франциско Кроникл» и стали изучать передовицу. После взрывов прошло уже пять дней, но эта новость все еще не сходила с первых полос.

Стриженая тетка говорила о взорванном мосте, и я предположил, что имеется в виду мост

Золотые Ворота. Оказалось, нет — террористы взметнули на воздух Бэй-Бридж, мост через Сан-Францисский залив.

— Какого черта им понадобилось взрывать именно Бэй-Бридж? — недоумевал я. — Ведь на всех открытках печатают Золотые Ворота.

Даже если вы никогда не бывали в Сан-Франциско, все равно наверняка знаете, как выглядят Золотые Ворота. Большой оранжевый мост, висящий на тросах, ведет от старинной военной базы под названием Президио в уютный пригород Саусалито, тихий виноградарский район с колоритными городками, где на каждом шагу попадаются картинные галереи, а в магазинчиках торгуют ароматическими свечами. Этот мост настолько живописен, что практически стал символом штата Калифорния. Даже у входа в калифорнийский Диснейленд установлена его точная копия, и по ней бегает монорельсовый поезд.

На мой взгляд, если уж взрывать мост в Сан-Франциско, то выбор террористов должен был пасть на Золотые Ворота.

— Испугались, наверно, — предположил Джолу. — Там же сплошные проверки. Национальная гвардия досматривает машины на обоих концах.

На каждом шагу камеры, по всей длине изгороди от самоубийц, навороты всякие.

С самого первого дня, когда в 1937 году открылось движение по мосту, люди начали с его помощью сводить счеты с жизнью. В 1995 году, после тысячного случая, за числом жертв перестали следить.

— Ага, — подтвердила Ванесса. — К тому же Бэй-Бридж хоть куда-то ведет.

Бэй-Бридж идет из центра Сан-Франциско в восточные пригороды — сначала в Окленд, а оттуда в Беркли. Множество народу каждый день ездит по мосту на работу и обратно. Эти городки — единственные места на всех берегах Залива, где нормальный человек может купить себе дом, в котором хватит места хотя бы вытянуть ноги. Кроме того, там расположены Калифорнийский университет и множество предприятий легкой промышленности. Между городами под Заливом проходит линия метро, однако самую большую транспортную нагрузку все равно берет на себя Бэй-Бридж. Золотые Ворота, конечно, хороши для туристов и для богачей, ушедших на покой и поселившихся в винодельческих округах, но этот мост скорее красивая достопримечательность. А Бэй-Бридж — сан-францисская рабочая лошад-

ка. Точнее, был ею.

Я на минуту призадумался об этом и наконец сказал:

— Ребята, вы правы. Но, по-моему, дело не только в этом. Мы упорно считаем, что террористы уничтожают самые заметные объекты просто потому, что питают к ним жгучую ненависть. А на самом деле террористам все равно, что взрывать — здания, мосты, самолеты. Они просто хотят всех запугать. Навести ужас. Это и называется террор. Именно поэтому, когда Золотые Ворота увешали камерами, а в аэропортах поставили металлоискатели и рентгеновские рамки, террористы обратили внимание на Бэй-Бридж.

Я поразмыслил об этом еще немного, безучастно глядя по сторонам. По улицам катились машины, по тротуарам спешили пешеходы — словом, кипела обычная городская жизнь.

— Самолеты и мосты террористов не колышут. Они просто хотят поселить в людях страх.

Мысль была настолько очевидная, что я диву дался, как она не приходила мне в голову раньше. Наверно, мозги шустрей заработали после того, как со мной несколько дней обращались как с террористом.

Приятели изумленно уставились на меня.

— Ведь так, да? И вся эта дребедень, все рентгеновские рамки и сплошные проверки документов — от них никакого толку, верно?

Они медленно кивнули.

— Толку нет, а вот вреда сколько угодно. — У меня дрогнул голос. — Потому что из-за них мы очутились за решеткой, а Дэррил…

Впервые с той минуты, когда мы сидели на скамейке, я вспомнил о Дэрриле, и теперь он снова, как живой, возник у меня перед глазами. Мой друг, мой лучший друг исчез, пропал без вести. Я умолк и стиснул зубы.

— Надо рассказать родителям, — сказал Джолу.

— Надо пойти к адвокату, — добавила Ванесса.

Я представил себе, как излагаю свою историю на весь мир. Потом наверняка всплывут видеозаписи допросов, на которых я рыдаю и скулю, ползаю и умоляю о пощаде, как загнанный зверь.

— Ни в коем случае, — брякнул я не раздумывая.

— Почему? — изумилась Ван.

— Нельзя никому ничего рассказывать, — пояснил я. — Ты же слышала ту тетку. Если проболтаемся, за нами придут. И с нами будет то же, что с Дэррилом.

— Шутишь, что ли? — произнес Джолу. — Хочешь, чтобы мы…

— Хочу, чтобы мы начали ответный бой, — сказал я. — А для этого надо остаться на свободе. Если начнем распускать языки, они скажут, что, мол, мы глупые ребятишки и всё напридумывали. Мы ведь даже не знаем, где находится та дыра, в которой нас держали! Никто нам не поверит. Потом в один прекрасный день за нами придут.

Я немного помолчал и продолжил:

— Лично я расскажу родителям, что был в лагере на том берегу Залива. Мол, поехал туда, чтобы повидаться с вами, потом застрял, потому что обратной дороги не стало, и сумел выбраться только сегодня. В газетах пишут, что люди до сих пор оттуда возвращаются.

— Нет, я так не могу, — вздохнула Ванесса. — А ты? После всего, что они с тобой сделали, у тебя хватает сил строить такие планы?

— В том-то и дело: все это случилось не с кем-нибудь, а со мной. И теперь моя очередь разбираться с ними. Я до них доберусь. Вызволю Дэррила. Им это с рук не сойдет. Но если сюда будут вмешаны родители, пиши пропало. Никто нам не поверит и не станет заморачиваться. А если сделаем, как я предлагаю, люди не смогут остаться в стороне.

Такая каша заварится!

— А что ты предлагаешь? — спросил Джолу. — Что ты задумал?

— Еще не знаю, — признался я. — Конкретных идей пока нет. Погоди хотя бы до завтра. К утру я что-нибудь придумаю.

Я понимал: если они сумеют сохранить тайну хотя бы один день, то и потом уже не проболтаются. Родители не поверят откровениям своих чад, если те «внезапно вспомнят», что несколько дней терпели побои и издевательства в секретной тюрьме, а не жили под неусыпной заботой в лагере для пострадавших от теракта.

Ван и Джолу переглянулись.

— Ребята, прошу, поверьте в меня, — воззвал я. — По дороге придумаем нашу легенду, обсудим, что и как мы будем рассказывать. Потерпите всего день, всего один день.

Они мрачно кивнули, и мы побрели под горку к нашим домам. Я жил в Потреро-Хилл, Ванесса — в Норт-Мишене, а Джолу — в Ноэ-Вэлли. Эти три района совершенно непохожи друг на друга, хотя и расположены в нескольких минутах ходьбы.

Мы свернули на Маркет-стрит и остановились как вкопанные. На каждом перекрестке улица была перегорожена баррикадами. Для проезда

оставили всего по одной узкой полосе. А по всей длине Маркет-стрит выстроились огромные фуры без опознавательных знаков, точно такие же, как та, в которой нас с мешками на головах везли от причала до Чайнатауна.

У каждого грузовика от задних дверей была откинута стальная лесенка в три ступени. А вокруг царила суматоха: по лесенкам то спускались, то исчезали внутри солдаты, люди в штатском, полицейские. У штатских на лацканах виднелись небольшие опознавательные значки, и на входе и выходе солдаты проводили по ним ручным сканером, считывая информацию о допуске. Проходя мимо одного такого фургона, я увидел знакомый логотип: Департамент внутренней безопасности. Солдат заметил, что я глазею, и впился подозрительным взглядом.

Я понял намек и двинулся дальше. На Ван-Несс мы с ребятами расстались. Обнялись на прощание, всплакнули и дали слово созвониться.

В Потреро-Хилл ведут два пути — легкий и тяжелый. Второй пролегает по самым крутым в городе холмам вроде тех, на которых в приключенческих фильмах снимают погони, когда машины мчатся вверх по крутому склону, а потом с ревом взмывают в воздух и летят по небу. Я все-

гда хожу домой этим путем. Здесь стоят красивые викторианские дома, прозванные «разукрашенными леди» за яркую, утонченную расцветку, в палисадничках среди высокой травы благоухают цветы, с живых изгородей вас провожают взглядами домашние кошки и совсем нет бомжей.

Но сегодня тут было для меня слишком тихо. Я даже пожалел, что не пошел другим путем, через Мишен-Дистрикт. Этот путь… как бы его поточнее назвать… крикливый, что ли. Тут всегда кипит жизнь. Шатаются отпетые алкаши и наркоманы в отключке, и тут же прогуливаются мамаши с колясками и добропорядочные семьи, сплетничают старушки на верандах, под оглушительную музыку проносятся приземистые тачки с мощными аудиосистемами. Бродят веселые хипстеры и печальные эмо, попадаются даже толстопузые панк-рокеры старой школы с пивными животиками, выпирающими из-под футболок с портретами музыкантов группы «Дэд Кеннедис». А в придачу — дрэг-квины, воинственные гопники, перепачканные краской художники-граффитчики и растерянные владельцы недвижимости, мечтающие не расстаться с жизнью, пока их вложения подрастают в цене.

Я стал подниматься на Гоут-Хилл и прошел

мимо хорошо знакомой пиццерии. Ее вид сразу напомнил о тюрьме и о пережитых мучениях. Пришлось сесть на скамейку и ждать, пока уймется дрожь в руках и ногах. Потом немного выше на холме показалась непримечательная фура с тремя железными ступеньками у задней двери. Я встал и побрел дальше. Кожей чувствовал, как за мной со всех сторон следят внимательные глаза.

Остаток пути до дома я чуть ли не пробежал. Не притормозил посмотреть ни на «разукрашенных леди», ни на сады, ни на кошек. И глаз не поднимал.

Была середина дня, но перед домом стояли обе машины — и папина, и мамина. Все правильно. Папа работает в Ист-Бэй, поэтому не может туда добраться, пока не починят мост. А мама… мало ли почему она дома.

Оказалось, они оба были дома, потому что ждали меня.

Едва я успел отпереть дверь, как ручка вырвалась у меня из пальцев и дверь распахнулась. На пороге стояли папа и мама, бледные и осунувшиеся, и смотрели на меня вытаращив глаза. На мгновение мы застыли в немой сцене, потом они кинулись ко мне на шею, чуть не сбив с ног, и втащили в дом. Оба принялись тараторить, громко и

быстро, так что я не разбирал ни слова, а слышал только невразумительный галдеж, потом обняли меня, заплакали, и я заплакал тоже, и мы так и стояли там, в тесной прихожей, обливаясь слезами и изъясняясь обрывками слов, пока наконец не выдохлись и тогда побрели в кухню.

У меня есть привычка, придя домой, первым делом налить себе стакан воды из стоящего в холодильнике фильтра и выудить пару печеньиц из «бисквитной бочки», которую сестра прислала маме из Англии. Вот и сейчас я поступил так же, и от простой обыденности этого действа сердце перестало колотиться, вошло наконец в унисон с мозгами, и мы все вместе сели за стол.

— Где ты пропадал? — хором спросили папа и мама.

Ответ на это я тщательно продумал по дороге домой.

— Застрял в Окленде. Был там с друзьями, мы занимались школьным проектом, а потом загремели на карантин.

— На целых пять дней?

— Ну да. Это было ужасно. — Я прочитал о карантине в «Кроникл» и принялся бесстыдно цитировать. — Замели всех, кто попал в облако. Кому-то пришло в голову, что нас атаковали

биологическим оружием. Потащили нас в порт и упаковали, как селедок, в какие-то контейнеры. Жара, духота, жрать нечего.

— О господи. — Отец стиснул кулаки. Он работает в Беркли, три дня в неделю преподает старшекурсникам научную организацию библиотечного дела, а в остальное время консультирует по работе с архивами своих клиентов в городе и на Полуострове; в основном это интернет-компании третьей волны, сумевшие сохраниться в жесткой конкурентной борьбе. Профессия у него тихая и мирная, он библиотекарь и отличается мягкостью манер, но в шестидесятые был настоящим радикалом, а в школе занимался в борцовской секции. Я не раз видел, как он доходит до белого каления, причем, надо признаться, чаще всего доводил его я, и в таком состоянии у него всерьез едет крыша. Однажды он швырнул через весь дедушкин газон детали для детских качелей, купленные в «Икее», разъярившись за то, что при сборке они у него развалились в пятидесятый раз.

— Варвары! — с чувством произнесла мама. Она еще школьницей переехала в Америку вместе с родителями, однако до сих пор чисто по-британски возмущается, когда вынуждена иметь дело

с американскими копами, системой здравоохранения, службами безопасности в аэропорту или видеть бездомных. Тогда она пускает в ход свое самое страшное ругательство — «варвары» — и произносит его с ярко выраженным британским акцентом. Мы дважды летали в Лондон в гости к ее родным, и не сказал бы, что этот город более цивилизованный, чем Сан-Франциско, а свободного пространства там еще меньше.

— Но потом нас отпустили и сегодня переправили на пароме, — на ходу сочинял я.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила мама. — Есть хочешь?

— Спать хочешь? Ты ведь у нас соня.

— Ага, есть немного. А еще Простак, Док, Чихун и Скромник. — Шутки про семь гномов — это наша семейная традиция. Они оба еле заметно улыбнулись, но в глазах еще стояли слезы. Мне их было очень жалко. Должно быть, с ума сходили от беспокойства за меня. Я ухватился за повод сменить тему. — Умираю с голоду.

— Сейчас закажу пиццу в «Гоут-Хилл», — предложил папа.

— Нет, только не это, — поспешно отозвался я. Они посмотрели на меня так, словно у меня на голове вдруг выросли марсианские антенны.

Я всегда был без ума от блюд из этой пиццерии — мог поглощать их, как золотая рыбка, пока не кончится еда или не лопнет живот. Я выдавил улыбку. — Что-то не хочется пиццы. — Прозвучало неубедительно. — Давайте лучше закажем карри, а? — К счастью, в Сан-Франциско хватает ресторанов, откуда доставляют еду на дом.

Мама достала из ящика стола пачку проспектов с меню окрестных заведений — еще один признак нормальной жизни, он лег на душу, как глоток воды в больное пересохшее горло, — и пролистала их. На пару минут мы отвлеклись от наших бед и стали обсуждать, чего бы нам хотелось заказать в халяльном пакистанском ресторане на Валенсии. Я выбрал ассорти тандури-гриль, протертый шпинат с домашним сыром, соленый ласси из манго (на вкус гораздо лучше, как на слух) и жареные сладости в сахарном сиропе.

Когда заказ был сделан, снова начались расспросы. Родители, конечно, связались с семьями Ванессы, Джолу и Дэррила и попытались заявить в полицию о нашем исчезновении. Там записали наши имена, но количество заявлений об «отсутствующих гражданах», как нас изящно обозвали, оказалось так велико, что копы сказали: разыскные дела будут заведены только на тех, кто не

явится домой по прошествии семи дней.

За эти дни в сети появились миллионы сайтов, на которых люди размещали объявления о своих исчезнувших близких. Были среди них несколько древних клонов MySpace, давно почивших от нехватки средств и снова воспрянувших к жизни на волне всеобщего внимания. Ведь близкие пропали даже у богатых инвесторов из зоны Залива. Может быть, если эти родственники найдутся, сайту удастся привлечь побольше капиталовложений. Я взял отцовский ноутбук и пробежался по этим сайтам. Они, конечно, были испещрены объявлениями и снимками пропавших. Почти все фотографии были сняты на выпускных вечерах, свадьбах и других мероприятиях. Аж мороз по коже.

Я нашел свою фотку. От нее шли ссылки к фотографиям Ванессы, Джолу и Дэррила. К каждому снимку прилагался небольшой бланк для записей о найденных людях и еще один — для информации о других пропавших. Я заполнил поля на себя, Джолу и Ван, а про Дэррила оставил пустым.

— А о Дэрриле? — напомнил папа. Он недолюбливал Дэррила — однажды обнаружилось, что в одной из бутылочек у него в баре уровень сильно

поубавился, а я, к своему вечному стыду, свалил это на Дэррила. На самом деле тут, конечно, потрудились мы оба: просто валяли дурака, играли всю ночь на компе и для бодрости намешали себе водку с колой.

— Его с нами не было, — ответил я. Ложь легла на язык горьким привкусом.

— Господи, — всплеснула руками мама. — Когда ты вернулся, мы-то думали, что вы были в этом лагере все вместе.

— Нет. — Одна ложь тянула за собой другую. — Нет, он должен был встретиться с нами, но так и не появился. Наверно, остался где-то в Беркли. Говорил, что поедет на метро.

Мама сдавленно всхлипнула. Папа прикрыл глаза и спросил:

— Ты разве не слышал про метро?

Я покачал головой. Только сейчас до меня постепенно стало доходить. Земля под ногами качнулась.

— Его взорвали, — ответил папа. — Одновременно с мостом.

Об этом не писали на первой полосе «Кроникл», ведь взорванное под водой метро выглядит отнюдь не так впечатляюще, как обломки моста, качающиеся на тросах над Заливом. Туннель

от Эмбаркадеро до Вест-Окленда был полностью затоплен.

Я опять взял папин компьютер и пролистал заголовки. Точного числа погибших никто не знал, счет найденных жертв шел на тысячи. И их количество росло день ото дня. Люди гибли в машинах, падавших в воду с шестидесятиметровой высоты, тонули в поездах. Один из репортеров утверждал, что взял интервью у человека, промышлявшего подделкой документов, — тот якобы помог десяткам людей сделать вид, будто они исчезли после терактов, и навсегда распрощаться с прежней жизнью. Он выправлял им новые удостоверения личности, и они уходили в закат, навсегда избавившись от сварливых жен, надоевших мужей, невыплаченных долгов и прочих неприятностей.

У отца на глазах выступили слезы, мама плакала не таясь. Они опять обняли меня, похлопали по спине, словно желали убедиться, что я действительно вернулся. И без конца повторяли, что любят меня. Я отвечал, что тоже их люблю.

Так, в слезливом настроении, прошел остаток ужина. Папа с мамой выпили по два бокала вина — по их понятиям это очень много. Я, не соврав, сказал, что хочу спать, и побрел к себе. Но в по-

стель не лег. Сначала надо было выйти в сеть и выяснить, что вообще происходит. Поговорить с Джолу и Ванессой. Взяться за поиски Дэррила.

На цыпочках я поднялся на второй этаж и открыл дверь. Моя старая добрая кровать — я не видел ее чуть ли не тысячу лет. Плюхнулся на нее, потянулся к тумбочке за ноутбуком. Должно быть, я оставил его плохо подключенным к сети — блок питания довольно хлипкий, надо его пошевелить, чтобы контакт встал как следует, — поэтому за время моего отсутствия он постепенно разряжался. Я вставил штепсель обратно в розетку, подождал пару минут, давая подзарядиться, и еще раз попробовал включить. А сам в это время разделся, выбросил шмотки в мусорное ведро — не желаю их больше видеть — и натянул чистые шорты и свежую футболку. До чего же приятно было чувствовать, как к телу прикасается чистая, свежевыстиранная, прямо из шкафа одежда. Привычно и уютно, словно меня обнимают мама и папа.

Я включил ноутбук, взбил подушки и положил их под спину, на обычное место в изголовье. Устроился поудобнее, вытянул ноги, положил ноутбук на колени. Он все еще загружался. Черт возьми, до чего же приятно было смотреть, как

по экрану медленно проплывают заставки и сообщения. Ноутбук загрузился и снова запищал, сигнализируя о низком уровне заряда. Я еще раз проверил кабель, пошевелил его, и он выпал из гнезда. Разъем питания совсем разболтался.

И самое неприятное, у меня так и не получилось заняться делом. Как только я убирал руку, сетевой кабель терял контакт и компьютер начинал требовать подзарядки. Я вздохнул и стал разбираться, что же там не так.

Весь корпус моего компьютера был собран как-то кривовато. Продольный стык спереди был узким, а кзади заметно расширялся.

Бывает, смотришь на какую-то привычную штуковину, замечаешь подобные перекосы и задумываешься: может быть, оно всегда было так? И я просто никогда не обращал внимания?

Но с моим ноутбуком такого произойти не могло. Потому что я его сам собрал. Своими руками. Учебная часть снабдила нас всех скулбуками, и после этого родители и слышать не хотели о том, что мне нужен собственный компьютер. Хотя, строго говоря, скулбук мне не принадлежал и я не имел никакого права ставить туда другие программы и вообще хоть что-то в нем менять.

У меня имелись кое-какие сбережения — подра-

батывал то тут, то там, откладывал все, что было подарено на Рождество и дни рождения, изредка приторговывал каким-нибудь старьем через интернет. Подсчитав это все, я понял, что смогу приобрести скрипучую развалюху пятилетней давности.

Вместо этого мы с Дэррилом решили заняться самодеятельностью. Корпуса для ноутбуков продаются точно так же, как корпуса для обычных настольных компьютеров, разве что немного различаются в зависимости от предназначения. Опыт у меня уже был — за прошлые годы мы с Дэррилом собрали пару ПК. Детали заказывали по каталогам, отыскивали на гаражных распродажах, приобретали по дешевке у тайваньских продавцов через интернет. По моим прикидкам выходило, что собрать ноутбук самому — это лучший способ получить желаемую производительность за доступную мне цену.

Сборка ноутбука начинается с приобретения «корочки» — корпуса, в котором находится минимум железа и есть все нужные слоты. Могу похвастаться, что в результате я получил машину, которая весила на полкило меньше, чем тот Dell, на который я сначала положил глаз, работала шустрее и обошлась мне примерно в треть

той суммы, которую я выложил бы за Dell. Но достичь этого было непросто. Собирать ноутбук — это примерно как строить корабль в бутылке. Запихнуть все положенные детали в крохотный корпус — ювелирная работа с пинцетом в руке и увеличительными очками на носу. Ноутбук — это совсем не то, что ПК, состоящий большей частью из воздуха. Там есть где развернуться, а в ноутбуке задействован каждый кубический миллиметр. Стоит только подумать: ну вот оно, готово, наконец-то упаковал, — и вдруг оказывается, что какая-нибудь мелочь мешает закрыть крышку, и приходится все развинчивать и собирать сначала.

Так что я в точности знал, как должен выглядеть зазор на моем ноутбуке, и понимал, что в закрытом виде он должен выглядеть совсем не так.

Я еще повозился с сетевым адаптером, но это не помогало. Стало ясно: эта штука не загрузится, пока я ее не разберу. Я застонал и поставил ноутбук у кровати. Утром займусь.

* * *

Не тут-то было. Прошло два часа, а я все еще лежал, смотрел в потолок и снова и снова про-

кручивал в голове все, что со мной сделали, все, что мне следовало бы сделать в ответ, — словом, воплощал тот самый esprit d'escalier.

Я скатился с кровати. Время перевалило за полночь, и родители, как я слышал, легли в одиннадцать. Я взял ноутбук, расчистил место на столе, прицепил к оправе увеличительных очков маленькие светодиодные лампочки, извлек набор крохотных прецизионных отверток. Развинтил корпус, снял клавиатуру и внимательно всмотрелся во внутренности ноутбука. Взял баллончик со сжатым воздухом, сдул пыль, засосанную вентилятором, и присмотрелся еще раз.

Что-то было не так. Я не мог с ходу понять, что же именно, но как-никак я уже несколько месяцев не заглядывал под крышку. На мое счастье, давным-давно я сделал умную вещь: два раза я раскрывал ноутбук и безуспешно пытался закрыть, а на третий сообразил наконец сфотографировать его внутренности со всеми деталями на своих местах. Правда, ума хватило не на все: сначала я просто оставил эту фотку на жестком диске и, естественно, развинтив ноутбук, уже не мог на нее посмотреть. Наученный горьким опытом, я распечатал фотку на принтере и сунул в ящик стола, заваленный всякими ненужными

бумажками вроде просроченных гарантийных талонов, старых инструкций и схем разводки. Покопался в нем — кажется, там царил еще больший бардак, чем обычно, — и отыскал фотку. Положил ее рядом с компьютером и стал сравнивать, пытаясь понять, что же находится не на своем месте.

Вот оно! Ленточный кабель, соединявший клавиатуру с материнской платой, располагался неправильно. Странное дело. В этой части ноута нет никаких движущихся деталей, при обычной работе ничто не могло сдвинуть с места этот кабель. Я попытался вдавить его обратно и понял, что разболтанный разъем — это еще полбеды. Между разъемом и клавиатурой находилась какая-то мелкая штука. Я подхватил ее пинцетом и посветил лампочкой.

В моей клавиатуре появилась лишняя деталь. Совсем крохотная, миллиметра в полтора, без всяких обозначений. Она была подключена между клавиатурой и материнской платой. А значит, регистрировала все нажатия кнопок на клавиатуре.

Жучок!

Меня бросило в жар. Царящие в комнате сумрак и тишина уже не казались по-домашнему

уютными. В них скрывались чужие глаза и уши, и все они следили за мной. Наблюдали. Постоянная слежка, под которой я находился в школе, настигла меня и дома, но теперь через плечо мне заглядывала не только учебная часть. К ней присоединился Департамент внутренней безопасности.

Сначала я хотел было вытащить жучка. Потом прикинул: те, кто его установил, сразу поймут, что прибор исчез со своего места. Так что, хоть меня и воротило, я его оставил.

Я осмотрелся, пытаясь найти другие следы постороннего вмешательства. Ничего не увидел, но это не значит, что их нет. Кто-то проник в мою комнату, разобрал мой ноутбук, установил этот девайс и снова собрал. Вдобавок существует множество других способов поставить на компьютер прослушку. И я, скорее всего, так и не сумею ее обнаружить.

Онемевшими пальцами я снова собрал машину. На этот раз корпус защелкнулся не так, как положено, однако кабель питания остался подключенным. Я загрузил компьютер, положил руки на клавиатуру. Неплохо бы провести диагностику и посмотреть, что к чему.

Но я не смог себя заставить.

Черт возьми, может быть, вся моя комната прослушивается. Может, вот прямо сейчас за мной шпионит скрытая камера.

Страх начал терзать меня еще по дороге домой. А сейчас я прямо-таки голову потерял от ужаса. Мне казалось, я снова очутился в тюрьме, в комнате для допросов, во власти сил, полностью подчинивших меня своей воле. Я чуть не расплакался.

Узнать, есть ли прослушка, можно только одним способом.

Я пошел в ванную, снял с держателя рулон туалетной бумаги и заменил его новым. На мое счастье, прежний уже почти закончился. Смотал с трубочки остатки бумаги, покопался в коробке с запчастями и извлек пакетик, полный очень ярких светодиодных лампочек — когда-то я их повыковыривал из разбитого велосипедного фонаря. Осторожно проколол булавкой в картонной трубке несколько дырочек, продел в них проводки от лампочек, соединил их в последовательную цепь маленькими металлическими зажимами. Медной проволокой прикрутил концы провода к контактам девятивольтовой батарейки. Получилась трубка, усеянная очень яркими направленными светодиодами, и я мог

поднести ее к глазу и заглянуть сквозь нее, как в подзорную трубу.

В прошлом году я соорудил такое устройство в качестве проекта для научной ярмарки и с его помощью показал, что в половине классных комнат нашей школы установлены скрытые камеры, после чего меня с этой ярмарки вытолкали в шею. В наши дни видеокамера величиной с булавочную головку стоит дешевле, чем пообедать в хорошем ресторане, потому их понатыкали где только можно. Магазинные клерки, которые понаглее, ставят их в примерочных или соляриях, а потом просматривают записи с раздетыми клиентками или даже выкладывают в интернет на всеобщее обозрение. Так что если тебе под силу соорудить детектор таких камер — а для этого всего-то нужны трубка от туалетной бумаги да мелкие детали бакса на три, — то можешь похвастаться своим благоразумием.

Такой прибор — простейший способ засечь скрытую камеру. Объективы у них крохотные, однако прекрасно отражают свет. Лучше всего это работает, когда в комнате полумрак. Глядя сквозь трубочку, медленно сканируй стены и другие места, где могут стоять камеры, пока не увидишь блик света. Если ты движешься дальше,

а блик остается на месте, значит, это объектив.

В моей комнате камер не было — во всяком случае, я их не нашел. Но, возможно, были аудиожучки. Или камеры получше. Или вообще ничего. Кто посмеет назвать меня параноиком?

Я относился к этому ноутбуку с большой симпатией. Ласково называл его Винегретом — потому что он был сделан из всего понемножку.

Раз уж ты дошел до того, что придумываешь прозвище своему ноутбуку, значит, у тебя к нему действительно глубокая привязанность. А теперь мне к нему даже прикасаться не хотелось. Руки чесались выкинуть его в окно. Кто знает, что они с ним сделали? Сколько еще всякой дряни напихали туда?

Я закрыл ноутбук, сунул его в ящик тумбочки и уставился в потолок. Время было позднее, пора ложиться спать. Вот только уснуть мне все равно не удастся. Меня взяли на прослушку. И возможно, не только меня, но и всех. Мир никогда уже не станет прежним.

— Я до них доберусь, — произнес я. — Не знаю как, но придумаю. — Это была клятва — я сразу понял это, хотя никогда раньше клятв не давал.

После этого мне уж точно стало не до сна. К тому же родилась идея.

Где-то в шкафу до сих пор валялась новенькая, с иголочки, еще не распакованная игровая приставка Xbox Universal. Все иксбоксы продаются по цене гораздо ниже себестоимости — основную прибыль «Майкрософт» получает от компаний, предоставляя им право выпускать игры для этих приставок, — однако «Универсал» был первым иксбоксом, который они стали раздавать совершенно бесплатно.

В прошлом году перед Рождеством на каждом углу стояли бедолаги, наряженные в костюмы воинов из игры «Гало», и раздавали направо и налево пакеты с этой приставкой. Должно быть, замысел оказался удачным — говорят, на играх они заработали прорву денег. Естественно, были приняты строгие меры предосторожности, чтобы на этих приставках запускались только игры от разработчиков, купивших лицензию у «Майкрософт».

Но все эти строгие меры не смогли остановить хакеров. Первый иксбокс был взломан парнем из Массачусетского технологического — он написал об этом книгу, ставшую бестселлером. Затем пала 360-я модель, после нее недолго продержался иксбокс-портабл (он весил аж три фунта, за что народ переименовал его из «переносного»

в «перевозный»). «Универсал» задумывался как неприступная крепость. А взломали его бразильские ребятишки с компьютерами на «Линуксе», старшеклассники из фавел — беднейших кварталов вроде трущоб.

Не надо недооценивать решимость детей, у которых мало денег и много свободного времени.

Когда бразильцы опубликовали свой кряк, мы все словно с ума посходили. Вскоре для иксбокс-универсала состряпали несколько десятков альтернативных операционных систем. Мне больше всех нравилась «Параноид-иксбокс», разновидность «Параноид-линукса». Система «Параноид-линукс» была разработана специально для диссидентов, например в Китае или в Сирии, и исходила из предположения, что пользователь находится под надзором правительства. Именно поэтому она старательно прячет от посторонних глаз все ваши сообщения и документы. Она даже создает целые потоки ложных сообщений, маскируя за ними ваши истинные действия. И пока вы буква за буквой получаете зашифрованное политическое послание, «Параноид-линукс» делает вид, будто вы бесцельно бродите по сети, заполняете анкеты или флиртуете в чатах. При этом лишь один из пяти сотен

полученных вами символов относится к вашему реальному сообщению. Его не найти, как иголку в стогу сена.

Как только появилась система «Параноид-иксбокс», я записал ее на DVD-диск, однако так и не удосужился распаковать иксбокс, найти телевизор, к которому его можно подключить, и все такое прочее. В моей комнате и так негде повернуться, не хватало только, чтобы всякое майкрософтовское барахло занимало драгоценное рабочее пространство.

Но сегодня я пошел на такую жертву. Распаковал и запустил иксбокс — на это ушло минут двадцать. Труднее всего было обойтись без телевизора, но я вспомнил, что у меня есть небольшой жидкокристаллический проектор со стандартным, как у телевизора, разъемом типа «тюльпан». Я подключил его к иксбоксу, направил луч на заднюю сторону двери и установил «Параноид-линукс».

Система заработала, и «Параноид-линукс» сразу стал искать другие иксбокс-универсалы, чтобы подключиться к ним. В каждую такую приставку встроен беспроводной коннектор для многопользовательских игр. Вы можете связаться с соседями или выйти в интернет, если у вас есть

беспроводной канал. Я отыскал в зоне доступа троих таких соседей. У двоих из них «универсалы» тоже имели выход в интернет. Это любимая конфигурация «Параноид-иксбокса» — он мог встраиваться в соседское интернет-соединение и выходить в сеть через игроков. Соседи этого даже не заметят: они выкладывают круглую сумму за то, чтобы интернет-соединение всегда имело стабильную скорость, при этом вряд ли кто-то из них интенсивно ходит по сети в два часа ночи.

Самым приятным во всем этом было ощущение того, что я снова владею ситуацией. Моя техника работает на меня, бережет, охраняет. А не шпионит за мной. Вот за что я люблю компьютерные технологии: если правильно ими пользоваться, они наделяют вас силой и оберегают личные границы.

Теперь мой мозг работал как часы. У системы «Параноид-иксбокс» множество преимуществ, и главное из них — то, что написать игры для нее может любой новичок. В ней уже есть порт для MAME — эмулятора множества аркадных машин, поэтому на приставке можно запустить все что угодно, начиная от такой древности, как Pong — игры для Apple, для Colecovision, NES, Dreamcast и много чего еще.

А еще прикольнее были крутые многопользовательские игры, написанные любителями специально для «Параноид-иксбокса», совершенно бесплатные и предназначенные для всех желающих. Сложите все это вместе — и получится, что у вас есть бесплатная консоль с бесплатными играми, дающая бесплатный доступ в интернет.

Но, с моей точки зрения, важнее всего было то, что «Параноид-иксбокс» был реально заточен под параноиков. Каждый бит проходившей через него информации был зашифрован вдоль и поперек. Подключайте к нему сколько угодно жучков, вам никогда не вычислить, кто, с кем и о чем разговаривает. Анонимная сеть, электронная почта и мессенджер. Как раз то, что мне нужно.

Осталось только доказать всем, что я найду этой системе достойное применение.

Глава 6

Хотите верьте, хотите нет, но на следующий день родители отправили меня в школу. Только в три часа утра я с трудом погрузился в беспокойный сон, а в семь отец уже стоял в ногах моей кровати и грозил стащить меня за щиколотки. Я кое-как поднялся — глаза слипались, язык не ворочался — и поплелся в ванную.

Мама запихнула в меня поджаренный хлеб с бананом. Я через силу проглотил, всей душой жалея, что родители не разрешают мне дома пить кофе. Нет, я, конечно, могу украдкой опрокинуть чашечку по дороге в школу, но смотреть, как они прихлебывают этот божественный напиток, пока я, еле волоча ноги, брожу по дому, одеваюсь и собираю учебники, было выше моих сил.

Путь до школы был мне хорошо знаком, я проделывал его тысячи раз, но сегодня все выглядело по-другому. Я шагал вверх и вниз по холмам, направляясь к Мишен-Дистрикту, и повсюду кишели грузовики. На указателях остановки виднелись новые датчики и дорожные камеры. Должно быть, у кого-то хранился изрядный за-

пас следящего оборудования, и при первом же удобном случае его поразвешивали на каждом столбе. В качестве этого случая очень удачно подвернулась атака террористов на Бэй-Бридж.

Из-за этого весь город выглядел каким-то приунывшим. Примерно такое же чувство возникает, когда едешь в переполненном лифте, под пристальными взглядами попутчиков и вездесущих камер.

Я взбодрился чашечкой кофе в турецкой кофейне на углу Двадцать четвертой улицы. Турецкий кофе — это, строго говоря, и не кофе совсем, настолько он густой и вязкий. Ложку поставишь — стоит, а кофеина больше, чем в целой банке энергетика вроде «Ред Булл». Знаете, почему Османская империя была непобедима? Потому что обезумевшие всадники шли в бой, подогревшись убийственной дозой угольно-черного кофе. Поверьте на слово, я об этом читал в Википедии.

Я хотел было расплатиться дебетовой карточкой, но при виде ее хозяин кофейни, турок, брезгливо скривился.

— Больше никаких карт.

— Это еще почему?

Много лет я расплачивался за дозу кофеина этой карточкой. Турок без конца цеплялся ко мне,

говорил, что я еще не дорос до его кофе, отказывался обслуживать в учебное время, полагая, что я прогуливаю уроки. Но за долгие годы между нами установилось некое шероховатое взаимопонимание.

Он печально покачал головой.

— Ты все равно не поймешь. Иди в школу, малыш.

Сказать, что я не пойму, — самый верный способ разжечь во мне желание разобраться в теме. Я вцепился в него как клещ, требуя разъяснений. Сначала он, кажется, был готов вышвырнуть меня вон, но, когда я спросил, устраиваю ли я его в качестве клиента, он раскололся.

— Безопасность. — Он обвел взглядом свою маленькую кофейню, банки с сушеными бобами, турецкие пряности на полках. — Правительство. В газетах писали, они теперь за каждым следят. Вчера Конгресс принял второй Закон о борьбе с терроризмом. Всякий раз, когда расплачиваешься карточкой, они следят за тобой. Я сказал — нет. Я не стану помогать им следить за моими клиентами.

У меня отвисла челюсть.

— Думаешь, это все ерунда? Если правительство узнает, где ты пьешь кофе, что тут плохого?

Потому что они будут знать, где ты сейчас, где ты побывал. Думаешь, почему я уехал из Турции? Потому что там правительство всегда шпионит за людьми. Не хочу я этого. Перебрался сюда двадцать лет назад, потому что хотел свободы. И никому не позволю эту свободу отобрать.

— Вы потеряете многих клиентов, — выпалил я. Хотел пожать ему руку, сказать, что он настоящий герой, но с языка сорвалось только это. — Сейчас почти все платят картами.

— Потеряю, но, может, не всех. Может, люди будут приходить, если узнают, что я тоже люблю свободу. Я повешу объявление. Может быть, другие магазины поступят так же. Говорят, Американский союз гражданских свобод хочет подать в суд на правительство.

— Отныне буду пить кофе только у вас, — пообещал я. И не шутил. Полез в карман за мелочью. — Только у меня денег с собой нет.

Он выпятил губы и кивнул.

— Многие так говорят. Ничего. Отдай эти деньги в АСГС.

За две минуты мы с турком сказали друг другу больше, чем за все мои прошлые визиты в его кофейню. Я и понятия не имел, какие страсти бурлят в его душе. Считал его всего лишь одним

из дружественных поставщиков кофеина в округе. Теперь я пожал ему руку и, выходя на улицу, ощутил, что сражаюсь бок о бок с ним по одну сторону баррикад. Мы стали тайными союзниками.

* * *

Меня не было в школе два дня, но, кажется, я не пропустил ничего важного. В один из дней, когда город мучительно приходил в себя от пережитого потрясения, школу закрыли. А следующий день, похоже, был посвящен траурным мероприятиям по погибшим и пропавшим без вести. Газеты публиковали их биографии, воспоминания близких. Интернет наполнился тысячами некрологов.

Среди этих предполагаемых жертв числился и я. Сам я об этом даже не подозревал и не ожидал такой встречи. Раздался чей-то вопль, и вокруг столпились человек сто, хлопали меня по спине, пожимали руку. Две девчонки, с которыми я даже не был знаком, поцеловали меня, и отнюдь не по-дружески. Я почувствовал себя рок-звездой.

Учителя были ненамного сдержаннее. Мисс Галвес рыдала прямо как моя мама, три раза обняла меня и только потом разрешила сесть за парту. У входа в класс над доской появилось то,

чего раньше не было. Видеокамера. Мисс Галвес поймала мой взгляд и протянула отксеренный школьный бланк с каким-то текстом.

Управление объединенного школьного района Сан-Франциско в выходные провело экстренное совещание и единогласно постановило: обратиться к родителям всех школьников города за разрешением установить во всех классах и коридорах камеры видеонаблюдения. Согласно закону, они не имели права устанавливать камеры в школе против нашей воли, однако в законе ничего не говорилось о нашем «добровольном» отказе от конституционных прав. В письме говорилось, что чиновники уверены в полной поддержке со стороны родителей. Тем детям, чьи семьи не согласятся на слежку, будет предоставлена возможность обучаться в отдельных, «незащищенных» классных комнатах.

Почему же у нас в классах повесили камеры? Ну конечно, из-за террористов. Потому что, взорвав мост, террористы указали, что следующей мишенью станут школы.

Я трижды прочитал этот текст и поднял руку.

— Да, Маркус?

— Мисс Галвес, у меня вопрос по этому документу.

— Говори, Маркус.

— Цель терроризма — запугать нас, верно? Потому он и называется терроризмом.

— Полагаю, да.

На меня устремились взгляды всего класса. Я был не из лучших учеников, однако любил затевать дискуссии на тему урока. Всем хотелось послушать, что я скажу дальше.

— Получается, мы делаем именно то, чего от нас хотят террористы? Пугаемся, вешаем камеры в классах и все такое. Выходит, они своего добились?

Раздались испуганные перешептывания. Поднялась одна рука. Это был Чарльз. Мисс Галвес вызвала его.

— Камеры в классах оберегают нашу жизнь и помогают побороть страх.

— Оберегают от чего? — спросил я, не дожидаясь разрешения.

— От терроризма, — ответил Чарльз. Остальные закивали.

— Каким же образом они нас оберегают? Если сюда прокрадется самоубийца с бомбой и взорвет нас всех…

— Мисс Галвес, Маркус нарушает школьные правила. Нам не полагается шутить об атаках

террористов…

— Какие уж тут шутки?

— Благодарю вас обоих. — Вид у мисс Галвес был очень грустный. Мне стало стыдно за то, что срываю ей урок. — Я считаю эту дискуссию очень интересной, но предпочла бы отложить ее до будущих уроков. Эти вопросы еще слишком болезненны для нас, и мне не хотелось бы обсуждать их сегодня. Давайте вернемся к разговору о суфражистках.

До конца урока мы говорили о суфражистках и обсуждали изобретенную ими стратегию. Они запускали по четыре женщины в кабинет каждого члена Конгресса, и те в доступной форме объясняли ему, как скажется на его политическом будущем отказ предоставить женщинам избирательные права. В обычное время подобные темы — о том, как простые люди заставляют власть имущих вести себя честно, — мне очень интересны. Но сегодня я никак не мог сосредоточиться. Должно быть, сказывалось отсутствие Дэррила. Мы с ним оба любили обществознание и сразу после начала урока открывали скулбуки и затевали переписку, втихую обсуждая то, о чем говорилось на уроке.

Накануне ночью я записал двадцать DVD-дис-

ков с операционной системой «Параноид-иксбокс» и взял их с собой в школу. Раздал их ребятам, которые, как я знал, были очень-очень увлечены компьютерными играми. Все они год-два назад обзавелись иксбокс-универсалами, и почти все давно забросили эти приставки. Игры для них безумно дорогие и не такие уж интересные. На переменах, за обедом или в зале самоподготовки я отводил этих ребят в сторонку и пел дифирамбы играм на «Параноид-иксбоксе». Мол, это бесплатные прикольные многопользовательские игры, которыми увлекается множество самого крутого народу со всего света.

Это называется «бритвенный бизнес» — бесплатно всучить какую-то ерунду, чтобы люди потом купили то, что ты хочешь им впарить. Так работают компании вроде «Жилетт»: раздают бесплатные станки для бритв и затем разоряют вас на лезвиях к ним. Самый яркий пример — картриджи для принтеров. Краску для них загоняют покупателям по цене в десятки раз дороже самого элитного шампанского, а оптовикам она обходится по копейке за галлон.

«Бритвенный бизнес» держится на том, что вы не можете купить «лезвия» ни у кого другого. Ведь если «Жилетт» кладет себе в карман

по девять долларов с каждого проданного за десятку сменного лезвия, то, согласитесь, неплохо бы организовать конкурентное производство и продавать те же лезвия уже за пятерку. Чистая прибыль в четыреста процентов — да за такое ваш брат бизнесмен душу дьяволу продаст!

Точно таким же «бритвенным бизнесом» занимаются компании вроде «Майкрософта». Они прилагают массу усилий, чтобы осложнить или объявить вне закона любую конкуренцию в производстве «лезвий». У «Майкрософта» на каждом иксбоксе установлена защита, не дающая запустить «левую» программу, написанную независимыми разработчиками — теми, кто не отстегнул «Майкрософту» грабительскую сумму за лицензию.

Ребята, с которыми я встречался, об этом как-то не задумывались. Зато, когда я им сообщал, что эти игры никем не отслеживаются, они сразу навостряли уши. В наше время любая онлайновая игра напичкана всевозможной дрянью. Во-первых, извращенцы, которые норовят заманить тебя в какое-нибудь удаленное местечко и там дать волю своим фантазиям в духе «Молчания ягнят». Затем копы — они притворяются уступчивыми ребятишками, чтобы ловить тех самых

извращенцев. Но хуже всех — надзиратели, которые целыми днями только и делают, что следят за всеми нашими разговорами и стараются подловить нас на нарушении какого-нибудь пункта условий использования. Например, не кадриться, не сквернословить и вообще «не допускать явных или замаскированных высказываний, принижающих любые аспекты сексуальности и сексуальной ориентации».

Я не сексуально озабоченный, но, когда тебе семнадцать, в разговорах нет-нет да и возникает тема секса. Но упаси вас бог заикнуться об этом в геймерском чате. Весь кайф обломают. Зато игры для «Параноид-иксбокса» никто не мониторит, они написаны не компанией, а хакерами чисто для собственного развлечения.

Моим приятелям-геймерам затея понравилась. Они охотно взяли диски и пообещали записать копии для всех своих друзей — ведь все знают, что прикольнее играть со своими приятелями.

Вернувшись домой, я прочитал, что группа родителей подала в суд на руководство школы за видеокамеры в классах, однако их требование — отложить установку хотя бы до принятия судебного решения — уже отклонили.

* * *

Не знаю, кому первому пришло в голову назвать нашу сеть икснетом, но слово прижилось. Даже в автобусах слышались разговоры о ней. Ван позвонила мне и спросила, слыхал ли я об этой сети. Я попросил подробностей и, услышав их, чуть не поперхнулся: диски, которые я начал раздавать на прошлой неделе, стремительно расходились по рукам. За две недели их копии добрались аж до Окленда. Мне стало не по себе: я то и дело озирался по сторонам, словно боялся, что нарушил строгие наказы, сделанные безопасниками на прощание, и теперь они явятся за мной и упрячут черт знает куда на веки вечные.

Те две недели дались мне нелегко. В метро перестали принимать оплату наличными, перейдя на бесконтактные карты с радиомаячками, которыми надо было всего лишь провести перед турникетом. Штука, конечно, удобная, но всякий раз, пользуясь ими, я понимал, что за мной следят. Кто-то опубликовал в икснете ссылку на доклад Фонда электронных рубежей о том, как подобные турникеты могут использоваться для слежки. Там же были короткие репортажи о небольших протестных пикетах на станциях метро.

Теперь я практически всегда выходил в сеть через икснет. Завел себе подставной почтовый ящик через Партию пиратов — шведскую политическую партию, выступавшую против слежки в интернете. Они клялись, что будут держать наши электронные адреса в тайне от всех, даже от полиции. Выходил я на них строго через икснет, переключаясь по интернет-соединениям соседних домов и оставаясь неузнанным, хотелось надеяться, на всем пути до самой Швеции. Я больше не пользовался ником w1n5t0n. Если уж даже Бенсон сумел меня вычислить, значит, это под силу кому угодно. Новый ник — M1k3y — я выдумал просто так. Мне стало поступать множество писем от людей, которые читали на форумах или в чатах, что я могу помочь им наладить соединение с икснетом.

А вот по «Харадзюку Фан Мэднесс» я скучал. Компания прекратила поддерживать игру, по их словам, на неопределенное время. Утверждали, что, мол, «по соображениям безопасности» они считают слишком рискованным делом прятать вещи и посылать игроков на поиски. А если кто-то решит, что в задании речь идет о бомбе? А вдруг кто-то спрячет бомбу в том же самом месте?

А если я в грозу буду ходить под зонтиком, и

в меня ударит молния? Запретить зонтики! Бороться с угрозой молний!

Я продолжал пользоваться ноутбуком, хоть и не без содрогания. Если я совсем перестану его открывать, тот, кто подсадил туда жучка, наверняка заподозрит неладное. А если я буду каждый день выходить в сеть, постепенно сокращая продолжительность сеансов, они решат, что мне это просто надоедает. Читал я чаще всего некрологи по тысячам моих друзей и соседей, нашедших свою смерть на дне Залива.

Правду сказать, я и домашней работе уделял все меньше и меньше внимания. Было много других дел. Каждый день я записывал пятьдесят-шестьдесят новых дисков с «Параноид-иксбоксом» и развозил по всему городу, вручая тем, кто был готов записать еще десятков шесть и тоже раздать друзьям.

Я не очень боялся, что меня на этом засекут, потому что на моей стороне была криптография. Криптография, или тайнопись, известна с древнеримских времен. Ее большим любителем был Октавиан Август, он придумывал собственные коды, которыми мы до сих пор зашифровываем самые едкие шутки в электронных письмах.

Криптография — это математика. Чистейшая

и тяжеловесная. Не стану объяснять ее вам в подробностях, потому что сам не до конца понимаю. Почитайте лучше в Википедии.

Если вкратце, то некоторые виды математических операций очень легко работают в одну сторону и очень трудно — в обратную. Нет ничего сложного в том, чтобы перемножить два больших простых числа и получить гигантское произведение. И очень, очень трудно взять это произведение и вычислить, из каких простых чисел оно получено.

А значит, если вы придумаете способ шифрования, основанный на умножении простых чисел, то расшифровать его, не зная этих чисел, будет трудно. Невероятно трудно. Даже если все существующие на Земле компьютеры включатся в непрерывную работу, на это уйдет триллион лет.

Процесс тайнописи включает в себя четыре составляющие. Первая — информация, которую надо зашифровать, специалисты называют ее «открытый текст». Вторая — конечный продукт, или «шифровка». Третья — сам шифр, или система шифрования. И главное — ключ, самый секретный компонент, который надо добавить к шифру, чтобы открытый текст стал шифрованным.

В былые времена шифровальщики старались держать в секрете все эти компоненты. У каждой организации, у каждого правительства были собственные шифры и собственные ключи. Во время Второй мировой войны нацисты и их противники — союзные силы — держали в строгом секрете друг от друга свои способы шифрования и уж тем более ключи для расшифровки. Вроде бы они делали все правильно, так ведь?

Нет, не так.

Когда мне впервые рассказали о разложении больших чисел на простые множители, я сразу ответил: чушь это все. Ничего не выйдет. Да, конечно, эти расчеты — штука трудная, что ни говори. Но раньше и полеты на Луну считались невозможными, и жестких дисков емкостью больше нескольких килобайт не существовало. Рано или поздно кто-нибудь наверняка придумает способ расшифровки. Я представил себе, как где-нибудь в глубоко спрятанном бункере тысячи математиков из Агентства национальной безопасности читают всю электронную переписку со всего мира и злорадно посмеиваются.

Примерно то же самое и произошло во время Второй мировой войны. Потому-то наша нынешняя жизнь и не похожа на игру «Замок

Вольфенштайн», в которой я провел много дней, охотясь на нацистов.

Дело в том, что сохранить шифры в секрете невероятно сложно. В каждый шифр заложено очень много математических процессов, и если они применяются повсеместно, то каждый, кто пользуется ими, тоже должен строго хранить тайну. Ну а если кто-то перейдет на сторону противника, то пиши пропало — надо сочинять новый шифр.

Шифр, которым пользовались нацисты, назывался «Энигма». Они даже построили машину для шифрования и дешифровки всех получаемых сообщений — небольшой механический компьютер с таким же названием. Такая машина должна была стоять на каждом корабле, каждой подводной лодке, в каждой шпионской резидентуре, и поэтому в конце концов случилось неизбежное — один из аппаратов попал в руки союзных сил.

Конечно, его сразу же разобрали по косточкам. Проделал это человек, которого я считаю своим личным кумиром на все времена, — Алан Тьюринг, математик, разработавший принципы создания всей современной компьютерной техники. Тьюринг был геем, и это обернулось для него трагедией: когда война закончилась, тупо-

головое британское правительство прописало ему инъекции гормонов, дабы «излечиться» от гомосексуальности. От такой перспективы он наложил на себя руки. На мое четырнадцатилетие Дэррил подарил мне биографию Тьюринга — по своему обыкновению завернув в двадцать листов бумаги и положив в игрушечный бэтмобиль, сделанный из переработанного вторсырья, такая уж у него манера вручать подарки. С тех пор я стал фанатом Тьюринга.

Итак, союзники заполучили «Энигму» и могли перехватывать множество нацистских шифровок. Можно подумать, пользы от этого было мало, потому что у каждого капитана имелся свой собственный секретный ключ. А поскольку у союзников ключей не было, то и машина им ничем не могла помочь.

И вот тут-то наступил момент, когда лишняя секретность идет во вред криптографии. В шифре, применяемом «Энигмой», был серьезный изъян. Присмотревшись к этому шифру, Тьюринг понял, что нацистские криптографы совершили математическую ошибку. А получив в свои руки машину «Энигма», Тьюринг нашел способ расшифровывать любое сообщение нацистов, какие бы ключи в нем ни использовались.

Его открытие обернулось для нацистов поражением в войне. Не поймите меня превратно. Это очень хорошо, что их разгромили. Поверьте ветерану «Замка Вольфенштайн», нельзя допускать нацистов к власти.

После войны криптографы много размышляли над случившимся. Проблема была в том, что Тьюринг оказался умнее человека, который изобрел «Энигму». Придумывая новый шифр, вы всегда будете беззащитны перед человеком, который окажется умнее вас и придумает способ его взломать.

И чем больше они размышляли, тем сильнее убеждались: каждый в силах разработать систему безопасности, которую, на его взгляд, взломать невозможно. Но никто не в состоянии предвидеть, какие контрмеры придумает более сообразительный противник.

Хотите убедиться, что шифр работает? Для этого надо его опубликовать. Рассказать о том, как он работает, максимально возможному кругу пользователей, и пусть они колошматят ваш шифр всем, что попадется под руку, проверяя его на прочность. Чем дольше продержится ваша система, тем она защищеннее.

Вот как это делается в наши дни. Если хотите

сохранить свои данные в безопасности, не надо использовать шифр, изобретенный неким гением на прошлой неделе. Возьмите тот, который находится в ходу уже очень давно и до сих пор никто еще не придумал, как его взломать. Банки, террористы, правительственные органы, обычные подростки — все они пользуются одним и тем же шифром.

Если попытаетесь придумать свой персональный шифр, то наверняка на вас найдется собственный Тьюринг, который обратит внимание на не замеченную вами трещинку и будет, посмеиваясь, читать ваши «секретные» записи, в которых вы перемываете косточки своим друзьям, проводите финансовые операции, раскрываете военные тайны.

Так что я знал, что криптография убережет меня от прослушки, однако не был готов иметь дело с гистограммами.

* * *

В метро я вышел из вагона, махнул проездной карточкой перед турникетом и поднялся к выходу на Двадцать четвертую улицу. Как обычно, на станции болталось много диковинного люда. Пьянчуги, святоши, хмурые мексиканцы с суро-

вым взглядом под ноги, несколько гопников. Не обращая на них внимания, я бегом поднялся по лестнице и вынырнул на поверхность. Вся сегодняшняя партия дисков с «Параноид-иксбоксом» была роздана, опустевший рюкзак больше не оттягивал плечи, и от чувства исполненного долга на душе стало легче. Я пружинистой походкой зашагал по улице, оставив позади бродячих проповедников, несущих благую весть по-испански и по-английски.

Продавцы поддельных солнечных очков куда-то подевались, их место заняли другие проходимцы. Они продавали электрических собачек-роботов, которые могли протявкать мелодию государственного гимна и задирали лапку, если показать им портрет Усамы бен Ладена. Мне стало интересно, на каких принципах работают электронные мозги этих собачонок, и я мысленно пометил себе в будущем прикупить парочку и разобрать. Технология распознавания лиц уже шагнула из военной области в казино, где с ее помощью вычисляли жуликов, однако я не знал, что она успела добраться до сферы игрушек.

Расправив плечи, я зашагал по Двадцать четвертой домой, к Потреро-Хилл. Из ресторанов, навевая мечты об обеде, доносились пряные аро-

маты буррито.

Не знаю, что заставило меня вдруг оглянуться через плечо. Наверно, пресловутое подсознательное шестое чувство. И я понял, что за мной следят.

Их было двое. Здоровенные белые парни с тонкими усиками, то ли полицейские, то ли байкеры-гомосексуалы, обычно рассекавшие по Кастро, но у геев прически поаккуратнее. На них были ветровки цвета старого цемента, прикрывавшие пояс, и синие джинсы. Мне сразу вспомнился весь арсенал, который копы носят на поясах, вспомнился и пояс Бэтмена у того безопасника в грузовике. На головах у обоих красовались беспроводные наушники.

Я продолжил путь, не сбавляя шага, хотя сердце заколотилось от страха. Я с самого начала ожидал чего-то подобного. Так и знал, что рано или поздно ДВБ вычислит, чем я занимаюсь. Я предпринимал все мыслимые меры предосторожности, но та стриженая дама предупреждала, что за мной будут следить. Что отныне я у них под колпаком. Я поймал себя на том, что вроде как ждал, что за мной придут, арестуют и бросят за решетку. А что? Почему в тюрьме должен сидеть Дэррил, а не я? Чем я лучше него? У меня даже не

хватило духу рассказать родителям — ни своим, ни тем более его, — о том, что с нами стряслось на самом деле.

Я ускорил шаг и перебрал в уме все, что у меня с собой. В рюкзаке ничего криминального. Ну, по крайней мере, ничего чрезмерно криминального. Взломанный скулбук с мессенджером и другим софтом, но с такими ходит половина школы. Данные, хранившиеся на телефоне, я зашифровал иначе. Разделил память на две части, открываемые разными паролями. Одна, на всякий случай, предназначалась для посторонних, а в другой хранилось все самое ценное. На первый взгляд эти данные казались бессвязной чепухой — такими их делала шифровальная программа. Так что никто даже не догадается о существовании скрытого раздела.

Дисков в рюкзаке не осталось. На ноутбуке нет никаких опасных улик. Но, конечно, если они повнимательнее присмотрятся к иксбоксу, игре конец. Фигурально выражаясь.

Итак, я сделал все, что мог, чтобы обезопасить себя. Пришло время встретить свою судьбу. Я остановился, зашел в ближайшую закусочную и заказал буррито с карнитас — полосками ветчины — и двойной сальсой. Если уж пропадать,

так хоть на сытый желудок. Взял еще большой стакан орчаты — холодного рисового напитка, похожего на сладковатый водянистый пудинг. На вкус гораздо лучше, чем на слух.

Сел за стол, и на меня снизошло глубокое спокойствие. Либо я отправлюсь за решетку за свои «преступления», либо нет. Все равно мне дали свободу лишь временно, отпустили погулять на длинном поводке. Моя родная страна уже не была мне другом, мы с ней очутились по разные стороны баррикад, и я понимал, что в этой битве мне не победить.

Когда я дожевывал буррито и хотел заказать на десерт чуррос — жареные пончики с корицей, те двое громил вошли в ресторан. Видимо, им надоело торчать снаружи и смотреть, как я тяну время.

Они встали возле стойки у меня за спиной, отрезав путь к отступлению. Я взял свой чурро у симпатичной пожилой официантки, расплатился, торопливо откусил пару раз. Хотелось успеть насладиться десертом, может быть, он будет последним за долгий-долгий срок.

И только потом я обернулся. Они стояли так близко, что я разглядел прыщ на щеке у того, что слева, и соплю под носом у другого.

— Прошу прощения. — Я попытался протолкнуться между ними. Тот, что с соплей, преградил мне путь.

— Сэр, — сказал он, — будьте добры, пройдите с нами. — И указал на выход из ресторана.

— Простите, я занят. Я ем. — Я снова попытался сделать шаг. На этот раз он положил руку мне на плечо. Он тяжело засопел носом, отчего сопля покачнулась. Я, наверно, тоже запыхтел, сам того не замечая из-за бешено колотящегося сердца.

Другой приподнял клапан на ветровке и показал полицейский значок.

— Полиция, — сказал он. — Пройдемте с нами.

— Дайте хоть вещи забрать, — отозвался я.

— Ничего, мы о них позаботимся, — ответил он. Сопливый придвинулся ближе и приставил ногу к моей ступне с внутренней стороны. Такой прием используется в некоторых боевых искусствах. Он дает почувствовать, когда противник начинает движение, собираясь бежать.

Но я-то бежать не собирался. Понимал: от судьбы не уйдешь.

Глава 7

Меня вывели на улицу. За углом стояла полицейская машина. Никакой символики на ней не было, однако любой местный житель мгновенно понял бы, что эта тачка полицейская. Ибо кто же еще может ездить на огромной «краун-виктории» в наше время, когда цена на бензин взлетела до семи долларов за галлон. Мало того, только полиция может позволить себе припарковаться вторым рядом на перегруженной улице Ван-Несс в нарушение всех хитроумных городских правил парковки, не опасаясь, что ее заберут хищные эвакуаторы, которые стаями кружат по улицам, утаскивают машины нарушителей и потом требуют с владельцев умопомрачительную мзду.

Сопливый высморкался. Я сидел сзади, он рядом со мной. Его напарник уселся впереди и стал тыкать пальцем в древний ноутбук, такой потрепанный, словно его первыми владельцами была семейка Флинтстоунов из каменного века.

Сопливый снова внимательно изучил мои водительские права.

— Мы хотим задать вам несколько рутинных

вопросов.

— Можно мне взглянуть на ваши значки?

Эти типы явно полицейские, однако не помешает дать им понять, что я знаю свои права.

Сопливый сверкнул бляхой так быстро, что я ничего не успел разглядеть, однако прыщавый с переднего сиденья дал мне хорошенько всмотреться в свою. Я прочитал номер подразделения и запомнил четырехзначный личный номер. Это было легко: 1337 у хакеров означало leet, или язык элиты, — способ записывать слова, заменяя некоторые буквы цифрами.

Оба были очень вежливы, не пытались меня запугать, как делали в ДВБ, когда я томился у них в плену.

— Я арестован?

— Вы временно задержаны ради обеспечения вашей собственной и общественной безопасности, — ответил сопливый.

Он передал мои права прыщавому, и тот медленно ввел их номер в компьютер. Я заметил опечатку и сгоряча чуть было не поправил его, потом решил, что лучше не соваться попусту.

— Вы хотите что-нибудь сообщить нам, Маркус? Или предпочитаете, чтобы вас называли Марк?

— Сойдет и Маркус, — отозвался я. Прыщавый

вроде бы казался неплохим парнем. Если, конечно, не считать, что они меня силой усадили в машину.

— Маркус, вы хотите что-нибудь сообщить нам?

— О чем? Я арестован?

— В настоящий момент вы еще не арестованы, — ответил прыщавый. — А хотели бы?

— Нет, — признался я.

— Вот и хорошо. Мы следим за вами с тех пор, как вы вышли из метро. Судя по данным вашего проездного билета, вы в разное время побывали во множестве необычных мест.

У меня отлегло от сердца. Значит, дело не в икснете. Они следят за моими перемещениями в метро и задались вопросом, почему я в последнее время разъезжаю такими странными маршрутами. Глупость какая.

— Значит, вы следите за каждым, кто в метро отклоняется от своих привычных маршрутов? Много же у вас работы.

— Нет, Маркус, не за каждым. Мы получаем тревожный сигнал всякий раз, когда кто-нибудь начинает ездить не так, как обычно, и оцениваем, требуется тут дополнительное расследование или нет. В твоем случае нам захотелось узнать,

почему такой смышленый на вид подросток вдруг стал бывать в совершенно непредсказуемых местах.

Когда я понял, что меня не швырнут за решетку, во мне закипела злость. Да какого черта они за мной шпионят — у них что, других забот нет? И с какой стати метро поставляет им сведения обо мне? Пусть занимается своим делом и возит пассажиров! И где, интересно, засветился мой проездной, давая повод обвинить меня в «нестандартном характере поездок»?

— Кажется, я предпочел бы, чтобы меня арестовали, — заявил я.

Сопливый откинулся на спинку сиденья и выгнул бровь.

— Правда? По какому же обвинению?

— А разве это не преступление — ездить в общественном транспорте неизвестно куда и неизвестно зачем?

Прыщавый зажмурился и устало потер глаза.

Сопливый обреченно вздохнул.

— Послушай, Маркус, мы на твоей стороне. Эта система помогает нам ловить злоумышленников. Террористов и наркоторговцев. Может быть, ты и сам торгуешь наркотиками. А проездной билет дает тебе отличную возможность незаметно пе-

ремещаться по городу. Кто ты, откуда — никому не известно.

— А чем плохо оставаться неизвестным? Томаса Джефферсона, помнится, вполне устраивало, что лишь немногие догадывались о его авторстве текста Декларации независимости. И кстати, я уже арестован?

— Давай отвезем его домой, — предложил прыщавый. — Побеседуем с родителями.

— Отличная мысль, — подхватил я. — Родителям наверняка будет интересно узнать, на что расходуются деньги, которые они уплатили в виде налогов…

Кажется, я все-таки перегнул палку. Сопливый потянулся было к дверной ручке, но тут вдруг развернулся ко мне, весь перекошенный от злости, с набухшими жилами на шее.

— Да заткнись же, пока не поздно! После всего, что произошло за последние две недели, не помрешь, если будешь посговорчивее. А может, и правда, давай лучше мы тебя арестуем, а? Посидишь денек-другой на нарах, пока твой адвокат бегает, тебя ищет. А за это время многое может случиться. Поверь, очень многое. Ну что, готов?

Я заткнулся. До этого я лишь дерзил да злился. А теперь у меня от страха душа ушла в пятки.

— Простите меня, — выдавил я, чувствуя знакомую ненависть к самому себе за эти слова.

Сопливый пересел на переднее сиденье, прыщавый завел мотор, и мы покатили по Двадцать четвертой к Потреро-Хилл. Мой адрес они узнали из водительских прав.

На звонок открыла мама. Дверь она оставила на цепочке. Выглянула, увидела меня и воскликнула:

— Маркус! А это кто такие?

— Полиция. — Прыщавый показал ей свой полицейский значок — не махнул перед носом, как у меня, а дал разглядеть. — Можно войти?

Мама закрыла дверь, сняла цепочку и впустила их. Они втолкнули меня в дом. Мама окинула нас всех троих своим суровым взглядом — это у нее неплохо получается.

— Что все это означает?

Прыщавый ткнул пальцем в мою сторону.

— Мы хотели задать вашему сыну рутинные вопросы о его перемещениях по городу, но он не желает отвечать. Мы сочли за лучшее привезти его сюда.

— Он находится под арестом? — В голосе мамы явственно зазвучал британский акцент. Молодец она у меня.

— Мэм, являетесь ли вы гражданкой Соединенных Штатов? — поинтересовался прыщавый.

Мама прожгла его взглядом, от которого посыпалась бы штукатурка.

— А что, не видно? — ответила она с протяжным южным акцентом. — Я что, тоже арестована?

Копы переглянулись.

Прыщавый снова ринулся в бой.

— Послушайте, кажется, наш разговор начался не с того, с чего надо. Действуя в рамках новой превентивной системы охраны общественного порядка, мы установили, что ваш сын пользуется общественным транспортом в нестандартной манере, отличающейся от общепринятых. Обнаружив людей, чьи перемещения носят необычный или подозрительный характер, мы проводим подробное расследование…

— Погодите, — перебила мама. — Откуда вам известно, как мой сын пользуется общественным транспортом?

— Из его проездного билета, — ответил он. — Там отмечаются все поездки.

— Понятно. — Мама скрестила руки на груди. Этот ее жест не предвещал копам ничего хорошего. Мало того что она не предложила им чаю — в понятиях маминой родины это крайне

недружественный жест, все равно что общаться с ними через замочную скважину. Но если уж она скрещивает руки на груди, значит, добром это не кончится. Мне захотелось пойти купить ей огромный букет цветов.

— Ваш сын отказывается объяснить нам, почему его перемещения носят такой странный характер.

— Значит, вы обвиняете моего сына в терроризме на том основании, что он ездит на автобусе как-то не так?

— Таким способом мы ловим не только террористов, — стал объяснять прыщавый. — Но и наркоторговцев, и гангстеров. Даже магазинных воришек, которым хватает ума не совершать два набега в одном квартале.

— Вы подозреваете моего сына в торговле наркотиками?

— Нет, мы не утверждаем… — начал было прыщавый. Мама хлопнула на него в ладоши, чтобы он заткнулся.

— Маркус, дай-ка мне свой рюкзак.

Я послушался.

Мама расстегнула его, повернулась к нам спиной и покопалась внутри.

— Господа полицейские, заверяю вас, что в

рюкзаке моего сына нет ни наркотиков, ни взрывчатки, ни украденных из магазина товаров. Полагаю, на этом можно закончить разговор. Но прежде чем вы покинете мой дом, я бы хотела записать номера ваших значков.

Сопливый осклабился.

— Мадам, Союз гражданских свобод уже подал в суд на три сотни полицейских Сан-Франциско, так что вам придется встать в длинную очередь.

* * *

Мама налила мне чашку чая, а потом отчитала за то, что я пришел поужинавший, хотя знал, что она приготовила фалафель. Пока мы еще сидели за столом, вернулся папа, и мы с мамой наперебой рассказали ему о случившемся. Он покачал головой.

— Лилиан, они всего лишь выполняют свою работу. — Он еще не успел переодеться, на нем были синий пиджак и брюки цвета хаки — так он одевался в те дни, когда давал консультации в Силиконовой долине. — С прошлой недели весь мир изменился до неузнаваемости.

Мама отставила чашку.

— Дрю, что за нелепость! Твой сын не террорист. И полиция не должна совать нос в то, как

он ездит на общественном транспорте.

Папа снял пиджак.

— Именно этим мы постоянно занимаемся на работе. С помощью компьютеров выявляем всевозможные ошибки, искажения и отклонения. Сначала даем компьютеру задание составить профиль среднестатистической записи из базы данных, потом ищем в этой базе записи, которые дальше всего отстоят от среднего значения. Так работает байесовская система анализа, и она существует уже много столетий. Не будь этого метода, мы бы не смогли отфильтровывать спам…

— Ты хочешь сказать, что полиция, как спам-фильтр, должна просеивать всех без разбора? — спросил я.

До сих пор папа никогда не сердился, если я начинал с ним спорить, но сегодня в нем словно натянулась какая-то пружина. Я все равно не мог удержаться. Ну как же, мой родной папа встает на сторону полиции!

— Я хочу сказать, что полиция действует совершенно разумно: начинает расследование с анализа данных, а уже после этого приступает к полевой работе, направляя людей выяснить, почему возникло то или иное отклонение. Вряд ли компьютер назовет полиции имя человека,

которого следует арестовать, он просто помогает им найти иголку в стоге сена.

— Но ведь они сами создают этот стог сена! — возразил я. — Сгребают в кучу гигантские массивы данных из транспортной системы. И во всей этой горе мусора нет почти ничего, что стоило бы внимания полиции. Бесполезная трата сил и ресурсов.

— Понимаю, Маркус, что эта система тебе не нравится, потому что причиняет неудобства. Но ты-то как раз лучше всех должен понимать всю тяжесть ситуации. Тебе ведь не сделали ничего плохого? Наоборот, подвезли домой.

«Ага, ничего плохого, всего лишь грозили швырнуть в тюрьму», — подумал я, но вслух ничего не сказал. Понимал, что бессмысленно.

— Кроме того, ты так и не рассказал, где тебя черти носили и как ты умудрился накрутить такие необычные перемещения.

Тут уж я взвился.

— Помнится, ты говорил, что доверяешь мне и не хочешь шпионить. — Он часто повторял это. — Ты и правда хочешь, чтобы я отчитывался за каждую поездку?

* * *

Поднявшись к себе, я сразу снял с полки иксбокс. Не так давно я привинтил проектор к потолку, чтобы он направлял картинку на стену над моей кроватью. Для этого пришлось даже убрать мой роскошный настенный коллаж, собранный из афиш панк-концертов, которые я поснимал с уличных столбов и наклеил на большие листы белой бумаги.

Я включил иксбокс и стал смотреть, как на экране проявляется изображение. Хотел было написать Ванессе и Джолу, рассказать о своей стычке с полицией, но, едва коснувшись пальцами клавиатуры, вдруг остановился.

Меня охватило странное чувство — примерно такое же, как в тот день, когда я понял, что мой бедный «винегрет» завербовали шпионить против меня. На этот раз мне почудилось, что мой обожаемый икснет может докладывать в ДВБ о местонахождении каждого пользователя.

Вспомнились папины слова: «Сначала даем компьютеру задание составить профиль среднестатистической записи из базы данных, потом ищем в этой базе записи, которые дальше всего отстоят от среднего значения».

Икснет прекрасно защищен, потому что его пользователи не соединены с интернетом напрямую. Они перескакивают с одного иксбокса на другой, пока не найдут тот, что соединен с интернетом, потом вбрасывают в него свои данные в нечитабельном, зашифрованном виде. И нельзя понять, какие из гуляющих по сети пакетов относятся к икснету, а какие представляют собой старую банковскую или коммерческую отчетность и прочие криптованные материалы. Нет никаких намеков, соотносящих интернетовский трафик с икснетом и уж тем более — с его пользователями.

Но как же папина байесовская статистика? Когда-то я уже вникал в эту тему. Однажды мы с Дэррилом решили написать хороший спам-фильтр, а для этого используется байесовская методика. Томас Байес, британский математик, жил в восемнадцатом веке, и вспомнили о нем лишь через пару столетий после смерти, когда ученые-программисты поняли, что его система статистического анализа огромных массивов данных отлично применима в современных информационных Гималаях.

Байесовский метод работает примерно так. Предположим, у вас есть большая груда спама. Вы

переписываете все слова, которые используются в спам-письмах, и подсчитываете, сколько раз встречается каждое из них. Полученный график называется гистограммой частотности слов, и из него можно понять, какова вероятность того, что некий набор слов представляет собой спам. Теперь возьмите партию электронных писем, которые не являются спамом (на профессиональном языке они называются «хэм», то есть «ветчина», в отличие от «спама», мясных консервов, реклама которых и породила название навязчивой информации, засоряющей почтовые ящики), и проделайте то же самое.

Дождитесь нового электронного письма и сосчитайте входящие в него слова. Потом сверьте полученное сообщение с гистограммой частотности слов — и сможете рассчитать, к чему, вероятнее всего, относится новое сообщение: к «спаму» или к «хэму». Если оно оказывается спамом, вы подправляете частотную гистограмму спама. Эту методику можно совершенствовать и дальше — выискивать пары слов, отсеивать устаревшие данные, — однако принцип остается неизменным. Эта идея, как и все гениальное, кажется простой и очевидной, когда ее тебе объяснят.

Ей можно найти множество разных применений. Например, прикажите компьютеру сосчитать линии на картинке и определить, какой гистограмме частотности линии она больше соответствует — варианту «собака» или варианту «кошка». Программа сможет выявлять порнографию, банковские махинации, жаркие споры не по делу на онлайн-форумах. В общем, полезная штука.

А для икснета — очень даже вредная. Предположим, вы поставили на прослушку весь интернет — не сомневаюсь, что ДВБ именно этим и занимается. Благодаря криптографии вы, глядя на содержание проходящих через икснет пакетов данных, не можете понять, кто их туда запустил.

Зато вам под силу установить, кто именно посылает очень много зашифрованного трафика — гораздо больше, чем другие пользователи. У обычного интернет-серфера средняя сессия процентов на девяносто пять состоит из открытого трафика и на пять процентов — из зашифрованного. А если кто-то отсылает девяносто пять процентов шифрованного текста, то самое время послать к нему компьютерных надсмотрщиков вроде прыщавого и сопливого — пусть порасспрашивают таинственного пользователя, кто он

такой: террорист, наркоторговец или пользователь икснета.

В Китае такое происходит сплошь и рядом. Всю страну там огораживает Великий китайский файрвол, держащий под контролем все интернет-соединения каждого жителя. Предположим, некий продвинутый диссидент нашел способ обойти систему, соединяясь по шифрованному каналу с компьютером в какой-нибудь другой стране. Теперь Коммунистическая партия не может определить, что делает в сети этот диссидент: то ли смотрит порнуху, то ли изучает инструкцию по изготовлению бомбы, то ли ведет скабрезную переписку со своей подружкой на Филиппинах, то ли читает политические статьи или благую весть от сайентологов. А им это и неинтересно. Главное — они видят, что этот малый генерирует зашифрованный трафик в гораздо бóльших объемах, чем его соседи. Тогда его хватают и отправляют в исправительно-трудовой лагерь в назидание другим несогласным — смотрите, мол, что случается с такими умниками.

До сих пор я был уверен, что икснет недосягаем для всевидящего ока ДВБ, но сейчас сильно засомневался в этом. А после сегодняшних событий понял, что положение мое не лучше, чем у ки-

тайского диссидента. Мало того, я поставил под угрозу всех тех, кто присоединился к икснету. Блюстителям закона неважно, совершаешь ли ты на самом деле какие-нибудь противоправные поступки. К тебе придут и будут изучать под микроскопом всего лишь за то, что ты отличаешься от среднестатистических параметров. А я не мог даже помешать этому — икснет, запущенный в действие, живет самостоятельной жизнью и его не остановить.

Надо найти какой-то другой способ исправить это.

Мне хотелось обсудить эту тему с Джолу. Он с двенадцати лет работал в интернет-провайдерской компании «Пигсплин-Нет» и знал о сети и о том, как она работает, гораздо больше меня. Если кто и придумает, как нам не угодить за решетку, так только он.

К счастью, мы договорились с Джолу и Ван, что завтра вечером после школы встретимся в нашей любимой кофейне в Мишен-Дистрикте. Формально считалось, что наша команда в «Харадзюку Фан Мэднесс» еженедельно встречается там, чтобы обсудить ход игры. Но теперь, когда игра прекратилась, а Дэррил исчез, эти встречи больше походили на поминальные посиделки,

в остальные дни дополняемые телефонными звонками и короткой перепиской на одну и ту же тему: «Ты как? Неужели это все было всерьез? Даже не верится». Хорошо, когда есть с кем словом перемолвиться.

* * *

— У тебя крыша съехала, — сказала Ван. — Ты окончательно и бесповоротно рехнулся.

Она пришла в своей школьной форме, потому что не успела переодеться — для этого пришлось бы ехать домой через мост Сан-Матео, потом возвращаться в город на школьном автобусе. Ван мучительно стеснялась своей формы: жакетик, плиссированная юбочка, гольфы, ни дать ни взять Сейлор Мун из мультика. А тут еще в кафе рядом с нами сидели эмо печального образа — студенты художественного колледжа, они казались взрослее и круче нас и при ее появлении спрятали ухмылки за чашками с латте. У Ванессы с самого начала испортилось настроение.

— Ван, а что мне, по-твоему, делать?

Во мне закипало раздражение. С окончанием игры и исчезновением Дэррила торчать в школе стало просто невыносимо. Целыми днями на уроках я находил утешение в том, что скоро увижусь

со своей командой, с теми, кто от нее остался. И вот теперь между нами вспыхнула ссора.

— Для начала, M1k3y, перестань подвергать себя опасности.

У меня волосы зашевелились. Конечно, на встречах с командой мы часто называем друг друга игровыми никами, но сейчас этот мой ник был также привязан к икснету, и, когда она произнесла его во всеуслышание, мне стало страшно.

— Никогда не называй меня так в общественном месте! — оборвал ее я.

Ван сокрушенно покачала головой.

— Вот об этом я и говорю. Маркус, за эти художества ты загремишь за решетку и других за собой потянешь. После всего, что случилось с Дэррилом…

— Ради Дэррила я это и затеял! — Студенты-эмо разом обернулись к нам, и я понизил голос. — Пусть не думают, что им все это просто так сойдет с рук.

— Думаешь, тебе удастся с ними справиться? Да ты рехнулся. За ними стоит правительство.

— И все равно это наша страна, — упрямился я. — Мы имеем право постоять за себя.

Ван наморщила лоб, опустила глаза — вот-вот заплачет. Глубоко вздохнула, справилась с собой,

встала.

— Прости. Не могу. Не могу смотреть, как ты летишь к пропасти. Это все равно что наблюдать автокатастрофу в замедленной съемке. Ты себя погубишь, а я слишком люблю тебя и не выдержу этого.

Она склонилась ко мне, судорожно стиснула в объятиях, крепко поцеловала в щеку, прихватив уголок рта. Сказала:

— Береги себя, Маркус.

Там, где прижались ее губы, меня жгло, будто огнем. Она точно так же обняла Джолу, но поцеловала строго посреди щеки. И ушла.

Мы с Джолу недоуменно переглянулись.

— Вот черт, — пробормотал я и спрятал лицо в ладонях.

— Да ничего, все уладится. — Джолу похлопал меня по спине и заказал мне еще один латте.

— Уж казалось бы, кому, как не Ван, понимать, насколько это серьезно, — сказал я.

Половина родственников Ван осталась в Северной Корее. Ее родители никогда не переставали беспокоиться о людях, которые живут под властью безумного диктатора и не имеют возможности, подобно им самим, сбежать в Америку.

Джолу пожал плечами.

— Может, потому она и боится. Знает, насколько это опасно.

Я понимал, что он имеет в виду. Двое дядей Ванессы угодили в тюрьму и сгинули там навсегда.

— Ну да, — вздохнул я.

— Ты чего вчера вечером не вышел в икснет?

Я радостно ухватился за возможность сменить тему. Рассказал ему о байесовской статистике и поделился опасениями насчет того, что мы, если будем и дальше гулять по икснету, рано или поздно попадемся. Он внимательно выслушал.

— Понимаю, куда ты клонишь. Если в чьем-то интернет-соединении будет слишком много шифровки, они заметят это и придут с проверкой. А если шифровки нет, то тебя легко подслушать.

— Ага, — подтвердил я. — Целый день над этим голову ломаю. Может, стоит уменьшить скорость передачи, распределить его на большее количество интернет-соединений…

— Не поможет, — перебил он. — Если снизить интенсивность почти до уровня шума, то практически отключишь весь икснет, а это не вариант.

— Верно, — согласился я. — Что еще можно сделать? Ума не приложу…

— А что, если мы изменим параметры нормы?

Вот почему нашего Джолу еще в двенадцатилет-

нем возрасте пригласили работать в «Пигсплин». Дайте ему задачу, у которой два решения, и оба не самые удачные, и он найдет третье, совершенно неожиданное, построенное на иных предпосылках, не имеющих ничего общего с прежними. Я с жаром закивал.

— Ну-ка, ну-ка, рассказывай.

— Предположим, обычный интернет-пользователь из Сан-Франциско ежедневно передает в сеть еще больший объем шифрованной информации. Если мы сумеем изменить соотношение обычного текста и криптованного примерно до уровня пятьдесят на пятьдесят, то пользователи икснета будут выглядеть нормальными людьми.

— Но как этого достичь? Люди обычно не заморачиваются насчет своей секретности и не пользуются зашифрованными каналами. Их не колышет, подсматривает ли кто-нибудь за их действиями в интернете.

— Да, но веб-страницы дают очень небольшой объем трафика. Если мы добьемся того, что люди в ходе своей обычной деятельности будут каждый день загружать несколько огромных зашифрованных файлов, то это создаст больше криптованного трафика, чем тысячи веб-страниц, вместе взятые.

— Ты имеешь в виду индинет, — догадался я.

— Точно.

То, о чем говорил Джолу, индинет — именно так, всегда со строчной буквы — был изобретен компанией «Пигсплин-Нет» и вывел ее в число самых успешных независимых интернет-провайдеров всего мира. Были времена, когда крупные студии звукозаписи подавали в суд на своих слушателей с требованием заплатить за загрузку музыки. Множество независимых студий пришли в ужас от этой идеи. Как это так — судиться со своими поклонниками?

Выход из положения нашла основательница «Пигсплина». Она предложила сотрудничество тем исполнителям, которые хотят не воевать со своими слушателями, а работать с ними. Продайте «Пигсплину» лицензию на право распространять вашу музыку среди клиентов, и за это вы получите долю в выручке от подписки, основанную на том, пользуется ли ваша музыка популярностью. Для независимых артистов самая большая беда не пиратство, а неизвестность. Кто станет воровать музыку, о которой никто не знает?

Идея сработала. Сотни независимых музыкантов и студий звукозаписи подписали контракты

с «Пигсплином». Чем больше музыки крутилось в этой сети, тем больше пользователей переходили на интернет от «Пигсплина» и, соответственно, тем больше денег доставалось музыкантам. Меньше чем за год у этого провайдера появилось сто тысяч новых подписчиков, и сейчас их число выросло до миллиона. Компания обеспечивала более половины широкополосных соединений по всему городу.

— Я уже несколько месяцев собираюсь переработать код для индинета, да все руки не доходят, — сказал Джолу. — Первоначальные программы были написаны очень быстро, вчерне, чуть ли не на коленке. Если немного допилить, они станут гораздо эффективнее. Но мне все время было некогда. И одним из приоритетных направлений доработки должно стать шифрование соединений. Этого хочет Труди.

Труди Ду — это учредительница «Пигсплина». В давние времена она была панк-легендой Сан-Франциско, соло-вокалисткой анархо-феминистической группы «Спидхорс», и соблюдение сетевой приватности было ее любимым коньком. Искренне верю, что она хотела зашифровать весь трафик своего музыкального сервиса чисто ради принципа.

— А это будет сложно? Сколько времени понадобится?

— Ну, в свободном доступе гуляют тонны различного криптокода. — Джолу повел себя в точности так, как бывало всегда, когда перед ним вставала могучая программистская задача. Отрешенный взгляд устремился куда-то вдаль, ладони машинально забарабанили по столу, отчего кофе выплеснулся в блюдечко. Я чуть не рассмеялся — пусть вокруг все рушится и мир летит ко всем чертям, Джолу кровь из носу напишет этот чертов код.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Он перевел взгляд на меня.

— Думаешь, сам не справлюсь?

— Ты чего?

— А ты чего? Организовал всю эту затею с икснетом, а мне даже слова не сказал. Ни единого намека. Вот я и решил, что ты в моей помощи не нуждаешься.

Я словно споткнулся на бегу. Растерянно повторил:

— Ты чего?

Джолу, кажется, разъярился не на шутку. Стало ясно, что эта тема давно уже гложет его.

— Джолу…

Он поднял глаза на меня, и в них сверкнула неподдельная горечь. Ну и болван же я! Умудрился не замечать, до чего он обижен.

— Да ладно, братан, ничего серьезного… — И по тону, каким он это сказал, было ясно: для него это очень даже серьезно. — Просто, понимаешь, ты даже ни разу не заикнулся. Я ведь не меньше твоего ненавижу ДВБ. Дэррил был не только твоим другом, но и моим. И я мог бы тебе здорово помочь.

Мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Послушай, Джолу, я поступил как последний дурак. Всю эту штуку я придумал в два часа ночи. У меня тогда совсем крышу снесло. Я…

Я ничего не мог сказать в свое оправдание. В том-то и дело, что Джолу абсолютно прав. Да, это все было придумано в два часа ночи, но наутро-то я мог бы с ним поговорить. Но не поговорил, так как знал, что он скажет: вся эта затея — полный бред, надо хорошенько все обдумать. Джолу всегда умел превращать мои безумные полуночные идеи в готовый код, но программы, выходившие из-под его пера, всегда немного отличались от того, что предлагал я. А мне хотелось, чтобы этот проект был моим и только моим. Я не желал ни с кем делиться придуманным образом M1k3y.

— Прости, друг, — выдавил я наконец. — Мне правда очень стыдно, что так вышло. Ты все правильно говоришь. Я тогда реально перетрусил и наделал глупостей. Мне очень нужна твоя помощь. Без тебя я не справлюсь.

— Ты серьезно?

— Еще как, — ответил я. — Ты лучший программист, какого я знаю. Настоящий гений. И я сочту за честь, если ты поможешь мне с этим.

Он еще побарабанил пальцами.

— Просто… Ну, сам понимаешь. Ты у нас в команде главный. Ван — самая толковая. Дэррил… Он был вроде как твой заместитель, всегда все организовывал, улаживал детали. А я был программистом, это мое, понимаешь? И, когда ты ничего не сказал, мне подумалось, что я тебе больше не нужен.

— Господи, какой же я дурень. Из всех, кого я знаю, только ты, Джолу, сможешь с этим справиться. Только у тебя хватит мозгов. Мне правда очень, очень…

— Ну ладно, хватит. Проехали. Я тебе верю. Мы все сейчас сами не свои. Так что, конечно, помогу. Возможно, контора тебе даже заплатит. Мне выделили небольшой бюджет для найма сторонних программистов.

— Серьезно? — Я еще никогда не получал денег за свои программы.

— Ага. Глядишь, еще и разбогатеешь на этом. — Он с ухмылкой похлопал меня по плечу. Обычно у Джолу характер легкий, он не умеет долго дуться, потому-то его обида и выбила меня из колеи.

Я расплатился за кофе, и мы вышли. Позвонил родителям, сообщил им, где нахожусь и чем занимаюсь. Мама Джолу приготовила нам сэндвичи. Мы заперлись у него в комнате и начали величайший программный марафон всех времен и народов. В половине двенадцатого вся семья Джолу легла спать, и тогда мы перетащили наверх кофеварку и обеспечили себе постоянную подпитку этой чудотворной жидкостью.

Если вы никогда не писали программ для компьюте- ра, непременно попробуйте. Ничто на свете с этим не срав- нится. Закладываете в компьютер свою программу, и он делает в точности то, что вы ему велели. Вы словно конструируете механизм — любой, хоть автомобиль, хоть водопроводный кран, хоть поршневой доводчик для двери, — используя математику, инструкции, чертежи. И когда ваше творение заработает, вас переполнит чувство истинного благоговения.

Компьютер — самая сложная из машин. Он

состоит из миллиардов крохотных транзисторов, которым можно задать любую программу, и они будут ее выполнять. И если вы сядете за клавиатуру и напишете хоть строчку программного кода, эти транзисторы будут послушно исполнять вашу волю.

Большинство из нас никогда не построит автомобиль. Не соорудит авиационную систему. Не спроектирует здание. Не построит город. Все эти вещи слишком сложны, их устройство выходит за пределы понимания простых людей вроде нас с вами. Но компьютер еще в десять раз сложнее, однако вы сумеете заставить его плясать под вашу дудку. Научиться писать несложные программы можно за пару часов. Начните с самого простого языка, он называется Python. Его специально придумали для того, чтобы люди, далекие от программирования, могли раскрыть истинные возможности своего компьютера. И даже если ваша программа нужна вам всего на один день, на один час, все равно попробуйте. Если хотите, чтобы компьютер не помыкал вами, а, наоборот, помогал, облегчал ваш труд, если хотите стать истинным властителем своей машины, научитесь писать программы.

В ту ночь мы написали очень, очень много.

Глава 8

Не я один пал жертвой гистограмм частотности. В городе оказалось множество народу, которые продемонстрировали нетипичный характер поездок, нетипичный характер поведения. Нетипичность — явление настолько распространенное, что вполне может считаться типичным.

Икснет был переполнен подобными историями, выплескивались они и на страницы газет, и в выпуски теленовостей. Среди выловленных попадались мужья, обманывавшие жен, жены, обманывавшие мужей, подростки, тайком от родителей встречающиеся с подружками или приятелями. Одного парнишку, скрывавшего от родителей, что он болен СПИДом, перехватили, когда он ехал в клинику за лекарствами.

Всем этим людям было что скрывать. Нет, они ни в чем не провинились, просто у них имелись свои личные секреты. А еще больше было людей, которым и скрывать-то было нечего, однако действия полиции их все равно возмущали. Представьте себе, что вас схватили на улице, заперли

в полицейской машине и требуют доказать, что вы не террорист. Понравится ли вам это?

Под удар попал не только общественный транспорт. Почти у всех водителей в районе Залива есть пропуск-транспондер. Это карточка с радиочипом, прикрепленная к ветровому стеклу. Когда вы проезжаете по мостам, с нее списывается плата, и это избавляет вас от многочасовых очередей в пунктах оплаты наличными. Правда, плата за проезд при этом увеличивается втрое, однако этот факт не афишируют, уверяя вас, что транспондеры обходятся дешевле, то есть попросту врут. Многие пытались сопротивляться новой технологии, однако число пунктов, где можно заплатить наличными, было уменьшено до одного на каждый въезд, очереди стали еще длиннее, и последние сторонники анонимной налички быстро исчезли.

У каждого городского жителя, ездящего хоть на своей машине, хоть на арендованной у местного агентства, есть такой транспондер. И, как выяснилось, пункты оплаты у въездов на мост — не единственные места, где ваши транспондеры проявляют себя. ДВБ установила считыватели по всему городу. Когда вы проезжаете мимо них, они регистрируют время проезда и номер вашего

удостоверения личности, создавая полнейшую базу данных о том, кто, куда и когда проехал. Эта база дополняется радарами контроля скорости, камерами, регистрирующими проезд на красный свет, и множеством других датчиков, способных считывать номер машины. В последние годы эти устройства разрастаются по всему городу как грибы после дождя.

Никто над этим сильно не задумывается. А теперь люди наконец стали обращать внимание на подобные детали и подметили, например, что транспондеры невозможно отключить — это не предусмотрено их конструкцией.

Так что, если вы сидите за рулем, будьте готовы к тому, что вас остановит полиция и начнет допытываться, почему вы в последнее время так часто заглядываете в магазин стройматериалов и для чего на прошлой неделе глубокой ночью ездили в Соному.

Мелкие демонстрации, то и дело вспыхивавшие по всему городу, в выходные стали разрастаться. Через неделю после начала слежки по Маркет-стрит промаршировало пятьдесят тысяч человек. Да что толку? Людям, захватившим мой город, нет дела до желаний туземцев. Армии завоевателей плевать на то, чего хочет и что о

них думает местное население.

Однажды утром, спустившись к завтраку, я услышал, как папа рассказывает маме о том, что два самых больших таксопарка вводят специальные карты для оплаты их услуг. Тем, кто платит этими картами, будет даваться скидка. По замыслу эта мера должна обезопасить водителей, снизив объем наличных денег у них в кармане. Мне стало интересно, куда попадет информация о поездках — кто, куда и на каком такси отправился.

Так что наши идеи родились очень вовремя — как раз когда обстановка стала накаляться. Новый клиент индинета устанавливался на компьютеры в виде автоматического обновления, и, по словам Джолу, трафик, который он наблюдает в «Пигсплине», уже зашифрован на 80 процентов. Икснет был спасен.

Однако отец доводил меня до белого каления.

Однажды утром за завтраком я рассказал ему, как вчера в метро полицейские останавливали и обыскивали прохожих.

— Маркус, у тебя паранойя, — ответил мне отец.

— Пап, все, что они делают, это чистейшая глупость. Никаких террористов они не ловят. Только

запугивают людей.

— Да, террористов они еще не поймали. Ну и что? Зато на улицах стало гораздо меньше подонков. Наркоторговцев, например, — говорят, с тех пор как это началось, их упаковали несколько десятков. Помнишь, как тебя ограбили наркоманы? Если не убрать тех, кто продает им дурь, с каждым днем положение будет становиться все хуже и хуже.

Да, в прошлом году мне обчистили карманы. Вообще-то обошлись со мной вполне цивилизованно. Их было двое. Один, тощий и вонючий, сказал, что у него пушка, а другой вежливо попросил отдать ему мой кошелек. Мне даже оставили удостоверение личности, однако забрали дебетовую карту и проездной. Я перепугался до чертиков и потом еще много недель ходил по городу с оглядкой.

— Пап, но ведь почти все, кого они задержали, не сделали ничего плохого, — доказывал я. И кому — родному отцу! Это начинало меня доставать. — Это безумие. За каждого задержанного правонарушителя страдают тысячи ни в чем не повинных людей. Так не должно быть.

— Ни в чем не повинные? Мужья, которые обманывают своих жен? Наркоторговцы? Ты их

защищаешь? А как же быть с теми, кто погиб? Если тебе нечего скрывать…

— Значит, если завтра остановят и обыщут тебя, ты не станешь возражать? — Папина гистограмма на данный момент выглядела удручающе нормальной.

— Сочту это своим долгом, — сказал он. — И буду гордиться. Благодаря этим мерам я чувствую себя в большей безопасности.

Легко ему говорить.

* * *

Разговоры об этом Ванессе не нравились, однако мы с ней вместе пережили слишком многое, поэтому мне не удавалось долго вести беседу на отвлеченные темы. Всякий раз при встречах мы начинали болтать о школе, о погоде и тому подобной ерунде, но потом я все равно возвращался к наболевшему. В таких случаях Ванесса хранила спокойствие, больше не наезжала, как тогда в кафе, но я видел, что она сердится.

И все равно не мог удержаться.

— Нет, ты представляешь? Батя сказал: «Сочту это своим долгом». Черт возьми, язык чесался рассказать ему, как меня держали в тюрьме, и спросить: это тоже он сочтет нашим долгом?

Уроки закончились, мы сидели на траве в Долорес-парке и смотрели, как хозяева играют с собаками, бросая им тарелки фрисби.

Ван успела забежать домой и переодеться в старую футболку со своей любимой бразильской группой, работающей в жанре техно-брега. Группа называлась Carioca Proibidao — «Запретный парень из Рио». Она раздобыла ее пару лет назад на большом концерте в Кау-Паласе, куда мы все вместе смылись с уроков. С тех пор Ван подросла на пару дюймов, футболка стала тесновата и открывала живот с маленьким плоским пупком.

Она лежала под неярким солнышком, закрыв глаза под темными очками, и пошевеливала ногами в шлепанцах. Я знаю Ван с раннего детства, и при мысли о ней перед глазами всегда возникает привычный образ: озорная девчонка с десятками звонких браслетов, вырезанных из банок из-под газировки. Она уже тогда хорошо играла на пианино и решительно не умела танцевать. А сейчас, в Долорес-парке, я вдруг взглянул на Ванессу новыми глазами и увидел, какой она стала.

Она была хороша. Чертовски хороша. Примерно так же бывает, когда смотришь на картинку с вазой и вдруг различаешь на ней два профиля. Передо мной была Ван, прежняя Ван, но при этом

я вдруг увидел, до чего же она привлекательна. А ведь я этого никогда раньше не замечал.

А еще я понял, что Дэррил всегда видел ее именно такой, и эта догадка ошарашила меня еще сильнее.

— Нельзя рассказывать об этом отцу, сам знаешь, — сказала она. — Иначе подставишь под удар нас всех.

Ее глаза были закрыты, грудь плавно вздымалась в ритме дыхания. Я не мог отвести взгляда, и это сильно сбивало с мысли.

— Да, — мрачно ответил я. — Но знаешь, в чем беда? Я вижу, что ему самому все эти шпионские страсти надоели до чертиков. Представляешь, что будет, если его вдруг затащат в машину и потребуют доказать, что он не совратитель малолетних, не наркоторговец и не террорист. Да он с катушек слетит. Лопнет от злости. Он бесится, даже когда при звонках в банк приходится ждать на линии. А если его запрут в машине и будут целый час допрашивать, его вообще кондратий хватит.

— Им это сходит с рук только потому, что нормальные люди сравнивают себя с ненормальными и ощущают свое превосходство. Считают, что уж им-то ничего не грозит. А если хватать начнут всех и каждого, начнется катастрофа.

Никто никуда не сможет поехать, все только и будут ждать своей очереди на допрос. Полный коллапс.

Ого.

— Ван, да ты гений!

— Сама знаю, — ухмыльнулась она и с ленивой улыбкой медленно, чуть ли не обольстительно покосилась на меня из-под ресниц.

— Нет, я серьезно. Это можно проделать. Перемешать профили разных людей. И тогда начнут хватать всех и каждого.

Она села, откинула волосы с лица, посмотрела на меня. При мысли о том, что мне удалось-таки ее поразить, внутри приятно екнуло.

— Для этого надо, чтобы все перемещались по городу с чужими карточками, — пояснил я. — Это сделать очень легко. Существуют устройства для клонирования радиомаячков. Соорудить их проще простого. Всего-то купить приемопередатчик долларов за десять и перепрошить. А потом ходить с этой штукой по улицам и менять карточки всем встречным. Перезаписывать данные проездных и транспондеров от одного человека к другому. И тогда получится, что все жители города перемещаются хаотичным образом, всех до единого надо брать и допрашивать. Вот тебе

и коллапс.

Ван поджала губы, опустила темные очки, и я понял, что она от злости потеряла дар речи.

— Прощай, Маркус. — Она вскочила на ноги и, не успел я и рта раскрыть, зашагала прочь, чуть ли не переходя на бег.

— Ван! — окликнул я и помчался следом. — Ван, погоди!

Она набирала скорость, и я припустил бегом.

— Ван, ты чего? — Я наконец догнал ее и схватил под руку. Она вывернулась так резко, что я по инерции заехал сам себе кулаком в лицо.

— Маркус, ты рехнулся. Хочешь навлечь угрозу — смертельную угрозу — на всех, кто тебе поверил и потянулся в этот твой икснет, а заодно превратить всех жителей города в подозреваемых в терроризме. Тебе не жалко всех этих людей? Может, пора остановиться?

Я лишь беспомощно разевал рот.

— Ван, это не я начал, а они. Это не я арестовываю людей, бросаю в тюрьму, где они исчезают. Это творит Департамент внутренней безопасности. А я пытаюсь с ними бороться.

— Как? Делая всем только хуже?

— Может быть, сначала надо сделать хуже, чтобы потом стало лучше. Разве ты не об этом

говорила? Если начнут хватать всех и каждого…

— Я говорила не об этом. Не хватало только, чтобы ты своими художествами подставил всех под арест. Если хочешь протестовать, вступи в протестное движение. Сделай что-нибудь полезное. Разве судьба Дэррила тебя ничему не научила? Ничему?

— Еще как научила! — взорвался я. — Научила, что безопасникам нельзя доверять. Что если не борешься с ними, значит, ты им помогаешь. Что, если дать им волю, они всю страну превратят в тюрьму. А ты, Ван, чему научилась? Сжаться в комочек, не высовываться, не поднимать головы и надеяться, что беда пройдет стороной? Думаешь, от этого станет лучше? Не станет. Если сидеть сложа руки, с каждым днем будет становиться только хуже и хуже. Хочешь помочь Дэррилу? Помоги мне одолеть ДВБ!

Вот я опять и заговорил об этом. О своей клятве. Не просто освободить Дэррила, но и разделаться со всем ДВБ. Да, затея безумная, я и сам это понимал. Но я твердо вознамерился сделать это. И не собирался отступать.

Ван с силой оттолкнула меня обеими руками. А силенка у нее имелась — в школе их постоянно гоняли по всяким девчоночьим видам спорта:

фехтованию, хоккею на траве и тому подобному. В общем, я плюхнулся задом на мерзкий тротуар Сан-Франциско. А она развернулась и зашагала прочь. Я не стал догонять.

* * *

> Самое важное в системах безопасности – не то, как они работают, а где дают отказ.

Такой строчкой начинался мой первый пост на икснетовском сайте «Открытый мятеж». Этими словами M1k3y объявлял войну.

> Они говорят, что все это автоматическое просеивание задумано, чтобы ловить террористов. Может быть, им даже удастся поймать одного-двоих. Но беда в том, что при этом в сети попадаемся и мы с вами, даже если не сделали ничего плохого.
>
> Чем больше народу попадает в их сеть, тем сильнее она изнашивается. Если будет поймано слишком много, сеть порвется.
>
> Поняли мою мысль?

Я выложил на сайт инструкцию о том, как сделать клонер радиомаячков, дал советы о том, как подходить к людям поближе, чтобы копировать и перезаписывать их маячки. Сунул свой клонер в карман винтажной кожаной куртки с армированными карманами и отправился в школу. По дороге успел взломать маячки шестерых человек.

Кто к нам с мечом пришел, от меча и погибнет.

* * *

Если вам когда-нибудь по глупости взбредет в голову соорудить автоматический детектор террористов, сначала выучите простой математический урок. Эта потрясающая штука называется «парадоксом ложноположительных результатов».

Предположим, ученые открыли некую новую болезнь, назовем ее суперСПИД. Ею болеет только один человек из миллиона. Вы разработали тест на суперСПИД, имеющий точность 99 процентов. То есть 99 раз из каждых 100 он дает правильный результат — «да», если пациент болен, и «нет», если здоров. Вы подвергли этому тесту миллион человек.

Из этого миллиона суперСПИД есть только у

одного человека. И одному из каждой сотни будет выставлен ложноположительный результат — тест скажет «да», хотя человек совершенно здоров. Вот что означает точность 99 процентов — один процент неверных результатов.

Один процент от миллиона — это сколько?

1 000 000: 100 = 10 000

СуперСПИД есть у одного человека из миллиона. Проверив миллион случайно выбранных человек, вы, вероятно, выявите этого единственного реального больного. Но ваш тест обнаружит суперСПИД не только у этого больного. Он поставит страшный диагноз десяти тысячам совершенно здоровых людей.

Ваш тест, точный на 99 процентов, дает неточность в 99,99 процента.

Вот он, парадокс ложноположительных результатов. Если вы пытаетесь выявить что-нибудь очень редкое, точность вашего теста должна соответствовать редкости искомого явления. Чтобы показать на экране один-единственный пиксель, нужен остро заточенный карандаш: ширина карандашного острия будет меньше размера пикселя. Но таким карандашом невозможно указать на один атом. Для этого нужен «карандаш», то есть тест, шириной в один атом

или даже меньше.

А вот как парадокс ложноположительных результатов применим к терроризму.

Террористы — явление очень редкое. В городе, таком как Нью-Йорк, с населением миллионов двадцать, может быть один или два террориста. Ну, возможно, десяток, не больше. 10: 20 000 000 = 0,00005 процента. Одна двадцатитысячная доля процента. В общем, террористы — явление очень редкое.

Теперь представьте себе, что у вас есть компьютерные программы, которые могут просеивать все отчеты по банковским операциям, все данные с автомобильных транспондеров или проездных билетов на общественный транспорт, и в 99 процентах случаев эти программы отлавливают террористов.

В городе с населением двадцать миллионов человек тест, имеющий точность 99 процентов, найдет признаки террористических действий у двухсот тысяч человек. Но всего десять из них — настоящие террористы. Чтобы выявить десятерых преступников, надо арестовать, допросить и проверить двести тысяч ни в чем не повинных граждан.

И знаете, что самое неприятное? Тесты на тер-

роризм даже на шаг не приближаются к точности 99 процентов. Они скорее точны процентов на шестьдесят. Или даже на сорок.

Из этих выкладок следует, что Департамент внутренней безопасности изначально быстрым шагом идет к крупному провалу. Они пытаются выявить чрезвычайно редкое явление — человека, являющегося террористом, — при помощи неточных систем.

Неудивительно, что в городе все идет кувырком.

* * *

Во вторник, через неделю после начала операции «Ложный позитив», я спозаранку вышел из дома. В наушниках гремела свежая музыка, скачанная вчера из икснета. Такими небольшими цифровыми подарками многие пользователи старались отблагодарить M1k3y за то, что он дарит им надежду.

Я свернул на Двадцать третью улицу, стал осторожно спускаться по узкой каменной лесенке, вырубленной в склоне холма. По дороге мне встретился мистер Таксовод. Я не знаю, как его зовут, однако встречаю тут чуть ли не каждый день — он выводит гулять в соседний скверик

трех такс, которые, пыхтя, карабкаются вверх по ступенькам. Разминуться с ними на узкой лестнице практически невозможно, и я всякий раз то запутываюсь в поводках, то вжимаюсь в чей-нибудь палисадник, то взгромождаюсь на бампер одной из машин, припаркованных у обочины.

Мистер Таксовод, судя по всему, важная шишка, потому что щеголяет роскошными часами и всегда одет в дорогой костюм. Вероятно, работает внизу, в финансовом квартале, подумалось мне.

Сегодня, опять протискиваясь мимо него, я незаметно включил клонер, лежавший в кармане кожаной куртки. Прибор мгновенно втянул в свою память номера его кредитных карточек, ключей от машины, паспорта и стодолларовых купюр у него в кошельке.

И не только втянул; при этом он заменил некоторые из этих номеров новыми, взятыми у других людей, мимо которых я проходил. Примерно как будто меняешь местами номера у нескольких машин, но делаешь это незаметно и молниеносно. Я виновато улыбнулся мистеру Таксоводу и продолжил спуск по лестнице. На пару секунд остановился возле трех машин и сменил номера их транспондеров на те, что скопировал вчера с других машин в округе.

Вы, наверно, скажете, что я немного перегибаю палку. Но, поверьте, по сравнению с тем, что вытворяли другие пользователи икснета, я просто невинный ягненок. Две девчонки с химико-технологического отделения университета Беркли сумели синтезировать из обычных продуктов, которые есть на каждой кухне, совершенно безвредное вещество, которое любыми детекторами воспринимается как взрывчатка. Они изрядно повеселились — обрызгивали этой дрянью портфели и пиджаки своих преподавателей, а потом, спрятавшись, с наслаждением любовались, как эти преподы безуспешно пытаются проникнуть в аудитории или библиотеки, однако новые охранные бригады, расставленные на каждом углу, не желают их пропускать.

Другие энтузиасты упрямо выясняли, существует ли такой порошок, который при тестировании определялся бы как споры сибирской язвы. Они намеревались запечатывать его в конверты и рассылать. Но все остальные сказали им: ребята, вы рехнулись. К счастью, они, кажется, так и не сумели отыскать такой порошок.

Проходя мимо Центральной больницы Сан-Франциско, я с удовлетворением увидел у дверей длиннющую очередь. Там, разумеется, полиция

тоже поставила контрольно-пропускной пункт. А в больнице на всяких низовых должностях — интерны, официанты в кафетерии и тому подобное — работало немало икснеттеров. Они, естественно, записали и перепутали бейджи всех тамошних сотрудников. Я где-то прочитал, что ежедневные проверки перед началом рабочего дня затягивались не меньше чем на час, и профсоюзы грозились начать акции протеста, если больница не сможет как-то исправить ситуацию.

В нескольких кварталах оттуда, перед станцией метро, очередь выстроилась еще длиннее. Полицейские ходили взад и вперед вдоль людской вереницы, выхватывали то одного, то другого, отводили в сторону, допрашивали, обыскивали сумки, обхлопывали карманы. Потерпевшие снова и снова подавали на них в суд, однако стражей порядка это, кажется, ничуть не волновало.

Я пришел в школу немного раньше положенного и решил прогуляться по Двадцать второй улице, выпить кофе. По дороге мне опять попался полицейский пропускной пункт, на котором останавливали и досматривали все проезжавшие машины.

В школе также творился сумасшедший дом.

Охранники с металлодетекторами проверяли наши школьные пропуска и отводили в сторону для допроса учеников, совершавших странные, на их взгляд, движения. Естественно, в те дни каждый старался двигаться самым странным образом. И естественно, уроки начинались на час-полтора позже положенного.

Сами уроки тоже проходили черт знает как. Вряд ли у кого-нибудь хватало сил сосредоточиться. Я краем уха услышал разговор двух учителей. Они жаловались, как долго вчера добирались с работы домой, и договаривались сегодня улизнуть пораньше.

Я едва не расхохотался в голос. Парадокс ложноположительных результатов наносит ответный удар!

Разумеется, нас отпустили с уроков пораньше, и я направился домой самым длинным путем, нарезая круги по Мишен-Дистрикту и любуясь картинами хаоса. Длинные вереницы машин. Очереди к станциям метро опоясывают целые кварталы. Люди, чертыхаясь, пытаются выбить свои деньги из банкоматов, а те ничего не выдают, потому что счета этих бедолаг заблокированы из-за каких-то якобы подозрительных действий (никогда не привязывайте свой банковский счет

к транспондерам или проездным билетам!).

Я вернулся домой, сделал себе сэндвич, залогинился в икснете. День прошел на славу. Ребята со всего города наперебой рассказывали о своих успехах. Нам удалось парализовать весь город Сан-Франциско. Это подтверждалось в выпусках новостей. Репортеры винили во всем ДВБ, говорили, что служба безопасности пошла вразнос, не справляется со своей работой, устанавливает драконовские меры вместо того, чтобы реально защищать нас от терроризма. В деловом разделе «Сан-Франциско Кроникл» всю первую страницу отвели под анализ экономических потерь от введенных мер безопасности. Оценки основывались на нерациональном использовании рабочего времени, сорванных встречах и тому подобном. По расчетам специалистов «Кроникл», неделя такого бардака обойдется городу дороже, чем взорванный Бэй-Бридж.

Три ха-ха.

И самое главное: в тот вечер папа вернулся домой поздно. Очень поздно. На три часа позже обычного. Почему? Да потому что его останавливали, обыскивали, допрашивали. И не один раз. А дважды.

Дважды!

Глава 9

Отец чуть не лопался от бешенства. Помните, я говорил, что очень редко, всего несколько раз, видел, как он терял терпение? Так вот, таким разъяренным, как в тот вечер, я его не видел вообще никогда.

— Нет, подумать только! Этот коп, пацан, лет восемнадцать ему, молоко на губах не обсохло, твердит одно и то же, как попугай: «Сэр, если ваш клиент живет в Маунтин-Вью, то почему вы вчера ездили в Беркли?» Я ему объясняю, что преподаю в Беркли, а он говорит: «Но вы же утверждаете, что работаете консультантом», — и все начинается заново. Словно в дурацкой комедии, где полицию выставляют круглыми идиотами. И в придачу он еще и утверждает, что сегодня я тоже побывал в Беркли. Я ему говорю — нет, не был, а он — нет, был. И показывает мне распечатку с транспондера, где сказано, что сегодня я аж трижды проезжал по мосту Сан-Матео!

Он перевел дух, из чего я понял, что он действительно вот-вот взорвется.

— Но и это еще не все, — продолжил отец. — В

их сведениях о том, где я побывал, фигурируют места, в которых вообще нет платных дорог! Они считывают данные с транспондера, когда я просто проезжаю по улицам, в наугад выбранных точках. И все эти данные были неверными! Я там не бывал! Черт побери, мало того, что они шпионят за нами, так еще и не умеют делать этого как следует! Вопиющая некомпетентность!

Он метался взад и вперед по кухне, размахивая руками, будто уличный проповедник.

Я спустился на кухню и остановился в дверях, наблюдая, как он рвет и мечет. Мы с мамой встретились глазами и подняли брови, словно вопрошая друг друга, кто из нас скажет ему банальную фразу: «Мы же тебе говорили». Я кивнул ей. Она своей супружеской властью умела погасить любые вспышки его гнева, а от меня, жалкого потомка, толку было мало.

— Дрю. — Мама твердой рукой взяла его за локоть.

Отец остановился и рявкнул:

— Чего?

— По-моему, ты должен извиниться перед Маркусом.

Ее голос был ровен и тверд. Она у нас железная леди, а мы с отцом вспыхиваем, как факелы, от

первой же искры.

Отец перевел взгляд на меня. Задумался на миг, прищурившись.

— Ну ладно, — сказал он наконец. — Твоя взяла. Я тут говорил о компетентной службе наблюдения. А эти ребята — вопиющие бездари. Прости, сынок, — выдавил он. — Ты был прав. Нет в этом никакого толку.

Он пожал мне руку, потом — неожиданно — крепко обнял.

— Боже мой, Маркус, что мы сделали со своей страной! — вздохнул он. — Не хотелось бы оставлять ее твоему поколению вот в таком виде. Вы достойны лучшей доли.

Он отпустил меня. На его лбу пролегли глубокие горькие складки. Раньше я их не замечал.

Я поднялся к себе, запустил икснет, немного порубился в игры. Есть там хорошая многопользовательская игрушка про пиратов, где нужно каждые день-два что-нибудь совершать, чтобы поддерживать свою команду в работоспособном состоянии, и только после этого они снова смогут разбойничать и грабить. В обычной жизни я такие игры терпеть не мог, однако они сильно затягивали: в них надо проходить множество неинтересных квестов, похожих один на другой,

изредка вступать в мелкие стычки с другими игроками за право командовать кораблем, решать несложные задачки. Чаще всего такие игры заставляли меня с тоской вспоминать «Харадзюку Фан Мэднесс», где выполняешь задания в реальном мире, разгадываешь онлайновые головоломки, напрягаешь мозги вместе со всей своей командой.

Но сегодня мне было нужно именно это. Бездумное развлечение.

Отца жалко.

И это сотворил с ним я. До сих пор он жил в полном счастье, будучи уверен, что уплаченные им налоги идут на благое дело поддержания безопасности. А я лишил его этой уверенности. Он, конечно, заблуждался, однако эта вера придавала ему сил. И теперь, глядя на него, раздавленного и несчастного, я задавался вопросом, что же лучше: лишившись надежды, видеть мир таким, какой он есть, или пребывать в сладком плену иллюзий. На меня снова навалился стыд — тот же самый, какой я испытал, когда из меня вытянули все пароли, когда меня сломали. Захотелось спрятать голову в песок и смыться подальше от самого себя.

Мой игровой персонаж был морячком на пи-

ратском корабле «Охотник на зомби», и за то время, пока я не заходил в игру, он изрядно растерял силы. Пришлось взывать о помощи ко всей своей команде, пока наконец не нашелся человек, согласный меня подкачать. Это занятие на время отвлекло меня от горьких мыслей. На самом деле мне это даже нравилось. Есть что-то волшебное в том, что совершенно незнакомый человек согласился тебе помочь. И поскольку дело происходило в икснете, все эти незнакомцы были в какой-то мере друзьями.

> Где ты находишься?

Персонажа, который вызвался меня подтянуть, звали Лизанатор, и он был женского пола, хотя это совершенно не значит, что под его личиной в самом деле скрыта девчонка. Среди парней немало чудиков, которым нравится играть от женского лица. Я ответил:

> В Сан-Франциско
> Да нет, балда, где именно в Сан-Фране?
> А ты что, извращенец?

На таких вопросах подобные беседы обычно

прекращаются. Естественно, в любом игровом пространстве полным-полно педиков и извращенцев, а также копов, выдающих себя за педиков и извращенцев, чтобы ловить на живца. Хотя, от души надеюсь, в икснете копов нет! В десяти случаях из десяти обвинения такого рода помогают мгновенно сменить тему разговора.

> Мишен-Дистрикт? Потреро-Хилл? Ноэ? Ист-Бэй?

> Слушай, подкачай меня, и хватит об этом, ладно?

Она перестала подкачивать.

> Что, сдрейфил?

> А тебе-то что?

> Да просто любопытно

Разговор мне не понравился. Этой девицей явно двигало не простое любопытство. Можете считать меня параноиком. Я вышел из игры и выключил иксбокс.

* * *

Утром папа поглядел на меня через весь стол

и сказал:

— Ну, кажется, теперь дело пойдет на лад.

И протянул мне газету «Кроникл», раскрытую на третьей странице.

Представитель Департамента внутренней безопасности подтвердил, что сан-францисское отделение потребовало у правительства троекратного увеличения бюджета и численности персонала.

Что?!

Генерал-майор Грэм Сазерленд, командующий северокалифорнийским подразделением ДВБ, вчера на пресс-конференции подтвердил, что такой запрос был действительно подан и что побудила его к этому активизация подозрительной деятельности в районе Залива. «Мы отследили резкий всплеск секретных переговоров и подпольной деятельности. Полагаем, что злоумышленники намеренно создают ложные сигналы об опасности, чтобы подорвать наши усилия», — сказал генерал-майор.

У меня глаза полезли на лоб. Не может быть!

«Эти ложные сигналы могут представлять собой “радарный шум”, намеренно создаваемый для сокрытия подготовки к очередному нападению. Единственный действенный способ справиться с

ним — увеличить численность персонала и объем аналитической работы, чтобы досконально расследовать каждую подозрительную ниточку».

Сазерленд выразил сожаление из-за «вынужденных» задержек и простоев, наблюдаемых по всему городу, и пообещал принять меры для их устранения.

У меня перед глазами возникла страшная картина — город наводнили в четыре или пять раз больше охранников из ДВБ, чем сейчас. И к этому привели мои дурацкие затеи. Правильно Ван говорила. Чем яростнее я буду бороться с безопасниками, тем хуже пойдут дела.

Отец кивком указал на газету.

— Они там хоть и дураки, но свое дело знают. Будут направлять на решение проблемы все больше и больше ресурсов, пока не разберутся. Задача, сам понимаешь, вполне решаемая. Собрать все данные по городу, отследить каждый подозрительный сигнал. Рано или поздно они поймают террористов.

Я потерял дар речи.

— Пап! Ты хоть сам понимаешь, что говоришь? Они же собираются установить слежку за каждым жителем Сан-Франциско!

— Да, — уверенно кивнул он. — И правильно

сделают. Заодно выловят всех, кто уклоняется от алиментов, всех наркоторговцев, прочих преступников, ну и конечно, террористов. Погоди немного, и увидишь, как наш город станет самым чистым в стране!

— Пап, скажи, что ты шутишь! — взмолился я. — Прошу тебя! Разве для этого была написана наша Конституция? Разве в ней не говорится о гражданских правах?

— Конституцию написали задолго до того, как возникла электронная обработка информации, — отозвался папа с безмятежной уверенностью в своей правоте. — Право на свободу собраний — дело, конечно, хорошее, но почему оно должно мешать полиции? Неужели им запрещается изучить твои контакты и понять, с кем ты водишь дружбу? Может быть, с бандитами или террори- стами?

— Потому что это вмешательство в мою личную жизнь!

— И что в этом такого? Что для тебя важнее — личная жизнь или борьба с террористами?

Господи, до чего же тяжело вести такие споры с родным отцом. Хлебнуть бы глоток кофе!

— Пап, задумайся. Отнимая у нас личную жизнь, они не поймают ни одного террориста.

Только испортят жизнь нормальным людям, вот и все.

— Откуда ты знаешь, что они не поймают ни одного террориста?

— Ну и где они, все эти пойманные?

— Будут тебе пойманные. Рано или поздно их всех арестуют. Погоди, сам увидишь.

— Пап, какая муха тебя укусила? Еще вчера ты был готов разорвать копов голыми руками за то, что задержали тебя. Что с тобой стряслось со вчерашнего вечера? Какого черта…

— Маркус, не разговаривай со мной в таком тоне. После вчерашнего вечера у меня было время на холодную голову обдумать случившееся и прочитать вот это. — Он ткнул пальцем в газету. — Меня задержали потому, что преступники активно препятствуют действиям полиции. И чтобы устранить эти помехи, полицейским приходится менять свою тактику. Но они своей цели достигнут. А если меня будут изредка задерживать на дороге, то это, я считаю, достаточно скромная плата за безопасность. Сейчас не время строить из себя защитника прав и свобод. Ради сохранности своего города все мы должны жертвовать личными интересами.

Мне уже кусок не лез в горло. Не было сил

оставаться в этом доме еще хоть на миг. Я сунул тарелку в посудомоечную машину и отчалил в школу.

* * *

Икснеттеров, конечно, не порадовало усиление полицейского контроля, но они не собирались сидеть сложа руки. Один из них позвонил в прямой эфир радиостанции KQED и заявил, что полиция только зря тратит время, что против любых мер найдутся средства противодействия и что копам никогда не распутать этот клубок. В тот вечер эта аудиозапись побила все рекорды загрузок в икснете.

— Это Калифорнийское ток-шоу, у нас анонимный звонок с телефона-автомата в Сан-Франциско. Наш слушатель готов предоставить собственную информацию о транспортных затруднениях, с которыми мы на этой неделе столкнулись по всему городу. Говорите, вы в эфире.

— Эй вы там, слышите меня? Ага, это еще цветочки, поняли? Мы, блин, только разогреваемся. Пусть наймут хоть миллиард копов и расставят на каждом углу. Мы им не по зубам! И вообще, что тут за бред про террористов? Мы им тут что, террористы какие-то? Черта с два, в натуре! Мы

им всю систему завалим, потому что любим свой город, а службу безопасности терпеть не можем! Да какие мы террористы? Не смешите меня! Лично я даже слово «джихад» правильно написать не смогу! Идите вы все знаете куда!

Какой-то отмороженный мелкий пацан. Несет околесицу и страшно гордится собой. И собственной безбашенной храбростью.

Его звонок поднял в икснете целую бурю. Одни считали его идиотом, другие — героем. А меня тревожило совсем другое. На таксофон, с которого он звонил, наверняка нацелена видеокамера. Или его проездной билет где-нибудь засветился. Надеюсь, у этого болвана хватило ума стереть отпечатки пальцев с монетки, опущенной в таксофон, поднять капюшон ветровки и оставить дома все радиомаячки. Однако его умственные способности вызывали у меня большие сомнения. Возможно, к нему в дверь скоро постучат.

Когда в икснете случается что-то грандиозное, я об этом обычно узнаю сразу же, потому что в почтовый ящик начинают сыпаться миллионы писем от людей, которые хотят немедленно доложить M1k3y о свежайших новостях. И как раз тогда, когда я читал о полуграмотном придурке, неспособном написать слово «джихад»,

почтовый ящик словно взорвался. Со всех сторон туда сыпались ссылки на живой журнал — один из множества анонимных блогов в икснете, основанных на системе публикации Freenet. Ею, кстати, пользуются защитники демократии в Китае.

> Уф, еще бы чуть-чуть, и нам хана! Ох, что тут было!

> Мы сегодня бродили по Эмбаркадеро, раздавали каждому то новый ключ от дома, то от машины, кому проездной, кому транспондер, словом, наводили порядок. На каждом шагу стояли копы, но мы-то умнее их, каждый вечер там бываем, и ничего, ни разу не попались.

> А вот сегодня не повезло. Прокололись как лохи. Сами виноваты, нюх потеряли. Коп в штатском сцапал моего приятеля, а потом и всех нас. Они давно по толпе ходили, выслеживали. А рядом стоял этот их грузовик. Нас четверых туда запихнули, а остальные сумели смыться.

> Грузовик был набит битком. Нас напихали как селедок в бочку. Кого там только не было! Молодые и старые, чернокожие

и белые, богатые и бедные. И всех нас держали под подозрением. Два копа нас допрашивали, а другие, в штатском, ловили и приводили еще и еще. Все старались пролезть вперед, чтобы их допросили первыми, а нас оттеснили в самый хвост, и мы проторчали там несколько часов, не меньше. Жара стояла дикая, а народу все прибавлялось.

> Часов в восемь вечера караул сменился, пришли новые копы и стали наезжать на старых: мол, чего тут у вас за фигня? Вы дело делаете или дурью маетесь? Они переругались вдребезги, старые ушли, а новые сели за столы и стали перешептываться.

> Потом один коп встал и заорал: «А ну, проваливайте все по домам! У нас и без вас дел по горло. А если кто-то что-то натворил, то больше так не делайте. И пусть это будет вам уроком!»

> Кое-кто запаниковал, и это был просто отпад, потому что десять минут назад все возмущались, почему нас тут держат, а когда сказали – уходите, они прям закудахтали: как так, как так!

> Но мы-то сразу отчалили, разошлись по домам и вот, пишем тебе. Поверь на слово: копы в штатском на каждом углу. Если глушишь маячки, смотри в оба и, как что заметишь, сразу делай ноги. Попадешься – отсидись в сторонке, не лезь под руку, у них и без тебя дел по горло, глядишь, и отпустят.

> Ух, как мы их нагрузили! Столько народу попало в грузовик – и все из-за того, что мы маячки глушили. А мы глушили, глушим и будем глушить!

Мне стало дурно до тошноты. Эти четверо совершенно незнакомых мне ребятишек даже не догадывались, какая опасность им грозила. А ведь они могли сгинуть навсегда. И все из-за моих дурацких затей.

Они делали то, что велел им делать я. Так чем же я лучше террориста?

* * *

ДВБ сумел-таки выбить себе увеличенный бюджет. Президент вместе с губернатором выступил по телевидению и заявил, что ради безопасности не жалко заплатить любую цену. На следую-

щий день нам пришлось смотреть эту речь на школьном собрании. Отец аплодировал. Он с самого первого дня терпеть не мог президента, говорил, что этот ничуть не лучше предыдущего, а предыдущий и вовсе никуда не годился, зато теперь только и твердил, какой решительный и динамичный человек возглавляет нашу страну.

— Будь к отцу снисходительнее, — сказала мама однажды вечером, когда я вернулся из школы. В последнее время она старалась как можно больше работать из дома. Мама внештатно сотрудничает с британским посольством. Она специалист по релокации, помогает тем, кто приехал из Великобритании, обустроиться в Сан-Франциско. Ей пишут растерянные британцы со всех уголков страны, впервые столкнувшиеся с тем, какие, оказывается, странные люди мы, американцы. И мама отвечает, объясняет им, что к чему и как с нами, странными американцами, общаться. Говорит, что из дома ей работается гораздо лучше, потому что не надо встречаться с американцами и разговаривать с ними.

Насчет британцев я не питаю никаких иллюзий. Америка, конечно, пытается выбросить в мусор свою Конституцию всякий раз, когда какой-нибудь джихадист кинет на нас косой

взгляд, однако, как я узнал в десятом классе, готовя проект по обществознанию, у англичан вообще никакой Конституции нет. Зато есть масса безумных законов, от которых волосы встают дыбом. Например, тебя могут бросить на год в тюрьму, если власти уверены, что ты террорист, но не имеют веских доказательств. Откуда они взяли эту свою уверенность, если не могут ничего доказать? Им что, в страшном сне приснилось, что ты совершаешь теракт?

А слежка в Британии такая, что мы, американцы, по сравнению с ними жалкие салаги. Каждый лондонец попадает в прицелы камер примерно по 500 раз на дню, когда просто ходит по улицам. На каждом перекрестке в стране фиксируют номера проезжающих машин. Всякая сошка, от банков до общественного транспорта, с энтузиазмом отслеживает каждый твой шаг и кляузничает, если ты вызываешь хоть малейшие подозрения.

Но мама смотрит на это иначе. Родители увезли ее из Великобритании, еще когда она училась в школе, и здесь, в Америке, она так и не почувствовала себя как дома, даже при том что вышла замуж за парня из Петалумы и вырастила сына. Для нее Америка — это всегда страна варваров,

а Британия — дом родной.

— Мам, он ошибается. Кому, как не тебе, это понимать. Все, благодаря чему наша страна стала великой, пущено под откос, и он радостно летит туда же. Разве ты не заметила, что до сих пор не пойман ни один террорист? А папа только твердит: «Нам нужна защищенность». Неужели не понимает, что почти никто из нас не чувствует себя защищенным. Наоборот, мы постоянно ощущаем себя под угрозой.

— Маркус, я все это понимаю. Поверь, я совсем не в восторге от того, что происходит в стране. Но твой отец… — Она запнулась. — Когда ты после взрывов не вернулся домой, он подумал…

Она встала, налила себе чаю — как делала всегда, когда смущалась или была не в своей тарелке.

— Маркус, — сказала она. — Маркус, мы думали, что тебя уже нет в живых. Понимаешь? Мы много дней тебя оплакивали. Представляли, что ты, разорванный в клочки, покоишься на дне океана. Что ты погиб только потому, что какому-то мерзавцу ради какой-то своей гадкой цели вздумалось уничтожить сотни незнакомых ему людей.

До меня стало медленно доходить. Нет, я, ко-

нечно, и раньше понимал, что они волновались. При взрывах погибло много народу — по последним оценкам, около четырех тысяч, и почти у каждого были знакомые, которые в тот день не вернулись домой. В моей школе пропали без вести два человека.

— Твой отец был готов на все. Попадись кто-нибудь под горячую руку — убил бы. Он был сам не свой. Ты его таким никогда не видел. И я не видела. Словно обезумел. Целыми днями сидел за столом и ругался. Как сапожник. Я от него таких слов никогда не слышала. А однажды, на третий день, кто-то позвонил, он думал, что это ты, но, оказалось, ошиблись номером, и он швырнул телефон с такой силой, что разбил вдребезги.

А я-то не понимал, почему в кухне новый телефон.

— В твоем отце что-то сломалось. Он тебя любит. Мы оба тебя любим. Ты для нас важнее всех на свете. И кажется, ты сам не понимаешь этого. Помнишь, когда тебе было десять лет, я надолго уезжала домой в Лондон? Помнишь?

Я молча кивнул.

— Маркус, мы были на грани развода. Теперь уже не имеет значения почему. У нас просто наступила черная полоса. Такое случается, когда

любящие люди на несколько лет перестают уделять внимание друг другу. Он приехал, забрал меня, уговорил вернуться к тебе. Нам было невыносимо думать, что мы можем причинить тебе такую боль. И мы снова полюбили друг друга — ради тебя. И сейчас мы вместе, потому что у нас есть ты.

В горле застрял комок. Я этого не знал. Никто мне никогда не рассказывал.

— Вот почему сейчас твоему отцу очень тяжело. Он не такой, каким был всегда. Пройдет время, и он вернется к нам, снова станет человеком, которого я люблю. А до тех пор мы должны относиться к нему с пониманием.

Она обняла меня, и я заметил, какими худыми стали ее руки, как обвисла кожа на шее. Для меня мама всегда была молодой, бодрой, розовощекой, с лукавым взглядом из-под очков в металлической оправе. А теперь в ней появилось что-то старушечье. И виноват в этом я. Я и террористы. И Департамент внутренней безопасности. Каким-то странным образом я с этими подонками очутился по одну сторону баррикад, а мама с папой и все те люди, над кем мы сыграли злые шутки, — по другую.

* * *

Ночью мне не спалось. Из головы не шли мамины слова. За ужином отец только хмурился да молчал, разговор не клеился, потому что я сам себе не доверял — вдруг ляпну что-нибудь не то. В новостях сказали, что во взрывах наверняка виновата «Аль-Каида»[2]. Поначалу о своей ответственности за атаку заявили сразу шесть разных террористических группировок, но только «Аль-Каида» выложила в интернет видео, содержавшее информацию, которая, по словам ДВБ, могла быть известна лишь истинному исполнителю.

Я лежал в постели и слушал ночную радиопередачу, в которой люди звонят в студию и рассказывают о своих проблемах. Главной темой был секс. Обычно я с удовольствием слушал ведущего-гея, веселого и общительного. Он давал советы неожиданные и грубоватые, но, по сути, дельные.

Но сегодня было не до смеха. Почти все звонившие жаловались, что после взрывов у них начались трудности в постели. Даже в передаче

---

[2] Примечания: 2
Запрещенная в России террористическая организация.

про секс мне не удавалось хоть ненадолго отвлечься от больной темы.

Я выключил радио и услышал на улице тихий шум мотора.

Наш дом — одна из «разукрашенных леди», а моя комната находится на верхнем этаже. Надо мной чердак, потолок наклонный, окна выходят на обе стороны. Из одного открывается вид на весь Мишен-Дистрикт, другое смотрит на улицу перед нашим домом. Машины разъезжают здесь в любое время дня и ночи, но у этой мотор гудел как-то по-особенному.

Я подошел к уличному окну и приподнял жалюзи. Внизу был белый фургон без опознавательных знаков, и его крыша щетинилась радиоантеннами. Никогда не видел столько антенн на одной машине. Ехал он очень медленно, и среди антенн на крыше вращалась спутниковая тарелка.

Грузовик остановился, распахнулась задняя дверь. Вышел человек в форме ДВБ — я ее теперь и за сотню метров отличу. У него в руках был какой-то гаджет, и лицо заливал голубоватый свет от экрана. Человек разгуливал взад и вперед, сначала обошел соседские дома, что-то помечая на своем устройстве, потом направился ко мне. В его движениях, в том, как он шел, опустив глаза,

было что-то знакомое…

У него вайфайндер! ДВБ искала узловые точки икснета. Я опустил жалюзи, метнулся через всю комнату к иксбоксу. С вечера оставил его включенным, потому что скачивал крутую анимацию, которую один из икснеттеров соорудил из речи президента насчет «не жалко заплатить любую цену». Выдернул штепсель из розетки, метнулся обратно к окну и чуть-чуть раздвинул полоски жалюзи.

Безопасник все так же глядел в вайфайндер, разгуливая взад и вперед перед нашим домом. Через мгновение он вернулся в свой фургон и укатил.

Я схватил фотоаппарат и сделал как можно больше снимков фургона и его антенн. Потом загрузил их в графический редактор GIMP и стер все детали, какие можно было связать со мной, — улицу, дома и тому подобное. Оставил только сам фургон.

Затем выложил снимки в икснет и снабдил подробными комментариями. Не было сомнений, что безопасники целенаправленно ищут икснеттеров.

Теперь уж и вовсе сон как рукой сняло.

От нечего делать решил поиграть в «Пиратов».

Даже в столь поздний час там наверняка полно игроков. Настоящее название пиратской игры было «Заводной грабеж», ее чисто для развлечения написали подростки из Финляндии, обожающие музыку в стиле дэт-метал. Игра совершенно бесплатная, но веселья в ней не меньше, чем в таких платных сервисах, как «Вселенная Эндера», «Квест в Средиземье» или «Темницы Плоского мира», за которые надо выкладывать по пятнадцать долларов в месяц.

Я залогинился и снова очутился на палубе «Охотника на зомби», дожидаясь, пока моего персонажа кто-нибудь прокачает. Эту часть игры я терпеть не мог.

Увидев проходящего мимо пирата, я написал ему:

> Эй, ты
> Подкачаешь меня?

Он остановился и поглядел на меня.

> С какой стати?
> Мы в одной команде. Плюсом получишь очки опыта

Ну и придурок.

> Ты где вообще?
> В Сан-Франциско

Знакомый разговор.

> Где именно в Сан-Франциско?

Я вышел из игры. В ней стали твориться какие-то странные дела. Зашел в живые журналы, стал бродить от блога к блогу. Примерно через полдюжины наткнулся на такое, отчего кровь застыла в жилах.

Пользователи живых журналов обожают анкеты. Кем из хоббитов ты бы мог стать? Хороший ли из тебя любовник? Какая планета тебе больше нравится? Какой ты персонаж из того или иного фильма? Каков твой эмоциональный тип? Ребята отвечают на вопросы сами, потом передают друзьям и сравнивают результаты. Безобидное развлечение.

Но той ночью по блогам икснета гуляла анкета совсем другого рода. И она была совсем не так безобидна, как могло показаться на первый взгляд.

— Твой пол?
— Сколько тебе лет?
— В какую школу ты ходишь?
— В каком районе живешь?

Потом анкета наносила результат на карту, отмечая цветными точками школы и места проживания, и давала никому не нужные рекомендации о том, где купить пиццу и прочую ерунду.

Но вчитайтесь в вопросы. Вдумайтесь, например, в мои ответы:

— Мужской

— Семнадцать

— Имени Сезара Чавеса

— Потреро-Хилл

Во всей моей школе этому профилю соответствуют только два человека. И такая же картина будет во всех остальных школах. Такие вопросники помогут запросто вычислить всех икснеттеров.

Конечно, это очень плохо. И еще страшнее было вытекавшее отсюда умозаключение: кто-то из ДВБ просочился в икснет и хочет выловить нас всех. Выходить в сеть стало опасно.

Среди нас завелись провокаторы.

* * *

Я раздал установочные диски для икснета сотням ребят, и каждый их них сделал то же самое. Всех, кому я дал диски, я знал довольно

неплохо. Некоторых — очень хорошо. Я всю свою жизнь прожил в одном доме и за годы завел сотни друзей — от тех, кто приходил посидеть со мной, малышом, до партнеров по игре в футбол, единомышленников-ролевиков, тех, кого я встречал в клубах, с кем учился в школе. Самыми близкими друзьями оставалась моя команда по играм в альтернативной реальности, однако было множество других знакомых, кому я доверял достаточно, чтобы без колебаний вручить икснетовский диск.

И теперь мне была срочно нужна их помощь.

Я разбудил Джолу — позвонил на сотовый и повесил трубку после первого же гудка, и так три раза подряд. Через минуту он вышел в икснет, и мы смогли пообщаться в защищенном чате. Я направил его на свой блог с постом про радиофургон, и через минуту он вернулся в чат, насмерть перепуганный.

> Ты уверен, что искали именно нас?

Вместо ответа я послал ему тот вопросник.

> Вот черт, нам крышка

> Нет, все не настолько плохо, но мы должны точно выяснить, кому можно

доверять

> Как?

> Вот это я и хотел у тебя спросить. Сколько у тебя друзей, которым ты доверяешь целиком и полностью по гроб жизни?

> Человек 20 или 30

> Я хочу собрать надежных людей и устроить обмен ключами для сети доверия

Сеть доверия — это очень крутая штука из области криптографии. Я читал о ней, но никогда не пробовал. Абсолютно надежный способ, который гарантирует, что вы можете поговорить с людьми, которым доверяете, и вас никто не подслушает. Но есть одна трудность — чтобы начать, надо физически встретиться с этими людьми хотя бы один раз.

> Понятно. Дело хорошее. Но как ты планируешь собрать их вместе для подписывания ключей?

> Вот об этом я и хотел спросить тебя. Как нам организовать это и не попасться?

Джолу напечатал несколько слов, потом стер, напечатал еще что-то, тоже стер.

Я набрал:

> Дэррил придумал бы. В этом он был силен.

Джолу ничего не ответил. Потом напечатал:

> Может, устроить вечеринку? Соберемся где-нибудь все вместе. Типа мы подростки, тусуемся тут. Вот тебе и готовая отмазка на случай, если кто-нибудь поинтересуется, а что это вы тут делаете.

> Отличная идея! Джолу, ты гений.

> Сам знаю. И главное – я даже знаю, где нам это провернуть.

> Где же?

> В Сатро-Батс!

Глава 10

Что делать, если вы обнаружили в своих рядах провокатора? Можно его разоблачить, пригвоздить к позорному столбу и прогнать в три шеи. Но тогда на его место придет другой стукач, и он будет осторожнее, чем прошлый, и вам вряд ли удастся так же легко его поймать.

Лучше поступить по-другому: перехватывать сообщения этого доносчика и скармливать ему и его начальству ложную информацию. Предположим, хозяева велели ему собрать сведения о ваших перемещениях. Пусть ходит за вами по пятам, записывает все, что хочет, но вы перехватываете конверт, который он отправляет в штаб-квартиру, открываете над горячим паром, вынимаете его записку и кладете на ее место другую. Если хотите, можете отправлять от его имени всякую чушь, и хозяева сами захотят его прогнать. Можете спровоцировать ситуацию, при которой либо та, либо другая сторона раскроет имена других стукачей. Короче говоря, они пляшут под вашу дудку.

Это называется атакой через посредника, и,

если вдуматься, штука довольно страшная. Тот, кто перехватывает ваши сообщения, может придумать тысячи разных каверз.

И разумеется, существует прекрасный способ обойти атаки через посредника — использовать шифрованные сообщения. В этом случае вас уже не волнует, увидел ли враг ваши письма, потому что он все равно не сможет расшифровать их, подменить на ложные и переслать. Для того и придумана тайнопись.

Но помните: чтобы писать шифровки, вы должны передать ключи всем, с кем хотите поддерживать связь. У вас и вашего партнера должен быть общий секрет, такие ключи, которыми вы могли бы зашифровывать и расшифровывать свои письма так, чтобы посредник оказался выключен из цепочки.

Для этого были придуман метод открытых ключей. Идея довольно сложная, но невероятно остроумная.

В методе открытых ключей каждый пользователь имеет два ключа. Ключи — это длинные цепочки всякой математической абракадабры, и свойства у них поистине волшебные. Все, что вы зашифруете одним ключом, можно расшифровать с помощью другого, и наоборот. Мало

того, такую операцию можно проделать только с этой парой ключей — если вы расшифровали текст с помощью первого ключа, то можете быть уверены, что для зашифровки использовался именно второй ключ, а не какой-то другой. И, соответственно, наоборот.

Так что просто возьмите один из этих ключей — не имеет значения какой — и опубликуйте его. Сделайте всеобщим достоянием. Пусть его знает весь мир. Естественно, этот ключ называется открытым.

А другой ключ вы прячете в самом дальнем уголке своего разума. Бережете его как зеницу ока. Никогда и никому его не раскрываете. Этот ключ, понятное дело, называется закрытым или личным.

Теперь, предположим, вы шпион и хотите поговорить со своим начальством. Их открытый ключ известен каждому. Ваш открытый ключ тоже известен каждому. Никто, кроме вас самих, не знает ваш личный ключ. Никто, кроме ваших боссов, не знает их личный ключ.

Вы хотите послать сообщение. Первым делом вы шифруете его своим личным ключом. Потом отправляете. Ваши боссы получат письмо и поймут, что оно пришло именно от вас. Почему?

Потому что, если они смогли расшифровать его вашим открытым ключом, значит, зашифровать его могли только вы — своим личным ключом. Все равно что вы поставили под письмом свою подпись или печать. Она подтверждает: «Это написал я и никто иной. Ни один человек не вскрывал это письмо и не подменил его содержимое».

Но вот беда — при таком методе вы не сможете сохранить в секрете содержание письма. Потому что ваш открытый ключ известен всем и каждому. Иначе и быть не может, потому что в противном случае вы сможете посылать письма только тем, кто знает ваш открытый ключ. Прочитать письмо сумеет каждый, кто его перехватит. Изменить его и сделать вид, будто оно написано вами, они тоже не смогут, однако, если вы желаете сберечь тайну, нужен способ получше.

И такое решение есть. Сначала вы шифруете письмо своим личным ключом, а потом — открытым ключом своего босса. Теперь послание как бы заперто на два замка. Первый — открытый ключ босса — отпирается только личным ключом вашего босса. Второй — ваш личный ключ — отпирается только вашим открытым ключом. Ваши начальники, получив сообщение, отомкнут

его двумя ключами и будут знать наверняка, что, во-первых, это письмо написали именно вы, и во-вторых, прочитать его могут только они.

Крутая штука, правда? Когда я узнал о ней, мы с Дэррилом в тот же день обменялись ключами и потом несколько месяцев, хихикая и потирая руки, посылали друг другу совершенно секретные письма о том, где нам встретиться после школы и есть ли у него хоть малейший шанс добиться внимания Ванессы.

Но если вы хотите понять, как работают системы безопасности, приходится учитывать любые возможные ситуации, даже самые невероятные. Например, если я подменил открытый ключ вашего босса своим открытым ключом и заставил вас в это поверить? Вы зашифруете письмо своим личным и моим открытым ключом. Я его перехвачу, расшифрую, прочитаю, снова зашифрую настоящим открытым ключом вашего босса и отправлю по адресу. Ваш босс будет в полной уверенности, что письмо не мог написать никто, кроме вас, и прочитать не может никто, кроме него.

А я буду сидеть между вами, как жирный паук в центре паутины, и читать ваши секреты.

Самый легкий способ избежать этого — как

можно шире распространить ваш открытый ключ. Чем проще будет всем и каждому узнать ваш открытый ключ, тем труднее станет работа того, кто сидит посередине. Но, как ни странно, сделать какие-либо сведения широко известными гораздо труднее, чем удержать их в тайне. Только вдумайтесь, сколько миллиардов долларов тратится на рекламу шампуней и прочей дребедени, о которой ее изготовитель хочет уведомить как можно большее количество людей.

Существует и более дешевый способ решения проблемы посредника — сеть доверия. Предположим, перед вашим отъездом на задание вы с вашими боссами сидите в штаб-квартире за чашечкой кофе и обмениваетесь своими ключами. И никаких посредников! Вы абсолютно уверены, что полученные ключи — именно те, чьи надо, потому что приняли их от своего шефа из рук в руки.

До сих пор все идет хорошо. Но у этой затеи существует естественный предел. С каким количеством людей вы сможете встретиться лично и передать ключи? Сколько часов в день согласны посвятить нудному занятию, похожему на составление телефонного справочника? И много ли народу согласны уделить вам примерно такое

же время?

Да, такой обмен ключами можно рассматривать как аналогию телефонным справочникам. Когда-то в мире существовали миллионы таких справочников, и если вы хотели куда-то позвонить, то должны были отыскать там нужный номер. Но среди номеров, которые вдруг понадобились вам, есть множество таких, которые вы знаете наизусть или можете у кого-то спросить. Даже сегодня, держа в руках сотовый телефон, я часто спрашиваю Джолу или Дэррила, есть ли у них нужный мне номер. Это гораздо быстрее и проще, чем искать его в сети, да и надежнее. Если Джолу отвечает «Есть», я ему доверяю, а заодно верю и в правильность этого номера. Это называется «транзитивное доверие» — доверие, которое расходится по сети наших отношений в обществе.

Примерно так же, только в бóльших масштабах, работает сеть доверия. Скажем, я встречаюсь с Джолу и получаю его ключ. Я могу повесить его на свою «связку» — набор ключей, который я подписал своим личным ключом. Это значит, что вы можете отпереть его моим открытым ключом и знать с уверенностью, что я — или тот, у кого есть мой ключ, — сказал: «Этот ключ принадлежит

вон тому парню».

Так что я передаю вам свою «связку» и заявляю, что я действительно лично встречался с каждым из обладателей этих ключей и готов подтвердить их подлинность. Если вы мне верите, то смело берете ее и добавляете к своему набору. Потом вы тоже встречаетесь с кем-то еще и передаете свой набор. Список расширяется, и если вы доверяете следующему человеку в цепочке и он тоже доверяет своему преемнику, то все мы можем быть уверены, что находимся в безопасности.

Вот так я и пришел к мысли о тусовках с подписью ключей. Выглядеть это будет именно так, как звучит: все собираются вместе, и каждый переписывает себе открытые ключи всех остальных. Мы с Дэррилом, обмениваясь ключами, представляли собой мини-вариант такой тусовки, правда всего с двумя скромными участниками. Но если народу соберется больше, то вы заложите основу сети доверия, и эта сеть начнет разрастаться. И каждый, кого вы внесли в свой набор ключей, выйдет в бескрайний мир, будет встречаться с новыми людьми, добавлять к списку все больше и больше имен. И вам не обязательно лично знакомиться с этими новобранцами, достаточно верить, что подписанный ключ, который вы по-

лучили от них, правилен.

Теперь вы понимаете, почему сеть доверия и тусовки с подпиской ключей прямо-таки созданы друг для друга.

* * *

— Надо предупредить всех, что это очень-очень закрытая тусовка, только по приглашениям, — сказал я. — Пусть не приводят с собой никого из посторонних, иначе их самих не пустят.

Джолу посмотрел на меня поверх кофейной чашки.

— Шутишь, что ли? Стоит это сказать, и они притащат с собой целые толпы друзей.

— Тьфу ты, — отозвался я. В эти дни я раз в неделю ночевал у Джолу, мы вместе обновляли код для индинета. В «Пигсплине» мне действительно заплатили за это кругленькую сумму. Ощущение было странноватое. Вот уж не думал, что когда-нибудь буду писать программы за деньги.

— Тогда что же нам делать? Мы хотим собрать только тех, кому полностью доверяем, и не желаем сообщать им, в чем дело, пока не соберем у всех ключи и не разошлем секретные письма.

Джолу отлаживал программу, а я смотрел ему через плечо. Раньше такую процедуру называли

«экстремальным программированием», но это звучало чересчур громко. Теперь это называют просто «программированием». Вдвоем гораздо проще заметить ошибку, чем в одиночку. Как говорится, чем больше глаз, тем меньше проблем.

Работа продвигалась к концу, еще немного — и мы запустим новую сборку. Обновление происходило автоматически в фоновом режиме, так что пользователям не придется ничего делать, просто раз в неделю они будут обнаруживать, что программа стала еще лучше. До чего приятно было сознавать, что программой, которую я написал, уже завтра будут пользоваться сотни тысяч людей!

— Что делать? Понятия не имею. Наверно, смириться. Ничего тут не поделаешь.

Мне вспомнились золотые дни «Харадзюку Фан Мэднесс». В той игре часто попадались задания, требующие общения с большими группами.

— Ну ладно, делать нечего. Но давай хотя бы попробуем сохранить тайну. Скажи им, что разрешается привести самое большее одного гостя и это должен быть человек, которого они лично знают самое меньшее пять лет.

Джолу оторвался от экрана.

— А вот это уже подействует. Хорошая мысль.

Знаешь, если бы мне сказали никого не приводить, я бы возмутился: мол, да кем, черт возьми, они себя возомнили! А если поставить вопрос именно так, то получаются шпионские игры в духе агента 007.

Потом я выловил еще один баг. Потом мы выпили кофе. Потом я вернулся домой, немного поиграл в «Пиратов», стараясь не думать о подозрительных партнерах с дотошными вопросами, лег и проспал до утра без задних ног.

* * *

Сатро-Батс — это наши американские почти настоящие древнеримские развалины. Они были построены в 1896 году и на тот момент были самыми большими в мире закрытыми купальнями. В огромном стеклянном солярии викторианского стиля располагались несколько бассейнов и ванн и даже старинные водные горки. Но в пятидесятые годы популярность купален стала падать, и в 1966 году владельцы сожгли их, чтобы получить страховку. Остался от грандиозного здания лишь лабиринт побитых ветром и дождями камней на голом склоне в Оушен-Бич. Всем кажется, что этот лабиринт похож на древнеримские руины — такой же обветшалый и таинственный. А

ниже руин спряталась вереница пещер, открывающихся прямо в море. В высокий прилив волны проникают внутрь и захлестывают развалины. Говорят, там время от времени тонут зазевавшиеся туристы, затянутые уходящей водой.

Оушен-Бич находится за парком «Золотые Ворота». На голых склонах отвесного обрыва чудом примостились роскошные дома, готовые того и гляди скатиться на узкий пляж, облюбованный медузами и храбрыми, а точнее, чокнутыми серферами. Недалеко от берега из мелководья торчит огромная белая скала. Она называется Тюленьим камнем, и здесь когда-то устраивали лежбища морские львы, пока их не переместили на более удобное для туристов побережье Рыбацкой пристани.

Вечерами сюда никто не заглядывает. После наступления темноты быстро холодает, мелкие соленые брызги мгновенно промочат одежду, и вы продрогнете до костей. Острые камни усеяны битым стеклом, среди которого иногда попадаются иголки.

Самое подходящее место устроить тусовку.

Меня осенила идея захватить с собой непромокаемые штормовки и химические грелки для рук. А Джолу придумал, где раздобыть пиво, — у его

старшего брата Хавьера был приятель, который организовал целую службу доставки спиртного для малолеток. Заплатите ему хорошенько, и он доставит в ваше уединенное тусовочное место сколько хотите коробок со льдом и напитками. Я выложил немалую часть денег, полученных за программы для индинета, и он появился в строго обговоренное время — в восемь вечера, через час после заката, выгрузил из пикапа шесть пенопластовых ледников и перетащил их в развалины купальни. Не забыл даже запасной ящик для пустых банок.

— Вы тут, ребятишки, поосторожнее. — Доставщик сдвинул набекрень ковбойскую шляпу. У этого толстого полинезийца с лица не сходила широченная белозубая улыбка. Одет он был в безумную коротенькую маечку, из-под которой в подмышках, на животе и плечах выбивались волосы. Я достал пачку двадцаток, отстегнул ему несколько штук. Его прибыль составила сто пятьдесят процентов — неплохой навар.

Он кивнул на пачку у меня в руке.

— А знаешь, я бы мог у тебя их просто отобрать, — протянул он с неизменной улыбкой. — Я же как-никак не в ладах с законом.

Я сунул деньги в карман и твердо посмотрел

ему в глаза. Да, конечно, светить своими капиталами было глупо, но, раз уж так случилось, надо стоять на своем.

— Да шучу, шучу, — сдался он наконец. — Но будь осторожнее. Не надо сверкать деньгами где попало.

— Спасибо за совет, — сказал я. — Внутренняя безопасность до меня все равно доберется.

Его улыбка стала еще шире.

— Ха! Да куда им до настоящих копов! Эти дятлы ни на что не способны.

Я поглядел на его грузовичок. На лобовом стекле красовалась карточка транспондера. Вряд ли этому барыге суждено еще долго гулять на свободе.

— У вас тут девчонки будут, да? Иначе зачем столько пива?

Я улыбнулся и помахал ему словно бы вслед, намекая, что пора сматывать удочки. Намек был понят, он сел за руль и укатил. Улыбка не дрогнула ни на мгновение.

Мы с Джолу надели налобные светодиодные фонарики, и он помог мне спрятать ледники среди камней. В каждую коробку мы сунули по маленькому световому брелоку, чтобы, сняв крышку, различать, где тут что.

Ночь выдалась безлунная, пасмурная, далекие уличные фонари не разгоняли темноту. Понятное дело, на экране инфракрасного прибора ночного видения мы будем светиться как два огненных столпа, однако, когда все соберутся, такая толпа народу все равно не останется незамеченной. Однако я надеялся, что наше сборище примут за обычную пьяную вечеринку на пляже.

Вообще-то я не увлекаюсь алкоголем. Да, на вечеринках, куда я ходил лет с четырнадцати, бывало всякое — и пиво, и курево, и травка. Но курение я возненавидел сразу, хотя изредка баловался шоколадным пирожком со своеобразными приправами, на экстази жалко было тратить все выходные — сначала ловишь кайф, потом из него медленно выходишь. А пиво — ну да, неплохо, но я искренне не понимал, из-за чего тут весь сыр-бор. Я предпочитал сложносоставные коктейли, которые подаются в керамических вулканах, такие, знаете, из шести слоев, с огнем, и чтобы на ободке сидела пластмассовая обезьянка. Но нравился мне не столько сам коктейль, сколько связанное с ним театральное действо.

Опьянение, на мой взгляд, состояние приятное. Однако похмелье мне совсем не нравится, а оно наступает всякий раз, когда я выпью. Возможно,

виной всему та адская смесь, которую подают в керамических вулканах.

Но никакая вечеринка не обходится без одного-двух ящиков холодного пива. Так уж положено. Пиво помогает расслабиться. Однако, перебрав, люди часто делают глупости, но мои друзья не из тех, кто садится за руль автомобиля. К тому же люди все равно делают глупости, и не имеет значения, что именно — пиво или трава — подтолкнуло их к этим прискорбным поступкам.

Мы с Джолу взяли по пиву — «Анкор Стим» для него, «Бад Лайт» для меня, — сели на камни и чокнулись банками.

— Ты им сказал — в девять вечера?

— Да, — ответил он.

— Я тоже.

Мы молча выпили. Из всех наших припасов «Бад Лайт» содержал меньше всего алкоголя. Мне еще понадобится ясная голова.

— Тебе когда-нибудь делалось страшно? — спросил я наконец.

Он обернулся ко мне.

— Нет, братан. Мне не делалось страшно. Мне всегда страшно. С той самой минуты, как прогремели взрывы. Иногда так страшно, что из постели вылезать не хочется.

— Тогда почему ты согласился на это вот все?

Он улыбнулся.

— Знаешь… Я вряд ли надолго задержусь в деле. Нет, ты пойми, помогать тебе — это очень круто. Правда, здорово. Не шучу. Не припомню, доводилось ли мне заниматься столь же важными вещами. Но знаешь, Маркус, должен тебе сказать… — Он неуверенно смолк.

— Что? — спросил я, уже догадываясь, о чем пойдет речь.

— Я не смогу долго заниматься этим, — сказал он наконец. — Может быть, даже месяца не выдержу. Мне пора выходить из игры. Слишком это рискованно. Ты решил объявить войну ДВБ? Ничего не выйдет. Ты свихнулся. Всерьез и на всю голову.

— Ты говоришь прямо как Ван, — воскликнул я, и горечи в голосе получилось больше, чем я хотел.

— Старик, я тебя не критикую. Наоборот, восхищаюсь. У тебя хватает храбрости заниматься этим. А у меня нет. Я не смогу жить в постоянном страхе.

— Что ты хочешь сказать?

— Что я умываю руки. Буду жить как все остальные люди, те, кто делает вид, будто ничего не

случилось, кто надеется, что рано или поздно жизнь вернется в нормальное русло. Я хочу бродить по интернету, как привык, а в икснет заходить, только чтобы поиграть. Я выхожу из игры — вот что я хочу тебе сказать. Больше на меня не рассчитывай.

Я ничего не сказал.

— Понимаю, что бросаю тебя совсем одного на произвол судьбы. Поверь, мне этого не хочется. Я бы предпочел, чтобы ты вместе со мной оставил эту затею. Ты собираешься объявить войну всему правительству Соединенных Штатов, а это добром не кончится. Тебе их не победить. Смотреть на твои попытки — все равно что видеть, как птица опять и опять бьется в окно.

Он ждал от меня каких-то слов. У меня на языке вертелось: «Черт возьми, Джолу, большое спасибо, что бросаешь меня! Забыл, каково было, когда нас замели? Забыл, какой была наша страна, пока ее не захватили эти уроды?»

Но он хотел услышать не это. А совсем другое: «Джолу, я все понимаю. И уважаю твое решение».

Он допил остатки пива, взял еще бутылку и отвинтил крышку. Проговорил:

— Есть и другая причина.

— Какая?

— Я не собирался заводить об этом речь, но хочу, чтобы ты понял меня. Понял, почему я так поступаю.

— Джолу, чтоб тебя, в чем дело?

— Тяжело говорить, но ты белый. А я нет. Если с кокаином поймают белого, его всего лишь заставят пройти короткий курс реабилитации. А если попадется цветной, его упакуют за решетку лет на двадцать. Увидев на улице полицейского, белые чувствуют себя под надежной защитой. А цветные ждут, что сейчас их остановят и начнут обыскивать. Помнишь, как тебя гнобили в ДВБ? Для нас, цветных, законы этой страны всегда были такими.

Несправедливо это. Я же не по своей воле родился белым. И вряд ли белый цвет кожи сделал меня храбрее. Но я понимал, о чем говорит Джолу. Если где-нибудь в Мишен-Дистрикте полицейские кого-то остановят и начнут проверять документы, то, вероятнее всего, этот человек не белый. Я, затеяв эту игру, шел на огромный риск, однако Джолу рисковал еще сильнее. Какое бы наказание ни постигло меня, Джолу пострадает больше.

— Не знаю, что и сказать, — выдавил я.

— А не надо ничего говорить, — отозвался он. — Я просто хотел, чтобы ты знал и постарался понять.

В это время на тропе появились люди. Они спускались к нам. Это были приятели Джолу — двое мексиканцев и девчонка, которую я уже где-то видел, невысокая и отвязная, в неизменных красивых очках в черной оправе, как у Бадди Холли, — в них она походила на героиню фильма для подростков, всеми отверженную студентку-художницу, которая возвращается, добившись громких успехов.

Джолу представил меня им и угостил пивом. Девчонка от пива отказалась, извлекла из сумочки небольшую серебряную фляжку водки и протянула мне. Я отпил глоток — к вкусу теплой водки надо долго привыкать — и посветил фонариком на фляжку, разрисованную персонажами из видеоигры про Рэппера Параппу. Симпатичная штуковина.

— Японская, — пояснила она. — Они обожают украшать всякие алкогольные игрушки мультяшными мотивами. Странные люди.

Я представился, она тоже.

— Энджи. — И протянула мне руку — сухую, теплую, с коротко стриженными ногтями. Джо-

лу познакомил меня с ребятами — он знал их по компьютерному лагерю в четвертом классе. Народ стал прибывать — пятеро, потом еще десять, потом двадцать. Компания собиралась немаленькая.

Мы велели всем прийти ровно к половине десятого и подождали еще минут пятнадцать, пока подтянутся опоздавшие. Примерно три четверти гостей оказались друзьями Джолу. Лично я пригласил только тех, кому искренне доверял. То ли я пользовался меньшей популярностью, то ли более ответственно подошел к выбору гостей. А после заявления о том, что он выходит из игры, у меня закрались подозрения, что он просто приглашал всех подряд. Разозлился на него, но старался этого не показывать, а чтобы отвлечься, общался со всеми остальными. Но он не дурак и прекрасно понимал, в чем дело. Я видел, что он ходит как в воду опущенный, и тихо злорадствовал.

— Всем привет! — начал я, взобравшись на руины. — Эй! Послушайте! Минуточку внимания!

Те, кто стоял неподалеку, стали оборачиваться, но задние ряды продолжали свои разговоры. Я помахал руками в воздухе, как футбольный рефери, но в темноте этого никто не заметил. Наконец

меня осенило: я включил фонарик и стал светить на каждого из болтунов в отдельности, а потом на себя. Мало-помалу толпа притихла.

Я поприветствовал их, поблагодарил за то, что пришли, потом велел подойти поближе, чтобы я мог рассказать, для чего затеяна эта встреча. Было видно, что они, уже слегка подогретые пивом, заинтригованы конспирацией и хотят понять, что за секреты тут затеваются.

— Дело вот в чем. Вы все пользуетесь икснетом. Он появился сразу после того, как власть в городе захватил ДВБ, и это не случайное совпадение. Эту сеть создала организация, выступающая в защиту личных свобод. Они ставили себе целью защитить нас от шпионов и надсмотрщиков из ДВБ.

Мы с Джолу заранее продумали этот ход. Не хотели раскрывать свое авторство никому, даже самым доверенным друзьям. Слишком велик риск. Пусть думают, что мы всего лишь выступаем от имени некоего M1k3y и хотим организовать сопротивление на местах.

— Икснет перестал быть безопасным, — продолжал я. — Им может воспользоваться и другая сторона, причем с той же легкостью, что и мы. Мы уже знаем, что среди пользователей есть агенты ДВБ. Они применяют методы социальной

инженерии, чтобы вынудить нас раскрыться. И если мы хотим, чтобы икснет существовал и процветал, надо придумать, как не допускать в него этих стукачей. Создать внутри сети еще одну сеть.

Я умолк, подождал, пока народ переварит это. Как сказал накануне Джолу, людям нелегко будет свыкнуться с мыслью, что их вовлекают в революционную ячейку.

— Я не собираюсь прямо сейчас требовать от вас каких-то активных действий. Не надо ходить по улицам и глушить маячки. Вы приглашены сюда потому, что мы знаем: вы классные ребята и достойны полного доверия. На вас можно положиться. Эта надежность и станет вашим сегодняшним вкладом в борьбу. Некоторые из вас уже знают, что такое сеть доверия и как происходит подписывание ключей, ну а остальных я коротко введу в курс дела.

Что я и сделал.

— А теперь я прошу вас сделать вот что. Познакомьтесь с теми, кто, как и вы, пришел сюда, и решите, кому из них вы можете доверять. Мы поможем вам сгенерировать пары ключей и обменяться ими.

Эта часть была самой сложной. Нельзя же бы-

ло просить людей, чтобы они притащили свои ноутбуки. Однако от нас требовалось придумать какой-нибудь дьявольски сложный процесс, который невозможно осуществить просто карандашом на бумаге.

Я поднял и показал всем ноутбук, который мы с Джолу соорудили с нуля накануне вечером.

— Я доверяю этой машине. В ней каждый винтик и каждая деталька установлены моими собственными руками. И работает она на свежей, только что из коробочки, версии «Параноид-линукса», которую я загрузил с DVD. Если где-то на свете и остался компьютер, достойный доверия, то вот он. В него загружена программа — генератор ключей. Пусть каждый из вас подойдет сюда. Введите какой-нибудь ничего не значащий набор символов — постучите наугад по клавишам, шевельните мышкой, и на основе этого генератор случайным образом соорудит для вас открытый и закрытый ключи. Они появятся на экране. Вы сможете сфотографировать свой личный ключ на телефон, потом нажмите любую клавишу — и он исчезнет без следа. Не сохранится ни на диске, ни где-то еще. Потом компьютер покажет вам открытый код. На этой стадии позовите всех, кому вы доверяете и кто доверяет вам, и пусть

они сфотографируют экран вместе с вами возле компьютера, чтобы точно знать, чей это ключ.

Я немного помолчал и продолжил:

— Когда вернетесь домой, введите ключи со снимков в свой компьютер. Да, работа кропотливая, но проделать ее надо всего один раз. Набирая код, будьте предельно внимательны: одна ошибка — и всему конец. К счастью, есть легкий способ проверить, правильно ли введен ключ. Под ним на фотографии вы увидите короткий номер, так называемую контрольную сумму. Закончив печатать код, сгенерируйте его контрольную сумму. Если они совпадают, значит, все сделано правильно.

Все уставились на меня разинув рты. Еще бы, ведь они о таких вещах слыхом не слыхивали. И побаивались. Но все-таки…

Глава 11

Джолу, сидевший на камне, встал и подошел ко мне.

— Ребята, теперь начинается самое главное. Так мы поймем, на чьей вы стороне. Возможно, вам неохота выходить на улицу и попадать в кутузку за свои убеждения, но, если убеждения у вас есть, пришло время доказать это. Мы создадим сеть доверия, и она подскажет, кто с нами, а кто нет. И если мы хотим снова сделать нашу страну такой, какая она была, надо совершить первый шаг. Вот этот. Который мы предлагаем.

Среди публики поднялась рука с банкой пива. Кажется, это была Энджи.

— Считайте меня дурой, но я ничего не понимаю. С какой стати мы должны это делать?

Мы с Джолу переглянулись. Когда мы придумывали эту сеть, идея казалась простой и очевидной, как дважды два.

— Икснет нужен не только для того, чтобы бесплатно играть. Это последняя в Америке открытая коммуникационная сеть. Единственный оставшийся способ связаться друг с другом без

надзора ДВБ. Чтобы сеть заработала, мы должны быть уверены, что наш собеседник не стукач. А значит, надо знать наверняка, что человек, которому мы послали сообщения, именно тот, кем мы его считаем. Вот тут-то и начинается ваша роль. Вы собрались здесь только потому, что мы вам доверяем. Не просто так, а всерьез. Готовы доверить вам свою жизнь.

Кто-то застонал. Слова Джолу звучали слишком напыщенно и мелодраматично.

Настала моя очередь встать и выйти на импровизированную сцену.

— Когда взорвались бомбы… — заговорил я, и от болезненной волны, поднявшейся в груди, перехватило дыхание. — Когда взорвались бомбы, мы вчетвером оказались возле метро на Маркет-стрит. Не знаю почему, но в ДВБ решили, что из-за этого мы попадаем под подозрения. Нам на головы надели мешки, сунули на корабль, отвезли в какую-то тюрягу и держали там несколько дней. Допрашивали, как преступников. Издевались. Давили на психику. Потом отпустили. Всех, кроме одного. Моего лучшего друга. Когда нас схватили, мы были вместе. Перед этим в толпе его пырнули ножом, и он нуждался в медицинской помощи. На свободу он так и не вышел. В ДВБ утверждают,

что не видели его. А нам на прощание пригрозили: если проболтаемся, нас уже никто никогда не найдет. Схватят, и концы в воду. Навсегда.

Меня трясло. От стыда. От жестокого, проклятого стыда. Джолу посветил на меня фонариком.

— Господи! — вырвалось у меня. — Ребята, вы первые, кому я это рассказал. Если эта история всплывет, они как пить дать поймут, у кого развязался язык. И тогда очень скоро в мою дверь постучат. — Я несколько раз глубоко вздохнул. — Вот почему я придумал икснет. Вот почему отныне и навсегда моя жизнь посвящена борьбе с ДВБ. Каждый день, до последнего вздоха, я буду бороться с ними. Пока мы снова не обретем свободу. А теперь каждый из вас, если захочет, может сделать так, что меня упекут за решетку.

Энджи опять подняла руку.

— Не собираемся мы закладывать тебя, — заявила она. — Не думай. Я знаю тут почти всех и готова за них поручиться. Понятия не имею, как вы вычисляете, кому можно доверять, зато могу сказать наверняка, кому доверять нельзя. Взрослым. Старикам. Нашим предкам. Если им рассказать, что за кем-то установлена слежка, они сразу подумают: это кто-то другой, плохой, так ему и надо. Если кого-то схватили и засунули

в секретную тюрьму, то это опять касается не их, а каких-то чужаков: цветных, иностранцев, подростков. Они давно забыли, какими были сами в нашем возрасте. Как это гадко — все время быть под подозрением. Когда входишь в автобус и ловишь на себе такие взгляды, словно ты тварь вонючая или серийный убийца. А хуже всего, что в наши дни люди становятся взрослыми всё раньше и раньше. Когда-то в ходу был лозунг: «Не верь никому старше тридцати». А я бы сказала: «Не верь никому старше двадцати пяти!»

Раздался смех, и она тоже засмеялась. Она была симпатичная, хотя продолговатое лицо и длинная челюсть придавали ей сходство с лошадкой.

— Я ничуть не шучу! Вдумайтесь сами. Кто привел к власти этих придурков из ДВБ? Кто позволил им установить свои порядки в нашем городе? Кто допустил, чтобы в классах вешали видеокамеры, а нас со всех сторон обкладывали следящими чипами, ставили их везде — и в проездные, и в машины, и на каждом шагу? Уж точно не те, кому сейчас шестнадцать! Пусть мы бестолковые, пусть мы молодые и многого не понимаем, но мы не подонки.

— Охотно написал бы это на своей футболке, — сказал я.

— И правильно сделаешь, — отозвалась она. Мы с улыбкой переглянулись. — Где выдают эти ваши ключи? — спросила она и достала телефон.

— Вон там, в укромном уголке возле пещер. Я провожу тебя туда и оставлю, ты сделаешь все, что положено, потом позовешь друзей, и они сфотографируют тебя с твоим открытым ключом. И тогда, вернувшись домой, они смогут с тобой переписываться.

Тут я подскочил и завопил как ужаленный:

— Да, и еще вот что! Чуть не забыл! Когда введете ключи в свои компьютеры, уничтожьте снимки! Не хватало только, чтобы кто-нибудь выложил в сеть фотографии с подробным отчетом о том, как мы тут все вместе строим подрывные заговоры!

В ответ раздались смешки, то добродушные, то немного испуганные, затем Джолу выключил свет, и нас окутала непроглядная тьма. Постепенно глаза привыкли, и я направился к пещере. За спиной послышались шаги. Энджи. Я оглянулся и улыбнулся ей, она ответила тем же, сверкнув в темноте белоснежными зубами.

— Спасибо за поддержку, — сказал я. — Ты была великолепна.

— Это все правда — то, что ты говорил о мешке

на голове и всем остальном?

— Еще какая, — отозвался я. — Все это произошло на самом деле. Я до сих пор никому не рассказывал, но это чистая правда. — Я на миг задумался. — Знаешь, время идет, а я все молчу и молчу, рта не раскрываю, и постепенно начинает казаться, что это был дурной сон. Однако нет. Все это было взаправду. — Я зашел в пещеру. — Рассказал вот — и сам радуюсь. Еще немного, и я бы начал сомневаться в своем психическом здоровье.

Я поставил ноутбук на сухой камень и у нее на глазах загрузил генератор с DVD-диска.

— Для каждого буду перезагружать компьютер заново. Это стандартный диск с «Параноид-линуксом», но, наверно, тебе придется поверить мне на слово.

— Выходит, все это основано только на доверии?

— Да, — ответил я. — Только на доверии.

Я отошел в сторонку. Она запустила генератор ключей. Я стоял и слушал, как она что-то набирает и шевелит мышкой, создавая случайный набор символов. Слушал, как разбивается о камни прибой, как веселится честная компания, подогретая пивом.

Она вышла из пещеры, держа ноутбук в руках. На экране яркими белыми буквами горели ее открытый ключ, контрольная сумма и адрес электронной почты. Энджи поднесла экран к лицу. Я достал телефон.

— Улы-ыбочку, — протянула она. Я щелкнул и сунул телефон обратно в карман. Она пошла обратно к тусовке и подождала, пока каждый сфотографирует ее с экраном. Настроение у всех было праздничное. Прикольное. Энджи обладала огромным обаянием — когда она улыбалась, хотелось смеяться не над ней, а вместе с ней. И, черт возьми, все, что тут происходило, и вправду было прикольно! Мы объявляли тайную войну тайной полиции! Да кем, разрази гром, мы себя возомнили?

Еще примерно с час дела шли своим чередом: гости создавали себе ключи и делали фотографии. Постепенно я перезнакомился со всеми. Многих я знал и раньше, некоторых пригласил я сам, других привели мои друзья. И мне по жизни надо было лично познакомиться со всеми и завести дружбу. К исходу ночи так оно и произошло. Здесь собрались хорошие люди. Надежные.

В конце концов каждый соорудил себе ключи. Последним в пещеру зашел Джолу, а вернувшись,

поглядел на меня с виноватой улыбкой. Но я на него уже не сердился. Он поступал так, как считал правильным и нужным. Я понимал: он всегда будет на моей стороне, что бы сам ни говорил. Все-таки мы вместе прошли через застенки ДВБ. И Ванесса тоже там побывала. И как бы ни сложилась наша жизнь, эти события будут всегда связывать нас.

Я тоже сделал ключ, прошелся среди гостей, чтобы меня сфоткали. Потом вскарабкался на импровизированную сцену, с которой выступал раньше, и призвал всех к вниманию.

— Должно быть, многие из вас обратили внимание, что в нашей процедуре есть серьезный изъян. Сам этот ноутбук. А вдруг ему нельзя доверять? А вдруг он втайне записывает все наши действия? Шпионит за нами? А вдруг мне и Хосе-Луису тоже нельзя доверять?

Снова послышались добродушные смешки. Подогретые, они звучали немного теплее.

— Это очень серьезно. — Я настойчиво повысил голос. — Если бы мы с Джолу оказались провокаторами, то нас всех — точнее, вас всех — постигло бы много бед. Возможно, тюрьма.

Смешки стали тревожнее.

— Именно поэтому я сейчас сделаю вот что.

Смотрите! — Я достал молоток, прихваченный из отцовского набора инструментов. Положил ноутбук на камни и размахнулся. Джолу проводил мой взмах лучом фонарика. Хрясь! Всю жизнь мечтал разбить ноутбук молотком, и вот мечта сбылась. Ощущение было двоякое — какой-то вандалистский кайф с примесью щемящей боли.

Трах! Крышка с экраном разлетелась вдребезги, обнажив клавиатуру. Я бил и бил. Клавиатура раскололась, открыв взглядам материнскую плату и жесткий диск. Бац! Я со всей силы шарахнул прямо по диску. Корпус раскололся только с третьего удара, выставив напоказ хрупкие внутренности. А я все колотил и колотил, пока на камнях не осталось ни одного кусочка крупнее зажигалки, потом сгреб осколки в мешок для мусора. Публика приветствовала это действо восторженными воплями, такими громкими, что я забеспокоился: как бы кто-нибудь не услышал нас и не вызвал полицию.

— Вот и все! — объявил я. — Теперь спущусь к океану и окуну это в соленую воду минут на десять. Кто хочет, может меня проводить.

Поначалу желающих не нашлось, потом вперед вышла Энджи. Взяла меня за руку теплой ладошкой и шепнула на ухо:

— Это было красиво.

Мы вместе зашагали к берегу.

У моря стояла кромешная тьма, и лучи наших фонариков беспомощно тонули в ней. Ходить по скользким острым камням было опасно даже при свете дня, не говоря уже о прогулке с шестью фунтами битой электроники в руках. Один раз у меня подвернулась нога, я чуть не упал, но Энджи сумела меня удержать — хватка у нее оказалась на удивление сильная. Выпрямившись, я очутился совсем рядом с ней, так близко, что на меня повеяло ее духами — они пахли новой машиной. Обожаю этот запах.

— Спасибо, — выдавил я и заглянул в большие глаза, еще сильнее увеличенные очками в черной оправе почти мужского фасона. В темноте я не мог различить, какого они цвета, но, наверно, темные, потому что волосы у нее тоже темные, а кожа смуглая. Похоже, она родом из Средиземноморья — гречанка, испанка или итальянка.

Я подошел к самой кромке моря, присел на корточки, опустил пакет в море, подождал, пока он наполнится соленой водой. Поскользнулся немного, зачерпнул ботинком воды, выругался. Она рассмеялась. На всем пути к океану мы не перекинулись и парой слов. В нашем молчании

было что-то волшебное.

За свою жизнь я целовался с тремя девчонками, не считая момента, когда я вернулся в школу и меня встретили как героя. Не то чтобы очень много, но и не совсем провал. И я, надо сказать, неплохо ощущаю настроение противоположного пола. В тот миг я понимал, что, наверное, мог бы ее поцеловать. Энджи трудно было назвать сексуальной в общепринятом смысле слова, однако ночь, девушка и пляж всегда дарят магическое ощущение, и вдобавок Энджи весь вечер была такой понимающей, отзывчивой, готовой прийти на помощь.

Но я ее не поцеловал, даже не взял за руку. В тот миг на нас обоих нахлынуло чувство невиданного духовного единения. Ночь, прибой, шелест моря на камнях, наше тихое дыхание. Колдовской миг затягивался. Я вздохнул. До дома еще ехать и ехать, а ночью предстоит долго сидеть за компьютером, вводить все ключи, нанизывать их на свой брелок, подписывать. Положить начало сети доверия.

Она тоже вздохнула.

— Пора идти, — сказал я.

— Да, — отозвалась она.

И мы побрели обратно. Ну и ночка выдалась.

* * *

Джолу остался ждать, пока приятель его брата приедет и заберет свои коробки со льдом. А я вместе со всеми пошел к ближайшей остановке и сел в автобус. Естественно, никто из нас не пользовался проездными билетами. У икснеттеров вошло в привычку по три-четыре раза на дню взламывать чей-нибудь проездной и кататься под разными именами.

В автобусе никому не удавалось сохранять спокойствие. От выпитого пива все слегка окосели и с восторгом разглядывали лица друг друга в ярком автобусном свете. Мы изрядно расшумелись, и водитель по громкой связи пару раз велел нам угомониться, а на третий раз пригрозил вызвать полицию.

От этого на нас еще сильнее напал смех, и мы дружной толпой вывалились из салона, не дожидаясь, пока он исполнит свою угрозу. К этому времени мы уже добрались до Норт-Бич, здесь разъезжали автобусы и такси, сияли неоновыми огнями клубы и кафе, до метро на Маркет-стрит было рукой подать. Наша компания постепенно распалась на мелкие кучки, и мало-помалу мы разбрелись по сторонам.

Я вернулся домой, включил иксбокс и стал вводить ключи, сфотканные на телефон. Работа была монотонная, усыпляющая. Под действием алкоголя я расслабился и почти задремал.

И когда я уже начал клевать носом, на экране распахнулось новое окно мессенджера.

> прривет!

Никнейм — spexgril — был мне незнаком, однако я догадался, кто мог под ним скрываться. Я осторожно напечатал:

> привет
> это я, с тусовки

Потом на экран пулей вылетел целый блок шифрованного текста. Я уже успел добавить к своей связке ее открытый ключ и поэтому велел мессенджеру открыть шифровку этим ключом.

> это я, с тусовки

Точно, она!

> Приятная неожиданность

Я зашифровал эти слова своим открытым клю-

чом и отправил ей. Потом добавил:

> Рад нашему знакомству

> Я тоже. Редко встречаются толковые ребята, которые в придачу симпатичны и способны замечать, что творится вокруг. Знаешь, приятель, а ты неотразим.

У меня бешено заколотилось сердце.

> Эй! Тук-тук! Есть там кто-нибудь? Моя жизнь началась далеко от этих мест, а закончится, видимо, здесь. Не забудь дать чаевых официантке, она старается. Видать, целую неделю здесь проторчу.

Я громко расхохотался.

> Тут я, тут. От смеха не могу жать на клавиши

> Ну, значит, не зря я упражняюсь онлайн в комедийном кун-фу.

Гм.

> Я и правда рад с тобой познакомиться.

> Я тоже. Куда ты поведешь меня в сле-

дующий раз?

> То есть как – куда поведу?

> На наши новые приключения

> Еще не успел ничего запланировать

> Тогда я тебя поведу. В пятницу. В Долорес-парк. Нелегальный концерт под открытым небом. Не придешь – ты додекаэдр

> Что за концерт?

> Ты что, вообще в икснет не заглядываешь? Об этом трубят на каждом углу. Группа «Спидхорс». Слыхал?

Я чуть не поперхнулся. «Спидхорс» — это же группа, которую организовала Труди Ду. Та самая Труди Ду, которая заплатила мне и Джолу за программирование для индинета.

> Да, слыхал

> Они устраивают грандиозное шоу, пригласили групп пятьдесят, со всеми уже подписаны контракты. Сцену ставят на теннисных кортах, пригонят свои грузовики с аппаратурой и будут выступать всю ночь

Я почувствовал себя, словно только что вылез

из-под лежачего камня. Как я мог пропустить такое событие? На Валенсии есть магазинчик, торгующий анархистскими книгами, я туда иногда заглядываю по дороге в школу. У них в витрине висит портрет старой революционерки Эммы Гольдман с ее словами: «Зачем мне ваша революция, если я не смогу танцевать?» Я потратил уйму сил и энергии, придумывая, как с помощью икснета организовать самых преданных бойцов на борьбу против ДВБ, но эта затея была гораздо круче. Большой концерт! Я понятия не имел, с какой стороны подступиться к этой задаче, но кто-то, оказывается, сумел ее решить.

И, если вдуматься, я был страшно горд, что для этого им понадобился икснет.

* * *

На следующий день я, словно зомби, еле переставлял ноги. Мы с Энджи переписывались и флиртовали до четырех часов утра. На мое счастье, была суббота и мне удалось поспать подольше, однако под слаженным ударом похмелья и недосыпания у меня все валилось из рук. Мысли путались.

Ближе к обеду я сумел-таки вытащить себя из кровати на улицу. Побрел в кофейню к моему зна-

комому турку за глотком живительного напитка. В последнее время я взял обыкновение, если со мной никого не было, заходить за кофе только к нему, словно в секретный клуб.

По пути мне попалось множество свежих настенных рисунков. Мне всегда нравились граффити моего района — и огромные вычурные панно, и иронические наброски студентов-художников. Радовало, что здешние художники не сидели сложа руки и действовали, несмотря ни на что, прямо под носом у ДВБ. Наверно, их связывала какая-то сеть наподобие икснета. Ведь им надо было откуда-то узнавать самые свежие новости, быть в курсе того, что происходит на улицах, где достать краску, какие видеокамеры работают, а какие нет. Кстати, объективы некоторых камер были плотно залиты краской из баллончиков.

Может, они держат связь по икснету?

На ограде одной из парковок потекшими десятифутовыми буквами было намалевано: «НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ 25».

Я застыл как вкопанный. Неужели кто-то из моей вчерашней тусовки пришел сюда с баллоном краски? Не исключено. Многие из них жили в этом районе.

Выпив кофе, я немного побродил по городу.

По старой привычке хотелось кому-нибудь позвонить, спросить, не желают ли они вместе посмотреть кино или что-нибудь в этом роде. Так обычно проходили неторопливые субботние дни. Но чей номер набрать сегодня? Ван со мной не разговаривает, с Джолу мне и самому пока что общаться не хочется, а Дэррил…

Дэррилу, увы, позвонить невозможно.

Я вернулся домой, сел за компьютер и прошелся по блогам в икснете. Этих анонимных блогов очень много, и нет никаких способов вычислить, кто их автор, разве что у самого автора хватит глупости подписаться собственным именем. Почти все блоги были далеки от политики. Почти, но не все. На некоторых люди рассказывали о школах и о том, какая несправедливость там творится. Жаловались на действия полицейских. Обсуждали граффити.

Оказалось, что новость о концерте в парке гуляет по сети уже несколько недель. Она перекочевывала из блога в блог и постепенно переросла в целое движение под лозунгом «Не верь никому старше двадцати пяти». А я и не заметил.

Вот, значит, откуда Энджи почерпнула эту идею. Хороший девиз.

* * *

В понедельник я решил еще раз заглянуть в тот анархистский книжный магазинчик, прикупить постер со словами Эммы Гольдман. Хотелось постоянно держать перед глазами напоминание.

По дороге в школу я свернул на Шестнадцатую улицу и направился в Мишен-Дистрикт, потом поднялся по Валенсии и перешел на другую сторону. Магазин был закрыт, но я переписал с двери часы его работы и убедился, что тот постер еще не продан.

Шагая по Валенсии, я с удивлением глядел по сторонам. На каждом шагу попадались надписи «Не верь никому старше 25». Чуть ли не в половине магазинов на витринах красовались товары с этим лозунгом: коробки для завтрака, футболки, пеналы, бейсболки… Нынче хипстерские магазины реагируют все быстрей и быстрей. Стоит в сети появиться новому мему, как через день-другой магазины наперегонки выставляют на прилавок соответствующие товары. Если в понедельник к вам в почтовый ящик упадет забавный видеоролик о том, как какой-то чувак поднимается в воздух на реактивном ранце, сделанном из банок с газировкой, то во вторник вы уже сможете ку-

пить футболку с кадрами из этого ролика.

Но все равно это было чудесное ощущение — видеть, как девиз, родившийся в икснете, проложил себе дорогу в крупные магазины. Аккуратно выведен ученической шариковой ручкой на потертых дизайнерских джинсах. Подмигивает с вышитых заплаток.

Хорошие вести разлетаются как на крыльях.

И наконец, придя в класс, где мисс Галвес должна была проводить урок обществознания, я увидел на доске хорошо знакомый лозунг. Мы всем классом сидели за партами и с улыбкой поглядывали на доску. Нас окрыляла и воодушевляла мысль о том, что мы можем друг другу доверять и, если понадобится, в два счета вычислим затесавшегося в наши ряды врага. И хотя я знал, что это не на сто процентов соответствует истине, однако и выдумкой не было.

Пришла мисс Галвес. Пригладила волосы, поставила скулбук на стол и включила. Взяла мел, повернулась к доске — и увидела лозунг. Мы рассмеялись. Добродушно, но все-таки.

Учительница повернулась обратно, и мы увидели, что она тоже смеется.

— Похоже, у тех, кто сочиняет девизы, иссякло вдохновение. Многие ли из вас знают, откуда

произошла эта фраза?

Мы переглянулись.

— От хиппи? — предположил кто-то, и класс расхохотался. Хиппи наводняли весь Сан-Франциско, они были повсюду — от шмалящих косячки старомодных ветеранов в ярких пятнистых футболках и с косматыми бородами до молодых ребят, которые воспринимали это движение как маскарад, любили перекидываться мячиком и не желали против чего-либо протестовать.

— Да, верно, от хиппи. Но в наши дни, когда речь заходит о хиппи, мы обычно в первую очередь вспоминаем их манеру одеваться и музыкальные пристрастия. Однако одежда и музыка — это лишь побочные признаки того явления, которое определило смысл эпохи шестидесятых. Вы наверняка слышали о движении за гражданские права, которое ставило целью покончить с расовой сегрегацией. Белые и чернокожие ребята, ваши ровесники, садились в автобусы и ехали на юг, чтобы привлечь на свою сторону чернокожих избирателей и выразить протест против расизма, являвшегося официальной государственной политикой. Многие лидеры движения за гражданские права были выходцами из Калифорнии. Мы всегда относились к политике активнее, чем

жители других районов страны, и, кроме того, в нашем штате чернокожие рабочие могли наравне с белыми вступать в профсоюзы и поэтому чувствовали себя более защищенными, чем их собратья в южных штатах.

Мисс Галвес помолчала немного, давая нам возможность осмыслить ее слова, и продолжила:

— Из Беркли на юг ехал нескончаемый поток «Наездников свободы». Набор добровольцев производился за информационными столами в студенческом кампусе, у перекрестка Банкрофт-Уэй и Телеграф-авеню. Вы, наверное, видели эти столы, они стоят там до сих пор. Руководство кампуса пыталось остановить эту деятельность. Президент университета запретил создавать в кампусе политические организации, но борцы за гражданские права оказались упрямее. Однажды полиция хотела арестовать парня, который раздавал литературу за одним из таких столов. Его запихнули в полицейский фургон, но на помощь пришли три тысячи студентов. Они окружили фургон и не дали ему сдвинуться с места. Спасли своего товарища от тюрьмы. Ораторы забирались на крышу фургона и произносили речи о Первой поправке к американской Конституции и о свободе слова. Эти события послужили толчком к

активизации Движения за свободу слова. Одновременно зародились и хиппи, а также другие, более радикальные студенческие движения. Среди них — борцы за права чернокожих, знаменитые «Черные пантеры», а немного позже — «Розовые пантеры», защищавшие права сексуальных меньшинств. Появились радикальные женские группировки, например «лесбийские сепаратистки», провозглашавшие целью ни много ни мало уничтожить весь мужской пол! И конечно, йиппи. Кто-нибудь из вас слышал о йиппи?

— Это те, которые пытались поднять в воздух Пентагон? — спросил я. Когда-то я видел документальный фильм о тех событиях.

Она рассмеялась.

— Да, совсем забыла о том случае. Верно, это устроили они. Йиппи — это своеобразные политизированные хиппи, однако они воспринимали политику совсем не так серьезно, как мы в наши дни. Они в нее играли. Устраивали розыгрыши. Поднявшись на верхние ярусы Нью-Йоркской фондовой биржи, сбрасывали фальшивые деньги на головы брокерам. Сотни протестующих окружили Пентагон плотным кольцом и стали распевать магические заклинания, надеясь силой левитации поднять здание в воздух. Изобрели

фальшивый ЛСД, который можно распылять на окружающих, поливали друг друга из водяных пистолетов и делали вид, будто они под кайфом. Их эксцентричные акции часто освещались по телевидению. Например, один йиппи, клоун по прозвищу Уэйви Грейви, собрал сотни протестующих и нарядил их в костюмы Санта-Клаусов. Вечером во всем телеканалам была показана удручающая картинка — полицейские хватают и волочат по асфальту безобидных сказочных стариков. Действия полиции вызвали всеобщее возмущение, и ряды протестующих заметно расширились.

Мисс Галвес обвела класс взглядом и продолжила:

— Звездный час йиппи настал в 1968 году, когда во время национального съезда Демократической партии по всей стране прокатились массовые демонстрации против войны во Вьетнаме. Чикаго был наводнен тысячами демонстрантов. Они ночевали в парках и каждый день устраивали пикеты возле здания, где проходил съезд. В тот год йиппи провели множество экстравагантных акций, например выдвинули кандидатом в президенты свинью по имени Свинтус. На улицах массово происходили кровавые столкновения

полиции с демонстрантами. Такие стычки случались и прежде и ни для кого не были новостью, однако чикагским полицейским не хватило ума держаться подальше от репортеров. Журналисты тоже попали под град жестоких ударов и по-своему поквитались со стражами порядка — без прикрас показали, какие зверства творятся на демонстрациях. Американцы с ужасом смотрели, как чикагская полиция безжалостно лупит дубинками их детей. Жестокие разгоны демонстраций были позже названы полицейскими погромами.

Класс потрясенно слушал.

— Йиппи любили повторять: «Не верь никому старше тридцати». Они имели в виду вот что. Люди, чьи детство и юность пришлись на эпоху противоборства Америки с жестокими врагами, такими как нацисты, не смогут понять, что в отказе воевать во Вьетнаме проявляется любовь к родине. Кроме того, подразумевалось, что человек, достигший тридцатилетнего возраста, уже сформировался окончательно и не может изменить свое восприятие мира, поэтому ему не дано понять, почему молодежь отвергает общепринятые нормы, выходит на улицы, вытворяет странные вещи. И эпицентром движения йиппи

стал Сан-Франциско. Здесь создавались целые революционные армии. Некоторые из них ради общего блага были готовы устраивать взрывы и грабить банки. Те бузотеры большей частью выросли, остепенились и стали более или менее нормальными людьми, но некоторые угодили за решетку. Кое-кто из тогдашних участников студенческих процессов впоследствии достиг невиданных высот — например, университетские недоучки Стив Джобс и Стив Возняк изобрели первый персональный компьютер и основали компанию Apple Computers.

Я воодушевленно впитывал ее рассказ. Кое-что было мне известно и раньше, но не доводилось слышать, чтобы об этом рассказывали так интересно. А может, до сих пор я уделял этой теме мало внимания, потому что она меня не касалась. Внезапно все эти нелепые, унылые старики, которых я часто видел на уличных демонстрациях, показались не такими уж скучными. Может быть, и в движении икснета найдется место для чего-то подоб- ного.

Я поднял руку.

— Они победили? Йиппи смогли победить?

Мисс Галвес долго всматривалась в меня, размышляя над вопросом. Класс застыл в молчании.

Всем не терпелось услышать ответ.

— Они не проиграли, — молвила она наконец. — Вернее всего сказать, движение просто сдулось. Кое-кто угодил в тюрьму за наркотики и прочие провинности. Другие сменили пластинку, переквалифицировались в яппи и читают курсы лекций о том, каких глупостей натворили в молодости и как хорошо быть жадным до денег. Однако им удалось сделать главное: они изменили мир. Война во Вьетнаме закончилась, и безоговорочное повиновение властям, которое раньше считалось доблестью и патриотизмом, окончательно вышло из моды. На первый план в общественных настроениях вышли права чернокожих, права женщин и сексуальных меньшинств. Затем в обществе начали говорить о правах выходцев из Латинской Америки, правах людей с ограниченными возможностями… Йиппи заложили и укрепили целую традицию защиты гражданских свобод. И сегодняшнее движение протеста берет начало в их борьбе.

— Я просто ушам своим не верю! — вдруг взметнулся Чарльз. Он подался вперед, еле сдерживая возмущение, тощее остроносое лицо побагровело. Большие влажные глаза вылезали на лоб, толстые губы приоткрылись, и он стал похож на

сердитую рыбу.

Мисс Галвес насторожилась.

— Продолжай, Чарльз.

— Вы очень благожелательным тоном рассказывали нам о террористах. О настоящих террористах. Говорили, что они взрывали дома, пытались сорвать торги на фондовой бирже. Вступали в драки с полицейскими, мешали арестовывать людей, нарушающих закон. Да ведь они напали на нас!

Мисс Галвес медленно кивнула. Я видел, что она ищет способ угомонить Чарльза, пока он не взорвался сам.

— Чарльз задал хороший вопрос. Йиппи не были иностранными агентами, они американские граждане. Когда ты говоришь: «Они напали на нас», следует уточнить, кто такие «они» и кто такие «мы». Если речь идет о твоих соотечественниках…

— Чушь! — заорал он и вскочил. — Мы в то время вели войну. А те козлы поддерживали врага и помогали ему. Определить, кто такие «мы» и кто такие «они», очень легко: те, кто защищает Америку, это «мы». А если вы переметнулись на сторону врага и поддерживаете тех, кто стреляет в американцев, значит, вы с ними.

— Кто еще хочет высказаться на эту тему?

Взметнулись несколько рук. Мисс Галвес вызывала одного за другим. Некоторые ребята указывали, что вьетнамцы стреляли в американцев потому, что те явились на их землю и стали с оружием бегать по джунглям. Другие соглашались с Чарльзом — никому не должно быть позволено нарушать закон.

Каждый выступающий говорил спокойно, стараясь обосновать свою точку зрения, и только Чарльз словно с цепи сорвался: кричал на других, перебивал. Пару раз мисс Галвес делала ему замечания, просила дождаться своей очереди, но он ее не слушал.

А я лихорадочно рылся в своем скулбуке, искал цитату, которую, ведь помнил же, прочитал совсем не- давно.

Вот она! Я встал. Мисс Галвес вопросительно посмотрела на меня. Остальные проследили ее взгляд и постепенно умолкли. Даже Чарльз устремил на меня пылающие ненавистью глаза.

— Я хотел бы кое-что зачитать, — сказал я. — Не бойтесь, это не займет много времени. Вот: «Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и

стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье».

Глава 12

Мисс Галвес широко улыбнулась.

— Кто-нибудь знает, откуда эта цитата?

— Из Декларации независимости, — ответил целый хор голосов.

Я кивнул.

— Маркус, почему ты зачитал это?

— Потому что, как я понимаю, отцы-основатели этой страны говорили: правительство должно находиться у власти лишь до тех пор, пока мы считаем, что оно действует ради нашего блага. А если мы теряем веру в это правительство, значит, его надо свергнуть и поставить новое. Там ведь сказано именно так, правда?

Чарльз вскинул голову.

— Это было написано сотни лет назад! А сейчас все устроено по-другому!

— А что изменилось?

— Ну, во-первых, над нами больше нет короля. В Декларации речь шла о правительстве, которое наделил властью какой-то сумасшедший старик, прапрапрадед которого считал, что правит с благословения самого Господа Бога, и поубивал всех,

кто был с ним не согласен. А наше правительство избрано демократическим путем…

— Лично я за них не голосовал, — вставил я.

— И это дает тебе право взрывать дома?

— Ты что? Кто тут сказал хоть слово о взрывах? И йиппи, и хиппи, и все остальные активисты считали, что правительство больше не желает их слышать. Посмотри, что стало с теми, кто агитировал избирателей в южных штатах! Их избивали, арестовывали…

— Некоторые погибли, — добавила мисс Галвес. Она стояла и ждала, пока мы с Чарльзом сядем. — Наше время подходит к концу, и я хочу поблагодарить ваш класс. Этот урок был одним из самых интересных за всю мою карьеру. Дискуссия вышла очень увлекательной, и я многому научилась у вас. Надеюсь, вы тоже почерпнули для себя немало полезного. Спасибо всем за активное участие в обсуждении. А тем из вас, кто желает попробовать свои силы, предлагаю дополнительное домашнее задание. Проведите сравнительное исследование антивоенного и правозащитного движения шестидесятых и современного гражданского и политического отклика на войну против террора, развернутую нашим правительством. Напишите статью стра-

ницы на три, не меньше. Максимальный объем не ограничен. Интересно будет почитать, что вы об этом думаете.

Через мгновение прозвенел звонок, ребята потянулись из класса. Я задержался и подошел к мисс Галвес.

— Что, Маркус?

— Ваш рассказ был потрясающим, — сказал я. — В первый раз слышу столько интересного о событиях шестидесятых годов.

— В семидесятые тоже происходило много интересного. В политически напряженные времена в Сан-Франциско скучно не бывает. Мне очень понравилась твоя цитата из Декларации независимости. Очень уместно и своевременно!

— Спасибо, — отозвался я. — Эта цитата как-то сама собой пришла в голову. До сегодняшнего для я даже не задумывался, как много для меня значат эти слова.

— Каждому учителю будет приятно услышать такой отклик. — Мисс Галвес пожала мне руку. — Не терпится почитать твою статью.

* * *

По дороге домой я купил плакат с Эммой Гольдман и повесил над столом, частично закрыв даже

любимый винтажный постер, светящийся в ультрафиолете. А еще купил футболку «НЕ ВЕРЬ...», на которой Гровер и Элмо пинками прогоняют взрослых Гордона и Сьюзен с Улицы Сезам. Прикольная футболка. Позже я узнал, что на сайтах вроде Fark, Worth1000 и B3ta уже проведено не меньше шести конкурсов на лучший рисунок, иллюстрирующий лозунг дня, и по сети гуляют сотни готовых картинок — бери и ставь на любой свой товар.

При виде футболки мама недоуменно выгнула бровь, а отец покачал головой и посоветовал не искать неприятностей на свою шею. Другой реакции я от него и не ожидал.

Энджи снова отыскала меня онлайн, и мы опять переписывались и флиртовали до поздней ночи. Прервались только ненадолго, когда под окнами опять проехал белый фургон с антеннами. Дождавшись, пока он укатит, я снова включил иксбокс. Это уже стало привычным делом.

Энджи с нетерпением ждала завтрашний концерт. Судя по всему, событие намечалось грандиозное. Участников записалось так много, что для дополнительных выступлений пришлось ставить вторую сцену.

> Как они сумели пробить разрешение громыхать всю ночь? Там же кругом жилые дома

> Разрешение? Какое еще разрешение? Что это вообще такое?

> То есть это незаконно?

> Что-что? Кто это тут заговорил о законах? Ты, что ли?

> И верно. Чья бы мычала

> Ха-ха-ха

Однако мне все равно стало тревожно. Ведь я в выходные пригласил отпадную девчонку — строго говоря, это она меня пригласила — на буйную неразрешенную тусовку посреди густонаселенного квартала.

Ну что ж, во всяком случае, скучать нам не придется.

* * *

Что верно, то верно. Скучать не пришлось.

Народ начал стекаться в Долорес-парк долгим субботним днем, смешиваясь с собачниками и любителями побросать фрисби. Некоторые и сами приходили с собаками или бросали друг другу «летающие тарелки». Никто не имел точного

представления, как будет проходить концерт, но на дорожках уже бродило немало полицейских и агентов в штатском. Этих переодетых было видно за версту, потому что все они носили прически как у Фиделя Кастро и имели телосложение как у провинциальных фермеров — коренастые парни с короткими стрижками и неухоженными усами. Они бродили туда-сюда, явно чувствуя себя неуютно в мешковатых шортах и свободных рубахах, под которыми наверняка скрывался целый арсенал оружия и спецсредств.

Долорес-парк очень красив, здесь много солнца, пальм и теннисных кортов. Хочешь — бегай по холмам, хочешь — прохлаждайся под деревьями. Правда, тут ночуют бомжи, но их много во всех районах Сан-Франциско. Мы договорились встретиться с Энджи на улице, возле анархистского книжного магазина. Естественно, это предложил я. Честное слово, я выбрал это место просто потому, что оно удобно для встречи, хотя потом, задним числом, стало понятно, что на таком фоне очень приятно красоваться перед девушкой, показывать, насколько ты крут. Когда я вошел, она читала книгу под непристойным названием «К стенке, Мазефакер».

— Прелестно, — сказал я. — И этими же губками

ты целуешь мамочку?

— Мамочка не жалуется, — парировала она. — Вообще-то это история людей вроде йиппи, только из Нью-Йорка. Они использовали это ругательство вместо фамилии — например, «Бен Мазефакер». Фишка в том, что они со своими приколами часто попадали в выпуски новостей, и газетчикам приходилось всякий раз париться над непечатной фамилией. Цель была просто поиздеваться над журналюгами. Остроумные ребята.

Она поставила книгу обратно на полку, и я завис, раздумывая, обняться нам или нет. У нас в Калифорнии люди часто обнимаются при встрече или на прощание. Часто. Но не всегда. Иногда целуются в щеку. В общем, совсем запутался.

Она успешно решила за меня эту проблему: сжала в объятиях, притянула голову вниз, крепко поцеловала в щеку и громко подула в шею. Я со смехом отстранился.

— Хочешь буррито? — предложил я.

— Это вопрос или констатация очевидного факта?

— Ни то ни другое. Это приказ.

Я прикупил несколько забавных стикеров со словами «ЭТОТ ТЕЛЕФОН ПРОСЛУШИВАЕТСЯ»

как раз такого размера, чтобы наклеивать на таксофоны, до сих пор стоящие на улицах нашего района. У нас не каждый может позволить себе сотовый телефон.

Мы вышли и окунулись в вечернюю прохладу. Я рассказал Энджи о том, что видел в парке.

— Наверняка расставили вокруг квартала сотни своих грузовиков, — мрачно произнесла она. — Чтобы было куда запихивать арестованных.

— Гм. — Я огляделся. — А я-то думал, ты скажешь что-нибудь вроде «да слабо им» или «ничего они нам не сделают».

— Нет, думаю, организаторы затевали концерт не ради этого. А для того, чтобы собрать в одном месте побольше гражданских и поставить копов перед выбором: надо ли обращаться с обычными людьми как с террористами. Что-то вроде взлома маячков, когда вы ходите и перепутываете карточки, только с музыкой. Ты ведь тоже этим занимаешься?

Черт, иногда забываю, что для моих друзей Маркус и M1k3y не одно и то же лицо.

— Да, случается, — отозвался я.

— То же самое, только с крутыми музыкальными группами.

— Понятно.

Здешние буррито — это нечто. Их делают только в нашем районе. Они дешевые, гигантские и необыкновенно вкусные. Представьте себе трубу величиной со снаряд для базуки, наполненную острым жареным мясом, гуакамоле, сальсой, помидорами, фасолевой поджаркой, рисом, луком и кориандром. По сравнению с обычным фастфудом — все равно что «ламборгини» рядом с игрушечными машинками.

В нашем районе примерно две сотни точек, где можно купить буррито. Все они дико безобразны, с неудобными креслами и минимумом декора, по стенам развешаны выцветшие рекламные плакаты из мексиканских туристических агентств и голографические портреты Иисуса и девы Марии в рамках с электрическими лампочками. Громко играет музыка марьячи. Различие между ними только одно — в экзотических сортах мяса, которое они кладут в начинку. По-настоящему аутентичные места добавляют мозги и язык. Я это никогда не заказываю, однако приятно сознавать, что истинные ценители традиций еще не перевелись.

В меню заведения, куда мы направились, присутствовали и мозги, и язык, однако мы обошли эти блюда стороной. Я заказал буррито с карне

асада — тонкими ломтиками жареной говядины, Энджи — с мелко нарубленной курицей, на десерт — по большому стакану орчаты.

Сев за стол, она сразу же развернула свой буррито и достала из сумочки небольшой флакон. Это был маленький стальной аэрозольный баллончик, точь-в-точь такой, в каких продается перечный спрей для самообороны. Она направила его на обнаженные внутренности своего буррито и оросила их тонким облачком красноватых маслянистых брызг. Я потянул носом — от пряного запаха перехватило горло, на глазах выступили слезы.

— Что за зверства ты творишь с бедным беззащитным буррито?

Она лукаво улыбнулась:

— Обожаю острую пищу. В баллончике капсаициновое масло.

— Капсаицин…

— Да, вещество, из которого делают перечный спрей. Фактически тот же самый спрей, только немного разбавленный. И гораздо вкуснее. Острая-преострая приправа.

От одной мысли о такой приправе у меня заслезились глаза.

— Ты что, вправду собираешься это съесть? —

спросил я.

Ее брови взметнулись вверх.

— А ты как думал? Смотри и учись, малыш.

Она аккуратнейшим образом запеленала буррито обратно, заново обернула фольгой. Освободила от упаковки один конец, поднесла к губам, застыла, выдерживая театральную паузу.

До самого последнего момента я не верил, что она его откусит. Этот баллончик больше походил не на еду, а на оружие массового поражения.

Она откусила. Прожевала. Проглотила, всем своим видом показывая, что наслаждается изысканной пищей. Потом с невинным видом спросила:

— Хочешь попробовать?

— Да, — храбро вызвался я. На самом деле я большой любитель острой пищи. В пакистанских ресторанчиках всегда заказываю карри с нарисованными рядом четырьмя острыми перчиками.

Я развернул фольгу и откусил большой кусок.

Это я напрасно.

Помните, как бывает, если вдруг хватишь слишком много хрена, васаби или чего-то подобного? От жгучей боли моментально схлопываются носовые пазухи, дыхательное горло сжимается, и раскаленный поток термоядерного пламени,

не найдя выхода, прокладывает себе путь прямо в мозг, выплескиваясь оттуда со слезами и соплями. Кажется, вот-вот из ушей пойдет пар, как у мультяшного персонажа.

Так вот, это было намного хуже.

Я словно прикоснулся к раскаленной печи, только не рукой, а какими-то внутренними поверхностями головы. Адское пламя затуманило разум, спустилось по пищеводу и опалило желудок. Меня бросило в пот, я задыхался, икал и хватал воздух ртом.

Энджи без единого слова придвинула ко мне стакан орчаты. Я схватил его, ухитрился попасть соломинкой в рот и одним глотком вытянул добрую половину.

— Существует так называемая шкала Сковилла, по ней измеряют остроту разных сортов перца, — с невозмутимым видом стала объяснять она. — Чистый капсаицин оценивается в пятнадцать миллионов очков. Соус табаско едва дотягивает до двух с половиной тысяч. Перечный спрей содержит полноценные три миллиона. А снадобье у меня в баллончике едва дотягивает до ста тысяч, примерно как карибский красный перец. Я освоила этот уровень примерно за год. Самые закаленные ценители могут выдержать

до полумиллиона, то есть в двести раз острее, чем табаско. Вот это я понимаю, настоящий жар. При такой температуре по Сковиллу мозг прямо-таки купается в эндорфинах. Кайф покруче, чем от травки. И для здоровья полезно.

Я с трудом переводил дыхание, медленно приходя в себя.

— Правда, потом в туалете садишься как на раскаленную сковородку, — подмигнула она.

Бр-р.

— Ты с ума сошла, — выдавил я.

— Занятно слышать это от человека, который на досуге собирает ноутбуки, а потом крушит их молотком, — парировала она.

— Твоя взяла. — Я признал поражение и утер пот со лба.

— Хочешь еще? — Она протянула баллончик.

— Нет уж, я пас, — ответил я так поспешно, что мы оба рассмеялись.

Выйдя из ресторана, мы пошли в Долорес-парк. Энджи обняла меня за талию, и я обнаружил, что рост у нее самый что ни на есть подходящий, чтобы положить руки ей на плечи. И мне это очень нравилось. Я всегда был не очень высок, и девчонки, с которыми я встречался, обычно были моего роста. Девочки-подростки вытягиваются

быстрее мальчишек, уж такова жестокая шутка природы. А с Энджи было хорошо.

Мы свернули на Двадцатую улицу и пошли к Долорес. Еще не успев сделать ни шагу, услышали далекий гул. Словно жужжали миллионы пчел. Со всех сторон к парку стекался народ. Я пригляделся: толпа стала раз в сто гуще, чем когда я встретился с Энджи.

От этой картины меня бросило в жар. Прекрасная ночь, свежий бодрящий воздух, и нас ждет отпадная тусовка, мы будем отрываться по полной, забыв о завтрашнем дне. «Ешь, пей, веселись, ибо завтра умрем».

Не сговариваясь, мы ускорили шаг. Вокруг толпилось множество полицейских, они взирали на происходящее с каменными лицами. Да что, черт возьми, они нам сделают? В парке народу немерено. Я плохо умею подсчитывать численность толпы на глаз. На следующий день газеты со слов организаторов написали, что собралось двадцать тысяч зрителей. По данным полиции — пять тысяч. Наверно, истина, как всегда, крылась посередине — примерно двенадцать с половиной.

Как бы то ни было, мне еще никогда не доводилось оказываться посреди такой огромной толпы. Быть участником необъявленного, неразрешен-

ного, незаконного мероприятия.

В мгновение ока мы очутились в самой гуще народа. На всех лицах играли улыбки. Голову на отсечение не дам, но, по-моему, в этом людском водовороте не было ни одного человека старше двадцати пяти. Попадались даже ребятишки лет по десять-двенадцать, и у меня на душе стало легче. Когда среди публики такие малыши, никто не наделает глупостей. Никому не захочется видеть, как страдает ребятня. Нас ждет весенняя, грандиозная, праздничная ночь.

Я прикинул, как найти место получше. Наверно, надо пробираться к теннисным кортам. Мы стали просачиваться сквозь толпу и, чтобы не разлучиться, взялись за руки. Правда, чтобы не разлучаться, совсем не обязательно сплетать пальцы. А мы сплели. Чисто ради удовольствия. Было очень приятно.

На теннисных кортах артисты были уже в сборе. Музыканты привезли свои гитары, микшеры, синтезаторы и даже ударную установку. Через день-другой я нашел в икснете стрим о том, как они втихаря, деталь за деталью, приносили все это снаряжение в спортивных сумках или под одеждой. Были там огромные динамики из тех, что можно увидеть в автосалонах, и среди них —

целые штабеля автомобильных аккумуляторов. Я не смог удержаться от смеха. Гениально! Вот, значит, как они собираются питать энергией свою технику. Оттуда, где я стоял, было видно, что эти аккумуляторы сняты с гибридного автомобиля. «Приус». Ради этой ночной тусовки кто-то распотрошил экомобиль. Аккумуляторы длинной цепочкой уходили за пределы корта и высились штабелем у забора. От них к электроустановкам тянулись провода, пропущенные сквозь сетчатую ограду. Я насчитал двести аккумуляторов! Вот это да! Весят, наверно, целую тонну.

Организовать такое без электронной почты, форумов и списков рассылок невозможно. И все эти люди не идиоты, чтобы пользоваться открытым интернетом. Зуб даю, наверняка вся организационная работа происходила в икснете.

Мы немного побродили по толпе, слушая, как музыканты настраивают инструменты и переговариваются. Издалека я увидел Труди Ду. Она была довольно далеко от меня, на теннисном корте, и сквозь сетку это выглядело, словно она прогуливается по клетке как профессиональный борец, готовящийся к схватке. На ней были мужская майка, армейские камуфляжные штаны и огромные черные сапоги со стальными накладка-

ми на мысках. Волосы были заплетены в дреды и спадали до пояса розовым сверкающим каскадом. Она взяла тяжелую, сильно потертую байкерскую куртку и облачилась в нее, как в доспехи. Если вдуматься, это, видимо, и были доспехи.

Я попытался ей помахать, но она меня не заметила. Мне хотелось произвести впечатление на Энджи, но, наверно, вид получился довольно идиотский, так что я опустил руку, сделав вид, что ничего не произошло. От зрителей исходила потрясающая энергия. То и дело слышишь, что в больших толпах ощущается «аура» и «энергетика», но, пока не испытаете их воздействие на себе, будете и дальше считать это просто образными выражениями.

Но нет. Это реальность. Она проявляется, когда на лицах сияют заразительные улыбки, широкие и сладкие, как ломтики арбуза. Когда все, соприкоснувшись плечами, еле заметно покачиваются в едином ритме. Неспешно прогуливаются. Шутят, смеются. Голоса звенят от восторженного предвкушения, словно в ожидании фейерверка. И вам незачем и некуда прятаться от этой радостной энергетики, потому что вы — ее часть. Потому что эта энергия — ваша.

И когда электрическая аура пропитала меня

до мозга костей, начался собственно концерт. Открывали его сербские ребята, игравшие турбофолк, но я, увы, понятия не имел, как под него танцевать. Собственно говоря, в моем репертуаре только два вида танцев: медленный, он же транс (шаркаешь ногами в такт мелодии в обнимку с партнершей), и быстрый, или панк (скачешь и машешь руками, пока не вымотаешься или не получишь кулаком). Следующими выступали хип-хоперы из Окленда, за ними — трэш-металлисты, игравшие лучше, чем можно было предположить, судя по названию. Потом на сцену вышла подростковая поп-группа, за ними настала очередь «Спидхорс». К микрофону подошла Труди Ду.

— Меня зовут Труди Ду, и вы идиоты, если верите мне. Мне уже тридцать два, и мое время осталось далеко позади. На мне можно ставить крест. Я привыкла мыслить по-старому. По-прежнему считаю, что свобода мне гарантирована по праву рождения, и не замечаю, как ее у меня отнимают. А вы — первое поколение, которое подрастает в американском гулаге, и прекрасно, до последнего цента, знаете цену свободы!

Толпа приветствовала ее громкими криками. Труди пробежалась пальцами по струнам гита-

ры, взяла несколько быстрых нервных аккордов, вслед за ней с тяжелым раскатистым ритмом вступила бас-гитара в руках здоровенной девахи с короткой мужской стрижкой, в сапогах еще огромнее, чем у Труди, и улыбкой такой широченной, что ею можно было открывать пивные бутылки. Мне захотелось попрыгать. Я запрыгал на месте. Рядом со мной прыгала Энджи. Стало жарко, вечерний воздух наполнился запахами пота и сигаретного дыма. Со всех сторон от нас колыхались теплые фигуры. Они тоже прыгали.

— Не верь никому старше двадцати пяти! — выкрикнула Труди.

Тысячи глоток как одна ответили ей звериным ревом.

— Не верь никому старше двадцати пяти!
— Не верь никому старше двадцати пяти!
— Не верь никому старше двадцати пяти!
— Не верь никому старше двадцати пяти!
— Не верь никому старше двадцати пяти!
— Не верь никому старше двадцати пяти!

Гитара в руках Труди издала череду густых, тяжелых аккордов, и, отвечая ей, другая гитаристка, крохотная Дюймовочка с бесчисленным пирсингом на лице, выводила пронзительные рулады, зажимая гриф у основания выше двена-

дцатого колка.

— Это наш город, черт их всех побери! И страна тоже наша! И, пока мы свободны, никакие террористы ее у нас не отберут! А не будет свободы — считай, террористы победили! Вернем себе нашу страну! Вернем свободу! Вы слишком молоды и слишком наивны, а потому не понимаете, что в этой борьбе вам не победить. И поэтому только вы и можете повести нас к победе! Вернем себе свободу! СВО-БО-ДУ!

— СВО-БО-ДУ! — подхватили тысячи глоток. Труди ударила по струнам, мы взревели в унисон, и это получилось ОЧЕНЬ ГРОМКО!

* * *

Я отплясывал, пока от усталости ноги не стали заплетаться. Все это время рядом со мной танцевала Энджи. При этом мы несколько часов терлись друг о друга разгоряченными телами, но, хотите верьте, хотите нет, я почти не испытывал сексуального влечения. Мы просто танцевали, отдавшись на волю ритма, качаясь среди таких же колышущихся тел, и вместе со всеми кричали: «СВО-БО-ДУ! СВО-БО-ДУ!»

Натанцевавшись до полного изнеможения, я схватил Энджи за руку, и она стиснула мою

ладонь так, словно висела на краю небоскреба и цеплялась за жизнь. Потащила меня из самой гущи к краю, где толпа редела, а воздух свежел. Там, на окраине Долорес-парка, под прохладным ветерком наши потные тела моментально закоченели. Стуча зубами от холода, она обхватила меня обеими руками и потребовала:

— Согрей меня.

Меня не надо было уговаривать. Я крепко обнял ее и почувствовал, как стучит ее сердце в такт ритму, доносившемуся со сцены, — сейчас оттуда звучал брейкбит, быстрый, безудержный и бессловесный.

Я вдыхал пряный запах ее пота, и это было не противно, а классно. Понимал, что и сам благоухаю не парфюмом. Закрыв глаза, я уткнулся носом ей в макушку, а она потерлась щекой о мою ключицу. Вскинула руки, обняла меня за шею, потянула вниз.

— Пригнись, я не захватила с собой лестницу, — сказала она. Я попытался улыбнуться, но, когда целуешься, улыбаться нелегко.

Я уже говорил, что в своей жизни целовался с тремя девчонками. У двух из них это случилось в первый раз. Третья встречалась с мальчиками лет с двенадцати. Похоже, ее мучили какие-то

комплексы.

Но ни одна из них не целовалась так, как Энджи. Губы ее были мягкими, как внутренность спелых фруктов, ее язык не залез ко мне в рот, а плавно проскользнул, и губы не упирались в мои, а влажно обволакивали. Должно быть, вот об этом и говорят: «их уста слились в поцелуе». Я словно со стороны услышал свой стон, и руки сами собой еще крепче стиснули тело Энджи.

Медленно, осторожно мы опустились на траву. Легли на бок, не разжимая объятий, и целовались, целовались. Весь мир вокруг исчез, утонув в этом поцелуе.

Мои ладони гладили ее ягодицы, поднялись к талии. Скользнули под край футболки, нашли теплый живот, мягкий пупок, медленно двинулись вверх. Она тоже застонала.

— Не здесь, — вымолвила она. — Пойдем вон туда. — И указала на большую белую церковь Мишен-Долорес, давшую название и парку, и нашему району. Держась за руки, мы перебежали через улицу. Перед входом в церковь высились большие колонны. Она прижала меня спиной к одной из них, снова привлекла к себе мое лицо. Мои ладони без промедления смело скользнули ей под футболку и стали осторожно проклады-

вать путь вверх.

— Расстегни там, на спине, — шепнула она прямо мне в рот. У меня затвердело так, что хоть стекло царапай. Я провел руками по ее спине, широкой и крепкой, дрожащими пальцами нашел крючки. В памяти промелькнули все, какие я знал, похабные анекдоты о парнях, неспособных расстегнуть лифчик. Похоже, я был как раз из таких. Наконец застежка поддалась. Энджи коротко охнула, не отрывая своих губ от моих. Мои руки скользнули вперед, коснулись влажных подмышек — и это не было противно, наоборот, естественно и эротично — и остановились на округлых, податливых внешних краях грудей.

И ровно в этот миг душераздирающе завыли сирены.

Мне никогда не доводилось слышать такого громкого воя. Он обрушивался как удар, сбивал с ног. Человеческий слух не в силах выдержать этого. А потом стало еще громче.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ! — громоподобно разнеслось неведомо откуда, словно глас божий. — ЭТО МЕРОПРИЯТИЕ ПРОТИВОЗАКОННО. НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ.

Музыка смолкла. Крики толпы по ту сторону улицы зазвучали иначе. Испуганно. Возмущен-

но.

Из автомобильных динамиков на теннисных кортах послышался щелчок. Значит, включилась система оповещения, работавшая от автомобильных аккумуляторов.

— ВЕРНИ СЕБЕ СВОБОДУ!

Одинокий клич звучал как дерзкий вызов, брошенный с высокой скалы наперекор океанской стихии.

— СВО-БО-ДУ!

Толпа отозвалась звериным рыком, от которого у меня волосы встали дыбом.

— СВО-БО-ДУ! — скандировали они. — СВО-БО-ДУ! СВО-БО-ДУ! СВО-БО-ДУ!

Стройными рядами напролом двинулась полиция. С черными дубинками и пластиковыми щитами, в шлемах почти как у Дарта Вейдера и очках ночного видения они походили на солдат из футуристического военного фильма. Они слаженно сделали шаг вперед, и каждый ударил дубинкой по щиту. Грохот получился такой, будто раскололась земля. Так они и двигались: шаг, удар, шаг, удар. Они окружили весь парк и сжимали кольцо.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ! — снова грянул глас божий. Над головой закружились

вертолеты. Правда, они не шарили по земле лучами прожекторов. Ну конечно, инфракрасная оптика! У пилотов в небе она, наверное, тоже была. Я затащил Энджи под козырек церковного портика, подальше от всевидящих глаз на земле и в небе.

— СВО-БО-ДУ! — Я узнал мятежный голос Труди Ду. Она ударила по струнам гитары, ударные дробным стуком подхватили ритм, потом глубоко и густо вступила бас-гитара.

— СВО-БО-ДУ! — подхватила толпа и, бурля, выплеснулась из парка навстречу полицейским шеренгам.

Мне не доводилось бывать на войне, но теперь я, кажется, понимаю, каково это. Как чувствуют себя насмерть перепуганные пацаны, когда бегут через все поле навстречу вражеским цепям, понимают, что их ждет, но все равно продолжают бежать с воплями и руганью.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ! — повторил глас божий. Он шел от грузовиков, расставленных вокруг парка. Их пригнали буквально в последние несколько секунд.

Потом опустился туман. Облако низвергалось с вертолетов и зацепило нас только краешком. Я вдохнул — и показалось, что голова вот-вот

взорвется. По носовым пазухам словно ударили ледорубами. Из распухших глаз хлынули слезы, горло перехватило судорогой.

Перечный спрей. И не сто тысяч по Сковиллу, а все полтора миллиона. Против толпы веселящихся подростков полиция применила слезоточивый газ.

Мне не было видно, что там происходит, зато я все слышал. Слышал сквозь наше с Энджи сдавленное дыхание, пока мы стояли, поддерживая друг друга. Рев толпы захлебнулся, люди хрипели, выворачиваясь наизнанку. Музыка запнулась и смолкла, послышался усиленный микрофонами кашель.

Потом все стали кричать.

Кричали долго. Сумев наконец протереть глаза, я увидел, что копы подняли инфракрасные очки на шлемы и вертолеты заливают Долорес-парк лучами прожекторов. Стало светло как днем. На наше счастье, вся полиция устремила взгляды в парк, иначе при таком освещении нас с Энджи сразу заметили бы.

— Что нам делать? — сдавленно спросила Энджи, дрожа от страха. Я не сразу смог ответить. Сглотнул раз, другой, прочистил горло, потом заговорил.

— Ничего. Линять надо. Что тут еще поделаешь? Сделаем вид, что случайно проходили мимо. Выходим на Долорес, потом налево и вверх к Шестнадцатой. Идем спокойно. Типа мы тут просто гуляем. Мы тут вообще ни при чем.

— Не получится, — вздохнула она.

— А ничего другого не остается.

— Может, лучше бежать?

— Нет, — возразил я. — Побежим — нас сразу кинутся догонять. А если пойдем спокойно, решат, что мы ни при чем, и не тронут. У них и так работы по горло — такую толпу упаковать.

Весь парк был усеян корчащимися телами. Люди катались по траве, задыхаясь, протирая глаза. Полицейские хватали их под руки, надевали пластиковые наручники и швыряли в грузовики, будто тряпичных кукол.

— Пошли? — спросил я.

— Пошли, — кивнула Энджи.

Так мы и сделали. Зашагали, взявшись за руки, всем своим видом показывая, что не желаем ввязываться в чужие приключения. С таким видом, отворачиваясь, люди обычно проходят мимо назойливых нищих или уличных драк. Типа «не мое это дело».

Замысел удался.

Мы дошли до угла, повернули и двинулись дальше. Первые два квартала боялись рот раскрыть — сами не верили, что оторвались. Потом я с шумом выпустил из груди воздух и осознал, что шел затаив дыхание.

Мы добрались до Шестнадцатой и повернули к Мишен-стрит. Обычно по субботам в два часа ночи там довольно неуютно. Но сегодня все эти алкаши, наркоманы, толкачи и проститутки показались чуть ли не родными. Ни копов с дубинками, ни слезоточивого газа.

— Ф-фух. — Я перевел дыхание, наслаждаясь свежим ночным воздухом. — По кофейку?

— Нет, — ответила Энджи. — Домой. Больше ни о чем думать не могу. Кофе потом.

— Ага, — согласился я. Она жила на Хейес-Вэлли. Я поймал ехавшее мимо такси. Нам сильно повезло — в нашем городе редко можно поймать такси, когда оно нужно.

— У тебя хватит денег на дорогу до дому?

— Да, — ответила она. Из окна на нас глядел водитель. Я распахнул заднюю дверь, чтобы он не укатил.

— Спокойной ночи, — попрощался я.

Она обхватила меня руками за шею, притянула к себе и крепко поцеловала в губы — не эротично,

но как-то по-особенному интимно.

— Доброй ночи, — шепнула она мне на ухо и запорхнула в такси.

А я — с кружащейся головой, со слезами в глазах, терзаясь муками совести за то, что бросил своих собратьев по икснету на произвол судьбы, ДВБ и сан-францисской полиции, — поплелся домой.

* * *

В понедельник утром возле стола, за которым обычно сидела мисс Галвес, возвышался Фред Бенсон. Когда мы сели за парты, он объявил:

— Мисс Галвес больше не будет вести уроки в вашем классе.

В его голосе звучало хорошо знакомое мне самодовольство. Я заподозрил неладное и поглядел на Чарльза. Он сиял, словно именинник, получивший самый желанный на свете подарок.

Я поднял руку.

— Почему?

— Правила учебной части запрещают обсуждать вопросы трудоустройства с кем-либо, кроме самих сотрудников и дисциплинарного комитета, — ответил он, даже не пытаясь скрыть злорадство.

Затем он начал урок.

— Сегодня мы приступаем к новой теме — национальная безопасность. В ваши компьютеры уже загружен вводный текст. Откройте их и перейдите к начальному экрану.

На заставке ярко пылал логотип ДВБ и заголовок: «ЭТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ АМЕРИКАНЕЦ! ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ».

Мне захотелось шарахнуть скулбук об пол.

* * *

Мы с Энджи договорились встретиться после уроков в кафе в ее квартале. В вагоне метро меня угораздило сесть между двумя мужиками в деловых костюмах. Оба держали номера «Сан-Франциско Кроникл» с огромным, на всю страницу, разбором «печальных итогов» вчерашних «бесчинств молодежи» в Мишен-Долорес-парке. Мужики сокрушенно качали головами и цокали языками. Потом один сказал другому:

— Кто же им, нынешним, так мозги прополоскал? Мы в свое время такими недоумками не были!

Я молча встал и пересел на другое место.

Глава 13

— Шлюхи они, и больше никто! — в ярости выпалила Энджи. — Нет, пожалуй, не стоит оскорблять шлюх, у них тяжелая работа. А эти, а эти… продажные твари, вот кто!

Мы сидели в кафе и перелистывали купленные по дороге газеты. Во всех до одной был напечатан подробный «репортаж» о событиях в Долорес-парке, и все до одной изображали это как пьяную тусовку обкуренной молодежи, которая, войдя в раж, напала на блюстителей порядка. «Ю-Эс-Эй Тудей» скрупулезно подсчитала убытки, нанесенные этими «бесчинствами» городскому бюджету, не забыв включить туда расходы на очистку парка от остатков перечного спрея, стоимость лечения астматических приступов у пациентов, наводнивших городские станции скорой помощи, и затраты на содержание под стражей восьми сотен арестованных «правонарушителей».

И никто не сказал о нас ни единого доброго слова.

— Зато в икснете сразу разобрались, что к чему, — сказал я.

Мне приходили записи, видеоролики и фотостримы из множества блогов. Свидетельства из первых рук, показания тех, кого били и травили газом. Видеоролики о том, как мы танцевали, веселились, произносили миролюбивые политические речи, декламировали: «СВО-БО-ДУ!», а Труди Ду говорила, что мы единственное поколение, способное выступить в защиту своей свободы. Я сохранил все эти записи на телефон и показал Энджи.

— Надо сделать так, чтобы об этом узнали все, — сказала она.

— Угу, — мрачно отозвался я. — Держи карман шире.

— С чего ты взял, что в газетах никогда не напишут правду?

— Ты же сама сказала, они шлюхи.

— Да, но шлюхи продают себя за деньги. Газеты тоже продавались бы лучше, если бы печатали взгляд и с той, и с другой стороны. А сейчас они только обвиняют.

— Верно подмечено. Тогда почему они этого не делают? Репортеры и в обычные-то блоги редко заглядывают, не говоря уже о чтении икснета. В нашей сети взрослые чувствуют себя неуютно.

— Ага, — подтвердила она. — И мы можем это

исправить.

— И как же?

— Напиши правду и собери все свидетельства в одном месте. Приложи ссылки. Это должен быть сайт, куда может зайти любой журналист и увидеть общую картину. Дай ссылку на инструкцию по икснету. Тогда все интернет-пользователи, если, конечно, их не пугает, что об их серфинге узнают в ДВБ, смогут зайти в икснет.

— Думаешь, это поможет?

— Ну если и нет, то хоть какую-то пользу принесет.

— С какой стати они будут прислушиваться к моему мнению?

— Кто же не прислушается к мнению M1k3y?

Я отставил чашку с кофе. Взял со стола телефон, сунул в карман. Встал, развернулся на каблуках, выскочил из кафешки. Побрел куда глаза глядят, не разбирая дороги. Лицо пылало, в висках стучала кровь.

«Они знают, кто я такой, — билась в голове неотвязная мысль. — Знают, кто такой M1k3y». Вот и все. Если Энджи сумела вычислить, то в ДВБ меня наверняка уже раскусили. Мне конец. С самого начала, с того дня, как меня выпустили из тюремного грузовика, я понимал, что рано или

поздно за мной придут, зашлют куда-нибудь к черту на кулички, и я исчезну навсегда, сгину, как уже сгинул Дэррил.

Все кончено.

Когда я дошел до Маркет-стрит, на меня налетела Энджи. Чуть не сбила с ног. Она запыхалась, глаза горели яростью.

— Какая муха тебя укусила?

Я оттолкнул ее и зашагал дальше. Обратной дороги нет.

Она опять схватила меня за руку.

— Прекрати, Маркус, ты меня пугаешь. Что случилось? Объясни же наконец!

Я остановился, посмотрел на нее. Перед глазами все плыло. Я не мог ни на чем остановить взгляд. Внезапно вспыхнуло безумное желание броситься под проезжавший мимо трамвай. Уж лучше умереть, чем возвращаться в застенки к палачам из ДВБ.

— Маркус! — И тут она сделала то, что я до сих пор видел только в кино. Размахнулась и влепила мне звонкую пощечину. — Да скажи хоть слово, черт тебя подери!

Я вгляделся в нее, приложил ладонь к пылающей щеке.

— Никто не знает, кто я на самом деле, и не дол-

жен знать, — пробормотал я наконец. — Куда уж проще. Если ты знаешь, мне крышка. Знает один человек — знают все. Со мной все кончено.

— О господи, ну прости. Вообще-то я знаю только потому, что… ну, я вынудила Джолу мне рассказать. После той тусовки я решила втихаря узнать о тебе побольше. Разобраться, кто ты — добрый малый, за которого себя выдаешь, или тайный маньяк-убийца. Мы с Джолу давно знакомы. Я спросила его о тебе, и он разразился таким потоком хвалебных слов, словно ты ангел во плоти. Но чувствовалось, что он чего-то недоговаривает. Говорю же, я давно знаю Джолу. Когда-то, еще в детстве, в компьютерном лагере он ухлестывал за моей старшей сестрой. И мне известно немало его грязных тайн. Я пригрозила, что предам их гласности, если он не расколется.

— И он раскололся.

— Нет, — ответила она. — Он послал меня ко всем чертям. Тогда я рассказала ему кое-что о себе. Такое, чего никогда никому не говорила.

— Что же?

Она посмотрела на меня. Потом огляделась по сторонам. Потом опять на меня.

— Ну так и быть. Не стану требовать с тебя клятву молчания, ибо какой смысл? Надеюсь,

тебе можно доверять. В общем, в прошлом году я… — Она запнулась. — В прошлом году я выкрала типовые контрольные и выложила их в интернет. Просто так, по приколу. Случайно шла мимо директорского кабинета, там стоял сейф, дверца была открыта, и они лежали внутри. Распечатанные в шести экземплярах. Я сунула один в сумку и вышла. Пришла домой, отсканировала и выложила на сервер Партии пиратов в Дании.

— Так это сделала ты?

Она зарделась.

— Гм. Ага.

— Ну ты даешь! — воскликнул я. Вот это новость! Власти говорили, что эти контрольные подготовлены согласно государственной программе повышения уровня образования, на их составление затрачены сотни миллионов долларов, и теперь, после утечки, придется угрохать еще столько же. Кражу громко назвали «терроризмом на ниве просвещения». В СМИ долго и бесплодно пытались гадать, какие политические мотивы двигали преступниками. Высказывались предположения, что это учительский протест, ученическое хулиганство, попытка вымогательства или месть недовольного подрядчика.

— Значит, это была ты?

— Я, — потупилась Энджи.

— И ты рассказала об этом Джолу…

— Потому что хотела показать ему, что умею хранить секреты. И если я вдруг проболтаюсь, то у него будет возможность засадить меня в тюрьму. Ты — мне, я — тебе. Quid pro quo, как в «Молчании ягнят».

— И он раскололся.

— Нет, — ответила она. — Не раскололся.

— Но…

— Тогда я призналась ему, что втюрилась в тебя. Готова, как последняя дура, повиснуть у тебя на шее и отдаться. И вот тогда он наконец раскололся.

Я не знал, что и сказать. Стоял и тупо пялился на свои ботинки. Она схватила меня за руки.

— Прости. Я не должна была вытягивать из него твой секрет. Рассказывать мне или нет — должен был решать только ты. Не мое дело…

— Перестань, — сказал я. Узнав, откуда ей известна моя тайна, я стал понемногу успокаиваться. — Наоборот, хорошо, что ты знаешь. Именно ты.

— Я, — подхватила Энджи. — Именно я.

— Ну ладно, это я переживу. Но есть еще один вопрос.

— Какой?

— Понимаю, что в твоих глазах буду выглядеть последним мерзавцем, но все-таки скажу. Люди, которые встречаются — или как еще назвать то, что между нами происходит, — в конце концов рано или поздно расстаются. А расставаясь, злятся друг на друга. Иногда даже между ними надолго повисает ненависть. Мне, честное слово, страшно подумать, что так может случиться и с нами, но, понимаешь, все-таки задуматься надо.

— Торжественно обещаю и клянусь, что никогда и никому не выдам твою тайну, какую бы подлянку ты мне ни устроил. Даже если оттрахаешь дюжину девок прямо в моей постели на глазах у моей мамочки. Даже если заставишь меня слушать Бритни Спирс. Даже если расколотишь мой ноутбук молотком и утопишь в соленой воде. Клянусь. Никогда и ни за что.

У меня вырвался вздох облегчения.

— А теперь, мне кажется, самое время поцеловаться. — Она подняла голову и подставила мне губы.

* * *

Следующим грандиозным проектом M1k3y было собрать и выложить в икснет подробную,

самую правдивую информацию о том, что на самом деле происходило в Долорес-парке. О тусовке под лозунгом «НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ ДВАДЦАТИ ПЯТИ» и о том, чем она закончилась. Я создал великолепный, потрясный сайт, вложив в него все силы и умение, рассортировав события по времени, месту, по категориям: пение, танцы, полицейское насилие, что случилось потом. Загрузил туда весь концерт от начала до конца.

Над этим я работал всю сегодняшнюю ночь напролет. И завтрашнюю. И послезавтрашнюю.

В почтовый ящик хлынули письма с идеями и предложениями. Очевидцы присылали снимки с телефонов и карманных фотоаппаратов. Одно из писем было подписано знакомым именем — доктор Злооо (с тремя «о»), прекрасный специалист по «Параноид-линуксу».

> M1k3y

> Я с большим интересом слежу за твоими экспериментами с икснетом. Здесь, в Германии, мы на собственном горьком опыте хорошо знаем, что случается, если правительство выходит из-под контроля и перестает слышать свой народ.

> Вам следует учитывать одну важную

особенность. У каждой фотокамеры есть собственный шумовой профиль, по которому можно идентифицировать снимки, сделанные этой камерой. Это значит, что фотографии, которые выложены на ваш сайт, могут послужить доказательствами, изобличающими их авторов, если вдруг полиция до них доберется.

> К счастью, удалить эти профили несложно. В дистрибутиве «Параноид-линукса», который у вас установлен, есть специальная утилита, она называется photonomous, ее можно найти в папке /usr/bin. Прочитайте заглавные страницы документации. Это несложно.

> Желаю вам удачи в борьбе. Старайтесь не попадаться. Держитесь за свободу и не теряйте бдительности.

> Доктор Злооо

Я удалил шумовые профили всех уже опубликованных снимков и выложил их обратно, снабдив примечанием с рекомендацией доктора Злооо. Посоветовал икснеттерам поступать так же. У нас всех была одна и та же версия «Параноид-иксбокса», так что каждый сумел сделать свои снимки

анонимными. Конечно, с теми снимками, которые были уже скачаны безопасниками, ничего поделать было нельзя, но впредь будем умнее.

На этой мысли я, выбившись из сил, уснул. А когда наутро спустился к завтраку, у мамы на кухне Национальное общественное радио передавало утренние новости.

— Арабское информационное агентство «Аль-Джазира» публикует фотографии, видеоматериалы и свидетельства очевидцев о бесчинствах молодежи, произошедших в прошлые выходные в Долорес-парке, — вещал диктор. Я поперхнулся апельсиновым соком, чуть не расплескав его по всей кухне. — Корреспонденты «Аль-Джазиры» утверждают, что все эти материалы были опубликованы в так называемом икснете, подпольной коммуникационной сети, которой пользуются студенты и подростки, проживающие в Сан-Франциско и его окрестностях и тайно симпатизирующие «Аль-Каиде»[3]. Долгое время у нас не было достоверных сведений о существовании этой сети, но сегодня все слухи, ходившие о ней, впервые подтверждаются средствами массовой информации.

---

[3] Примечания: 3

Запрещенная в России террористическая организация.

Мама покачала головой.

— Только этого нам не хватало. Мало нам было полиции с ее облавами. Теперь еще и подростки затеяли игры в партизан и дают властям повод еще сильнее закрутить гайки.

— Веб-блоги в икснете содержат сотни сообщений и мультимедиафайлов, размещенных молодыми людьми, которые находились на месте беспорядков и утверждают, что до появления полиции сборище носило исключительно мирный характер. Вот рассказ одного из них.

«Мы ничего не делали, только танцевали. Я привел младшего брата. Играли группы, мы говорили о свободе и о том, как ее отбирают у нас эти негодяи, которые утверждают, что борются с террористами, но атакуют нас, хотя мы не террористы, а простые американцы. Мне кажется, они борются не с террористами, а со свободой… Было все тихо-мирно, мы танцевали, слушали музыку, а потом явились копы и стали требовать, чтобы мы разошлись. А мы кричали: “Свободу!” Потому что мы должны вернуть Америке свободу. Копы стали распылять слезоточивый газ. Моему братишке всего двенадцать. Он из-за этого пропустил три дня в школе. А родители, бестолковые, сказали, что это я во всем виноват. Я, что

ли, его газом травил? Мы платим полиции за то, чтобы они нас защищали, а они травят нас газом ни за что ни про что, как будто идет война, а мы вражеские солдаты».

Подобные рассказы, а также аудио- и видеоматериалы можно найти на сайте «Аль-Джазиры» и в сети икснет. Рекомендации о том, как выйти в икснет, выложены на домашней странице Национального общественного радио.

Из спальни спустился отец.

— Ты пользуешься икснетом? — спросил он, пристально глядя мне прямо в глаза. Я невольно поежился.

— Только для видеоигр, — ответил я. — Для того ее и придумали. Это просто обычная беспроводная игровая сеть. Помнишь, в прошлом году бесплатно раздавали иксбоксы? Вот тогда эту сеть и придумали.

Он испепелил меня свирепым взглядом.

— Для игр? Маркус, до тебя даже не доходит, что, пользуясь этой сетью, ты создаешь прикрытие для негодяев, которые строят планы напасть на твою страну и уничтожить ее. С этой минуты я запрещаю тебе пользоваться икснетом. Навсегда. Понятно?

Мне хотелось возразить. Да что там, хотелось

схватить отца за плечи и хорошенько встряхнуть, чтоб очнулся. Но я сдержался. Отвел глаза. Сказал лишь:

— Да, папа. — И пошел в школу.

* * *

Придя в школу, я узнал, что мистер Бенсон не будет вести у нас обществознание, и поначалу обрадовался. Но женщина, которая пришла ему на смену, оказалась живым воплощением моих самых страшных кошмаров.

Она была молода, лет двадцать восемь или двадцать девять, и недурна собой: яркая, цветущая блондинка. Но когда она с мягким южным акцентом представилась как миссис Андерсон, у меня в голове звякнул первый тревожный звоночек. Лично я не встречал ни одной женщины моложе шестидесяти, которая называла бы себя «миссис».

Но я решил закрыть на это глаза. В конце концов, она молодая, красивая, приятный говор. Как-нибудь по- ладим.

Не поладили.

— При каких обстоятельствах федеральное правительство имеет право приостановить действие Билля о правах, то есть первых десяти поправок

к Конституции США? — спросила она и написала на доске столбик чисел от единицы до десяти.

— Ни при каких, — ответил я, не дожидаясь, пока меня вызовут. Вопрос был самый легкий. — Конституционные права — это абсолютная ценность.

— Это чрезмерно упрощенная точка зрения, м-м… — Она вгляделась в пофамильную схему рассадки нашего класса. — Маркус. Предположим, полицейский, проводя обыск, вышел за пределы полномочий, предписанных ему ордером. И при этом нашел неопровержимое свидетельство того, что подозреваемый убил твоего отца. Эта улика единственная. Что должен сделать полицейский? Отпустить преступника на свободу?

Я понимал, каким должен быть ответ, но не смог бы его как следует объяснить.

— Да, — произнес я наконец. — Но полицейский не должен выходить за пределы полномочий…

— Неверно, — перебила меня миссис Андерсон. — Адекватным ответом на нарушение, совершенное полицейским, будет дисциплинарное взыскание, но никак не наказание всего общества за ошибку одного полицейского.

И записала на доске рядом с первым номером:

«Виновность в совершении уголовного преступления».

— При каких еще обстоятельствах действие поправок к Конституции может быть приостановлено?

Поднял руку Чарльз.

— Если в переполненном зрительном зале кто-то завопит: «Пожар!»

— Очень хорошо… — Она снова заглянула в план рассадки. — Чарльз. Как видим, существует много ситуаций, в которых действие Первой поправки не может быть возведено в абсолют. Давайте назовем хотя бы несколько.

Чарльз опять поднял руку.

— Угроза жизни сотрудника правоохранительных органов.

— Да, раскрытие личности тайного агента полиции или разведывательных органов. Очень хорошо. — Она записала это на доске. — Еще?

— Интересы национальной безопасности, — продолжал Чарльз, не дожидаясь, пока его вызовут. — Клевета. Непристойное поведение. Развращение малолетних. Детская порнография. Публикация инструкций по изготовлению взрывных устройств…

Миссис Андерсон быстро записывала за ним,

но, дойдя до детской порнографии, запнулась.

— Детская порнография — это всего лишь одна из форм непристойного поведения.

Мне стало тошно. Все это никак не сочеталось с привитыми мне знаниями и убеждениями о родной стране. Я поднял руку.

— Да, Маркус.

— Не понимаю. По-вашему получается, что Билль о правах не обязателен к исполнению. Но ведь он неотъемлемая часть нашей Конституции. Разве мы не обязаны следовать ей беспрекословно?

Она ответила с натянутой улыбкой:

— Это весьма распространенное и слишком поверхностное мнение. Дело в том, что основатели нашего государства, сочинявшие Конституцию, намеревались сделать ее живым, актуальным документом, который с течением времени может пересматриваться. Они понимали, что республика не сможет долго просуществовать, если правительство, находящееся у власти в тот или иной момент, не сможет осуществлять свою власть в соответствии с потребностями данного момента. По их мнению, Конституция не должна рассматриваться как незыблемая религиозная доктрина. Ведь они сами приехали на этот кон-

тинент, спасаясь от владычества религиозных доктрин.

Я покачал головой.

— Что? Нет. По большей части они были торговцами и ремесленниками из городских низов и сохраняли верность королю, пока он не начал жестоко ущемлять их в правах. А протестанты, бежавшие от религиозного давления, прибыли сюда гораздо раньше.

— Некоторые из отцов-основателей были потомками протестантов, бежавших по религиозным мотивам, — возразила она.

— А Конституция — это не кекс, чтобы выковыривать из него изюминки, выполнять то, что нравится, а что не нравится — отбрасывать. Отцы-основатели ненавидели тираническую форму правления и составили поправки к Конституции так, чтобы эта форма никогда не утвердилась в их стране. Они были самоотверженными реформаторами и положили в основу Конституции такой набор принципов, с которым мог бы согласиться каждый. Право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Право людей свергнуть своих угнетателей.

— Да, да, — замахала она руками. — Они выступали за право людей свергнуть своего короля,

но… — При этих ее словах довольная ухмылка Чарльза стала еще шире.

— Они приняли поправки к Конституции, потому что считали: лучше иметь неотторжимые права, чем жить в постоянном опасении, что кто-нибудь эти права отберет. Так, Первая поправка защищает нас, не разрешая правительству делить людские высказывания на два сорта — дозволенные и преступные. Авторы не хотели, чтобы рано или поздно какой-нибудь облеченный властью недоумок объявил вне закона то, что не нравится лично ему.

Миссис Андерсон повернулась к доске и написала: «Жизнь, свобода и стремление к счастью».

— Мы немного опережаем ход учебной программы, но вы, кажется, ребята продвинутые.

Класс откликнулся встревоженным смешком.

— Задача правительства — обеспечить гражданам право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Именно в таком порядке. Это работает примерно как фильтр. Если правительство предпринимает шаги, которые забирают у нас немного счастья или слегка ограничивают нашу свободу, то, значит, оно стремится сохранить нам жизнь и поэтому имеет право на такие меры. Вот почему полицейские могут вас арестовать, если

считают, что вы представляете опасность для других или для самого себя. Вы теряете свободу и счастье, но спасаете свою жизнь. Оставшись в живых, вы впоследствии получите и свободу, и счастье.

В классе поднялись несколько рук.

— Значит, правительство может делать все, что захочет, если скажет: над нами нависла опасность, мы должны ее предотвратить. Так?

— Да, — поддержал другой. — По-вашему выходит, что национальная безопасность гораздо важнее Конституции.

Я гордился своими одноклассниками.

— Разве можно защищать свободу, перечеркивая Билль о правах?

Она покачала головой, словно удивляясь нашей непроходимой тупости.

— Ваши «самоотверженные» отцы-основатели расстреливали предателей и шпионов. И не возводили свободу в абсолютную ценность, особенно если она несла угрозу республике. Возьмите, например, этих, которые в икснете…

Я с трудом сохранил невозмутимое выражение.

— О них сегодня утром говорили в новостях. Они вздумали подрывать меры безопасности,

направленные на недопущение повтора жесточайших терактов, недавно совершенных теми, кто объявил войну нашей стране. И ради своей цели они подвергали своих сограждан опасности и неудобствам…

— Они сделали это, чтобы показать людям, что правительство под предлогом защиты отнимает у них права! — сказал я. Точнее, закричал. Она разозлила меня до белого каления. — Потому что правительство обращается с каждым из нас как с подозреваемым в терроризме!

— Они хотят, чтобы с ними не обращались как с террористами, — заорал Чарльз, — и поэтому ведут себя как террористы? То, что они делают, и есть настоящий терроризм!

Я вскипел.

— Да что ты несешь? Настоящий терроризм? Они показали, что поголовная слежка хуже всякого терроризма! Помнишь, что случилось в выходные в парке? Люди всего лишь танцевали и слушали музыку! Что это, по-твоему, терроризм?

Учительница двинулась между партами и в зловещем молчании встала надо мной, дожидаясь, пока я умолкну.

— Маркус, ты, кажется, считаешь, что наша страна за последнее время ничуть не изменилась.

Пойми наконец, что после взрывов на Бэй-Бридж уже ничто и никогда не будет как раньше. На дне Залива покоятся тысячи наших друзей и родных. Пришло время всей страной сплотиться перед лицом жесточайших угроз за всю историю нашей страны…

Я вскочил. Эта чушь про «ничто не будет как раньше» уже осточертела.

— Сплотиться всей страной? В том-то и дело, что у нас в Америке несовпадение взглядов только приветствуется! Мы страна диссидентов, борцов за свободу, университетских недоучек, людей, выступающих за свободу слова!

Мне вспомнился последний урок мисс Галвес и ее рассказ о тысячах студентов Беркли, окруживших полицейский фургон, в котором хотели увезти парня, раздававшего книги о гражданских правах. А когда целыми грузовиками арестовывали ребят, танцевавших в парке, на пути у этих грузовиков не встал ни один человек. В том числе и я. Просто убежал.

Наверно, наша жизнь в самом деле переменилась.

— Полагаю, ты знаешь, где находится кабинет мистера Бенсона, — сказала она мне. — Немедленно отправляйся к нему. Я не потерплю на

своих уроках тех, кто не проявляет уважения к окружающим. Ты заявляешь о свободе слова и при этом стремишься перекричать любого, кто с тобой не согласен.

Подхватив скулбук и сумку, я выскочил из класса. На двери был доводчик, и хлопнуть ею было невозможно. Жаль, я бы хлопнул.

Быстрым шагом пошел напрямик к кабинету мистера Бенсона. По дороге меня записывали развешенные по стенам камеры. Моя походка скрупулезно фиксировалась. Радиомаячки в школьном пропуске передавали сведения обо мне на датчики в коридорах. Я был словно в тюрьме.

— Маркус, закрой дверь, — велел мистер Бенсон. Развернул свой монитор и показал мне. На экране шла трансляция из кабинета обществознания. Он видел и слышал все. — Ну, что скажешь в свое оправдание?

— Это не учеба, а пропаганда. Она заявила, что Конституция не имеет никакого значения!

— Нет. Миссис Андерсон сказала, что Конституция — это не религиозная доктрина. А ты налетел на нее как фундаменталист. Маркус, уж кто-кто, а ты-то должен понимать, что после взрыва моста все изменилось. У тебя был друг Дэррил…

— Только попробуйте о нем хоть слово сказать! — вспылил я. — Не вам о нем рассуждать. Да, я понимаю, что теперь все иначе. Мы были свободной страной. Этого больше нет.

— Маркус, тебе знакомо понятие «нулевая терпимость»?

Я притормозил. В его власти вышвырнуть меня за «угрожающее поведение». Такой формулировкой награждают при исключении пацанов из подростковых банд, которые пытались запугивать учителей. И он, конечно, без малейших колебаний нацепит ее на меня.

— Да, — смиренно ответил я. — Знакомо.

— По-моему, тебе надо извиниться передо мной.

Я поглядел на него. Он даже не старался скрыть садистскую ухмылочку. В глубине души меня подмывало упасть на колени и вымаливать прощение за все свои грехи. Я подавил этот порыв и решил, что пусть вышвыривают, извиняться не буду.

— «Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, чер-

пающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье».

Я помнил этот текст слово в слово.

Он покачал головой.

— Вызубрить наизусть и понимать — это разные вещи, сынок.

Он склонился над компьютером и постучал по клавишам. Зажужжал принтер. Мистер Бенсон протянул мне еще теплый бланк учебной части, в котором говорилось, что я отстранен от занятий на две недели.

— Я немедленно напишу твоим родителям. Если через тридцать минут ты еще будешь находиться на территории школы, тебя арестуют за незаконное проникновение на закрытую территорию.

Я потерял дар речи.

— И не вздумай объявлять мне войну в моей собственной школе, — заявил он. — Тебе не побе-

дить. Прочь отсюда!

И я ушел.

Глава 14

В разгар учебного дня, когда все в школе, в икснете не происходит ничего интересного. В заднем кармане джинсов лежала свернутая записка, и, придя домой, я бросил ее на кухонный стол. А сам сел в гостиной и включил телевизор. Обычно я никогда не смотрел его, но знал, что родители не могут без него прожить. Телевизор, радио, газеты — вот откуда они черпают все свои представления об окружающем мире.

Новости были одна другой хуже. Как будто кто-то нарочно вознамерился всех запугать. По всему миру гибли американские солдаты. И не только солдаты. Добровольцев, вступивших в национальную гвардию, чтобы спасать жителей от ураганов и других стихийных бедствий, отправляли куда-то на край света и ввязывали в бесконечные войны.

Я прошелся по всем круглосуточным новостным каналам, и повсюду, как на параде, официальные лица, сменяя друг друга, рассказывали нам, чего и почему следует бояться. Сплошной вереницей транслировались кадры взрывов,

прогремевших в разных уголках земного шара.

Внезапно на одном из каналов мелькнуло знакомое лицо. Тот самый тип, который зашел в фургон, когда я стоял на коленях, прикованный наручниками в глубине, и разговаривал с коротко стриженной теткой. На нем была военная форма. Субтитры на экране поясняли: генерал-майор Грэм Сазерленд, командующий северокалифорнийским подразделением ДВБ.

— У меня в руках та самая литература, которую раздавали на так называемом концерте в Долорес-парке в прошлые выходные.

Он показал стопку бумаг. Да, припомнилось мне, там было много всяких распространителей. В Сан-Франциско всегда так: стоит народу собраться в кучку, и тут же найдутся желающие всучить им какую-нибудь рекламу.

— Вы только посмотрите, что это за литература. Давайте прочитаем заголовки. «Без согласия управляемых: инструкция о том, как свергнуть правительство». А вот еще: «Случились ли на самом деле теракты 11 сентября?». Или, например, вот: «Как обратить меры безопасности против властей». Подрывной характер этой литературы проливает свет на истинные цели противозаконного сборища, состоявшегося в субботу вечером.

И эти цели далеко не такие безобидные, как пытаются доказать нам организаторы, которые не только не приняли мер для спокойствия и комфорта тысяч зрителей, собравшихся в одном месте, но и не позаботились даже об установке туалетов. На этом мероприятии происходила вербовка в ряды вражеской армии. У нас на глазах враги нации вкладывали в головы нашим детям мысль о том, что Америка не должна защищаться.

Генерал гневно потряс листовками и продолжил пафосную речь:

— Вдумайтесь, например, в провозглашавшийся там лозунг — «НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ ДВАДЦАТИ ПЯТИ». Конечно, гораздо легче вкладывать свои протеррористические идеи в головы впечатлительным подросткам, если оградить их от влияния взрослых и лишить возможности серьезно и взвешенно разобраться в происходящем… Когда полиция прибыла на место событий, там полным ходом шла вербовка молодых людей во вражескую армию. Кроме того, оглушительная музыка нарушила покой сотен жителей окрестных улиц, которых и не подумали спросить, хотят ли они видеть у себя под окнами обезумевшую толпу беснующихся подростков.

Генерал с показным сочувствием вздохнул.

— Полиция велела нарушителям разойтись, и это хорошо видно на записях с камер наблюдения. Но в ответ бесчинствующие молодчики, подстрекаемые со сцены музыкантами, набросились на правоохранителей, и те были вынуждены применить специальные нелетальные средства для усмирения толпы. Под арест попали зачинщики и провокаторы, под влиянием которых тысячи впечатлительных молодых людей пошли в атаку на полицейские шеренги. Под стражу были заключены восемьсот двадцать семь арестованных, многие из которых уже имели проблемы с законом, а более сотни числятся в розыске. Они до сих пор находятся под стражей.

Сазерленд отложил листовки и подытожил:

— Леди и джентльмены, Америка ведет войну на многих фронтах, но самая большая опасность грозит ей здесь, дома, где над нами постоянно нависает угроза нападения террористов и тех, кто им сочувствует.

Один из репортеров поднял руку.

— Генерал Сазерленд, неужели вы обвиняете этих детей в терроризме только потому, что они пришли в парк послушать концерт?

— Нет-нет, ни в коем случае. Но если молодые

люди попадут под влияние врагов нашей страны, они легко могут запутаться. Террористам только того и надо. Они охотно наберут из них пятую колонну, чтобы те открыли войну в своем же собственном доме. Если бы речь шла о моих детях, я бы серьезно задумался.

Вставил свое слово и другой репортер:

— Генерал, но ведь это был всего лишь концерт под открытым небом. Ребята ведь не маршировали с винтовками.

Генерал извлек пачку фотографий и стал показывать.

— Полицейские сделали эти снимки на инфракрасные камеры перед тем, как были вынуждены принять решительные меры.

Генерал принялся демонстрировать снимки один за другим. На кадрах действительно происходило нечто невообразимое. Было видно, как слушатели бесятся под музыку, толкаются. Кого-то сбили с ног. Потом пошли фото со сценами совокупления под деревьями — вот девушка перепихивается с тремя парнями, вот двое парней обнимаются и целуются.

— На этом концерте присутствовали не только подростки, но и десятилетние дети. Для десятков слушателей этот смертоносный коктейль

из наркотиков, пропаганды и музыки привел к тяжелым травмам. Хорошо еще, обошлось без смертельных исходов…

Я выключил телевизор. Они повернули дело так, словно там и вправду происходили одни бесчинства. Если предки заподозрят, что я был на этом концерте, меня на месяц привяжут к кровати, а потом будут выводить гулять на поводке.

Кстати, когда они узнают, что я отстранен от занятий, меня ждут нехилые разборки.

* * *

Родители и впрямь не обрадовались. Отец грозился посадить меня под замок, но мы с мамой отговорили его от этой идеи.

— Ты же знаешь, этот замдиректора уже много лет точит зуб на Маркуса, — сказала мама. — После нашей прошлой встречи с ним ты целый час костерил его на все лады. И «мерзавец» было еще самым мягким словом.

Отец покачал головой.

— Но сорвать урок, поливая грязью Департамент внутренней безопасности…

— Папа, это был урок обществознания, — возразил я. Мне, если честно, было уже все равно, но, раз мама пытается меня отстоять, надо ей

помочь. — Мы обсуждали ДВБ. В нормальной полемике должны присутствовать хотя бы две разные точки зрения.

— Послушай меня, сын, — начал папа.

В последнее время он взял манеру называть меня «сын». Из-за этого мне казалось, что он перестал видеть во мне полноценную личность и я для него всего лишь несформированный зародыш, который надо с мучительным трудом выращивать до взрослого состояния. Меня это бесило.

— Придется тебе смириться с фактом, что с недавних пор наш мир стал совсем другим. Ты, конечно, имеешь полное право высказывать свое мнение, но при этом будь готов отвечать за последствия таких дискуссий. Ты обязан учитывать, что вокруг тебя есть люди, которым очень больно и они не желают обсуждать тонкости конституционного законодательства, когда под угрозой находится их жизнь. Мы все сейчас в одной лодке, и, пока не закончится шторм, никого не интересует, добрый у нас капитан или злой.

Ну и бред! Я с трудом сдержал рвущийся из груди горький вздох.

— Папа, мне на две недели заданы целых четыре сочинения на темы моего родного города. Одно

по истории, другое по обществознанию, третье по литературе, четвертое по физике. Так что проторчать в четырех стенах перед телевизором мне вряд ли удастся.

Отец окинул меня суровым взглядом, словно подозревал в чем-то нехорошем, потом кивнул. Я пожелал родителям спокойной ночи и поднялся к себе. Включил иксбокс, открыл текстовый редактор и принялся набрасывать основные идеи для сочинений. Почему бы и нет? Все лучше, чем сидеть без дела.

* * *

Потом мы допоздна переписывались с Энджи. Она всей душой сочувствовала мне и вызвалась помочь с сочинениями, если завтра вечером я встречу ее после уроков. Энджи училась в одной школе с Ванессой, поэтому я знал, куда ехать, — далеко, в Ист-Бэй, там я не бывал с тех пор, как прогремели взрывы.

Я искренне радовался, что снова увижу Энджи. Каждый вечер после той злополучной тусовки меня перед сном мучили два воспоминания о том, что случилось, когда мы стояли у колонны возле входа в церковь: видение толпы, напирающей на полицейские шеренги, и ощущение

ее теплой, упругой груди в моих ладонях под ее футболкой. Она была потрясающая. Ни одна из моих прежних знакомых не была такой инициативной. Обычно бывало так: я распускал руки, а меня отталкивали. А с Энджи я чувствовал, что она хочет того же, что и я. Эта мысль дразнила и терзала.

Той ночью я спал как убитый, и мне снилось, что могло бы произойти между мной и Энджи, очутись мы в каком-нибудь уединенном местечке.

На следующий день я засел за работу над сочинениями. Сан-Франциско — город многогранный, здесь есть о чем писать. История? Вот она как на ладони — от золотой лихорадки и верфей времен Второй мировой войны до лагерей для интернированных японцев и первого персонального компьютера. Физика? В Эксплораториуме выставлены такие богатые коллекции, каких не найдешь ни в каком другом музее. Я с извращенным удовольствием рассматривал экспозицию о том, как при сильных землетрясениях почва приобретает свойства жидкости. Литература? Пожалуйста: Джек Лондон, поэты бит-поколения, научные фантасты — Пэт Мерфи, Руди Рюкер. Обществознание? Движение за свободу слова,

Сезар Чавес, права сексуальных меньшинств, феминизм, антивоенное движение…

Мне всегда нравилось учиться просто ради того, чтобы узнавать что-то новое. Лучше разбираться в окружающем мире. И этим можно заниматься, просто гуляя по городу. Я решил сначала заняться литературой и в качестве темы выбрал поэзию бит-поколения. В книжном магазине «Сити лайтс» собрана прекрасная библиотека, она хранится в комнате на втором этаже, где Аллен Гинзберг с друзьями писали свои радикальные психоделические стихи. На уроках мы читали поэму «Вопль», и ее первые строки сразу запали мне в душу.

Моего поколения лучшие люди
гибли в безумии, в жадной истерике душу распахивая,
ползли на рассвете по черным кварталам в яростных поисках дозы,
хипстеры с лицами ангелов сгорали, взывая к вечному небу,
мечтая о звездном динамо в механике ночи

Мне нравилось сочетание слов «в жадной истерике душу распахивая». Кажется, я понимал, как это ощущается. И «Моего поколения лучшие люди» тоже заставили задуматься. Я опять вспом-

нил парк, полицию, ядовитый туман. За поэму «Вопль» Гинзберга обвиняли в непристойности, потому что в ней была одна строчка об однополом сексе — в наши дни, прочитав такое, никто и глазом не моргнет. Приятно сознавать, что хотя бы в этом мы достигли некоторого прогресса. Что во времена Гинзберга ограничений было гораздо больше, чем сейчас.

В библиотеке я надолго забылся, углубившись в прекрасные старые издания этих книг. Нашел роман «В дороге» Джека Керуака, который давно собирался прочитать, и погрузился в него. Подошедший продавец кивнул одобрительно и подобрал мне дешевое издание всего за шесть баксов.

Потом я пошел в Чайнатаун, поел димсамов и лапши с острым соусом — точнее, это раньше я считал его острым, а теперь, после знакомства с фирменным творением Энджи, переменил свою оценку.

Когда перевалило за полдень, я спустился в метро, у моста Сан-Матео пересел в автобус и поехал в Ист-Бэй. Читал «В дороге» и разглядывал проносившиеся мимо пейзажи. Роман «В дороге» наполовину автобиографичен. Джек Керуак, пристрастившийся к наркотикам и алкоголю

писатель, путешествует на попутных машинах по всей Америке, перебивается случайными заработками, гуляет по ночным улицам, встречается и расстается с самыми разными людьми. Среди его знакомых — хипстеры, бродяги с грустными лицами, мошенники, пьянчуги, гопники, красивые девчонки. Говорят, Керуак в состоянии глубокой наркотической невменяемости написал этот роман за три недели на длинном рулоне бумаги. Сюжета как такового практически нет — просто череда удивительных событий, происходящих одно за другим. Главный герой заводит дружбу с людьми, опасными для самих себя, вместе с ними втягивается в совершенно нежизнеспособные аферы, и тем не менее ему все удается. Надеюсь, вы понимаете, что это означает.

Повествование льется в роскошном ритме, он звучит в голове, как будто я читаю книгу вслух. От этого хочется лечь спасть в кузове грузовичка-пикапа и проснуться в маленьком пыльном городишке где-нибудь на полпути к Лос-Анджелесу, глухом местечке, где только и есть что бензоколонка да закусочная, а потом пойти куда глаза глядят, встретиться с незнакомыми людьми, увидеть жизнь своими глазами и потрогать своими руками.

Ехать в автобусе было долго, и я, наверно, немного вздремнул — долгая ночная переписка с Энджи сильно выбила меня из привычного режима, если учесть, что мама все равно спозаранку ждала меня к завтраку. Хорошо хоть, вовремя проснулся, пересел на другой автобус и через несколько минут уже стоял возле школы и ждал Энджи.

Она в школьной форме, такой же как у Ванессы, вприпрыжку выбежала из ворот. Я еще ни разу не видел ее в этом прикиде — странноватом, но все равно привлекательном. Энджи обняла меня и крепко поцеловала в щеку.

— Привет! — воскликнула она.

— И тебе!

— Что читаешь?

Я ждал этого вопроса и показал заложенную пальцем страницу.

— Слушай. «Они выплясывали на улицах как прибабахнутые, а я плелся сзади, как всю жизнь плетусь за теми, кто мне интересен, потому что интересны мне одни безумцы — те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасенным, кто жаждет всего сразу, кто никогда не зевнет, не скажет банальность, а лишь горит, горит, горит, как сказочная желтая римская свеча,

которая пауком распускается в звездном небе, а в центре возникает яркая голубая вспышка, и тогда все кричат: “О-о-о!”»

Она выхватила у меня книгу, прочитала абзац про себя.

— Ух ты, «прибабахнутые»! Мне нравится! Она вся такая?

Я стал пересказывать ей то, что успел прочитать. Мы медленно шли по тротуару обратно к автобусной остановке. За поворотом она обняла меня за пояс, а я положил руку ей на плечи. Это было божественно — идти по улице с девушкой (моей девушкой? А что, почему нет?) и обсуждать прекрасную книгу. Я даже ненадолго забыл о своих бедах.

— Маркус!

Я обернулся. Ванесса. Подсознательно я ждал, что мы встретимся, и ничуть не удивился. Школа у них небольшая, уроки заканчивались у всех одновременно. Я не разговаривал с Ван уже несколько недель, хотя казалось — целую вечность. А ведь раньше дня не проходило, чтобы мы не поговорили.

— Привет, Ван, — сказал я и едва удержался, чтобы не убрать руку с плеч Энджи. Ван, кажется, удивилась, но не рассердилась, скорее была

потрясена. Побелела как мел и пристально смотрела то на меня, то на Энджи.

— Энджела!

— Привет, Ванесса, — сказала Энджи.

— Что ты тут делаешь? — Это уже мне.

— Пришел встретить Энджи, — ответил я, стараясь говорить как можно безмятежнее. Почему-то стало неловко оттого, что Ван увидела меня с девушкой.

— А, — протянула Ван. — Что ж, рада была увидеться.

— И мы тоже рады видеть тебя, Ванесса. — Энджи развернула меня и потащила к остановке. — Ты ее знаешь? — требовательно спросила она.

— Да, с ранних лет.

— Она была твоей девушкой?

— Чего? Да нет, какое там! Просто дружили.

— Почему в прошедшем времени?

Мне вдруг показалось, что Ван идет за нами по пятам, прислушивается, хотя шли мы довольно быстро, и при таком темпе ей пришлось бы бежать трусцой, чтобы держаться вровень с нами. Так и подмывало бросить взгляд через плечо. Я держался сколько мог, потом все-таки оглянулся. Позади шло много девчонок из школы, но Ванессы среди них не было.

— Ее арестовали вместе со мной, Хосе-Луисом и Дэррилом. А до этого мы вчетвером увлекались играми в альтернативной реальности, дружили всей командой.

— И что же произошло?

Я понизил голос:

— Ей не понравилась моя затея с икснетом. Считала, что я и сам влипну в неприятности, и подставлю много народу.

— Потому вы и поссорились?

— Мы не ссорились. Просто перестали общаться.

Еще через несколько шагов она спросила:

— То есть ты не был ее парнем? А она твоей девушкой?

— Да нет же! — поспешно отозвался я. Щеки вспыхнули, словно я бесстыдно соврал, хотя ответ был чистой правдой.

Энджи резко остановилась, будто споткнувшись, и заглянула мне в глаза.

— Точно?

— Абсолютно! Мы просто дружили. Вот она с Дэррилом… Ну не то чтобы они встречались, но Дэррил от нее без ума. Так что я бы никак не…

— А если бы не Дэррил, ты бы, наверно, не отказался?

— Что ты, Энджи, не думай. Просто поверь, что я не вру, и давай оставим эту тему. Ванесса была мне хорошей подругой, а сейчас мы не общаемся, и это меня огорчает, но между нами никогда ничего не было, честное слово.

Она немного выпустила пар.

— Ладно, ладно, прости. Просто у нас с ней отношения как-то не складываются, только и всего. Столько лет знакомы и все равно так и не подружились.

Вот оно что, подумал я. А я-то не мог понять, как так получилось, что Джолу знаком с Энджи давным-давно, а я ни разу не встречал. Он знал, что Ванесса с ней не ладит, и не хотел приводить ее в нашу компанию.

Она обняла меня, и мы долго целовались. Толпа девчонок прошла мимо нас и поприветствовала громким гиканьем, тогда мы расцепили объятия и пошли к автобусу. Впереди шла Ван — должно быть, обогнала нас, пока мы целовались. Я почувствовал себя последней сволочью.

Разумеется, мы очутились рядом на остановке, сели в один автобус и даже словом не перемолвились. Я всю дорогу пытался завести разговор с Энджи, но получалось очень неловко.

Мы собирались заглянуть в кофейню, потом

пойти к Энджи и «позаниматься», то есть включить ее иксбокс и побродить по икснету. По вторникам ее мама ходила на йогу, а потом ужинала с подружками и возвращалась домой поздно вечером, а младшая сестра ушла на свидание со своим парнем, поэтому весь дом был в нашем распоряжении. С той минуты, как мы с Энджи запланировали сегодняшнюю встречу, у меня в голове бродили мысли одна другой развратнее.

Придя домой к Энджи, мы с ней сразу поднялись в ее комнату и закрыли дверь. В комнате царил жуткий кавардак, повсюду валялись шмотки, а по полу рассыпались компьютерные детали, которые, как колючки, сквозь носки впивались в ноги. На столе бардак был еще страшнее, грудами высились книги и комиксы, так что в конце концов мы уселись на ее кровать, что меня вполне устраивало.

Чувство неловкости после встречи с Ванессой немного рассеялось, мы запустили иксбокс. Он стоял посредине целого вороха проводов. Одни уходили к окну, на котором была закреплена антенна для подключения к соседскому Wi-Fi. Другие тянулись к двум полуразобранным ноутбукам, от которых остались одни мониторы. Энджи поставила их на тумбочки по обе сто-

роны от кровати. Очень удобная расстановка, если хочешь смотреть кино или вести переписку, не вставая с постели, — в какую сторону ни повернешься, перед глазами будет один из мони- торов.

Мы оба прекрасно понимали, для чего на самом деле сюда пришли. Сидели бок о бок на кровати, вытянув ноги и прислонившись к стене у изголовья. Меня немного трясло от прикосновения ее теплой ноги и плеча, но сначала надо было проделать то, ради чего по уговору был затеян этот визит, — залогиниться в икснете, проверить почту и тому подобное.

Первым на глаза попалось письмо от парня, который и раньше присылал снятые на телефон видео с особо изощренными выходками ДВБ. Так, в прошлый раз он прислал репортаж с одной из роскошных улиц в районе Марины. Собака, натасканная на запах взрывчатки, почему-то проявила интерес к детской коляске со спавшим младенцем, и тогда безопасники накинулись на эту коляску с отвертками и разобрали по винтику прямо под недоуменными взглядами тамошних богатеев.

Я зашел на страницу с этим видео и обнаружил, что народ скачивает его со страшной силой.

Парень разместил ролик на александрийском зеркале интернет-архивов в Египте, там можно бесплатно выкладывать все что угодно, но только под открытой лицензией, согласно которой каждый имеет право делать ремиксы и расшаривать их. Аналогичный американский архив расположен в Президио, всего в нескольких минутах отсюда, но их вынудили закрыть доступ ко всем видеозаписям под предлогом национальной безопасности, зато александрийский архив откололся, объявил себя отдельной организацией и теперь принимает у себя любые материалы без оглядки на законодательство США.

На сей раз этот парень — его ник Kameraspie — прислал видеоролик еще интереснее. Действие происходило у порога городской ратуши в Сивик-сентре. Ратуша — это огромное здание, пышное, будто свадебный торт, усеянное слащавыми скульптурами в мраморных нишах и позолоченным растительным орнаментом. ДВБ установил вокруг здания контур безопасности, и на своем видео Kameraspie показал во всей красе один из пропускных пунктов. Какой-то человек в офицерском мундире подошел к рамке металлоискателя, предъявил удостоверение и поставил чемоданчик на ленту рентгеновского аппарата.

Все шло хорошо, пока одному из безопасников не померещилось на рентгеновском экране что-то подозрительное. Он стал расспрашивать генерала, тот выпучил глаза и произнес что-то неразборчивое (видео снималось с другой стороны улицы, видимо, на самодельную скрытую камеру с телеобъективом, и на звуковой дорожке запечатлелись только голоса прохожих да шум транспорта).

Спор разгорался, и с каждой минутой к месту событий стягивалось все больше и больше копов из ДВБ. В конце концов генерал замотал головой, ткнул пальцем в грудь ближайшего охранника, схватил свой чемоданчик и зашагал прочь. Безопасники что-то орали ему вслед, но он не замедлил шага, всем своим видом выражая крайнее возмущение.

Тут-то и начался беспредел. Безопасники бросились вдогонку за генералом. На этих моментах Kameraspie замедлил видео, и на покадровой съемке было отчетливо видно, как генерал на ходу оглянулся, и упрямство на его лице сменилось гримасой ужаса. Трое здоровяков-охранников с размаху налетели на него, оттолкнули в сторону, обхватили за пояс классическим приемом американского футбола. Миг — и генерал, человек

средних лет, с сединой в волосах, с морщинами на исполненном достоинства лице, повалился наземь, как мешок с картошкой, и ударился лицом о край тротуара. Из носа хлынула кровь.

Охранники связали генерала по рукам и ногам. Генерал вопил благим матом, лицо побагровело — это было заметно даже сквозь хлеставшую кровь. В сильно приближенном кадре дернулись ноги с туго стянутыми лодыжками. Случайные прохожие изумленно смотрели на то, как человека в мундире вяжут, будто борова, и на его лице было написано, что вот это унижение, потеря личного достоинства для него хуже пытки.

Видео закончилось.

— О великий всемогущий Будда, — выдавил я, уставившись в чернеющий экран, и запустил видео снова. Подтолкнул локтем Энджи и показал ей ролик. Она смотрела с отвисшей челюстью, лишившись дара речи.

— Залей это на свой сайт, — выпалила она, досмотрев. — Залей, залей, залей, чтобы все видели!

Так я и сделал. Негнущимися пальцами, с трудом подбирая слова, описал увиденное, а в комментариях попросил откликнуться тех, кому что-нибудь известно о личности этого во-

енного.

И щелкнул мышкой по кнопке «Загрузить».

Мы посмотрели видео еще раз. Потом еще и еще.

Пискнул сигнал, оповещая, что в почтовый ящик упало письмо.

> Я узнал этого мужика, его биография есть в Википедии. Это генерал Клод Гейст. Командовал объединенной миротворческой миссией на Гаити.

Я открыл биографию Клода Гейста. Там были фотография генерала, сделанная на пресс-конференции, и статья о важной роли, которую он сыграл в сложнейшей миротворческой операции на Гаити. Это был тот же самый человек.

Я добавил эту информацию к своему посту.

В общем, мы с Энджи упустили выпавшую нам возможность заняться любовью. Вместо этого весь вечер читали икснетовские блоги, выискивали новые рассказы о том, как ДВБ задерживает, обыскивает, арестовывает ни в чем не повинных людей. Занятие было знакомое, я точно так же внимательно изучал все сьемки и сообщения от свидетелей бесчинств и произвола, учиненного полицией в парке. Специально для этого я создал

в своем блоге новый раздел, озаглавил его «Злоупотребления властей» и выложил туда все, что сумел отыскать. Энджи то и дело подсказывала мне новые варианты поисковых запросов, и к моменту возвращения ее мамы на новой странице насчитывалось уже семьдесят постов. Главным из них было видео об издевательствах над генералом Гейстом у входа в городскую ратушу.

* * *

Весь следующий день я сидел дома, работал над сочинением о поэзии бит-поколения, читал Керуака и бродил по икснету. Хотел было повидаться с Энджи после уроков, но мысль о новой встрече с Ванессой выбила меня из колеи, поэтому я написал ей эсэмэску и отменил свидание под предлогом работы над сочинением.

В раздел «Злоупотребления властей» приходили сотни новых материалов — письма, и короткие и длинные, фотографии, голосовые сообщения. Волны расходились все шире.

Поток разрастался. На следующее утро сведений стало еще больше. Кто-то начал новый блог под тем же названием и выложил туда сотни новых свидетельств злоупотреблений властей. Объем информации рос как снежный ком. Мы

чуть ли не соревновались — кто откопает самую душераздирающую историю, самые обличительные фотографии.

Между мной и родителями было условлено, что по утрам я завтракаю вместе с ними и рассказываю, как продвигаются школьные проекты. Они были довольны, что я читаю Керуака. Оказалось, у обоих «В дороге» была любимой книгой, и один экземпляр даже нашелся в книжном шкафу у них в комнате. Отец сбегал за книгой, и я пролистал обтрепанные страницы. Некоторые места были подчеркнуты ручкой, на полях пестрели комментарии. Папа явно перечитывал ее много раз.

Мне припомнились более светлые времена, когда мы с папой были способны разговаривать подолгу, не срываясь в крик через пять минут из-за споров о терроризме. Мы, как встарь, углубились в обсуждение сюжетной линии романа и описанных в нем головокружительных приключений, и завтрак удался на славу.

Зато на следующее утро родители весь завтрак не отрываясь слушали радио.

— Внимание всего мира приковано к акции «Злоупотребления властей», устроенной знаменитым своими бесчинствами икснетом. Пользователи, называющие себя «младшими братьями»,

внимательно отслеживают антитеррористические меры, предпринимаемые Департаментом внутренней безопасности, и фиксируют случаи неоправданного или избыточного применения силы. Знаменем движения стал популярный вирусный клип о том, как сотрудники ДВБ жестко задерживают Клода Гейста, отставного генерал-полковника, прямо под окнами городской ратуши. Гейст не сделал никаких заявлений по поводу этого инцидента, однако молодые люди, испытавшие на себе жестокие методы полиции, мгновенно откликнулись шквалом возмущенных комментариев. Примечательно, что к этому движению приковано внимание всего мира. Кадры из видео о Гейсте появились на первых страницах газет в Корее, Великобритании, Германии, Египте и Японии, и телевизионные компании всего мира показали этот клип в главных информационных выпусках. Кульминационный момент наступил вчера вечером, когда Би-би-си в национальном вечернем выпуске новостей показала специальный репортаж, отметив, что данный инцидент не был упомянут ни одной американской телекомпанией или информационным агентством. Комментаторы отметили, что американское подразделение Би-би-си так и

не выпустило этот репортаж в эфир.

Тему продолжили несколько интервью — с британскими защитниками свободы печати, с парнишкой из шведской Партии пиратов, едко высмеивавшим американскую коррумпированную прессу, с бывшим сотрудником американского телеканала, отошедшим от дел и поселившимся в Токио. Затем прозвучал короткий комментарий от «Аль-Джазиры», в котором сравнивалось освещение этих событий в американской прессе и в национальных новостных агентствах Сирии.

Мне все время мерещилось, что родители не сводят с меня суровых взглядов, словно догадываются о моей роли в этой истории. Но нет: убрав грязную посуду, я обернулся и увидел, что они смотрят друг на друга.

— Враги хотят нас дискредитировать, — наконец произнес папа. — Подорвать усилия по обеспечению нашей безопасности.

Я открыл было рот, но мама перехватила мой взгляд и покачала головой. Тогда я пошел к себе и углубился в сочинение по Керуаку. Услышав, как два раза подряд хлопнула парадная дверь, включил иксбокс и вышел в сеть.

> Здравствуйте, M1k3y. Я Колин Браун, продюсер программы «Нэшнл» Канадской вещательной корпорации. Мы хотим выпустить репортаж об икснете и послали в Сан-Франциско корреспондента. Вы хотели бы дать интервью о своей группе и ее действиях?

Я ошалело уставился в экран. Что? Интервью? О какой-то «моей группе»?

> Гм, нет, благодарю. Я не выступаю на публике. И у меня нет никакой «моей группы». Но за репортаж спасибо!

Через минуту прилетело еще одно письмо.

> Мы можем скрыть ваше лицо и обеспечить полную анонимность. Вы, наверно, догадываетесь, что Департамент внутренней безопасности будет рад довести до зрителей свою точку зрения. Но нам хотелось бы услышать и вашу сторону.

Я сохранил текст сообщения. Он, конечно, дельные вещи говорит, но я еще не сошел с ума.

Скорее всего, он-то как раз и есть сотрудник ДВБ.

Я снова углубился в Керуака, но тут же отвлекся. Поступило еще одно сообщение с тем же запросом, на сей раз от местной радиостанции KQED. Они хотели встретиться со мной и взять интервью для радио. Потом на связь вышла бразильская компания, за ней — Австралийская вещательная корпорация и «Немецкая волна». Запросы от прессы сыпались весь день. И весь день я их вежливо отклонял.

Работа по Керуаку продвинулась не сильно.

* * *

— Проведи пресс-конференцию, — предложила Энджи в тот же вечер. Мы сидели в кафе недалеко от ее дома. Мне не хотелось встречать ее возле школы, чтобы опять не оказаться в одном автобусе с Ванессой.

— Что? Я еще не сошел с ума.

— А ты организуй ее в «Пиратах». Выбери какой-нибудь торговый пост, где не разрешены ПВП, и назначь время. Можешь залогиниться прямо здесь.

ПВП расшифровывается как player versus player, то есть «игрок против игрока». В «Пиратах» имелись обширные нейтральные территории, где

такие битвы запрещены. Теоретически туда можно пригласить целую толпу репортеров, впервые вошедших в игру, и не опасаться, что прямо посреди пресс-конференции их зарубят разыгравшиеся геймеры.

— Но я понятия не имею, как устраивать пресс-конференции.

— Поищи в интернете, и разберешься. Наверняка кто-нибудь уже написал об этом статью. И вообще, если даже наш президент с этим справляется, то ты уж точно сумеешь. Он, похоже, даже шнурки завязать неспособен без посторонней помощи.

Мы заказали еще кофе.

— Ну и умница же ты, — проговорил я.

— И красавица, — добавила она.

— Что верно, то верно.

Глава 15

Я объявил в своем блоге о пресс-конференции даже раньше, чем разослал приглашения в прессу. Прекрасно понимал, что все эти писаки готовы выставить меня эдаким вождем, или генералом, или верховным главнокомандующим партизанской войны, и, чтобы избежать этого, я решил поставить возле себя целую команду икснеттеров, которые тоже будут отвечать на вопросы.

Потом написал газетчикам. Ответы были разные, от озадаченных до восторженных, и только корреспондентка «Фокс» выразила возмущение — как у меня хватает наглости позвать ее играть в игрушки, а не появиться с открытым забралом у нее в студии. Остальные, видимо, решили, что из этой затеи можно раскрутить неплохой сюжет. Правда, многие нуждались в серьезной технической помощи, чтобы войти в игру.

Пресс-конференцию я назначил на восемь часов вечера, после ужина. Мама ворчала, что я где-то пропадаю целыми вечерами напролет, и в конце концов я раскололся и рассказал ей об Энджи. Она притихла, прослезилась и дол-

го смотрела влажными глазами на сыночка, который неожиданно повзрослел. Ей хотелось познакомиться с «моей девушкой», и я воспользовался этим, чтобы вечером отпроситься «с Энджи в кино», пообещав, что завтра приведу ее в гости.

Мама и сестра Энджи опять куда-то ушли — они, похоже, не были домоседками. Так что мы с Энджи остались наедине у нее в комнате с двумя иксбоксами — ее и моим. Я подключился к одному из ее прикроватных мониторов, чтобы мы могли залогиниться одновременно.

Оба иксбокса зарегистрировались в «Пиратах» и на время замолчали. Я нетерпеливо расхаживал по комнате. Энджи сделала попытку успокоить меня.

— Все будет хорошо. — Она поглядела на свой монитор. — Ого! В таверне «Одноглазый Пит» уже шестьсот посетителей!

В качестве места проведения пресс-конференции мы остановили свой выбор на «Одноглазом Пите», потому что эта таверна находилась ближе всего к деревенской площади, куда приземлялись новые игроки. Если репортеры еще не были знакомы с «Пиратами» — ха-ха! — то, значит, именно там они и появятся. У себя в блоге я по-

просил народ погулять по площади и показывать каждому, кто похож на ошарашенного новичка, дорогу в «Одноглазый Пит».

— Черт возьми, что я им скажу?

— Просто отвечай на их вопросы. А если вопрос не нравится, сделай вид, что не услышал. Пусть ответит кто-нибудь другой. Не дрейфь.

— Это черт знает что.

— Маркус, это гениально! Если ты действительно хочешь одолеть ДВБ, надо выставить их на посмешище. Поскольку перестрелять их всех тебе все равно не удастся, твое единственное оружие — сделать из них придурков.

Я плюхнулся на кровать. Она положила мою голову себе на колени и ласково взъерошила волосы. Раньше, когда еще не прогремели взрывы, разделившие нашу жизнь на «до» и «после», я экспериментировал с разными стрижками, красил волосы во всевозможные цвета, но после выхода из тюрьмы потерял к этому интерес. Волосы отросли, стали лохматыми, тогда я пошел в ванную, взял ножницы и обкромсал их по всей голове примерно до половины дюйма. Такая прическа не нуждается в уходе и помогает оставаться невидимкой, когда я хожу по улицам и клонирую радиомаячки.

Я заглянул в ее огромные карие глаза, спрятанные за стеклами очков, круглые, влажные и выразительные. Иногда она таращила их, если хотела рассмешить. Иногда печально прищуривалась или же томно опускала веки, заставляя меня изнемогать от желания.

Вот так она смотрела и сейчас.

Я медленно сел, привлек Энджи к себе, сжал в объятиях. Она ответила тем же. Наши губы встретились. Я уже говорил, что целуется она потрясающе, но не грех и повторить. Мы вообще целовались часто и подолгу, но почему-то всегда вовремя останавливались, пока дело не зашло слишком далеко.

А сегодня мне хотелось зайти подальше. Я нащупал нижний край ее футболки и потянул вверх. Она подняла руки над головой и слегка отстранилась. Я каким-то образом заранее знал, что так она и поступит. Знал с той памятной ночи в парке. Может, потому мы и не заходили слишком далеко — я понимал, что она не станет отступать, и сам немного побаивался.

Но в ту минуту мне было совсем не страшно. Приближающаяся пресс-конференция, споры с родителями, внимание международных СМИ, радость от того, что по городу неудержимо ка-

тится запущенное мною движение, — от всего этого кровь струилась быстрее, а по коже словно пробегало электричество.

И Энджи, такая красивая, умная, смешная, близкая, я все больше и больше влюблялся в нее.

Она выгнула спину, помогая мне стянуть футболку с ее плеч. Завела руки за спину, щелкнула застежка, и бюстгальтер распался. Я, онемев, на секунду замер, глядя широко раскрытыми глазами, и тогда уже она сняла футболку с меня, притянула меня к себе и прильнула к моей груди.

Мы со стоном повалились на кровать, крепко прижимаясь, лаская друг друга. Она стала целовать мне грудь, потом наступила моя очередь. Я не мог дышать, не мог ни о чем думать, весь мир для меня сосредоточился в ее теле под моими руками, губами, языком.

Но этого нам показалось недостаточно. Я расстегнул ее джинсы. Она расстегнула мои. Потянул за язычок молнии, она ответила тем же и стащила с меня джинсы. Я проделал то же самое с ее джинсами. Мы остались совершенно обнаженные, если не считать моих носков, но я их ловко скинул, подцепив пальцами ног.

И в этот миг мой взгляд упал на часы. Мы давно

опрокинули их с тумбочки, они лежали на полу и светили на нас снизу вверх яркими цифрами.

— Черт! — вырвалось у меня. — Две минуты до начала!

Мне и самому не верилось, что в такой момент я сумею остановиться. Если бы мне вдруг сказали: «Маркус, у тебя самый-самый первый раз с женщиной, но прекращай свое занятие, потому что сейчас в этой комнате взорвется атомная бомба», я бы завопил: «Да идите вы к чертям со своей бомбой!»

Но тем не менее ради пресс-конференции мы остановились.

Энджи притянула меня к себе, стала целовать так, что у меня дыхание перехватило, потом мы кое-как напялили на себя одежду, схватили клавиатуры и мышки и направились в «Одноглазый Пит».

* * *

Узнать представителей прессы среди многочисленных гостей не составляло труда: они были новичками и усердно осваивали управление своим персонажем, поэтому их игровые аватары шатались как пьяные, бесцельно бродили туда-сюда, а при встрече с незнакомцами то дарили

им предметы из своего инвентаря, то пытались обнять или, наоборот, наподдать.

Икснеттеры тоже выделялись из толпы. Мы играли в «Пиратов» каждый раз, когда выдавалась свободная минутка или было неохота учить уроки, поэтому наши прокачанные персонажи были вооружены до зубов, а за плечами висело хитрое защитное снаряжение, способное разнести в пух и прах любого, кто на него позарится.

Как только я переступил порог таверны, на строке статуса отобразилось: «M1k3y ВОШЕЛ В “ОДНОГЛАЗЫЙ ПИТ”. ПРИВЕТСТВУЕМ, ДРУЖИЩЕ, И ПРЕДЛАГАЕМ ЗА ТВОЮ ДОБЫЧУ ХОРОШУЮ ЦЕНУ!». Игроки на экране застыли, потом сгрудились вокруг меня. Чат взорвался десятками сообщений. Я хотел было включить голосовую связь и потянулся за наушниками, но, увидев, как много народу пытаются говорить все разом, понял, что это бессмысленно. Я сам не буду знать, кому из них я отвечаю. С текстовыми строчками разобраться будет проще. В придачу никто не сможет исказить или неправильно интерпретировать мои слова (хе-хе).

Я уже бывал на этой локации вместе с Энджи. Играть на пару с ней оказалось очень здорово, потому что мы могли прокачивать друг друга.

Посреди таверны я приметил высокую груду ящиков с солью — если вскарабкаться на них, меня будет видно из любого уголка.

> Добрый вечер, благодарю за то, что вы пришли. Меня зовут M1k3y, и я ничего не возглавляю и никого не представляю. Все, кого вы видите вокруг себя, это пользователи икснета, и они могут рассказать о целях нашей встречи ровно столько же, сколько и я. Я пользуюсь икснетом, потому что искренне верю в свободу и в Конституцию Соединенных Штатов Америки. Я пользуюсь икснетом, потому что Департамент внутренней безопасности превратил мой город в полицейскую вотчину, где всех нас подозревают в пособничестве террористам. Я пользуюсь икснетом, потому что считаю, что под предлогом защиты свободы нельзя попирать ногами Билль о правах. Мне рассказали о Конституции на уроках в калифорнийской школе и с детства научили любить свою страну, потому что она свободная. И если у меня есть хоть какие-то философские взгляды, то вот они.

> «Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье».

> Я не автор этих строк, но горячий сторонник. ДВБ правит без моего согласия.

> Благодарю за внимание.

Я написал этот текст накануне, перебрасываясь туда-обратно черновиками по электронной почте. Отправка его заняла одно мгновение, еще несколько секунд я подождал, пока все прочитают. Икснеттеры встретили его бурными

аплодисментами и троекратным пиратским «Ура!», вскинули сабли в восторженном салюте. Ручные попугаи вспорхнули у них с плеч и с криками закружились над головой.

Постепенно смысл моих слов дошел и до журналистов. Строчки бежали по экрану чата с такой быстротой, что я едва успевал их читать. Многие икснеттеры повторяли лозунги, популярные в нашей блогосфере, например «Вперед!», «Америка — любить или покинуть», «ДВБ, руки прочь» или «США, вон из Сан-Франциско!».

> M1k3y, это Прия Раджниш из Би-би-си. Вы сказали, что не возглавляете никакое движение. Но вы считаете, что некое движение все же существует? Оно называется икснетом?

Посыпалось множество ответов. Одни говорили, что никакого движения нет, другие — что есть, многие предлагали свои названия для него: «Икснет», «Братишки», «Сестренки». Лично мне больше всего пришлось по душе «Соединенные Штаты Америки».

В общем, ребята горели энтузиазмом. А я тем временем думал, какой ответ дать от себя. И, когда придумал, написал:

> Кажется, вы уже получили ответ на свой вопрос. Может быть, существует одно движение, а может, несколько. Можно называть его икснетом, а можно как-нибудь иначе.

> M1k3y, меня зовут Даг Кристенсен, я из «Вашингтон Интернет Дейли». Что, по вашему мнению, должен делать ДВБ для предотвращения новых терактов в Сан-Франциско, если те меры, которые они принимают, не дают результата?

Снова поток предложений. Многие утверждали, что террористы и правительство — это одно и то же, возможно, подразумевая, что и от тех и от других один вред. Другие полагали, что правительство могло бы поймать террористов, но не хочет этого делать, потому что президентов, ведущих войну, обычно переизбирают на второй срок.

Наконец я напечатал:

> Не знаю

> Честное слово, не знаю. Я и сам много раз задавал себе этот вопрос, потому что не хочу погибнуть сам и не хочу, чтобы погиб мой родной город. Однако вот что я

могу утверждать с уверенностью: если задача ДВБ – обеспечить нам безопасность, они с ней не справляются. Ни одна из их дурацких мер не помешает террористам устроить еще один взрыв. Выслеживать нас по всему городу? Отнимать у нас свободу? Стравливать людей, заставлять их с подозрением относиться друг к другу? Называть несогласных предателями? Цель терроризма – запугать людей. Меня запугивает ДВБ.

> Я не могу никак повлиять на то, что могут сделать со мной террористы, однако, если наша страна хочет называться свободной, я должен хотя бы иметь возможность рассказать, как поступают со мной наши же полицейские. Иметь право не давать им терроризировать меня.

> Понимаю, что это не лучший ответ. Извините. Другого у меня нет.

> Почему вы сказали, что ДВБ не сможет остановить террористов? Откуда вы знаете?

> Кто вы?

> Я из «Сидней Морнинг Геральд».

> Мне всего семнадцать лет. Я никакой

не отличник. Но даже при этом я сумел придумать компьютерную сеть, которую они не смогут прослушивать. Придумал, как обмануть их технологию слежки за людьми. Я мог бы в их глазах выставить невинных людей подозреваемыми или, наоборот, отвести подозрение от преступников. Я мог бы пронести на борт самолета металлический предмет или вычеркнуть свое имя из черных списков запрета на полет. Я додумался до этого, всего лишь копаясь в интернете и размышляя. Если додумался я, это под силу и террористам. В ДВБ говорят, что отбирают у нас свободу ради нашей же собственной безопасности. Вот вы, например, чувствуете себя в безопасности?

> В Австралии-то? О да, конечно

Пираты расхохотались.

В разговор вступало все больше и больше журналистов. Одни были настроены сочувственно, другие — враждебно. Утомившись, я вручил клавиатуру Энджи и дал ей немного побыть M1k3y. Мне уже и самому не верилось, что M1k3y и я — один и тот же человек. M1k3y вел беседы с

иностранными журналистами и заложил основу протестного движения. А Маркус, в отличие от него, вылетел на две недели из школы, ссорился с отцом и не знал, как подступиться к своей шикарной подружке.

К одиннадцати часам вечера я окончательно выбился из сил. Кроме того, пора было домой, пока родители не хватились. Я вышел из игры, вслед за мной вышла и Энджи. Мы немного полежали. Я взял ее за руку, и она стиснула мне ладонь. Мы обнялись.

Она поцеловала меня в шею и что-то прошептала.

— Что-что?

— Говорю, люблю тебя, — откликнулась она. — Может, лучше известить телеграммой?

— Ух ты, — только и вымолвил я.

— Что, не ожидал?

— Нет. Гм. То есть… Я сам хотел это сказать.

— Вот и сказал бы. — Она слегка укусила меня за нос.

— Просто я еще никогда никому этого не говорил, — добавил я. — Вот и собирался с духом.

— И кстати, до сих пор так и не сказал. Не думай, что я не заметила. Мы, девчонки, на этот счет приметливые.

— Я люблю вас, Энджела Карвелли.

— И я люблю вас, Маркус Яллоу.

Мы долго целовались и обнимались. У меня участилось дыхание, у нее тоже. И тут в дверь постучали.

— Энджела, — раздался голос ее мамы. — Мне кажется, твоему другу пора домой.

— Да, мама, — откликнулась она и взмахнула воображаемым топором. Пока я надевал носки и ботинки, она тихо бормотала: — Соседи говорят, Энджела такая хорошая девочка, маме помогала, кто бы мог подумать, что она на заднем дворе томагавк точит.

Я расхохотался.

— Ты еще легко отделалась и сама этого не ценишь. Мои родители ни за что бы не потерпели гостей у меня в комнате после одиннадцати вечера.

— Одиннадцати сорока пяти, — поправила она, взглянув на часы.

— Черт! — вскрикнул я и завязал шнурки.

— Беги, — сказала она. — Резвись на свободе. Переходя улицу, посмотри по сторонам. Пиши свои сочинения. И не вздумай обнять меня на прощание! Если на счет «десять» ты еще будешь здесь, пеняй на себя. Раз, два, три…

Я прыгнул на кровать, навалился на нее всем телом и зажал рот поцелуем. Задохнувшись, она прекратила считать. А я, довольный одержанной победой, подхватил под мышку иксбокс и потопал по лестнице.

Внизу ждала ее мама. До этого мы виделись всего пару раз. Она была как две капли воды похожа на Энджи, только постарше и повыше — Энджи говорила, что папа был маленького роста, — и вместо очков носила контактные линзы. Похоже, она заранее записала меня в порядочные люди, и я был за это признателен.

— Доброй ночи, миссис Карвелли, — поклонился я.

— Доброй ночи, мистер Яллоу, — улыбнулась она. Это был один из наших маленьких ритуалов, и зародился он после того, как я при первой встрече назвал ее «миссис Карвелли».

Неожиданно для себя я неловко замялся в дверях.

— Что, Маркус? — спросила она.

— Гм… Спасибо за гостеприимство, — выпалил я.

— Всегда рады видеть вас, юноша, — ответила она.

— И спасибо за Энджи, — выдавил я, стыдясь

своих корявых слов. Но она широко улыбнулась мне и чуть обняла.

— Всегда рада тебя видеть.

Я ехал домой в автобусе и всю дорогу вспоминал. О пресс-конференции, об обнаженном теле Энджи, прижимавшемся ко мне на кровати, о ее матери и о том, как она с улыбкой проводила меня до дверей.

Мама еще не спала, ждала меня. Спросила, как кино, и я выдал заранее заготовленный ответ, почерпнутый из отзывов в «Бэй Гардиан».

Засыпая, я снова и снова мысленно прокручивал пресс-конференцию. А ведь круто получилось! Есть чем гордиться. Собрал, и где — в игре! — такую массу журналистов высокого полета, произнес речь, а они слушали и меня, и всех остальных, кто думает так же, как я. С улыбкой на губах я крепко заснул.

* * *

Знал бы я, во что это выльется.

ЛИДЕР ИКСНЕТА: Я МОГ БЫ ПРОНЕСТИ В САМОЛЕТ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ.

ДВБ ПРАВИТ БЕЗ МОЕГО СОГЛАСИЯ.

ДЕВИЗ ИКСНЕТА: США, ВОН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО!

И это были еще самые благожелательные заголовки. Со всех сторон мне в блог сыпались статьи, но мне было не до них.

Я умудрился провалить всю затею. Журналисты пришли на мою пресс-конференцию, послушали и сделали вывод, что мы либо террористы, либо их пособники. Хуже всех показала себя корреспондентка из «Фокс Ньюс» — она, видимо, все-таки явилась в игру, а потом посвятила нам целый десятиминутный сюжет, обвиняя нас в «преступной измене». А ее коронную строку подхватили все до единого новостные каналы, до каких я докопался.

«Они утверждают, что у их организации нет названия. Ну так я его придумала. Давайте называть этих испорченных подростков “Каль-Каида” — по первой букве их родного штата, в котором они ведут свою подрывную деятельность. И когда — не если, а именно когда — Калифорния содрогнется от нового жестокого удара, вина за него ляжет не только на саудовскую правящую династию, но и на этих сопляков».

Лидеры антивоенного движения открестились от нас как от слишком радикальных элементов. Один из них явился на телевидение и сказал, что всю историю с нами, скорее всего, инспирировал

сам ДВБ с целью дискредитировать пацифистов.

ДВБ провел собственную пресс-конференцию и заявил, что намерен удвоить меры безопасности в Сан-Франциско. Они надыбали где-то клонер и продемонстрировали его в действии, показав, как с его помощью можно угнать автомобиль, а потом велели всем быть начеку и остерегаться молодых людей, ведущих себя подозрительно, особенно если они держат руки в карманах. И ведь не шутили.

Я закончил статью о Керуаке и взялся за сочинение о «лете любви» 1967 года, когда в Сан-Франциско съехались десятки тысяч хиппи и участников антивоенного движения. В городе имелось много посвященных этому архивов и выставок, а в Хейте располагался музей хиппи, устроенный основателями компании «Бен энд Джерри» — они и сами когда-то были активными хиппи.

Но добраться туда оказалось нелегко. К концу недели меня останавливали и обыскивали по четыре раза на день. Полицейские проверяли мои документы, дотошно расспрашивали, почему я в разгар учебного дня шляюсь по улицам, внимательно читали записку из школы о том, что я отстранен от занятий.

Я еще легко отделался. Меня не арестовали. Но многим икснеттерам повезло гораздо меньше. Каждый вечер безопасники объявляли о новых арестах «зачинщиков» и «агентов» икснета. На экранах телевизоров появлялись совершенно незнакомые мне люди, в карманах у которых были найдены клонеры радиомаячков и другие устройства. Сообщалось, что задержанные якобы начали «давать показания» об организаторах «подпольной сети икснета» и вскорости ожидаются новые аресты. Все чаще и чаще звучало имя M1k3y.

Отец был в восторге. По вечерам мы вместе смотрели новости, и он злорадствовал, а я вжимался в кресло и дрожал от страха.

— Знаешь, как они выводят на чистую воду этих мерзавцев? — говорил отец. — Я видел их методику в действии. Хватают одного-двух ребят, проверяют, с кем они переписываются и кому звонят, ищут повторяющиеся имена, а когда находят — тоже берут в оборот. Вот увидишь, постепенно они распутают эту сеть, как распускают старый свитер.

Я не стал приглашать Энджи на ужин к нам и вместо этого стал еще чаще бывать у них. Ее младшая сестренка Тина даже прозвала меня «по-

стояльцем» и, например, говорила: «А постоялец будет с нами ужинать?» Тина мне нравилась. На уме у нее были только вечеринки да мальчики, но она была прикольная и всей душой любила Энджи. Однажды вечером, когда мы убирали посуду, она вытерла руки и небрежным тоном заявила:

— Знаешь, Маркус, ты вроде парень что надо. Моя сестра от тебя без ума, и мне ты тоже нравишься. Но вот что я тебе скажу: если ты ее обидишь, я тебя из-под земли достану и мошонку на голову натяну. Картинка будет — зашибись!

Я заверил ее, что скорее сам натяну себе мошонку на голову, чем разобью сердце Энджи, и Тина снисходительно кивнула.

— Вот и хорошо. Мы друг друга поняли.

Вечером мы с Энджи валялись на кровати и читали блоги в икснете. Примерно так проходили все наши вечера: мы лежали, целовались да лазили по сети.

— Ну и отпадная у тебя сестренка, — сказал я.

— Она уже выдала тебе свою коронную фразу про мошонку? Я ее за это прибить готова. Понимаешь, ей почему-то нравится слово «мошонка». Так что не обижайся, тут ничего личного.

Мы поцеловались и опять углубились в чте-

ние.

— Послушай, что я нашла, — сказала она. — В выходные полиция планирует провести крупнейший скоординированный рейд по поимке, как они выражаются, диссидентов из икснета. Планируется от четырех до шести сотен арестов.

Мне стало дурно.

— Надо это прекращать, — заявил я. — Наверняка найдутся пацаны, которые нарочно пойдут глушить как можно больше, лишь бы показать, что им море по колено. Чокнутые.

— А по-моему, храбрецы, — возразила она. — Мы не должны сдаваться под нажимом. Пусть ДВБ знает, что нас не запугать.

— Что? Нет, Энджи, так нельзя. Из-за нас сотни человек будут брошены в тюрьму. Ты там не была. А я был. Это гораздо хуже, чем тебе кажется. Ты не представляешь, как там паршиво.

— У меня богатое воображение, — сухо отозвалась она.

— Прекрати, а? Хоть разок взгляни на вещи серьезно. Я не допущу, чтобы из-за меня кого-то бросили за решетку. А если допущу, значит, я тот самый подонок, каким меня считает Ван.

— Маркус, я совершенно серьезна. Думаешь, эти ребята не понимают, что могут угодить в

тюрьму? Понимают, просто они убеждены, что борются за правое дело. Ты и сам так считаешь. Пойми, они знают, на что идут. И не надо решать за них, подвергать себя риску или нет.

— Я обязан их остановить, потому что они меня послушаются.

— Ты же вроде не считал себя вожаком?

— Конечно, никакой я не вожак. Но если они хотят брать с меня пример, я не могу заткнуться и молчать. Мой долг — отвести от них угрозу. Ну скажи, разве не так?

— Я могу сказать только одно: при первых признаках опасности ты решил рвать когти. По-моему, ты боишься, что тебя вычислят. Боишься не за них, а за свою шкуру.

— Ну ты меня совсем с грязью смешала. — Я привстал и отстранился от нее.

— Да неужели? А кого чуть кондрашка не хватил, когда я назвала твой секретный-пресекретный ник?

— Дело не в этом, — взвился я. — В тот раз опасность грозила только мне. А сейчас на карту поставлена свобода тысяч ребят. Ну что с тобой стряслось?

— А с тобой? — закричала она. — Когда-то у тебя хватило смелости заварить всю эту кашу. И куда

эта смелость подевалась сейчас?

— Это не смелость, а самоубийство.

— Хватит распускать нюни, M1k3y.

— Не смей меня так называть!

— А что, M1k3y? Почему бы и нет, M1k3y?

Я обулся, схватил сумку и зашагал домой.

* * *

> Почему я перестал глушить

> Я не стану никому говорить, что делать и чего не делать, потому что, как бы ни расписывали меня на «Фокс Ньюс», я никакой не вожак.

> Однако скажу, какие планы лично у меня. Если вы со мной согласны, можете поступить так же.

> Я не пойду взламывать радиомаячки. И на этой неделе. И возможно, на следующей тоже. Не потому, что мне страшно. А потому, что у меня хватает ума понять, что на свободе я принесу больше пользы, чем оказавшись в тюрьме. ДВБ придумал способ борьбы с нашей тактикой, значит, нам надо выработать новую. Неважно какую, лишь бы работала. И пока мы ее не придумали, будет глупостью подстав-

ляться под арест. Оно того не стоит.

> Есть и еще один довод. Если вы попадетесь, то через вас они выйдут на ваших друзей, потом на их друзей и так далее. И ваши друзья могут огрести по полной, даже если никогда не выходили в икснет, потому что ДВБ сейчас бесится, как разъяренный бык. Будут мести всех, кто попадется, не разбирая, кто прав, кто виноват.

> Я не стану давать вам никаких советов.

> Но ДВБ – контора тупая, а мы с вами крутые. Наш опыт по взлому маячков показал, что они никогда не поймают никаких террористов, потому что не могут справиться даже с кучкой подростков. А если вы попадетесь, то они как бы окажутся умнее нас.

> НО
НИКОГДА ИМ НАС НЕ ПЕРЕПЛЮНУТЬ! Мы умнее их. Так давайте и дальше будем умнее. Давайте вместе придумаем, как нам их перехитрить. И пусть выпускают на улицы сколько угодно своих дуболомов – мы справимся!

Я выложил этот пост. И лег спать.

Как же мне не хватало Энджи!

* * *

Мы с Энджи не разговаривали еще четыре дня, даже на выходных. А потом пришло время возвращаться в школу. Миллион раз я хотел ей позвонить, написал, но не отправил тысячи писем и сообщений.

Начался урок обществознания. Миссис Андерсон встретила меня с язвительной вежливостью и приторным голосом поинтересовалась, как прошли мои «каникулы». Я сел и буркнул: «Никак». Сзади донесся смешок Чарльза.

Темой урока было «очевидное предначертание» — теория, согласно которой Америке самой судьбой предназначено править всем остальным миром. Миссис Андерсон изо всех сил поддевала меня, надеясь, что я ляпну что-нибудь поперек и дам ей повод выгнать меня еще на пару недель.

Я ощутил на себе взгляды всего класса и снова почувствовал себя в шкуре M1k3y, лидера икснетовского движения. До чего же осточертело, что все видят во мне предводителя! Я скучал по Энджи.

Мне удалось дотянуть до конца дня, ничего не

отчебучив. За весь день, наверно, и восьми слов не сказал.

Наконец уроки закончились, я вышел из дверей и потопал к воротам. На свою дурацкую улицу. В свой бессмысленный дом.

Едва я сделал пару шагов за ворота, как кто-то врезался в меня с такой силой, что я грохнулся на тротуар. Этим недотепой оказался молодой бездомный парень примерно моих лет, может, немного старше. На нем были длинный замусоленный плащ, мешковатые джинсы, кроссовки такие потрепанные, словно их побили топором. Нечесаные патлы почти закрывали лицо, клочковатая бороденка уходила за воротник вязаного свитера непонятной расцветки.

Все это я успел разглядеть, барахтаясь рядом с ним на тротуаре под недоуменными взглядами прохожих. Похоже, за миг до столкновения он спешил куда-то по Валенсии, сгибаясь под тяжестью валявшегося рядом рюкзака — тот расползался по швам и был испещрен фломастерным рисунком из геометрических фигур.

Парень встал на колени, качнулся взад-вперед, будто был пьян или ударился головой.

— Прости, чувак, — сказал он. — Не заметил тебя. Не ушибся?

Я тоже сел. Руки-ноги вроде целы.

— Гм. Нормально все.

Он встал, улыбнулся. Зубы у него оказались на удивление ровные и белые, как на рекламе стоматологической клиники. Протянул мне руку — рукопожатие было сильным и твердым.

— Честно, прости.

Голос тоже звучал ясно и разумно. Я-то ожидал, что он будет невнятно бормотать, как те пьянчуги, что шатаются по нашему району поздними вечерами, но нет — по разговору его можно было принять за подкованного продавца книжного магазина.

— Да ничего страшного, — отозвался я.

Он опять протянул руку и представился:

— Меня звать Зеб.

— Маркус, — ответил я.

— Рад встрече, Маркус. Может, еще когда-нибудь столкнемся!

Он со смехом подхватил рюкзак, развернулся на каблуках и зашагал прочь.

* * *

Всю дорогу домой я ошарашенно размышлял о странной встрече. Вернувшись, застал маму на кухне. Мы поболтали о том о сем, как привыкли в

старые добрые времена, до того как наша жизнь бесповоротно изменилась.

Потом я поднялся к себе, плюхнулся в кресло. Впервые за последнее время мне не хотелось входить в икснет. Я заглянул туда рано утром, перед школой, и обнаружил, что из-за моего поста разгорелись нешуточные споры. Одни соглашались со мной, а другие пылали праведным гневом за то, что я отговариваю их от любимого развлечения.

Когда все это началось, у меня шла работа примерно над тремя тысячами разных идей и изобретений. Я сооружал камеру-обскуру из деталек конструктора лего. Экспериментировал с аэрофотосъемкой, задействовав воздушный змей и старенький цифровой фотоаппарат, для которого соорудил спусковое устройство из силиконовой резинки — если натянуть ее на старте, она медленно сжимается и через регулярные промежутки времени приводит в действие затвор, делая снимки. Встроил ламповый усилитель в ржавую помятую канистру из-под оливкового масла, больше похожую на археологический артефакт, и следующим этапом планировал приделать к конструкции держатель для мобильного телефона и набор динамиков 5.1 с объемным звуком, сделанных из консервных банок.

Я окинул взглядом свой рабочий стол и остановил выбор на камере-обскуре. Медленно соединять мелкие детальки лего — это сейчас максимум того, на что я способен.

Я снял сначала часы, потом массивный, на два пальца, серебряный перстень с обезьяной и ниндзя, изготовившимися к бою, положил их в коробочку, где обычно храню всякие мелочи, которые в начале дня распихиваю по карманам и вешаю на шею. Телефон, бумажник, ключи, вайфайндер, мелочь, батарейки, катушки с проводами… Я выложил все это в коробку и озадаченно застыл, вертя в руках вещицу, которую раньше не видел.

Листок бумаги, серый и мягкий, как тряпочка, с обтрепанным краем там, где его оторвали от листа побольше. Он был исписан мельчайшим аккуратным почерком. Убористый текст покрывал обе стороны, от верхнего левого края до корявой подписи в правом нижнем углу на другой стороне.

Подпись была короткая: ЗЕБ.

Я углубился в чтение.

> Привет, Маркус.

> Я тебя знаю, а ты меня нет. Битых три

месяца после взрыва на мосту я просидел в тюрьме на Острове Сокровищ. В тот день, когда тебя скрутили, я был во дворе и видел, как ты болтаешь с той азиатской девчонкой. А ты молодец, храбрый.

> На следующий день у меня прорвался аппендикс, и меня упаковали в лазарет. На соседней кровати лежал парень по имени Дэррил. Выздоровление шло медленно, а когда нам стало лучше, они побоялись нас выпускать – слишком долго мы там проторчали.

> И на нас решили повесить всех собак. Каждый день таскали на допросы. Ты меня поймешь, сам через это прошел. А представь, меня вот так целый месяц мурыжили. Нас с Дэррилом бросили в одну камеру. Мы знали, что нас прослушивают, поэтому болтали лишь о всякой ерунде. Но по ночам, лежа на койках, тихо перестукивались морзянкой. Так и думал, что мое давнее увлечение радиотехникой когда-нибудь пригодится.

> Поначалу задавали обычные вопросы. Кто устроил взрывы, да как, да почему. А потом вдруг стали расспрашивать об

икснете. Я о нем никогда не слыхивал. Но они все равно не отставали.

> Дэррил говорил, перед ним разложили клонеры, иксбоксы, еще какие-то технические штучки и стали допытываться, кто их модифицирует и где этому обучают. Дэррил рассказал мне о вашей игре и о всяких полезных штуках, которым вы там научились.

> Больше всего их интересовали наши друзья. С кем мы общаемся? Что за люди? Каковы их политические взгляды? Были ли неприятности в школе? Проблемы с законом?

> Мы прозвали ту тюрьму «Гуантанамов-Заливе». Прошла неделя, как я выбрался оттуда. Но там осталось еще много мальчишек и девчонок, которых родители считают погибшими, не зная, что они совсем рядом, посреди Залива. Тихими ночами туда доносятся людские голоса и смех с городских набережных.

> Я выбрался оттуда на прошлой неделе. Как – не стану рассказывать, вдруг это письмо попадет не в те руки и лазейка захлопнется. Мой способ может приго-

диться еще кому-нибудь.

> Дэррил просил отыскать тебя и взял с меня слово, что я, вернувшись, расскажу тебе все, что знаю. Я сдержал обещание и теперь свалю отсюда, как в прошлом году. Так или иначе я уеду из Америки. Чертова страна.

> Крепись и верь в себя. Они тебя боятся. Наваляй им по шее за меня. Смотри не попадись.

> Зеб

Я дочитал письмо, и на глазах выступили слезы. Где-то в столе валялась зажигалка, которой я иногда оплавлял изоляцию на проводах. Я отыскал ее, чиркнул колесиком. Понимал, что мой долг перед Зебом — уничтожить записку, потому что эта ниточка могла привести к нему, куда бы он ни уехал.

Но никакими силами я не мог заставить себя поднести язычок пламени к бумаге.

Из-за Дэррила.

За всей этой возней с икснетом, отношениями с Энджи, борьбой против ДВБ я совсем забыл о нем. Он стерся из памяти, стал чем-то вроде призрака, как будто уехал жить куда-то дале-

ко-предалеко. А его все это время мучили на допросах, требовали, чтобы он настучал на меня, выдал икснеттеров, создателей клонеров. Он был совсем рядом, на Острове Сокровищ, на заброшенной военной базе посреди Залива, там, куда вел обрушившийся пролет взорванного моста. Я мог бы добраться туда даже вплавь.

Я отложил зажигалку и перечитал письмо. А когда закончил, по щекам хлынули слезы. Передо мной заново проплыли все пережитые ужасы: и коротко стриженная тетка, и унижение на допросах, и невыносимая вонь, и штаны, заскорузлые от высохшей мочи.

— Маркус!

В дверях стояла мама и смотрела на меня встревоженными глазами. Давно она вот так стоит, слушая мои рыдания?

Я рукавом утер слезы с лица и хлюпнул носом.

— Привет, мам.

Она вошла и обняла меня.

— Что с тобой? Расскажешь?

На столе лежала записка.

— От твоей девочки? Вы не поладили?

Мама невольно подсказывала мне удобную возможность выйти из положения. Я мог бы свалить свои слезы на то, что поссорился с Энджи, и она

бы ушла, оставила меня в покое. Я открыл рот, чтобы так и сказать, но неожиданно выпалил:

— Я был в тюрьме. После взрывов. Все это время просидел за решеткой.

И меня прорвало. Звуки, вырывавшиеся из груди, не походили на человеческий голос. Я ревел по-звериному, как вопит осел или орут коты на ночных улицах. Меня била дрожь, горло пылало, грудь судорожно сжималась в болезненных спазмах.

Мама заключила меня в объятья, как утешала, когда я был маленьким, гладила по голове, ласково шептала что-то на ухо, укачивала, как младенца, и постепенно, очень медленно, мои рыдания стали стихать.

Я глубоко вздохнул, и мама принесла мне стакан воды. Я подвинулся на край кровати, она села в кресло за моим столом, и я выложил ей все как есть.

Все, что со мной произошло.

Ну или почти все.

Глава 16

Сначала мама слушала с потрясенным видом, мало-помалу ужас сменялся возмущением, потом, совершенно оторопев, она просто с отвисшей челюстью внимала моим рассказам о допросах, о том, как меня вынудили обмочиться, о мешке на голове, о Дэрриле. Под конец я показал ей записку.

— Зачем?..

В этом коротком вопросе слилось все: и бесконечные обвинения, которые я предъявлял сам себе бессонными ночами, и малодушие, из-за которого я так и не решился открыть миру правду о том, что в нем происходит, почему я начал борьбу и для чего на самом деле был создан икснет.

Я набрал полную грудь воздуха.

— Мне сказали, если проболтаюсь, меня упекут за решетку. Не на несколько дней. Навсегда. И мне… мне было страшно.

Мама долго сидела со мной, ничего не говоря. Потом спросила:

— Ты рассказал отцу Дэррила?

Меня словно обухом по голове огрели. Отец

Дэррила. Он, наверно, считает, что его сына давно нет в живых.

А может, так оно и есть? После трех месяцев незаконного ареста разве ДВБ выпустит его живым?

Но Зеб же выбрался. Может, и Дэррилу удастся. Может, я с помощью икснета сумею вытащить его оттуда.

— Я ему не говорил, — признался я.

Вот теперь мама заплакала. Ее нелегко было довести до слез, сказывалось британское воспитание. И оттого еще тяжелее было слышать ее тихие судорожные всхлипы.

— Ты должен ему рассказать, — выдавила она наконец. — Обязательно.

— Да, — пообещал я.

— Но сначала это должен узнать твой отец.

* * *

В последние дни папа возвращался домой в разное время — то раньше, то позже. У клиентов, которых он консультировал, прибавилось заказов — ДВБ перерабатывал огромные массивы электронных данных со всего Полуострова. Дорога из Беркли стала долгой, и вернуться он мог когда угодно с шести вечера и до полуночи.

Сегодня мама позвонила ему и велела приехать немедленно. Он, видимо, попытался возразить, и она строго повторила: немедленно.

Дождавшись его, мы расселись в гостиной и положили записку на столик посередине.

Во второй раз рассказывать было проще. Глубоко спрятанные секреты легче слетали с языка. Я ничего не приукрашивал, ничего не скрывал. Выложил все как на духу.

Мне доводилось слышать выражение «облегчить душу», но только сейчас я понял его истинный смысл. Невысказанная тайна лежала на мне тяжким бременем, отравляла сознание страхом и стыдом, превращала в подонка, которого Энджи заслуженно поливала презрением.

За все время, пока я рассказывал, отец не шелохнулся. Сидел с каменным лицом, словно аршин проглотил. Я протянул ему записку, он дважды прочитал ее и бережно отложил.

Потом тряхнул головой, встал и шагнул к дверям.

— Ты куда? — с тревогой спросила мама.

— Прогуляться, — еле выдавил он дрогнувшим голосом.

Мы с мамой смущенно переглянулись и в неловком молчании стали ждать его возвращения.

Я попытался представить, что сейчас творится у него в голове. После взрывов его словно подменили, и с маминых слов я знал, как тяжело дались ему дни, когда они мысленно прощались со мной, считая, что я погиб. Он твердо верил, что его сын едва не пал от рук террористов, и потому ненавидел их до безумия.

И в этом своем безумии он свято верил всему, что говорили в ДВБ, покорной маленькой овечкой вливался в стадо и вместе со всеми покорно брел, куда укажут.

А теперь он узнал, что меня бросили за решетку никакие не террористы, а ДВБ, что в тюрьме «Гуантанамо-в-Заливе» они держат в заложниках множество детей из нашего города. Теперь и для меня все встало на свои места. Конечно, куда же еще меня могли отвезти с мешком на голове, если не на Остров Сокровищ. Ведь до него из Сан-Франциско всего десять минут на катере.

Отец вернулся такой разъяренный, каким я его еще никогда не видал.

— Почему ты мне сразу не рассказал? — взревел он.

Мама храбро заслонила меня от его гнева.

— Ты не там ищешь виноватых, — заявила она ему. — Вина лежит на тех, кто похищает и

запугивает людей.

Он тряхнул головой и топнул.

— Я Маркуса ни в чем не обвиняю. Прекрасно знаю, кто во всем виноват. Я сам. Я и ДВБ. Обувайтесь, надевайте куртки.

— Куда мы идем?

— К отцу Дэррила. А потом к Барбаре Стрэтфорд.

* * *

Имя Барбары Стрэтфорд было мне смутно знакомо, но я никак не мог вспомнить, где же его слышал. Решил, что она, наверное, давняя приятельница родителей.

Мы ехали к дому Дэррила. Рядом с его отцом мне всегда было не по себе. Когда-то он служил радиооператором на флоте, и дома у него царил строгий порядок, как на военном корабле. От него Дэррил с малолетства научился морзянке, чему я всегда завидовал. Потому-то я и понял, что письмо Зеба заслуживает доверия. Но на морзянке вся крутизна заканчивалась. Отец Дэррила завел дома железную армейскую дисциплину, бессмысленную и беспощадную, требовал, например, заправлять кровати идеально, по ниточке, и бриться два раза в день. Дэррил был готов лезть

на стену.

В конце концов маме Дэррила осточертело жить словно в казарме, и, когда сыну было десять лет, она уехала к своим родным в Миннесоту. Дэррил обычно проводил там все каникулы и рождественские праздники.

Я устроился на заднем сиденье машины и смотрел отцу в затылок. Он стиснул зубы так, что на шее заиграли желваки и мускулы натянулись как канаты.

Мама положила руку ему на локоть, успокаивая. Ну а меня утешить было некому. Эх, позвонить бы сейчас Энджи. Или Джолу. Или Ванессе. Может, и позвоню, когда этот безумный день закончится.

— Он, должно быть, в мыслях уже похоронил сына, — сказал отец. Мы карабкались по извилистому серпантину, ведущему на Твин-Пикс, к маленькому домику, в котором жили Дэррил с отцом. Как это часто бывает по ночам в Сан-Франциско, раздвоенная вершина холма была окутана туманом, и свет фар отражался от белой пелены. На виражах мне открывались раскинувшиеся внизу городские долины, подернутые дымкой, словно чаши, наполненные россыпью мерцающих огней.

— Этот дом?

— Да, — ответил я. — Приехали.

Я не заглядывал сюда уже несколько месяцев, однако много раз бывал у Дэррила и сразу узнал нужный дом.

Мы втроем долго стояли у машины, ожидая, у кого хватит смелости подойти к двери и позвонить. К моему удивлению, смельчаком оказался я.

Я нажал на кнопку, и мы, затаив дыхание, стали ждать. Я позвонил еще раз. Машина отца Дэррила стояла у дома, в гостиной горел свет. Я уже собрался позвонить в третий раз, и тут дверь распахнулась.

— Маркус?

Человек, появившийся на пороге, совсем не походил на того подтянутого офицера, каким я его помнил. Сейчас он был небрит, в домашнем халате, с покрасневшими глазами и отросшими ногтями на босых ногах. За эти месяцы он сильно обрюзг и прибавил в весе, под крепкой челюстью морского волка заметно колыхался второй подбородок. Нестриженые редеющие волосы клочьями торчали во все стороны.

— Здравствуйте, мистер Гловер, — приветствовал его я.

Родители подошли и встали у меня за спиной.
— Привет, Рон, — сказала мама.
— Здорово, Рон, — кивнул отец.
— И вы тут? Чего вам?
— Может, пригласишь в дом?

* * *

Гостиная выглядела как в телевизионном репортаже о брошенных детях, которые месяц живут одни в запертом доме, прежде чем их обнаружат встревоженные соседи. Коробки из-под замороженных полуфабрикатов, пустые пивные банки и бутылки из-под соков, миска с заплесневелыми остатками какой-то каши, груды газет. Под ногами хрустел мусор, разило кошачьей мочой, но и без нее стояла вонь, как в туалете на автобусной станции. На продавленной от постоянного лежания кушетке, застеленной грязными простынями, валялась пара мятых подушек в засаленных наволочках.

Мы долго стояли, потрясенные таким зрелищем, и от смущения чуть не забыли, для чего пришли. Отец Дэррила выглядел так, словно ему опротивело жить.

Он медленно отодвинул простыни, освободил пару стульев от грязной посуды и пустых упако-

вок, отнес их на кухню и, судя по грохоту, свалил в углу прямо на пол.

Мы осторожно уселись на расчищенное пространство. Он вернулся и тоже сел.

— Простите, — невнятно пробормотал он. — Даже кофе не могу предложить. Закончился. Продукты привезут только завтра…

— Рон, — перебил отец. — Мы приехали сообщить тебе кое о чем очень важном. Новость не из легких, так что соберись с духом.

Я снова повторил свой рассказ. Он сидел и слушал, не шелохнувшись, будто каменная статуя. Мельком взглянул на записку, прочитал, но, кажется, ничего не понял, прочитал еще раз. Протянул мне обратно.

Его стала бить крупная дрожь.

— Мой сын…

— Дэррил жив, — торопливо пояснил я. — Он жив, его держат на Острове Сокровищ.

Мистер Гловер зажал рот кулаками, и из его груди вырвался душераздирающий стон.

— У нас есть подруга, — добавил отец. — Она работает в «Бэй Гардиан». Специализируется на журналистских расследованиях.

Вот, значит, откуда мне знакомо ее имя. «Бэй Гардиан» — это бесплатная еженедельная газета,

и корреспонденты часто уходят оттуда в более крупные ежедневные издания или в интернет, но Барбара Стрэтфорд преданно трудилась там уже много лет. У меня с детства сохранилось смутное воспоминание о том, как однажды она обедала вместе с нами.

— Мы договорились о встрече и направляемся к ней, — сказала мама. — Рон, поедешь с нами? Расскажем ей историю Маркуса и Дэррила. Барбара должна узнать о том, что пережили наши дети.

Мистер Гловер спрятал лицо в ладонях и несколько раз глубоко вздохнул. Отец положил руку ему на плечи, но тот сердито стряхнул ее.

— Подождите немного, — сказал он. — Мне надо привести себя в порядок.

Через несколько минут мистер Гловер вышел к нам совсем другим человеком. Чисто выбрит, волосы зачесаны назад и уложены гелем, одет в отутюженный военный мундир с орденскими ленточками на груди. Он остановился на нижней ступеньке лестницы и смущенно произнес:

— К сожалению, это единственная чистая одежда, какая у меня осталась. Мне кажется, для сегодняшнего случая подойдет. Ну вдруг ей захочется нас сфотографировать для газеты.

Мистер Гловер с папой сели спереди, я устроил-

ся сзади и всю дорогу вдыхал запах пива, которым он, казалось, пропитался насквозь.

* * *

Мы подкатили к дому Барбары Стрэтфорд уже за полночь. Она жила за городом, в Маунтин-Вью, и за всю дорогу никто из нас не произнес ни слова. Мимо проносились стоявшие вдоль шоссе ультрасовременные дома.

Эта часть города вокруг Залива сильно отличалась от моих родных мест и больше походила на типичный американский пригород, какие часто показывают по телевизору. Кварталы одинаковых домов, выстроившиеся вдоль скоростных шоссе, и нигде ни одного бездомного, бредущего со скарбом в магазинной тележке по тротуару. Да здесь и тротуаров-то не было!

Мама позвонила Барбаре заранее, пока мы поджидали мистера Гловера у него дома. Журналистка уже спала, но мама в сердцах позабыла про всю свою британскую сдержанность и даже не извинилась за то, что разбудила ее. Лишь сухо заявила, что нужно срочно поговорить на очень важную тему и обязательно с глазу на глаз.

Невысокий одноэтажный домик Барбары Стрэтфорд напомнил мне жилище семейки Брейди

из старого телесериала: такой же ровный квадратный газон, такой же кирпичный заборчик с абстрактным узором из кафельных плиток. В глубине двора высилась старомодная телевизионная антенна. Подойдя к калитке, мы увидели, что внутри уже горит свет.

Мы даже не успели позвонить — дверь распахнулась, и нас встретила журналистка. Она была примерно одного возраста с моими родителями, высокая и худая, с ястребиным носом и смешливыми морщинками вокруг проницательных глаз. На ней были низко сидящие джинсы, похоже прямиком из самых модных бутиков на улице Валенсии, и свободная индийская хлопковая блуза длиной до бедер. В неярком свете прихожей поблескивали небольшие круглые очки.

Она приветствовала нас еле заметной улыбкой.

— Вижу, вы приехали целой компанией.

Мама кивнула.

— Погоди минутку, и поймешь почему.

Из-за папиной спины вышел мистер Гловер.

— Вызвали на подмогу военный флот?

— Всему свое время.

Нас одного за другим представили ей. Пальцы у нее были длинные, рукопожатие твердое.

Ее жилище было обставлено в минималистическом японском стиле: скудная невысокая мебель с идеально выдержанными пропорциями, бамбук высотой до потолка в больших керамических горшках, на полированном мраморном постаменте — какая-то ржавая железяка вроде большого дизельного двигателя. Подумав, я решил, что смотрится неплохо. Пол сделан из старых мореных досок, отшлифованных, но не покрытых шпаклевкой, так что под слоем лака была видна каждая трещинка. Мне это еще больше понравилось, особенно если пройтись в носках.

— Кто хочет кофе? — спросила Барбара.

Все подняли руки. Я с вызовом глянул на родителей.

— Сейчас принесу. — Барбара вышла и через минуту появилась с большим бамбуковым подносом, на котором стояли кофейный термос на пару литров и шесть чашек из тончайшего фарфора, очень изящных и аккуратных по форме, однако украшенных грубоватым рисунком с потеками. Они мне тоже понравились.

Хозяйка налила всем кофе и приступила к делу.

— Рада снова приветствовать вас в полном сборе. Маркус, мы с тобой в последний раз виделись,

когда тебе было лет семь. Помнится, у тебя была новая видеоигра и ты ею с восторгом хвастался.

Я этого не помнил, однако что верно, то верно — лет в семь я уже увлекался видеоиграми. Наверно, мне как раз тогда подарили новенькую «Сегу Дримкаст».

Она достала магнитофон и желтый блокнот с ручкой.

— Я готова выслушать все, что вы мне расскажете, и даю слово сохранить все услышанное в тайне. Но не могу заранее обещать, что предприму какие-либо действия в связи с этой информацией или что она будет опубликована.

По ее тону я понял, что дружба дружбой, но тем не менее она оказывает маме великую услугу, позволив вытащить себя из постели. До чего, наверное, непросто быть известной журналисткой, специализирующейся на расследованиях. Миллионы людей сочли бы за счастье, если бы она взялась за их дело.

Мама кивнула мне — говори, мол. И, хотя я уже излагал свою историю три раза за вечер, все равно язык вдруг прилип к гортани. Одно дело — рассказывать родителям или отцу Дэррила, и совсем другое — сейчас. Ведь с этой минуты дело принимает совершенно иной оборот.

Я стал рассказывать — медленно, стараясь ничего не упускать. Барбара слушала и делала пометки в блокноте. Объясняя, что такое игры в альтернативной реальности и как мы с Дэррилом украдкой выбрались из школы, я выпил целую чашку кофе. Мама, папа и мистер Гловер выслушали эти подробности очень внимательно. Я налил еще, и вторая чашка ушла на рассказ о том, как нас арестовали. К финалу повествования я опустошил весь кофейник и зверски хотел в туалет.

Ванная у нее была столь же аскетична, как гостиная, коричневое органическое мыло пахло очищенной глиной. Когда я вернулся, взрослые встретили меня внимательными взглядами и не проронили ни слова.

Затем пришла очередь мистера Гловера. Он не мог добавить к моему рассказу никаких подробностей, однако подчеркнул, что сам является армейским ветераном и что его сын — хороший парень. Поведал, как это ужасно — поверить в смерть собственного ребенка, добавил, что его жена, мать Дэррила, получив страшное известие, потеряла сознание и попала в больницу. Заплакал, ничуть не стыдясь, и слезы катились по его морщинистому лицу и падали темными пятнами

на воротник безупречного мундира.

Барбара ненадолго вышла и вернулась с бутылкой ирландского виски.

— «Бушмиллс», пятнадцать лет выдержки в бочках из-под рома. — Она поставила на стол четыре маленьких стаканчика. Меня, естественно, побоку. — Уже десять лет как нет в продаже. По-моему, сейчас самое время распечатать бутылку.

Она разлила виски, подняла свой стаканчик и отпила половину. Остальные сделали то же самое. Потом выпили еще, осушив стаканчики, и Барбара налила по новой порции.

— Вот что я вам скажу, — начала она. — Я вам верю. И не только потому что знаю тебя, Лилиан. История звучит правдоподобно и вполне согласуется с теми слухами, какие до меня доходили. Но я не могу просто поверить вам на слово. Я должна провести всестороннее расследование, изучить вашу жизнь до мельчайших подробностей. Мне надо убедиться, не скрываете ли вы что-нибудь, иначе это может всплыть уже после публикации и дискредитировать всю информацию. Мне нужно знать все как на исповеди! И возможно, ваша история попадет на страницы газет лишь через несколько недель.

Она перевела дух и продолжила:

— Важно также не навлечь лишних неприятностей на себя и на Дэррила. Если он действительно стал жертвой произвола ДВБ, то они, почуяв угрозу из-за преждевременной утечки информации, могут упрятать его к черту на кулички, например в Сирию. А то и сделают что-нибудь похуже.

Она дала нам время обдумать эти слова. Наверно, имела в виду, что его могут убить.

— Я отсканирую это письмо. Кроме того, мне понадобятся ваши фотографии. Позже я пришлю редакционного фотографа, но сейчас следует задокументировать как можно больше.

Я пошел в ее кабинет помочь со сканированием. Думал, увижу там стильный, но маломощный ноутбук под стать остальному декору, но бывшая спальня, переоборудованная в рабочую комнату, оказалась сверху донизу заставлена новейшими компьютерами и большими плоскими мониторами. В огромный сканер можно было запихнуть целый газетный лист. И она ловко управлялась со всей этой техникой. Я с удовлетворением заметил, что она пользуется операционной системой «Параноид-линукс». Журналистка подходила к делу со всей серьезностью.

Компьютерные вентиляторы давали неплохую шумовую завесу, но все равно я на всякий случай

закрыл дверь и подошел поближе.

— Хм-м, Барбара!

— Что?

— Вы сказали, что мои слова могут быть обращены против меня, так?

— Да, верно.

— Мне нужно вам кое-что сказать… У вас ведь не могут силой выпытать это?

— Теоретически нет. Скажем так: я дважды побывала за решеткой, и оба раза — за то, что не выдала источник информации.

— Ладно. Хорошо. Гм. За решеткой. Да. Гм. В общем… — Я набрал полную грудь воздуха. — Вы ведь слышали об икснете? О M1k3y?

— Предположим.

— M1k3y — это я.

— Ого, — только смогла сказать она. Отвернулась к сканеру, перевернула листок на другую сторону. Разрешение было умопомрачительное — десять тысяч точек на дюйм, если не больше. Картинка на экране выглядела словно снимок, сделанный электронным микроскопом. — Твоя история приобретает совсем иное звучание.

— Да, — выдавил я. — Наверно, так.

— Родители не знают.

— Нет. И я не уверен, что хочу им рассказы-

вать.

— Решение об этом должен принять ты сам. Мне нужно обдумать твои слова. Сможешь приехать ко мне в офис? Я бы хотела поговорить с тобой о том, как это отразится на твоей жизни. Чтобы ты в точности представлял, на что идешь.

— У вас есть иксбокс-универсал? Я мог бы принести установочный диск.

— Да, думаю, это можно устроить. Когда придешь в редакцию, скажи в приемной, что тебя зовут мистер Браун и что тебе назначена встреча со мной. Они поймут. Тебя не станут регистрировать ни в одной гостевой книге, видеокамеры отключат до твоего ухода, а все, что успело на них попасть, автоматически сотрут.

— Вот здорово! — восхитился я. — Как у вас хорошо все поставлено!

Она с улыбкой потрепала меня по плечу.

— Малыш, я играю в эти игры столько лет, сколько тебе и не снилось. И до сих пор мне удавалось провести на свободе гораздо больше времени, чем на нарах. Осторожность никогда не повредит.

* * *

На следующий день в школе я был как зомби. Поспать удалось в общей сложности часа три, и даже три чашки крепчайшего турецкого кофе не смогли расшевелить дремлющий мозг. В этом-то и беда с кофеином: к нему привыкаешь, и с каждым разом требуется все сильнее увеличивать дозу, чтобы просто почувствовать себя в форме.

Всю ночь я провел в размышлениях, что же делать. Словно бежишь по лабиринту узких извилистых коридоров, и все они на вид одинаковые, и каждый ведет к одному и тому же гибельному финалу. Когда я пойду к Барбаре, со мной все будет кончено. Сколько я ни размышлял, исход всегда получался один и тот же.

К концу уроков мне хотелось только одного: скорее вернуться домой и улечься в кровать. Но меня ждали в «Бэй Гардиан», редакция находилась недалеко от берега. Пошатываясь и не поднимая глаз с собственных ботинок, я побрел к воротам, а когда свернул на Двадцать четвертую улицу, вдруг заметил, что рядом с моими ногами вышагивают еще чьи-то. Туфли показались знакомыми, и я остановился.

— Энджи!

Выглядела она не лучше, чем я. Под глазами темные круги от недосыпания, в уголках губ печальные морщинки.

— Привет, — сказала она. — Что, не ожидал? Я слиняла из школы, никому ничего не сказав и даже не попрощавшись. Все равно никакая учеба в голову не лезет.

— Гм, — буркнул я.

— Заткнись и обними меня, балда.

Я так и сделал. Как же стало хорошо! Словно мне вернули на место когда-то ампутированную часть меня самого.

— Я люблю тебя, Маркус Яллоу.

— Я люблю тебя, Энджела Карвелли.

— Ну ладно. — Она выскользнула из моих объятий. — Мне понравился твой пост о том, почему ты больше не глушишь. Достойно уважения. Ты попытался что-нибудь придумать насчет того, как бороться с ними и не попасться?

— Как раз сейчас я иду на встречу с журналисткой, занимающейся расследованиями. Она хочет опубликовать сюжет о том, как меня швырнули за решетку и как я придумал икснет. Расскажет и о Дэрриле — о том, что ДВБ незаконно удерживает его в секретной тюрьме на Острове Сокровищ.

— Ого. — Энджи торопливо оглянулась по сто-

ронам. — А чего-нибудь покруче придумать не мог?

— Хочешь со мной?

— Конечно. А по дороге будь добр, объясни все по порядку.

Я уже столько раз излагал свою историю, что сейчас это далось мне очень легко. Мы шагали по Потреро-авеню, потом спустились по Пятнадцатой. Энджи крепко держала меня за руку и то и дело пожимала.

Мы взбежали по лестнице в офис «Бэй Гардиан», прыгая через две ступеньки. С колотящимся сердцем я подошел к столу администратора и сказал скучающей де- вице:

— Я к Барбаре Стрэтфорд. Меня зовут мистер Грин.

— Может быть, мистер Браун?

— То есть да, — смутился я. — Мистер Браун.

Она постучала по клавиатуре и сказала:

— Присаживайтесь. Барбара выйдет к вам через минуту. Чего-нибудь желаете?

— Кофе, — в один голос сказали мы. Вот за что в том числе я люблю Энджи: у нас с ней одна и та же привязанность к кофеину.

Администратор — хорошенькая латиноамериканка всего на несколько лет старше нас,

одетая очень просто, но настолько первозданно, что ее стиль можно было назвать хипстерским ретро, — кивнула и принесла нам пару чашек, украшенных логотипом газеты.

Мы молча потягивали кофе и смотрели, как в приемную то входят, то торопятся прочь посетители и репортеры. Наконец за нами пришла Барбара. Одета она была практически в то же самое, что накануне. Ей это очень шло. Увидев, что я не один, она вопросительно выгнула бровь.

— Здравствуйте, — сказал я. — А это, гм…

— Мисс Браун, — быстро сориентировалась Энджи и протянула руку. Ну да, нам же положено держать в секрете свои настоящие имена. — Работаю вместе с мистером Грином. — Она легонько подтолкнула меня локтем.

— Ну тогда пойдемте.

Барбара провела нас в комнату для совещаний, где на стеклянных стенах были плотно задернуты шторы. Поставила на стол поднос с органическими копиями печенья «Орео» из магазина здорового питания, положила диктофон и еще один желтый блокнот.

— Ты хочешь, чтобы я продолжала записывать? — спросила она.

Об этом я как-то не задумывался. Однако пони-

мал, что записи пригодились бы Барбаре, если бы мне вздумалось оспорить содержание газетных публикаций. Но в моем положении выбирать не приходится. Или я полностью доверяю ей, или подписываю себе смертный приговор.

— Да, я не против, — ответил я.

— Тогда приступим. Юная леди, меня зовут Барбара Стрэтфорд, я работаю в газете и занимаюсь журналистскими расследованиями. Теперь вы понимаете, какова моя роль в этом деле, и мне не терпится узнать, что же привело вас ко мне.

— Я вместе с Маркусом веду работу в икснете, — ответила Энджи. — Вам необходимо знать мою фамилию?

— Нет, на данный момент не обязательно, — сказала Барбара. — Можете сохранять анонимность. Маркус, я попросила тебя рассказать об икснете, потому что хочу понять, насколько это стыкуется с историей о тебе и твоем друге Дэрриле, а также с той запиской, которую ты мне показал. Похоже, обе части хорошо дополняют друг друга, я могла бы представить ваши злоключения как причину возникновения икснета, что-то вроде «И вот так они нажили себе непримиримого врага». Но, честно говоря, мне не хотелось бы упоминать о вашей борьбе. Ограни-

чилась бы яркой историей о секретной тюрьме, существующей прямо перед нашим порогом. Потому что не хочу провоцировать обвинения в адрес содержащихся там пленников в том, что, мол, выйдя на свободу, они сразу организуют подпольное движение с целью расшатать устои государства. Думаю, ты это поймешь.

Да, я все понимал. Если в публикации будет упомянут икснет, обязательно найдутся те, кто скажет: этим ребятам самое место в тюрьме, а не то они поднимут бунт.

— Вы автор публикации, вам и решать, — ответил я. — По-моему, в первую очередь надо рассказать всему миру о Дэрриле. После этого в ДВБ сразу поймут, что я заговорил, и начнут охоту за мной. Может, к тому времени они уже вычислят, что за икснетом стою я. Может, сообразят, что я и есть M1k3y. В общем, что бы я ни сказал, после публикации о Дэрриле мне крышка. Я уже смирился со своей участью и готов ее принять.

— Ну что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать, — вздохнула Барбара. — М-да… Ладно, так тому и быть. Теперь расскажите мне все, что знаете, о том, как возник и работает икснет, а потом продемонстрируйте. Для чего вы его используете? Кто еще в него выходит? Как про-

изводится подключение? Кто пишет программы? Короче, все.

— Рассказ будет долгим, — предупредила Энджи.

— Времени у меня хватает. — Барбара отпила кофе и откусила поддельное «Орео». — Этот сюжет, возможно, самый важный за всю историю террористических войн. Не исключено, дело закончится отставкой правительства. К таким сюжетам надо относиться с превеликой осторожностью.

Глава 17

И мы рассказали ей все. Мне даже самому стало интересно. Это очень увлекательно — учить других пользоваться технологиями. Приятно видеть, как люди понимают, что техника может войти в их жизнь и сделать ее лучше. Энджи мне здорово помогала, у нас сложилась отличная команда. Мы по очереди объясняли, как работает икснет. А Барбара, молодчина, схватывала все с полуслова.

Оказывается, в начале девяностых она освещала криптографические войны — период, когда группа защитников гражданских свобод под названием «Фонд электронных рубежей» боролась за право американцев использовать сильную криптографию. Я довольно смутно представлял себе те события, но Барбара рассказывала о них в таких подробностях, что у меня волосы встали дыбом.

В наши дни трудно поверить, но было время, когда правительство отнесло криптографию к средствам ведения войны и под предлогом обеспечения государственной безопасности

запретило любые попытки вывозить средства шифровки в другие страны или использовать их в личных целях. Представляете? В Америке целые разделы математики были объявлены вне закона.

Вдохновителями запрета было Агентство национальной безопасности. Они разработали стандарт шифрования, который, по их словам, был достаточно защищенным для использования банками и их клиентами, однако не позволил бы мафии хранить в секрете свою бухгалтерию. Тот стандарт, получивший название DES-56, был объявлен практически неуязвимым. После этого один из основателей Фонда электронных рубежей, миллионер, заплатил 250 тысяч долларов за создание дешифровщика, который взломал DES-56 за два часа.

Но АНБ все равно заявляло, что американские граждане не должны иметь никаких секретов, к которым оно не могло бы иметь доступа. И тогда Фонд электронных рубежей нанес свой коронный удар. В 1995 году он представлял в суде интересы студента-математика с выпускного курса университета в Беркли. Этот студент — звали его Дэн Бернштейн — написал руководство по криптографии, содержащее компьютерный код,

на основе которого можно было создать шифр гораздо более надежный, чем DES-56. В миллионы раз надежнее. По мнению АНБ, такая информация могла быть использована в военных целях, а потому публиковать статью было ни в коем случае нельзя.

Нелегко, наверное, было найти судью, который разбирался бы в криптографии, однако, как оказалось, обычный судья апелляционного суда не горит желанием объяснять студентам-математикам, какие статьи им разрешено писать, а какие нет. Апелляционный суд девятого округа постановил, что программный код — это способ самовыражения и, следовательно, защищен Первой поправкой к Конституции США: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, ограничивающего свободу слова или печати». В общем, дело закончилось победой сил света. Если вы хоть раз покупали что-нибудь в интернете, или посылали электронное письмо, или проверяли баланс своего банковского счета, то при этом вы использовали программное обеспечение, легализации которого добился Фонд электронных рубежей. И к счастью, рядовые сотрудники АНБ не настолько продвинуты. Если уж им под силу взломать какой-то шифр, будьте уверены, у террористов и

гангстеров это получится не хуже.

Среди репортеров, освещавших криптовойны и сделавших себе имя на этом, была и Барбара. Она наточила зубы на репортажах о заключительных этапах борьбы за гражданские права в Сан-Франциско и быстро разглядела сходство между сражениями за Конституцию в реальном мире и в киберпространстве.

Так что она оказалась благодарной слушательницей. Вряд ли я сумел бы объяснить какие-то тонкости своим родителям, однако Барбара ловила все на лету. Задавала толковые вопросы о наших криптографических протоколах и процедурах соблюдения секретности, причем иногда я даже не знал, как ответить. Например, она указала на несколько слабых мест в наших защитных мерах.

Мы включили иксбокс и вышли в сеть. Вокруг комнаты для совещаний обнаружились четыре открытые точки доступа к Wi-Fi, и я дал программе задание переключаться между ними через случайные промежутки времени. Барбара сразу уловила ключевой момент: икснет — это, по сути, тот же интернет, только немного медленнее, зато все действия выполняются анонимно и не могут быть отслежены.

— Что дальше? — спросил я, закончив лекцию. От долгих разговоров у меня пересохло во рту, кофе отдавался изжогой. Кроме того, Энджи под столом стискивала мне руку так, что хотелось поскорее закруглиться и уйти куда-нибудь в укромное место, чтобы закончить процесс примирения после нашей первой ссоры.

— Дальше начинается журналистика. Вы уйдете, а я тщательно изучу все подробности вашего рассказа и постара- юсь найти как можно больше подтверждающих фактов. Прежде чем опубликовать, покажу вам весь подготовленный материал и дам знать, когда планирую обнародовать его. Попрошу вас больше ни с кем не говорить на эту тему, потому что это настоящая сенсация и она не должна быть запачкана досужими домыслами прессы и дезинформацией от ДВБ. Мне придется обратиться за комментариями в ДВБ, но я постараюсь сделать это так, чтобы максимально обеспечить вашу анонимность. И разумеется, я заранее извещу вас об этом.

Немного поразмыслив, Барбара добавила:

— И попрошу вас твердо уяснить: это история больше не ваша. Отныне она принадлежит мне. Я постараюсь достойно отблагодарить вас за столь щедрый подарок, однако вы не имеете права что-

либо видоизменять в ней, опускать любые детали или мешать моей работе. Колеса завертелись, и машина набирает ход. Понятно?

До сих пор мне не приходило в голову посмотреть на дело с такой стороны, однако ее доводы звучали вполне разумно. Слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Моя история превратилась в боевую ракету. Может быть, она упадет там, куда нацелена, может быть, собьется с курса, но в любом случае ее не остановить. В ближайшем будущем я уже не смогу принадлежать сам себе — я стану публичной фигурой. И весь мир узнает, что старшеклассник Маркус Яллоу посмел бросить вызов Департаменту внутренней безопасности.

И тогда мне конец. Я стану ходячим трупом.

Видимо, у Энджи зародились те же самые мысли, потому что ее лицо позеленело.

— Пойдем отсюда, — сдавленно произнесла она.

* * *

Мама и сестра Энджи опять куда-то ушли, так что вопрос, где нам провести вечер, решился сам собой. Время было уже позднее, родители давно поужинали, но они знали, что я собираюсь

к Барбаре, и не стали бы ругать меня за позднее возвращение.

Поднявшись к Энджи в комнату, я не испытывал ни малейшего желания включать иксбокс. Хватит с меня икснета на сегодня. В голове билась только одна мысль: Энджи, Энджи, Энджи. Я слишком давно живу без нее, в изнуряющей тоске, зная, что Энджи на меня сердится, никогда больше не заговорит со мной, никогда не поцелует.

И в глазах Энджи читалось, что она испытывает то же самое. Мы закрыли дверь в комнату. Меня охватило жгучее желание, похожее на многодневный голод, на испепеляющую жажду, когда играешь в футбол три часа напролет и мечтаешь о стакане воды.

Похожее — но не такое. Гораздо сильнее. Я никогда еще не испытывал ничего подобного. Хотелось поглотить ее, слиться с ней в единое целое.

До сих пор в наших эротических играх тон задавала Энджи. Я позволял ей выбирать ритм, создавать сексуальный настрой. Было невыразимо приятно, когда она обнимала меня, привлекала к себе, стягивала с меня футболку, прижималась к губам.

Но сегодня я не мог сдерживаться. И не хотел.

Дверь захлопнулась. Я схватил ее футболку за нижний край и сдернул одним рывком, даже не дожидаясь, пока она поднимет руки. Потом скинул футболку с себя, да так, что ткань затрещала по швам.

Ее глаза блестели, рот приоткрылся, дыхание стало прерывистым. Я тоже задыхался, в ушах стучало сердце, билась кровь.

Столь же стремительно я сдернул с нас обоих остатки одежды и швырнул их в груду чистых и грязных шмоток на полу. Одним движением смахнул с кровати книги и бумаги. Мы рухнули прямо на нерасстеленные простыни, стиснули друг друга в объятиях, наслаждаясь слиянием наших тел. Прижавшись в поцелуе к моим губам, она застонала, я ответил тем же, и ее голос эхом откликнулся в моих голосовых связках, и чувство это было таким интимным, что у меня голова пошла кругом.

Вдруг она отстранилась и потянулась к тумбочке. Достала из ящика белый аптечный пакетик и бросила на кровать. Я заглянул внутрь. Презервативы. «Троджанс». Спермицидные. Дюжина в пачке. Нераспакованные. Я улыбнулся ей, встретил ответную улыбку и раскрыл коробку.

* * *

Много лет я думал, как это произойдет. Представлял себе по сотне раз на день. Бывали дни, когда вообще ни о чем другом думать не мог.

И все равно это оказалось не так, как я себе воображал. В чем-то лучше. В чем-то гораздо хуже. Пока это длилось, кажется, миновала вечность. А когда закончилось — словно и мгновения не прошло.

И главное — что-то изменилось. Во мне и между нами. Вроде бы я — это я, но в то же время какой-то другой.

Внезапно нам обоим стало неловко. Потупившись, мы собрали разбросанную одежду и оделись, избегая касаться друг друга и старательно пряча глаза. Я достал из коробки на тумбочке бумажную салфетку, завернул использованный презерватив, отнес в ванную, обмотал для верности туалетной бумагой и сунул поглубже в мусорное ведро.

А когда вернулся, Энджи сидела на кровати и играла в иксбокс. Я осторожно сел рядом, взял ее за руку. Она посмотрела на меня и улыбнулась. На нас обоих нахлынула какая-то странная слабость, даже руки дрожали.

— Спасибо, — вымолвил я.

Она ничего не ответила. Опять обернулась ко мне, широко улыбаясь, но по щекам катились крупные слезы.

Я обнял ее, и она жадно прижалась ко мне. Прошептала:

— Ты хороший человек, Маркус Яллоу. Спасибо тебе.

Я не знал, что сказать, поэтому лишь крепче обнял ее. Лишь очень нескоро мы разомкнули объятия. Ее слезы уже высохли, а улыбка на губах осталась.

Она указала на мой иксбокс, валявшийся на полу возле кровати. Я понял намек, поднял его, включил и вошел в сеть.

Там все было по-прежнему. Полный ящик писем. В блогах, которые я обычно читал, множество новых постов. Спам. Бог ты мой, сколько же спама я получал! Мой шведский почтовый ящик постоянно взламывали и использовали как обратный адрес для рассылки спама по сотням миллионов интернет-адресов, так что все сердитые отповеди и шишки сыпались на меня. Понятия не имею, кто за этим стоял. Может быть, ДВБ тянула лапы к моему почтовому ящику. А может, просто чьи-то глупые шутки. У Партии пиратов на серверах сто-

ят хорошие спам-фильтры, к тому же эти ребята выделяют всем желающим по пятьсот гигабайт пространства для хранения электронных писем, поэтому я не опасался, что мутный поток спама захлестнет меня с головой.

Я отфильтровал весь спам и удалил. Для писем, зашифрованных моим открытым ключом, у меня был отдельный ящик, так как они, скорее всего, написаны икснеттерами и нуждаются в особой защите. Спамеры еще не сообразили, что использование открытых ключей сделает их рассылки более правдоподобными, поэтому до поры до времени система работала неплохо.

В секретном ящике лежала пара десятков сообщений от людей из сети доверия. Я пролистал их. Ссылки на видео и фотографии о новых злоупотреблениях ДВБ, полные ужаса рассказы на тему «Еле успел смыться», ругательные отзывы на мой последний блог. Все как обычно.

Потом на глаза попалось письмо, зашифрованное только моим открытым ключом. Значит, прочитать его не мог никто другой, при этом я понятия не имел, кем оно отправлено. Отправителем значилась некая Маша, но я не знал, ник это или настоящее имя.

> M1k3y

> Ты меня не знаешь, зато я тебя знаю.

> Меня арестовали в день, когда взорвался мост. Долго допрашивали. Пришли к выводу, что я ни в чем не замешана. И тогда предложили работу: помочь им выследить террористов, которые погубили моих соседей.

> В тот момент эта идея мне понравилась. Знала бы я, что на самом деле моя работа сведется к тому, чтобы выслеживать ребят, которые не желали отдавать свой город во власть полиции.

> Я просочилась в икснет в тот день, когда он был создан. Я состою в твоей сети доверия. Если бы я хотела открыть тебе свое имя, то отправила бы письмо с адреса, которому ты доверяешь. Точнее, у меня таких адресов целых три. Я пользуюсь твоим полным доверием, как любой другой семнадцатилетний подросток в икснете. Некоторые из полученных тобой писем содержат тщательно подобранную информацию от меня и тех, кто за мной стоит.

> Они еще не раскрыли, кто ты такой,

но уже подобрались довольно близко. Продолжают набирать осведомителей среди ребят, по неопытности попавших в неприятные истории. Копаются в базах данных социальных служб, находят информацию о трудных подростках и угрозами превращают их в стукачей. В икснете уже сотни человек работают на ДВБ. Я знаю их имена, ники и ключи. И открытые, и закрытые.

> В первые же дни после запуска икснета мы стали искать способы опрокинуть «Параноид-линукс». Найденные до сих пор уязвимости были малы и несущественны, однако рано или поздно сеть будет взломана. Как только мы найдем уязвимость, против которой у вас нет защиты, вам конец.

> Могу смело сказать, что, если этот текст попадет к моим кураторам, гнить мне в Гуантанамо до конца моих дней.

> И если даже им не удастся взломать «Параноид-линукс», знай: по городу ходят тысячи дисков с зараженными дистрибутивами. Их можно распознать по несовпадению контрольной суммы, но

кто на нее смотрит, кроме нас с тобой. Многие ребята уже погибли, хотя сами еще об этом не догадываются.

> Моим кураторам осталось только вычислить подходящий момент, чтобы твоя поимка всколыхнула всю прессу. И это время настанет довольно скоро. Поверь.

> Тебе, наверно, не терпится узнать, с какой стати я все это рассказываю.

> Сама удивляюсь.

> Дело в том, что я подписывалась бороться с террористами. А вместо этого шпионю за американцами, чьи взгляды не нравятся сотрудникам ДВБ. Не теми, кто строит планы взрывать мосты, а теми, кто недоволен происходящим. Мне это осточертело. Я больше не могу.

> Но и ты больше не можешь вести прежнюю жизнь, хотя и сам вряд ли об этом догадываешься. Рано или поздно ты окажешься в цепях на Острове Сокровищ. Не «если», а «когда»! Это лишь вопрос времени.

> А я ухожу на дно. В Лос-Анджелесе есть люди, которые предлагают спрятать меня до поры до времени, если я захочу

выйти из игры.

> А я хочу выйти из игры!

> Если хочешь, возьму с собой и тебя. Лучше быть борцом, чем мучеником. Если поедешь со мной, мы вместе придумаем, как их одолеть. Я не глупее тебя. Поверь.

> Что скажешь?

> Вот мой открытый ключ.

> Маша

* * *

Если страшно, не молчи — топай, бегай и кричи!

Слышали этот стишок? Совет, правду сказать, так себе, зато легко выполнимый. Я вскочил с кровати и заметался взад-вперед по комнате. Сердце колотилось, кровь звенела в ушах почти так же, как час назад, но совсем по другой причине. Не от сексуального возбуждения, а от первобытного страха.

— Что с тобой? — изумилась Энджи.

Я лишь молча указал на светящийся экран с моей стороны кровати. Энджи передвинулась поближе, взяла клавиатуру и провела пальцами по тачпаду. Молча прочитала.

Я все так же метался.

— Бред какой-то, — предположила она. — Безопасники тебе мозги пудрят.

Я пригляделся к Энджи. Она покусывала губу. Похоже, сама не верит в собственные слова.

— Думаешь?

— Наверняка. Понимают, что обычными способами тебя не одолеть, вот и подбираются через икснет.

— Ага.

Я сел обратно на кровать. Дыхание снова участилось.

— Успокойся, — сказала она. — Говорю же, брехня все это. Смотри.

До сих пор она ни разу не отбирала у меня клавиатуру, но сейчас мы стали гораздо ближе друг к другу. Она нажала на кнопку ответа и напечатала:

> Не гони туфту.

Она писала от имени M1k3y. Нас объединяло нечто гораздо большее, чем раньше.

— Иди сюда, поставь свою подпись. Посмотрим, что она ответит.

Я был не в восторге от ее затеи, но все равно ничего лучшего предложить не мог. Подписал со-

общение, зашифровал его своим личным ключом и открытым, который прислала Маша.

Ответ пришел мгновенно.

> Ничего другого я и не ожидала.

> Вот тебе хак, до которого ты еще не додумался. Я могу анонимно транслировать видео по протоколу DNS. Вот ссылки на клипы. Посмотри, а потом решай, туфта это или нет. Эти люди постоянно записывают друг друга на видео, чтобы подстраховаться, уберечься от удара ножом в спину. Следить за ними довольно легко, потому что они сами только и делают, что следят друг за другом.

> Маша

К письму был прикреплен исходный код небольшой программы, которая делала именно то, о чем и говорила Маша. Транслировала видео по протоколу службы доменных имен.

Здесь требуется сделать отступление и кое-что объяснить. По большому счету любой интернет-протокол — это последовательность текстовых сообщений, передаваемых туда и обратно в строго заданном порядке. Выглядит это примерно так: вы берете грузовик, ставите в него легковой

автомобиль, в багажник автомобиля укладываете мотоцикл, сзади к мотоциклу прицепляете велосипед, а на его раму вешаете пару роликовых коньков. Однако в этом примере вы, если захотите, можете прикрепить к роликам грузовик. А в интернете это не получится.

Возьмем для начала простой протокол передачи почты, или SMTP. Он используется для пересылки электронных писем.

Если, например, я захочу прислать письмо самому себе, то между мной и почтовым сервером — в переводе на человеческий язык — состоится вот такая беседа.

> ПРИВЕТ littlebrother.com.se
250 mail.pirateparty.org.se Привет mail.pirateparty.org.se, рад тебя видеть
> ПИСЬМО
ОТ: m1k3y@littlebrother.com.se
250 2.1.0 m1k3y@littlebrother.com.se… Отправитель известен
> RCPT TO: m1k3y@littlebrother.com.se
250 2.1.5 m1k3y@littlebrother.com.se… Получатель известен
> ДАННЫЕ
354 Введите сообщение, закончив его

точкой на пустой строке

> Если страшно, не молчи – топай, бегай и кричи!

>.

250 2.0.0 k5SMW0xQ006174 Сообщение принято к доставке

ВЫХОД

221 2.0.0 mail.pirateparty.org.se закрыл соединение

Соединение закрыто внешним хост-компьютером.

Грамматику такой беседы разработал в 1982 году Джон Постел, один из легендарных праотцов интернета. Он лично управлял самыми важными серверами, держа их у себя под рабочим столом в Южно-Калифорнийском университете. Это было давно, еще в эпоху палеолита.

А теперь представьте себе, что вы подключились к почтовому серверу с помощью программы чата. Вы можете послать серверу сообщение «ПРИВЕТ littlebrother.com.se», и он ответит: «250 mail.pirateparty.org.se Привет mail.pirateparty.org.se, рад тебя видеть». Другими словами, та же самая беседа пойдет не через SMTP, а посредством чата. И вообще, если правильно

настроить параметры, то всю почтовую переписку можно вести в чате. Или в интернет-сессии. Или где угодно.

Такой способ называется туннелированием. Вы прокладываете протокол SMTP через чатовый «туннель». Если очень захочется, то можно снова пропустить чат через SMTP-туннель, прокладывая «туннель в туннеле».

Собственно говоря, такой процесс можно провести с любым интернет-протоколом. И это очень хорошо, потому что, если у вас имеется сетевое соединение, допускающее только выход к вебсайтам, вы можете туннелировать почту через него. Можете туннелировать свои любимые многопользовательские игры. И даже икснет — который сам по себе является туннелем для десятков протоколов — можете направить через этот туннель.

В 1983 году возник один из самых интересных и древних интернет-протоколов — DNS, или служба доменных имен. С его помощью ваш компьютер преобразует имя другого компьютера — например, pirateparty.org.se — в IP-номер, например 204.11.50.136. Эти номера компьютеры используют при «разговорах» друг с другом в сети. На первый взгляд, это происходит словно по

волшебству, однако в процессе участвуют тысячи мелких шестеренок. Каждый интернет-провайдер, а также правительства почти всех стран и многие частные операторы обладают собственными DNS-серверами. И эти сервера находятся в постоянном общении между собой, отправляя и выполняя запросы друг друга. И какое бы заковыристое имя вы ни придумали для своего компьютера, служба DNS сумеет преобразовать его в уникальный номер.

До появления DNS существовал файл HOSTS. Хотите верьте, хотите нет, в этом единственном документе перечислялись имена и адреса всех без исключения компьютеров, имеющих выход в интернет. Копия этого документа хранилась в каждом из подключенных компьютеров. И когда этот файл разросся до невообразимых размеров, была придумана система DNS. Она управлялась с сервера, который, как мы помним, стоял под столом у Джона Постела. И если уборщица случайно выдергивала штепсель, то весь интернет зависал, не в силах отыскать сам себя. На полном серьезе.

Главная особенность современного протокола DNS в том, что он присутствует везде. В каждой сети имеется свой личный DNS-сервер, и все эти сервера объединены в конфигурацию, позво-

ляющую им общаться между собой и с любым пользователем в интернете.

Гениальная идея Маши была в том, что она сумела туннелировать через DNS потоковое видео. Разбивала каждый клип на миллиарды кусочков и прятала каждый из них в обычном сообщении, адресованном на DNS-сервер. Запустив ее программу, я с невероятной скоростью вытаскивал кусочки ее видео со всех DNS-серверов по всему интернету. Естественно, моя сетевая гистограмма имела странный вид, словно я пытаюсь отыскать адреса всех компьютеров в мире.

Зато у этого способа были два преимущества, и я их сразу оценил. Во-первых, видео поступало с головокружительной быстротой — стоило кликнуть по первой ссылке, и на компьютере сразу появилась картинка в полный экран, причем без всякого дрожания и сбоев. Во-вторых, я понятия не имел, где хранится это видео. Программа гарантировала полную анонимность.

В первые минуты я был в таком восторге от Машиной идеи, что даже не очень обращал внимание на содержание видеоклипов. Передавать потоковое видео через DNS — это же до безобразия здорово и круто!

Но постепенно до моего сознания стал доходить

смысл картинки.

Передо мной была небольшая комната для совещаний с зеркальной стеной. Эта комната была мне отлично знакома. Я сам в ней побывал не так давно. Именно там коротко стриженная тетка на допросе вытянула из меня пароль. Сейчас вокруг стола были расставлены пять удобных кресел, и в них с комфортом расселись пять очень важных фигур в мундирах ДВБ. Один из них был мне знаком — генерал-майор Грэм Сазерленд, командующий северокалифорнийским подразделением ДВБ. Рядом сидела та самая стриженая дама. Остальных я видел впервые. Все они не сводили глаз с монитора на другом конце стола. Там отображалось лицо человека, которого трудно было не узнать.

Курт Руни был известен всей стране как главный разработчик политической стратегии для президента. Это он обеспечил правящей партии третий срок пребывания у власти, и благодаря ему она на всех парах летела к четвертому президентскому сроку. Его называли безжалостным, и однажды я видел в новостях репортаж о том, как он обращается со своими сотрудниками. Держит их в ежовых рукавицах, постоянно звонит, рассылает указания, следит за каждым жестом,

контролирует каждый шаг. Старик с морщинистым лицом и выцветшими серыми глазами, он плотно стискивал тонкие губы и раздувал широкие ноздри на приплюснутом носу, как будто постоянно чуял что-то неладное.

Его-то лицо и отображалось на экране. Он говорил, а остальные внимательно слушали с умным видом и торопливо, со всей доступной им скоростью, набирали на своих ноутбуках какие-то пометки, словно конспектировали лекцию.

— …Выражают недовольство властью. Но мы должны показать всей стране, что в их бедах виноваты террористы, а не правительство. Понимаете мою мысль? Жители остальной Америки не любят этот город. Для них он Содом и Гоморра, средоточие педерастов и атеистов, которым самое место в геенне огненной. Вся страна прислушивается к новостям из Сан-Франциско только потому, что, по их мнению, исламские террористы сделали доброе дело, взорвав этот город к чертям собачьим. И эти недоумки из икснета как раз приближаются к той стадии, на которой они будут нам полезны. Чем радикальнее они становятся, тем глубже в головы людей вкладывается мысль о том, что угрозы исходят не только откуда-то извне — они зарождаются здесь, у нас под носом.

Слушатели перестали стучать по клавишам.

— Думаю, мы сумеем справиться с этим движением, — сказала стриженая. — Наши агенты в икснете достигли большого влияния. Каждый из «Маньчжурских блогеров» ведет до пятидесяти блогов, они заполняют все каналы чата, связываются друг с другом, часто полностью оккупируя сеть, созданную этим M1k3y. Но они уже доказали, что способны спровоцировать икснеттеров на радикальные действия даже вопреки действиям M1k3y, если он решит спустить дело на тормозах.

Генерал-майор Сазерленд кивнул.

— Мы намеревались держать их в подполье и выпустить в дело не раньше чем за месяц до промежуточных… — Я догадался, что имеются в виду промежуточные выборы, а не школьные экзамены. — Таков был первоначальный план. Но, похоже, сейчас…

— К промежуточным у нас уже готов другой план, — перебил его Руни. — Информация, разумеется, конфиденциальная, однако не советую вам всем планировать поездки на ближайший месяц. Как можно скорее спустите икснет с цепи — пусть действуют как можно радикальнее. Пока они ведут себя политически умеренно, от них

одно беспокойство. Пусть действуют!

Видео оборвалось.

Мы с Энджи сидели на краю кровати и смотрели на экран. Энджи нажала кнопку и запустила видео вновь. Со второго раза впечатление было еще ужаснее.

Я отшвырнул клавиатуру и вскочил.

— До чего же мне осточертело жить в постоянном страхе! — воскликнул я. — Отдам все это Барбаре, пусть раструбит на весь мир. Выложу в сеть. После этого меня, конечно, схватят — ну и ладно. Буду хотя бы знать, что меня ждет дальше. Хоть какая-то определенность в жизни появится.

Энджи схватила меня за руку, обняла, успокаивая.

— Знаю, малыш, знаю. Все это ужасно. Но ты обращаешь внимание только на плохие стороны и не замечаешь хорошего. Ты создал целое движение. Ты оказался сильнее придурков в Белом доме и уродов в мундирах ДВБ. Ты вплотную приблизился к той грани, за которой сможешь взорвать к чертям весь этот сволочной ДВБ. Да, на тебя будут охотиться. Да, рано или поздно доберутся. А ты хоть на миг сомневался в этом? Лично я — нет. Но, Маркус, они не знают, кто

ты! Вдумайся в это. Столько народу охотится за тобой, у их столько денег, оружия и шпионов, против них ты, всего лишь семнадцатилетний парень, все равно ты побеждаешь. Они не знают о Барбаре. Не знают о Зебе. Ты ломал их систему на улицах Сан-Франциско и выставил их идиотами перед всем миром. Так что хватит хлюпать носом. Ты побеждаешь.

— И все равно за мной придут. Сама понимаешь. Придут и навеки упрячут за решетку. А может, я просто исчезну без следа, как Дэррил. А то и хуже — отправят куда-нибудь к черту на кулички. Например, в Сирию. С какой стати оставлять меня в Сан-Франциско? Пока я в Америке, от меня одна головная боль.

Она села на кровать рядом со мной.

— Да, — вздохнула. — В этом все дело.

— В этом все дело.

— Ты ведь сам знаешь, что делать, верно?

— Что?

Она указала взглядом на клавиатуру. По ее щекам скатились две слезинки.

— Да нет, что ты! С ума сошла? Чтоб я послушался какую-то чокнутую из интернета, да еще и подосланную шпионку?

— А у тебя есть идеи получше?

Я пинком подбросил в воздух груду одежды на полу.

— Ну ладно. Так и быть. Поговорю с ней еще.

— Поговори, — подхватила Энджи. — Скажи, что ты со своей девушкой хочешь выйти из игры.

— Что?

— А вот то, балда. Думаешь, опасность грозит одному тебе? Я тоже попаду под удар. Это называется виновностью в соучастии. Я уйду вместе с тобой. — Она упрямо выдвинула челюсть. — Пойми, отныне мы с тобой связаны одной веревочкой.

Мы вместе сели на кровать.

— Может быть, ты просто не хочешь брать меня с собой? — еле слышно выдавила она.

— Да ты что, смеешься?

— А что, похоже, будто смеюсь?

— Нет, Энджи, добровольно я без тебя не уйду. Я бы сам не отважился тебя позвать, но безумно рад, что ты первая об этом заговорила.

Она улыбнулась и швырнула в меня клавиатурой.

— Напиши этой своей Маше. Посмотрим, что эта цыпочка сможет нам предложить.

Я написал сообщение, зашифровал и стал

ждать ответа. Энджи уткнулась мне в плечо, поцеловала, мы стали обниматься. Неловкость, повисшая между нами после секса, куда-то ушла — то ли под влиянием опасности, то ли из-за нашего решения бежать вместе, и меня охватило жгучее желание.

Мы уже успели наполовину раздеться, когда пришел ответ от Маши.

> Вас уже двое? Господи, можно подумать, с тобой одним хлопот было бы мало.

> В общем, слушай. Кураторы меня просто так не выпустят. Только если на полевую разведку после крупного мероприятия в икснете. Понятно? Они следят за каждым моим шагом, но, если икснеттеры затевают что-то шумное, меня выпускают в поле. И тогда поводок ослабевает.

> Организуй что-нибудь грандиозное. Меня отправят посмотреть. И мы с тобой смоемся. Даже втроем, если тебе угодно.

> Только не затягивай. Я не могу часто писать тебе, понятно? За мной следят. Кольцо вокруг тебя сжимается. Времени

у тебя совсем мало. Может, неделя, а может, всего несколько дней.

> Интересуешься, почему я это затеяла? Потому что мне нужна твоя помощь, чтобы вырваться отсюда. Своими силами я не выпутаюсь. Мне нужен большой икснетовский шухер. А это уже в твоей власти. Не подведи меня, M1k3y, иначе нам обоим крышка. И твоей подружке тоже.

> Маша

Едва я дочитал, у меня звякнул телефон, и мы оба подскочили. Звонила мама, спрашивала, когда меня ждать домой. Сказал ей, что иду. О Барбаре она даже не заикнулась. Мы договорились не обсуждать этого по телефону. Такую идею выдвинул папа. Иногда он бывает параноиком не хуже меня.

— Мне пора идти, — сказал я Энджи.

— Слушай, а наши родители будут…

— Знаю, — перебил я. — Видел, как мои извелись, когда считали меня погибшим. А если сын ударился в бега, им будет ничуть не легче. Но уж лучше в бегах, чем в тюрьме. Думаю, они со мной согласятся. И вообще, когда мы исчезнем с

горизонта, Барбара сможет опубликовать все как есть, не опасаясь за нас.

В дверях ее комнаты мы поцеловались. Не как обычно — жарко и страстно. А медленно. Нежно. Так, как целуются на прощание.

* * *

Езда в метро способствует погружению в себя. Когда поезд покачивается туда-сюда, а ты стараешься не встречаться глазами с другими пассажирами, не читать дурацких плакатов с рекламой пластической хирургии, залогового поручительства и тестов на СПИД, когда пытаешься не обращать внимания на граффити и не вглядываться слишком пристально в какую-то дрянь, въевшуюся в ковролин. Тут-то мозги и начинают работать на полную катушку.

Ты покачиваешься туда-сюда вместе с вагоном, а в голове прокручиваются недавние события, и ты подмечаешь детали, на которые с первого раза не обратил внимания, мелькают кадры из киноленты твоей жизни, в которых ты выступал в совершенно не героической роли подлеца или болвана.

И в мыслях рождаются примерно такие теории.

«Если ДВБ хочет схватить M1k3y, то, наверно, лучший способ — выманить его на открытое место, вогнать в панику и спровоцировать на проведение масштабного, многолюдного события с участием икснеттеров. Ради этого, пожалуй, стоит допустить утечку компрометирующей видеозаписи».

Подобные мысли возникают в голове, даже если поездка длится всего две-три остановки. А когда выходишь и начинаешь активно шевелить ногами, кровь быстрей течет по жилам, и тут-то в мозгах и рождаются самые ценные мысли.

Бывает, голова не только подкидывает проблемы, но и помогает найти решение.

Глава 18

Было время, когда мне больше всего на свете нравилось завернуться в плащ, изображая вампира-невидимку, и тусоваться в таком виде по отелям под ошарашенными взглядами гостей.

Это занятие кажется дурацким, но на самом деле требует немалых навыков. Ролевые игры сочетают в себе лучшие стороны «Подземелий и драконов» со школьным драмкружком, да еще и подразумевают встречи с писателями-фантастами на конференциях.

Понимаю, у вас эти игры не вызывают такого же восторга, как у меня в четырнадцатилетнем возрасте.

Лучшими играми были те, что проводились за городом, в скаутских лагерях. Автобусы с сотнями подростков, мальчишек и девчонок, часами ползли, преодолевая пятничные пробки, однако юным пассажирам было не до скуки: они хвастались своими достижениями, рассказывали друг другу об удивительных случаях, играли в электронные игры. Потом высаживались и стояли на лугу перед толпой старших участников этого

лицедейства, мужчин и женщин, облаченных в простецкие самодельные доспехи, поцарапанные и помятые. Ведь именно такой и выглядела в старину настоящая броня настоящего воина, прошедшего огонь и воду, она не могла быть нарядной и блестящей, как показывают в кино.

Формально этим людям что-то платили за участие в играх, но попасть на такую работу могли только те, кто готов выполнять ее даже задаром. Нас делили на команды на основании заранее заполненных анкет, и для каждой команды выделялось место дислокации — примерно так же бейсбольный тренер расставляет игроков по местам.

Потом участники получали секретные пакеты, прямо как в кино про шпионов. Вот твое новое имя, вот твое задание, вот такие секреты о своей группе тебе из- вестны.

После этого наступало время ужина. Горели, уютно потрескивая, костры, вертелись над огнем шампуры с мясом, и капли жира с шипением падали в огонь, на больших сковородках с длинными ручками жарилось тофу. Здесь, в Северной Калифорнии, принято считаться с потребностями вегетарианцев, но в целом сие мероприятие можно было смело называть праздником обжорства.

К этому времени ребята уже начинали осваиваться с ролью. В своей первой игре я был колдуном. Вместо заклинаний получил пакет с фасолью. Бросаешь фасолинку в игрока или «монстра», выкрикиваешь название чар — «огненный шар», «волшебная ракета», «световой конус», — и, если метко попал, сраженный противник падает. Иногда разгорались споры, и приходилось обращаться за помощью к взрослым арбитрам, но обычно все решалось по-честному. Шулеров никто и нигде не любит.

К отбою все окончательно входили в роль. В четырнадцать лет я не очень хорошо представлял себе, как должен вести себя настоящий колдун, и старался подражать образам из книг и фильмов — говорил медленно, размеренно, хранил на лице сосредоточенно-таинственное выражение, лелеял мистические мысли.

Задание нам досталось сложное — отыскать священную реликвию, похищенную огром, который вознамерился подчинить народ всей страны своей воле. Но оно не имело большого значения. Гораздо важнее было мое личное задание — поймать и приручить бесенка, сделав его своим помощником, и не столкнуться с тайным врагом, который давным-давно, когда я был еще

маленьким, участвовал в разбойничьем набеге и погубил всю мою семью. Роль этого врага исполнял другой игрок нашей команды, и по сюжету он не знал, что я вернулся и горю жаждой мщения. Где-то в команде, разумеется, был еще один игрок, точно так же точивший зуб на меня, поэтому даже среди верных соратников всегда приходилось держать ухо востро, опасаясь ножа в спину или смертельного яда в тарелке.

На два выходных дня мы самозабвенно погрузились в игру. Иногда она напоминала прятки, иногда проходила как уроки выживания в дикой природе, а временами мы увлеченно разгадывали головоломки. Организаторы потрудились на совесть. И ребята в командах успели по-настоящему сдружиться. Первой жертвой моей кровной мести оказался Дэррил. И, хоть он и был моим лучшим другом, я честно выполнил задание. Хороший парень. Жалко было его убивать.

Я выстрелил в него огненным шаром, когда он искал сокровище. Перед этим мы сошлись в бою с целой бандой орков, а чтобы определить победителя, сыграли с каждым из них в «Камень, ножницы, бумага». На самом деле это гораздо интереснее, чем вам кажется.

Мой первый выезд на ролевые игры был чем-то

вроде летнего лагеря для школьного драмкружка. Мы ночевали в палатках, болтали до поздней ночи, любовались на звезды, если было жарко — прыгали в холодную речку, отбивались от комаров. Здесь рождалась нерушимая дружба и вечная вражда.

Ума не приложу, почему родители отправили Чарльза в лагерь для ролевиков. Он был совсем не из тех, кто увлекается ролевыми играми. Ему бы что-нибудь попроще и с уклоном в садизм, например отрывать крылышки мухам. А может, я в нем ошибаюсь. Но беготня по лесам в театральных костюмах его не увлекла. Все два дня он слонялся без дела, ныл и изнемогал от скуки, хотя остальные отрывались на полную катушку. Вам наверняка встречались подобные люди: они всеми силами стараются убедить вас, что ваши веселые занятия — на самом деле смертная тоска.

Был у Чарльза и другой недостаток — он никак не мог уловить смысла нашей имитации поединков. Стоит только начать бегать по лесу в этих сложных полувоенных играх, как адреналин очень быстро поднимается до уровня, на котором вы готовы вцепиться кому-нибудь в горло. В таком состоянии нельзя давать человеку

в руки меч, дубинку, пику или другое оружие, даже игрушечное. Вот почему в ролевых играх строжайше запрещается наносить друг другу любые удары. Никогда, никому, ни при каких обстоятельствах. Если противостояние грозило перерасти в драку, игроки пару раз быстренько играли в «Камень, ножницы, бумага» с поправками на опыт, вооружение и физические качества соперников. Справедливость решения обеспечивает арбитр из взрослых. Все происходит вполне цивилизованно, хоть на первый взгляд и странновато. Человек бежит за кем-то по лесу, настигает, вот-вот начнется драка — и вдруг они садятся рядышком и бросают жребий. Необычно, конечно, зато прикольно и без мордобоя.

Но до Чарльза это никак не доходило. По-моему, у него хватало мозгов понять, что физический контакт с противником строго запрещен, однако он считал, что к нему это правило не относится и подчиняться ему он не будет. За двухдневную смену арбитры напоминали ему об этом десятки раз, он клялся и божился, что больше так не будет, и снова брался за свое. Он уже тогда был одним из самых физически развитых среди ребят, и ему очень нравилось в разгар погони «случайно» сбить человека с ног. Не очень-то приятно с раз-

бегу падать на каменистую лесную почву.

Однажды случилось вот что. Я только что «сразил» Дэррила на небольшой полянке, где он откапывал клад, и мы вместе посмеивались его шуткам над моей способностью подкрадываться незаметно. Он решил «монстрить» — «убитым» разрешалось перевоплощаться в монстров, и к концу игры их число нарастало, а значит, увеличивалась опасность для других игроков и баталии становились всё эпичнее, а атмосфера — веселее.

Тут-то из кустов у меня за спиной вышел Чарльз и по своей милой привычке с криком «Получи!» толкнул меня плечом. Я растянулся на земле, и от удара перехватило дыхание. До этого я его почти не знал и дальше прекрасно жил бы, его не замечая, но сейчас у меня руки чесались его убить. Я медленно поднялся на ноги и поглядел на него, а он радостно дышал полной грудью и ухмылялся до ушей.

— Капец тебе, — заявил он. — Куда тебе до меня.

Я попытался улыбнуться, и лицу стало больно. Потрогал ушибленное место, и на пальцах осталась кровь. Упав лицом вниз на древесный корень, я рассадил губу и расквасил нос.

Я вытер кровь о штанину и улыбнулся. Сделал вид, что хочу обратить все в шутку. Даже слегка хохотнул. И шагнул к нему.

Но Чарльз на мое веселье не купился. Он попятился, явно рассчитывая исчезнуть в кустах. Тогда к нему сбоку подошел Дэррил. Я подступил с другого фланга. Он резко развернулся и бросился наутек. Долговязый Дэррил подставил ему подножку, он споткнулся и полетел ничком. Мы кинулись к нему и в этот миг услышали свисток арбитра. Заслуженная расправа не состоялась.

Арбитр не видел, как опрокинул меня Чарльз, но за два дня насмотрелся на другие его выходки. Он отстранил Чарльза от игры и отправил в лагерь. Чарльз принялся громко возмущаться, но, к нашему удовлетворению, арбитр твердо стоял на своем. Однако, дождавшись, когда Чарльз скроется вдалеке, он устроил выволочку и нам обоим, заявив, что драки и побои в лагере недопустимы, даже если очень хочется дать сдачи.

Ну и ладно. Вечером, когда игра закончилась, мы все вместе мылись под душем в скаутских спальных корпусах. Мы с Дэррилом похитили одежду и полотенце Чарльза, скрутили, завязали узлами и запихнули в писсуар. Мальчишки, желающие помочиться на его шмотки, выстрои-

лись в очередь. Уж очень он всех достал своими подлянками.

Жаль, я не видел его лица, когда он после душа долго искал свою одежду и обнаружил ее в писсуаре. Перед Чарльзом встал нелегкий выбор — то ли бежать голышом через весь лагерь, то ли распутывать и напяливать насквозь промокшие от мочи шмотки.

Он выбрал пробежку голышом. Я бы, наверное, тоже. Мы выстроились вдоль всего пути от душа к сараю, где хранились наши рюкзаки, и громко аплодировали. Я стоял в первом ряду и хлопал громче всех.

* * *

Воскресные выезды в скаутские лагеря проводились всего три-четыре раза в год, и нам с Дэррилом, а также множеству других фанатов ролевых игр этого было очень мало.

Спасали только игры типа «Гибельный свет», проводимые в городских отелях. «Гибельный свет» — это тоже ролевая игра со своими причудливыми правилами, в ней охотники на вампиров ведут нещадную борьбу с вампирскими кланами. Игроки получают карточки, и исходы поединков определяются небольшой стратегической кар-

точной игрой. Вампир может стать невидимкой, если укутается в плащ и скрестит руки на груди. Тогда остальные игроки должны делать вид, будто в упор не замечают его, и прямо при нем вести разговоры, обсуждать свои планы и тому подобное. Хорошим игроком считается тот, у кого хватит честности выболтать все секреты в присутствии «невидимки» из другого клана, как будто его здесь и нет.

Каждый месяц проводилась пара крупных раундов «Гибельного света». Организаторы игр водили дружбу с руководством городских отелей, и те сообщали, что на вечер пятницы останется, например, десять незабронированных номеров. Туда смогут заселиться игроки, и они будут сколько угодно носиться по коридорам, вокруг бассейна и вообще где им заблагорассудится, питаться в гостиничном ресторане и платить за подключение к Wi-Fi, главное — чтобы не шумели и не мешали другим постояльцам. В пятницу днем организаторы улаживали все формальности, присылали нам электронные письма, и мы сразу после школы с рюкзаками за спиной ехали в указанный отель, заселялись по шесть-восемь человек в номер, питались всухомятку и увлеченно играли до трех часов утра. Родители ничего

не имели против такого веселого и безопасного развлечения своих отпрысков.

Устроители игр принадлежали к известной благотворительной организации, стремящейся к распространению грамотности. В их ведении были детские литературные кружки, театральные студии и тому подобное. Они занимались ролевыми играми уже лет десять и не получали никаких нареканий. Алкоголь и наркотики были строжайше запрещены, и вообще организаторы стремились избежать малейших подозрений в растлении малолетних. Игроков обычно набиралось от десятка до сотни, и по цене двух билетов в кино мы получали два с половиной дня полноценного веселья.

Однажды им посчастливилось снять целый блок номеров в «Монако» — расположенном в районе Тендерлойн отеле, чьей целевой аудиторией были рафинированные постояльцы преклонного возраста. Здесь в каждом номере стоит аквариум с золотой рыбкой, а в вестибюле прогуливаются аккуратненькие старички и старушки в изысканных нарядах и хвастаются друг перед другом достижениями пластической хирургии.

Обычно «простолюдины» — так мы называли

людей, не имеющих отношения к игре, — просто не обращали на нас внимания. Ну забавляются ребятишки, что с них возьмешь. Но в те выходные судьба занесла в этот отель редактора итальянского журнала о путешествиях, и он сильно заинтересовался происходящим. Подкараулил меня в вестибюле, когда я, притворившись невидимкой, со скрещенными руками стоял у стены, выслеживая главаря соперничающего клана и намереваясь ринуться на него и выпить кровь. Итальянец подошел ко мне и на ломаном английском спросил, чем это мы с друзьями тут заняты.

Я хотел отмахнуться от него, но он не отставал. Тогда я решил сочинить для него историю позанятнее — пусть выслушает и идет своей дорогой.

Мне и в голову не приходило, что он опубликует мои бредни в своем журнале. И уж тем более я и подумать не мог, что историю подхватит американская пресса.

— Мы съехались сюда, потому что наш принц умер и нам следует избрать нового правителя.

— Принц?

— Да. — Я постепенно входил в роль. — Мы Древний народ. Наши предки пришли в Америку в шестнадцатом веке и поселились в диких лесах Пенсильвании. Нами правит королевская семья.

Живем мы по-простому и не пользуемся современной техникой. Но наш принц, последний представитель правящей династии, на прошлой неделе скончался. Его сгубила неведомая ужасная болезнь. Все юноши Древнего народа отправились на поиски потомков одного из членов королевской семьи, который во времена моих прадедов ушел из нашего клана, чтобы поселиться среди современных людей. Говорят, он оставил после себя наследников, и наша цель — найти всех, в ком течет королевская кровь, и вернуть на престол, который по праву принадлежит им.

Вся эта белиберда пришла мне на ум без малейших затруднений, потому что я зачитывался фэнтезийными романами.

— Мы нашли женщину, которая знает этих потомков. По ее словам, один из них остановился в этом отеле; мы пришли за ним. Но здесь нас выследил вражеский клан. Они не хотят, чтобы мы вернули нашего принца. Им надо, чтобы мы и дальше оставались слабыми и покорными. Вот почему мы никому не раскрываем наших тайн и стараемся как можно меньше общаться с Новым народом. И даже этот разговор с вами для меня нелегкое испытание.

Он не сводил с меня внимательного взгляда.

Я опустил руки, а значит, стал «видимым» для вражеского клана, и одна из вампирш уже подкрадывалась ко мне. В последний миг я обернулся и увидел, как она надвигается на нас, раскинув руки и шипя на самый красочный вампирский манер.

Я тоже раскинул руки и зашипел в ответ, потом, воспользовавшись ее замешательством, метнулся через вестибюль, перескочил через кожаный диван, ловко обогнул растение в горшке. Вампирша бросилась в погоню. Я заранее разведал путь к отступлению — вниз по лестнице к расположенному в подвале фитнес-клубу — и рванулся туда, оставив преследовательницу позади.

Больше я того итальянца не видел. Зато рассказал о встрече с ним одному из собратьев-ролевиков, тот сильно приукрасил ее и все два дня снова и снова пересказывал ее чуть ли не каждому встречному.

А в том итальянском журнале обнаружилась сотрудница, которая когда-то защищала диссертацию об общинах амишей — живущих в пенсильванской глубинке рьяных противников научно-технического прогресса. Наш рассказ показался ей необычайно интересным. Опираясь на его записки и расшифровки интервью,

привезенные из Сан-Франциско, она сочинила восторженную душещипательную статью о трогательно несовременных приверженцах древних традиций, странствующих по Америке в поисках своего принца. В наши дни напечатать можно все что угодно, бумага все стерпит.

Но беда в том, что подобные истории охотно подхватываются и перепечатываются. Первыми на нее обратили внимание итальянские блогеры, потом американские. Со всех концов страны приходили сообщения о встречах с «Древним народом», однако трудно сказать — то ли рассказчики присочиняли, то ли нашу вампирскую игру позаимствовали другие ролевики.

По пищевой цепочке средств массовой информации новость добралась аж до «Нью-Йорк таймс», а тамошние журналисты, на беду, очень серьезно относились к проверке фактов. Репортер, которого отправили на расследование, проследил всю цепочку вплоть до отеля «Монако», владельцы отеля отправили его к организаторам «Гибельного света», а те, смеясь, поведали, как оно было на самом деле.

Впрочем, после этих событий ролевые игры уже не вызывали у меня такого восторга. Нас, ролевиков, заклеймили как величайших на

свете брехунов, трепачей и пустозвонов. Пресса, которую мы, сами того не желая, раскрутили на публикации о «Древнем народе», в отместку выставляла всех ролевиков как прожженных мошенников. На гребне этой волны Чарльз растрезвонил по всей школе о наших с Дэррилом ролевых подвигах.

В общем, неудачное выдалось время. Некоторые из ролевиков не обращали внимания на бесчисленные подначки, но мы с Дэррилом переживали очень сильно. Издевались над нами безжалостно. Тон задавал Чарльз. Я то и дело находил в рюкзаке пластиковые клыки, мелюзга в коридорах блеяла мне вслед подобно мультяшным вампирам, некоторые при виде меня начинали говорить с деланым трансильванским акцентом.

Вскоре после этого мы переключились на игры в альтернативной реальности. В некоторых отношениях это даже веселее и при этом не смотрится так диковато. Однако время от времени я все же скучал по плащу с капюшоном и по беготне в гостиничных коридорах.

* * *

В отличие от «лестничной реакции» — esprit d'escalier, — самые неловкие жизненные ситуации имеют свойство преследовать вас еще много лет. Я могу с фотографической точностью вспомнить любую глупость, какую натворил или сморозил давным-давно. И если на душе кошки скребут, то в голову, естественно, лезут ситуации, когда я испытывал примерно такое же чувство, и перед глазами вереницей проходят все былые унижения.

Пока я пытался сосредоточиться на Маше и своей грядущей печальной судьбе, мои мысли снова и снова возвращались к происшествию с Древним народом. Когда газеты одна за другой начинали издеваться над ролевиками, меня терзало примерно такое же, как сейчас, тошнотворное ощущение, словно я стою у края пропасти. Казалось, все вот-вот поймут, что это я навешал лапшу на уши доверчивому итальянскому редактору в модных джинсах с кривыми строчками, накрахмаленной рубашке без воротника и огромных очках в металлической оправе.

Но подобные размышления часто приносят пользу. На ошибках можно учиться.

Теория, конечно, красивая. Может быть, подсознание для того и вытаскивает на свет грустные видения былого, чтобы вы перевернули страницу вашей жизни и отпустили их мирно упокоиться в забвении. Мое подсознание постоянно этим занимается, видимо, в надежде, что я наконец совершу какой-то решительный шаг.

Всю дорогу домой я прокручивал в голове тот случай и размышлял, как поступить в случае, если «Маша» окажется подставой. Мне нужны гарантии безопасности.

Когда я наконец добрался домой и очутился в сочувственных объятия папы и мамы, у меня в голове созрело решение этой проблемы.

* * *

Главное — правильно рассчитать время. Событие должно произойти достаточно быстро, чтобы ДВБ не успел опомниться, но надо успеть организовать массовое выступление икснеттеров.

Надо собрать большую толпу — тогда они не смогут арестовать нас всех. Акция должна проходить в людном месте, на виду у репортеров и взрослых — тогда у полиции рука не поднимется травить нас слезоточивым газом.

Надо придумать событие, которое заинтересует

прессу не меньше, чем левитация Пентагона. И вокруг этого события должны сплотиться мы все, как сплотились когда-то три тысячи студентов Беркли, не позволив полиции увезти в фургоне своего арестованного товарища.

А еще надо добиться, чтобы репортеры рассказали публике правду о действиях полиции, как было в Чикаго в 1968 году.

В общем, задача предстояла непростая.

На следующий день я смылся из школы за час до конца уроков, пустив в ход свои проверенные методы. И меня не волновало, что безопасники могли установить какие-нибудь новые следящие системы и завтра моих предков вызовут в школу.

Так или иначе, по окончании завтрашнего дня папу и маму будет волновать что угодно, только не мои школьные подвиги.

Я сразу пошел домой к Энджи. Она слиняла с уроков еще раньше — сделала вид, что вот-вот грохнется в обморок от жуткой боли в животе, над ней сжалились и отпустили.

Мы сразу принялись рассылать весть о событии по всему икснету. Отправили электронные письма самым надежным друзьям, выложили сообщение в чате. Заглянули в трюмы и злачные

места пиратской игры и оповестили собратьев-пиратов. Выдали ровно столько информации, чтобы заинтересовать их всех, но при этом не привлечь внимания ДВБ. Это было нелегко, но, кажется, я справился. Вот что у меня получилось.

> Завтра играем в «Вампмоб»!

> Если ты гот, оденься в черное. Если нет, найди гота и одолжи у него прикид. Будем косить под вампиров.

> Игра начинается РОВНО В ВОСЕМЬ УТРА. Сразу после сбора разделимся на команды. Игра продлится 30 минут, так что не бойся, в школу не опоздаешь.

> О месте тусовки сообщим завтра. Отправь
свой открытый ключ по е-мейлу на адрес m1k3y@littlebrother.pirateparty.org.se и проверь почту завтра в семь утра. Если для тебя это слишком рано, вообще не ложись спать. Лично мы так и сделаем.

> Гарантируем – будет улетный прикол!

> Поверь на слово.

> M1k3y

Потом я отправил короткое сообщение Маше:

> Завтра
> M1k3y

И через минуту получил ответ:

> Так я и думала. «Вампмоб», да? Шустро работаешь. Надень красную кепку. Много барахла с собой не бери.

* * *

Что взять с собой, когда собираешься пуститься в бега? Я достаточно натаскался тяжелых рюкзаков по скаутским лагерям, чтобы понять, что каждый лишний грамм врезается в плечи со всей силой земного тяготения. Сделаешь миллион шагов — и это уже не грамм, а целая тонна.

— Правильно, — сказала Энджи. — Логично. И не стоит брать одежды больше чем на три дня. Всегда можно простирнуть в раковине. Уж лучше ходить с пятном на футболке, чем таскать чемодан, который не влезет под самолетное сиденье.

Она достала и бросила на кровать сумку из пуленепробиваемого нейлона, которую обычно носила наискосок через плечо — при этом ремень укладывался в ложбинку между грудями, и от этого зрелища мне делалось жарковато. Сумка

была объемистая. Энджи принялась складывать туда одежду.

— По-моему, надо взять три футболки, запасные джинсы, одни шорты, три смены нижнего белья, три пары носков и свитер.

Она открыла спортивную сумку и достала умывальные принадлежности.

— Не забыть бы завтра перед уходом положить зубную щетку.

Наблюдая, как она пакуется, я приуныл. Вдруг нахлынуло осознание, что завтра я ухожу. Может быть, надолго. Возможно, даже навсегда. А Энджи словно и не переживала совсем.

— Как ты думаешь, иксбокс захватить? — спросила она. — Там на жестком диске куча информации, заметки всякие, рисунки, письма. Не хочу, чтобы это попало в чужие руки.

— Вся твоя информация зашифрована, — пояснил я. — Так всегда делается в «Параноид-линуксе». Создай аккаунт на сервере Партии пиратов и отправь туда образ жесткого диска письмом самой себе. Я тоже так сделаю, когда приду домой. А иксбокс не бери, в Лос-Анджелесе новый купишь.

Она так и сделала. Пройдет пара часов, не меньше, прежде чем электронное письмо протиснется

сквозь узкий канал соседской сети Wi-Fi и проложит себе путь до Швеции.

Потом Энджи закрыла клапан и туго стянула ремни. Сумка сжалась до размера футбольного мяча. Я не мог скрыть восхищения этим фокусом. Если пройтись с таким багажом по улице, никто и внимания не обратит — ну идет человек в школу, что тут необычного.

— Да, вот еще что. — Энджи подошла к тумбочке и достала презервативы. Извлекла их из коробки и сунула в сумку, потом отвесила мне шлепок.

— Что дальше? — спросил я.

— Дальше мы идем к тебе, и ты собираешь вещи. А мне пора бы познакомиться с твоими родителями.

Она бросила сумку на пол среди сваленной одежды и прочего барахла. Моя бесстрашная подруга была полна решимости оставить позади всю свою прошлую жизнь и уйти. Просто ради того, чтобы быть рядом со мной, поддержать наше дело. Это же надо! Мне тоже захотелось совершить что-нибудь такое же самоотверженное.

* * *

Когда я вернулся, мама уже была дома. Сидела на кухне перед открытым ноутбуком и отвечала

на почту, одновременно в микрофон гарнитуры объясняя какому-то несчастному англичанину из Йоркшира, как ему с семьей приспособиться к жизни в Луизиане.

Я переступил через порог, за мной вошла Энджи. Она улыбалась во весь рот, однако сжимала мне руку с такой силой, что кости похрустывали. Понятия не имею, чего она так беспокоилась. Ведь ей предстоит провести с моими родителями всего один этот вечер, вряд ли больше, даже если дела наши пойдут не на лад.

Увидев нас, мама тотчас же прервала разговор с йоркширцем.

— Здравствуй, Маркус. — Она поцеловала меня в щеку. — Кого ты привел?

— Мама, познакомься, это Энджи. Энджи, это моя мама Лилиан.

Мама встала и тепло обняла Энджи.

— Рада познакомиться с тобой, дорогая моя, — сказала она и оглядела гостью с головы до ног. На мой взгляд, Энджи выглядела очень презентабельно. Одета хорошо, не вызывающе, и главное — с первого взгляда было ясно, что она очень толковая.

— И я очень рада познакомиться с вами, миссис Яллоу, — уверенным голосом отозвалась Энджи.

Она держалась гораздо лучше, чем я при первой встрече с ее мамой.

— Зови меня Лилиан, милочка, — отозвалась мама и продолжила осмотр, подмечая каждую мелочь. — Поужинаешь с нами?

— С удовольствием, — кивнула Энджи.

— Ты не против мясного? — Мама уже освоилась с жизнью в Калифорнии.

— Я ем все, что не успеет съесть меня, — заверила ее Энджи.

— Она помешана на остром соусе, — вставил я. — Можешь положить ей на тарелку старые покрышки, и она съест их, обильно сдобрив сальсой.

Энджи шутливо ткнула меня в плечо.

— Я собиралась заказать ужин из тайского ресторана, — сказала мама. — Попрошу их добавить пару фирменных блюд с остротой в пять перчиков.

Энджи вежливо поблагодарила ее, и мама засуетилась на кухне — налила нам сока, выставила на стол тарелку печенья и в третий раз спросила, налить ли нам чаю. Мне стало неловко.

— Спасибо, мам, — сказал я. — Мы пойдем наверх, побудем немного у меня.

Мама на миг прищурилась, потом опять рас-

плылась в улыбке.

— Ну разумеется. Через час приедет отец, тогда и поужинаем.

Мой вампирский прикид, сохранившийся с эпохи ролевых игр, валялся глубоко в шкафу. Я предоставил Энджи разбираться с ним, а сам стал просматривать одежду. До сих пор я никуда не уезжал дальше Лос-Анджелеса. В каждом городе найдутся магазины со всеми нужными шмотками. А сейчас достаточно лишь выбрать три-четыре любимые футболки, самые удобные джинсы, дезодорант да зубную нить.

— Деньги! — вдруг спохватился я.

— Ага, — подтвердила Энджи. — Я собираюсь по дороге домой снять в банкомате все, что лежит у меня на банковском счете. Все мои накопления — тысячи полторы должно быть.

— Да ладно! Так много?

— А куда мне их тратить? — пожала плечами она. — С тех пор как появился икснет, мне даже за доступ к интернету платить не приходится.

— У меня всего сотни три наберется.

— Что есть, то есть. Сними их утром по дороге в Сивик-сентр.

У меня имелся большой ранец на случай, если придется тащить много учебников или еще ка-

кие-нибудь тяжести. Он не так бросался в глаза по сравнению с походным рюкзаком. Энджи внимательно проинспектировала мои вещи и безжалостно отбраковала те, что ей не понравились.

Закончив сборы и задвинув ранец под кровать, мы сели.

— Завтра надо будет вставать чуть свет, — сказала Энджи.

— Да, день предстоит непростой.

Мы придумали хитрый план: завтра утром рассылаем письма с фальшивыми адресами мест сбора, направляя участников в укромные места неподалеку от Сивик-сентра, в нескольких минутах ходьбы. Мы заранее заготовили картонные трафареты с надписью ВАМПМОБ СИВИК-СЕНТР —> —> и часов в пять утра нанесем эти указания аэрозольной краской в заданных местах. Благодаря этому у ДВБ не возникнет повода перекрыть проходы к Сивик-сентру раньше, чем все там соберутся. Я установил почтовый бот на рассылку сообщений в семь часов утра — для этого, уходя, надо будет оставить иксбокс включенным, и он сам проделает всю работу.

— Как думаешь, надолго… — начала Энджи и робко замолчала.

Я догадался, о чем она.

— Самому хотелось бы знать. Может, и надолго. Но мало ли что. Как только Барбара опубликует свою статью… Глядишь, через пару недель мы с тобой проснемся национальными героями.

Я написал Барбаре письмо и включил его в утреннюю рассылку.

— Может быть, — вздохнула Энджи.

Я обнял ее за плечи и почувствовал, как они дрожат.

— Мне самому страшно, — признался я. — Надо быть сумасшедшим, чтобы в такую минуту не бояться.

— Да, — ответила она. — Ты прав.

Мама позвала нас на ужин. Папа радушно пожал руку Энджи. Он, как вошло в обычай после встречи с Барбарой, был небрит и сильно встревожен, однако ради знакомства с Энджи взял себя в руки и ненадолго стал таким, как прежде. Она поцеловала его в щеку, и он попросил называть его Дрю.

Ужин прошел на славу. Лед треснул, когда Энджи достала баллончик с острым соусом, побрызгала на тарелку и объяснила про шкалу Сковилла. Папа для пробы зачерпнул вилкой с ее тарелки, умчался в ванную полоскать рот и

залпом выхлебал литров пять молока. А мама, хотите верьте, хотите нет, даже после этого все-таки попробовала и изо всех сил постаралась сделать вид, будто ей нравится. Как оказалось, она с детства питает пристрастие к острой пище, просто до сих пор не было случая это проявить.

Перед уходом Энджи чуть ли не силой заставила маму принять в подарок баллончик с убийственным соусом.

— У меня дома еще один есть, — заверила она. Я сам видел, как она запихивала его в свою дорожную сумку. — Таким женщинам, как мы с вами, он в жизни очень пригодится.

Глава 19

Вот какое письмо разлетелось по икснеттерам в семь часов следующим утром, пока мы с Энджи рисовали аэрозольной краской на стенах стратегических мест указатель ВАМПМОБ СИВИК-СЕНТР —> —>.

> ПРАВИЛА ИГРЫ «ВАМПМОБ»

> Вы представители клана необычных дневных вампиров. Вы научились выживать под испепеляющими лучами солнечного света. Весь секрет в каннибализме: кровь другого вампира дает вам силы спокойно разгуливать среди живых людей.

> Чтобы остаться в игре, вы должны укусить как можно больше других вампиров. Если за одну минуту вы не сумели никого укусить, выходите из игры. Очутившись вне игры, вы станете арбитром-наблюдателем. Для этого наденьте футболку задом наперед и проследите за двумя-тремя другими вампирами, чтобы они вовремя кусали друг друга.

> Чтобы укусить другого вампира, надо пять раз крикнуть «Кусь!» быстрее, чем он. Подбегите к вампиру, загляните ему в глаза и крикните: «Кусь-кусь-кусь-кусь-кусь!» Если сумеете опередить его, он рассыплется в прах, а вы продолжите игру.

> Все вампиры, которые пришли в то же место сбора, что и вы, относятся к вашему клану. Вы действуете совместно. Их кровь не приносит вам никакой выгоды.

> Вы можете стать «невидимкой». Для этого надо остановиться неподвижно и скрестить руки на груди. Невидимого вампира нельзя кусать, и он не может укусить вас.

> Игра ведется чисто на доверии. Ее цель – не выиграть, а хорошенько повеселиться и выпустить на волю своего внутреннего вампира.

> Игра закончится, когда начнут определяться победители. Сигналом к окончанию будет устный приказ. Когда придет время закругляться, организаторы назовут условную фразу, и игроки должны как можно быстрее шепотом передать ее

по цепочке и после этого ждать сигнала.

> M1k3y

> Кусь-кусь-кусь-кусь-кусь!

Мы рассчитывали, что поиграть в «Вампмоб» захотят человек сто. Разослали по двести приглашений с каждого из наших иксбоксов. Но, проснувшись в четыре часа утра и первым делом схватив иксбокс, я увидел, что прилетело четыреста заявок. Четыре сотни!

Я скормил их адреса почтовому боту и на цыпочках побрел к выходу из дома. Спустился по лестнице, послушал, как храпит отец и ворочается в кровати мама. Запер за собой дверь.

Рано утром, в четверть пятого, в Потреро-Хилл тихо, как в деревне. Откуда-то издалека доносится гул оживленных улиц, а здесь мимо меня прополз лишь один случайный автомобиль. Я остановился у банкомата, снял триста двадцать долларов двадцатками, скатал купюры в рулон и перетянул резинкой, спрятал в карман на бедре вампирских штанов и застегнул молнию.

Я снова щеголял в коротком плаще, рубашке с кружевным жабо и костюмных штанах, к которым было пришито множество дополнительных карманов для всяких необходимых мелочей. На

остроносых сапогах поблескивали серебряные пряжки в виде черепов, взлохмаченные волосы торчали острыми шипами, будто почерневший одуванчик. Энджи обещала намазать мне лицо белым гримом, подвести глаза черными стрелками и покрасить ногти черным лаком. А почему бы и нет? Когда еще мне доведется покрасоваться в таком маскарадном прикиде?

Энджи ждала меня у своего дома. За плечами у нее тоже был рюкзак, на ногах сетчатые колготки, одета в готическое платьице с пышной юбкой и кружевами, лицо выбелено, вокруг глаз изысканная подводка в стиле кабуки, на пальцах и на шее поблескивает серебро.

— Ну и видок у тебя! — хором сказали мы друг другу, вполголоса рассмеялись и неслышным шагом побрели по улицам, сжимая в карманах баллончики с краской.

* * *

Я встал у входа в городскую ратушу, окинул взглядом Сивик-сентр и попробовал представить себе, как будет выглядеть этот квартал, когда сюда нагрянут четыре сотни ролевиков в костюмах вампиров. Они начнут собираться минут через десять. Просторная площадь уже заполнялась

народом — в основном это были жители пригородов, съехавшиеся на работу в центр города. Они спешили по своим делам, старательно огибая бездомных попрошаек.

Сивик-сентр с его широченными тротуарами мне никогда не нравился. Этот район застроен огромными зданиями, белыми и помпезными, как свадебные торты, в них располагаются судебные органы, музеи, а в ратуше восседает городская администрация. На фотографиях в путеводителе для туристов эта часть города выглядит строго и футуристично, словно технологический Эпкот-сентр во Флориде, однако в реальности она совсем не так хороша.

В реальности здесь грязно и уныло. На скамейках спят бомжи. Здесь нет жилых домов, поэтому к шести часам вечера район пустеет, на улицах остаются только пьяницы да наркоманы — нормальным людям нечего тут делать после закрытия казенных заведений. Это даже не городской квартал, а скорее специфическая торговая площадь, где единственные заведения — поручительские конторы, освобождающие под залог из-под суда всякий сброд, да питейные заведения, продающие алкоголь этому самому сброду, ночующему на здешних скамейках.

Я начал немного разбираться в этом, когда прочитал интервью Джейн Джейкобс, потрясающего специалиста по городскому планированию с огромным опытом работы. Она первая объяснила, в чем порочность общепринятой практики, при которой город кромсается на куски скоростными магистралями, бедняков вытесняют в отдельные кварталы, а строгие правила зонирования четко указывают, что и где надо возводить.

Джейкобс объяснила, что настоящие города подобны живым организмам, в которых все социальные составляющие — богатые и бедные, белые и цветные, англосаксы и мексиканцы, торговые, жилые и даже промышленные кварталы — тесно взаимосвязаны. В кварталах таких городов в любое время дня и ночи полно самого разного народу, эти люди создают спрос на разнообразные товары и услуги, вытесняют с улиц криминальный элемент, действуют как глаза и уши общины.

Вам наверняка доводилось бывать в таких местах. Вы прогуливались по улочкам старых кварталов большого города, и на каждом шагу вам попадалось множество симпатичных магазинчиков, фешенебельных ресторанов и уютных кафе, хорошо и модно одетых людей. Видели вы

и небольшой кинотеатр, и дома с причудливой росписью на стенах. Где-нибудь неподалеку, вероятно, обнаружился «Старбакс» — как же без него! — но при этом рядом с ним вы набрели на чудесный фруктовый рыночек или цветочную лавку, в которой хозяйка все так же аккуратно, как и триста лет назад, раскладывает в витрине свой товар. Такой город не имеет ничего общего с распланированными торговыми пространствами. Он полон жизни и растет сам по себе, подобно старому саду или зеленому лесу.

Полная противоположность этому — Сивик-сентр. В своем интервью Джейкобс рассказывала, что для его постройки снесли прекрасный старинный квартал — именно такой, живой и уютный, возникший без планов, разрешений и указаний.

Джейкобс предсказывала, что через несколько лет Сивик-сентр станет одним из худших районов Сан-Франциско, по ночам будет превращаться в призрак, обеспечивая убогое существование только чахлым забегаловкам для алкашей да дешевым мотелям. В своем интервью она говорила об этом без малейшего злорадства, наоборот — с горечью. Кажется, она была бы рада, если бы ее предсказания не сбылись.

Но теперь, в час пик, жизнь в Сивик-сентре

била ключом. Возле здешней станции метро пересекаются сразу несколько трамвайных линий, и множество пассажиров пользуются удобной пересадкой. В восемь часов утра многотысячные толпы служащих, закованных, словно в броню, в деловые костюмы, поднимаются и спускаются по лестницам подземки, садятся в такси и автобусы или выходят из них. Людской поток просачивается сквозь тесные воротца блокпостов, расставленных ДВБ у входа в административные здания, увертывается от назойливых попрошаек, благоухает шампунем и дезодорантами, помахивает портфелями и ноутбучными сумками. В восемь часов утра над Сивик-сентром царит деловая света.

И тут появились вампиры. Пара десятков спускались по Ван-Несс, еще столько же поднимались по Маркет-стрит. Еще одна команда прибыла по Маркет-стрит с другой стороны. Потом — снова по Ван-Несс. Они выходили из-за домов, выделяясь в толпе белым гримом на лицах. Глаза в черной подводке, черные костюмы, черные куртки, тяжелые ботинки, сетчатые перчатки без пальцев.

Вампиры постепенно заполняли площадь. Спешащий мимо деловой и служащий люд скользил

по ним взглядом и поспешно отводил глаза, не желая впускать этих чудиков в свою персональную реальность, заполненную всяческой ерундой, в которую им, деловым, предстояло погрузиться на ближайшие восемь часов. А вампиры бесцельно бродили по площади, словно черные капли разлившейся нефти, только не растекались, а наоборот, будто в пущенном назад видеоролике, сбивались в большие черные группы, спрашивали друг друга, началась ли уже игра. Некоторые щеголяли в старомодных шляпах, котелках и цилиндрах. Многие девчонки нарядились в черные готические платья и вышагивали в туфлях на высоченных платформах.

Я попытался хотя бы приблизительно сосчитать их. Не меньше двухсот. Через пять минут их стало уже триста. Четыреста. А вампиры все прибывали. Ребята приводили с собой друзей.

Вдруг чья-то рука ухватила меня пониже спины. Я резко развернулся и увидел Энджи. Она хохотала — заливалась так, что аж согнулась пополам.

— Нет, старик, ты только посмотри! — кое-как пропыхтела она. Народу на площади стало еще раза в два больше, чем минуту назад. Уж не знаю, сколько среди них было икснеттеров, но, похоже,

на затеянную мной тусовку явилось не меньше тысячи. О господи.

На площадь уже начали стягиваться агенты ДВБ и полицейские. Они собирались в кучки и переговаривались по рациям. Вдали завыла сирена.

— Хватит ржать. — Я встряхнул Энджи за локоть. — Пора начинать игру.

Мы нырнули в толпу и, наткнувшись на первого вампира, громко воскликнули:

— Кусь-кусь-кусь-кусь-кусь!

Моей первой жертвой оказалась сильно ошарашенная, но симпатичная девчонка с нарисованной на руках паутиной и размазанной по щекам тушью.

— Черт, — ругнулась она и отошла, признавая мою победу.

Все окрестные вампиры подхватили клич:

— Кусь-кусь-кусь-кусь-кусь!

Одни из них атаковали друг друга, другие искали, где бы укрыться. «Напившись крови» первой жертвы, я на ближайшую минуту обезопасил себя и метнулся в сторону, прячась среди «простолюдинов». Со всех сторон слышались крики «Кусь-кусь-кусь-кусь-кусь!», смех и веселая брань.

Боевой клич растекался по толпе, как вирус. К этому времени уже все вампиры включились в игру, и те, кто сбивался в кучки, падали как мухи. Те, кто был «укушен», со смехом и досадливыми возгласами расходились в стороны, напоминая оставшимся, что игра продолжается. И с каждой секундой прибывали все новые и новые вампиры.

Восемь часов шестнадцать минут. Пора бы мне попить еще вампирской кровушки. Я присел на корточки и двинулся гусиным шагом под ногами у ничего не подозревающих прохожих, спешащих по своим делам. Наткнувшись на меня, они ошалело шарахались в сторону. Я сфокусировал взгляд на паре черных ботинок на платформе, со стальными фигурками драконов на мысках, и не ожидал, что окажусь лицом к лицу с еще одним вампиром, парнем лет пятнадцати-шестнадцати — пропитанные гелем волосы зачесаны назад, черная синтетическая куртка в стиле Мэрилина Мэнсона украшена ожерельем из фальшивых клыков с загадочными резными символами.

— Кусь-кусь-кусь… — начал было он, как вдруг один из прохожих споткнулся о него, и оба покатились наземь. Я подскочил к нему и, пока они барахтались, выкрикнул:

— Кусь-кусь-кусь-кусь-кусь!

А вампиров становилось все больше. Деловые костюмы не на шутку перепугались. Игра уже выплеснулась на Ван-Несс, потекла в сторону Маркет-стрит. Гудели автомобили, сердито тренькали звонками трамваи. Вдалеке взревели сиренами еще несколько полицейских машин, но они накрепко завязли в хаотичном потоке транспорта.

Вот это да! Красотища!

КУСЬ! КУСЬ! КУСЬ! КУСЬ! КУСЬ!

Боевой клич слышался со всех сторон. Вампиров стало очень много, играли они так самозабвенно, что победные крики сливались в громкий рев. Я рискнул выпрямиться, огляделся — во все стороны, сколько хватало глаз, колыхалась огромная толпа вампиров.

КУСЬ! КУСЬ! КУСЬ! КУСЬ! КУСЬ!

Тусовка получилась даже лучше, чем концерт в Долорес-парке. Там возмущенно выкрикивали лозунги и отрывались под рок-музыку, а здесь нам просто было весело! Вся площадь будто превратилась в школьную игровую площадку, на которой сотни ребят на большой перемене затеяли эпическую игру в салочки, гоняясь друг за другом под теплым солнышком. А спешащие

прохожие, автомобильные пробки и сердитые гудки только добавляли веселья.

Вот оно, самое правильное слово. Веселье. Мы хохотали взахлеб.

Но полицейские шутить не собирались. Над головой застрекотали вертолеты. Того и гляди начнется облава. Пора сматывать удочки.

Я схватил пробегавшего мимо вампира.

— Конец игры: когда полиция прикажет разойтись, сделай вид, что тебя отравили газом. Передай следующему. Что я сказал?

Вампиром оказалась девчонка, хилая и тщедушная. Я счел ее совсем малолеткой, однако, присмотревшись, понял, что ей лет семнадцать-восемнадцать.

— Ух ты, круто! — восхитилась она.

— Повтори, что я сказал!

— Конец игры: когда полиция прикажет разойтись, сделай вид, что тебя отравили газом. Передай следующему. Что я сказала?

— Верно, — подтвердил я. — Передай следующему.

Девчонка растворилась в толпе. Я заграбастал еще одного вампира и сказал ему то же самое. Он пошел распространять мою весть.

Я знал, что где-то в толпе Энджи занимается

тем же самым. Конечно, мы можем нарваться на тайных агентов ДВБ, на фальшивых икснеттеров, но, если они даже узнают о нашем плане, какая им с того польза? Полицейские все равно прикажут нам разойтись — а что им еще остается? Так оно и будет!

Надо скорее отыскать Энджи. Мы с ней договорились встретиться у статуи Основателей в центре площади, но добраться туда будет непросто. Толпа уже никуда не двигалась, она колыхалась на месте, будто морской прилив, как у входа на станции метро в день, когда взорвались бомбы. Я стал пробиваться, и в этот миг на вертолете, зависшем у нас над головами, включился громкоговоритель.

— ГОВОРИТ ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ! ПРИКАЗЫВАЕМ НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙТИСЬ!

Вокруг меня сотни вампиров один за другим падали наземь, вцеплялись руками в горло, протирали глаза, хватали воздух ртом. Не так уж трудно делать вид, будто тебя травят газом, мы много раз во всех подробностях изучали видеозаписи с разгона тусовки в Мишен-Долорес-парке и видели, как корчатся люди в облаках слезоточивого газа.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ!

Я тоже упал на землю, стараясь не потерять рюкзак. Нащупал красную бейсболку, заткнутую за пояс джинсов, напялил ее на голову и тоже стал раздирать себе горло и издавать страшные клокочущие хрипы.

В стоячем положении остались только «простолюдины», обыкновенные труженики, пытавшиеся добраться до своих рабочих мест. Изображая адские муки, я не забывал как можно внимательнее смотреть за ними.

— ГОВОРИТ ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ! ПРИКАЗЫВАЕМ НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙТИСЬ! НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ!

От этого гласа божьего у меня свело болью все внутренности. Заныли зубы, отозвались ломотой кости.

Служащие окончательно перепугались и бросились бежать врассыпную, не разбирая дороги. Где бы ты ни стоял — казалось, вертолеты зависли прямо у тебя над головой. Полицейские в шлемах пробивались сквозь толпу. У некоторых были щиты. У других — противогазы. Я захрипел еще усерднее.

Потом служащие бросились бежать. Я бы на их месте, наверно, тоже побежал. У меня на глазах

какой-то тип скинул куртку ценой долларов в пятьсот, замотал ею лицо и рванулся на юг, к Мишен-стрит, но споткнулся и растянулся во весь рост. Его ругань влилась в общих хор придушенных воплей.

На такой исход мы не рассчитывали. Своими корчами и хрипами мы предполагали всего лишь напугать прохожих, ну, ввергнуть их в замешательство, однако они приняли нашу комедию за чистую монету и ударились в панику.

Началось что-то невообразимое. Отовсюду слышались душераздирающие вопли, слишком хорошо знакомые мне с той ночи в парке. Так кричат люди, напуганные до беспамятства, удирающие сломя голову неведомо куда, лишь бы уйти подальше, они бегут, сталкиваясь и опрокидывая друг друга, падая, ломая руки и ноги.

И тут взвыли сирены воздушной тревоги.

Я не слышал их с той ночи, когда взорвали мост, однако этот звук мне не забыть никогда. Он обрушился на меня, пронзил до самого нутра, ноги стали как ватные. Меня обуял ужас, и в панике я чуть не бросился бежать. Вскочил на ноги, и в голове под красной кепкой билась только одна мысль: Энджи, Энджи ждет меня у статуи Основателей.

Все повскакивали на ноги, с воплями бросились врассыпную. Я проталкивался сквозь толпу к статуе Основателей, старался не потерять рюкзак и кепку. Где-то тут Маша, она меня ищет, а я должен найти Энджи. Она где-то там, у статуи.

Я, чертыхаясь, проталкивался сквозь толпу. Отпихнул кого-то локтем. Мне наступили на ногу так, что хрустнули кости, я оттолкнул этого типа, но перестарался, и он упал. Попытался подняться, но тут наступили уже на него. А я, не оглядываясь, пробирался вперед.

Потом я протянул руку, чтобы оттолкнуть с пути еще кого-то, и в этот миг сильные пальцы сомкнулись у меня на запястье и на локте и одним плавным движением заломили руку за спину, чуть не вывернув плечо. Я согнулся пополам, взревел во все горло, но крик потонул в неразборчивом гаме толпы, стрекоте вертолетов, вое сирен.

Те же сильные руки за спиной распрямили меня, словно марионетку. Хватка была такая умелая, что я даже не пытался вывернуться. Лишь покорно брел, куда вели меня эти железные тиски, шагал, стиснув зубы от боли, не слыша криков толпы, позабыв и о вертолетах, и об Энджи. Потом меня развернули, и я очутился лицом к лицу

со своим пленителем.

Им оказалась девчонка с худеньким крысиным лицом, наполовину скрытым за стеклами огромных солнечных очков. Над очками торчала взъерошенная копна розовых волос.

— Ты, что ли! — изумленно вскричал я. Наши пути уже пересекались. Она сфотографировала меня и пригрозила выложить фотку в систему отслеживания прогульщиков. Это было за пять минут до того, как взвыла сирена, предупреждая о взрывах. И сейчас передо мной стояла та самая девчонка, хитрая и безжалостная. Она и ее подруги первыми сбежали с того места в Тендерлойне, и обе наши компании попали в лапы полиции. Вот только я отказался подчиняться копам, и меня назначили врагом.

А она, Маша, перешла на сторону ДВБ.

— Привет, M1k3y, — интимно прошептала она мне на ухо, склонившись поближе. У меня по спине пробежала дрожь. Маша разжала хватку, и я тряхнул рукой, возвращая подвижность.

— О господи, — простонал я. — Откуда ты взялась?

— Оттуда, — неопределенно пояснила она. — Сматываем удочки. Через пару минут начнется газовая атака.

— Меня ждут. Энджи, моя девушка. У статуи Основателей.

Маша окинула взглядом колышущуюся толпу.

— Забудь. Ничего не выйдет. Пока будем пробиваться, нам крышка. Ты что, не расслышал? Через две минуты здесь все зальют газом.

Я уперся как вкопанный.

— Без Энджи не уйду.

— Да ради бога! — заорала она прямо мне в ухо. — Хочешь в гроб — ложись! Дело твое!

Она стала проталкиваться сквозь толпу, медленно продвигаясь на север, к центру города. А я продолжил пробираться к статуе Основателей. Через мгновение мне опять заломили руку чудовищным захватом, развернули и потащили вперед.

— Ты слишком много знаешь, — прошипела Маша. — Ты видел мое лицо. Пойдешь со мной.

Я заорал на нее, стал вырываться, но она, чуть не выкрутив мне руку из сустава, безжалостно толкала меня перед собой. При каждом шаге ушибленная нога отдавалась дикой болью, и от этих мук я уже не помнил себя.

Она толкала меня сквозь толпу, как таран, и продвижение стало гораздо быстрее. Стрекот вертолетов над головой внезапно изменил то-

нальность, и Маша толкнула меня еще сильнее.

— БЕЖИМ! — завопила она. — Газ!

Толпа тоже заголосила по-другому. Сдавленные хрипы, кашель, пронзительные вопли. Я уже слышал это многоголосье. В тот раз. В парке. С неба хлынули потоки газа. Я задержал дыхание и бросился бежать что есть сил.

Мы выбрались из столпотворения, и Маша ослабила хватку. Я выдернул руку. Захромал как можно проворнее по тротуару. Толпа вокруг нас постепенно редела. Впереди шеренгой выстроились копы из ДВБ со щитами для разгона беспорядков, в шлемах с лицевыми масками. Когда мы приблизились, они преградили нам дорогу, но стоило Маше показать им свой бейджик, и они покорно расступились, будто имперские штурмовики, которым Оби-Ван Кеноби сказал: «Это не те дроиды, которых вы ищете».

— Слушай, ты, стерва! — прорычал я, ковыляя за ней по Маркет-стрит. — Я без Энджи не пойду. Возвращаемся за ней.

Она поджала губы и покачала головой.

— Сочувствую, приятель. Я своего парня уже несколько месяцев не видела. Он, наверно, считает, что меня нет в живых. Гримасы войны. Если вернемся за твоей Энджи, нам конец. А будем

двигаться вперед — может, и выкарабкаемся. А пока у нас есть шанс выкарабкаться, значит, у нее тоже. Не всех этих ребят потащат в Гуантанамо. Несколько сотен заберут для допросов, остальных отпустят по домам.

Мы брели мимо злачных заведений, вокруг которых кучковались наркоманы и вонючие бомжи. Маша толкнула меня в подворотню возле закрытой двери какого-то стриптиз-бара. Скинула куртку, вывернула наизнанку, надела опять. Подкладка была в неяркую полоску, и куртка стала выглядеть совсем по-другому. Потом Маша достала из рюкзака шерстяную шапочку, натянула на голову, скрыв приметную шевелюру, и остроконечная верхушка игриво съехала набекрень. Влажными салфетками стерла макияж и лак с ногтей. Всего за минуту она преобразилась до неузнаваемости.

— Смена гардероба, — сказала она. — Теперь твоя очередь. Снимай ботинки, куртку, кепку.

Я прекрасно понимал, куда она клонит. Полицейские будут внимательно высматривать всех, кто похож на участника вампирских игрищ. Бейсболку я с наслаждением выбросил — терпеть их не могу. Куртку запихнул в рюкзак, достал джемпер с портретом Розы Люксембург и натянул

поверх черной футболки. Маша стерла мне грим с лица и лак, и через минуту меня тоже было не узнать.

— Выключи телефон, — посоветовала она. — У тебя есть что-нибудь с радиомаячками?

У меня был школьный пропуск, банковская карточка, проездной. Маша убрала все это в серебристый футляр, в котором я узнал непроницаемую для радиоволн сумку Фарадея. Как только она сунула его к себе в карман, до меня дошло, что я отдал ей все свои документы. И если она играет на чужой стороне…

До меня медленно доходила чудовищность сделанной ошибки. Жаль, что рядом со мной нет Энджи. Нас было бы уже двое против одной. Энджи помогла бы заметить, не упустил ли я чего-нибудь важного. И если Маша не та, за кого себя выдает, от Энджи это не укрылось бы.

— Подсыпь камушков в ботинки.

— Нет нужды. Я ногу потянул. Мою походку сейчас никакая программа не распознает.

Она кивнула мне, как профессионал профессионалу, и закинула рюкзак за спину. Я тоже подхватил свой, и мы двинулись в путь. Переодевание отняло меньше минуты. По улице шагали два совершенно других человека.

Маша бросила взгляд на часы и покачала головой.

— Быстрей. Нас ждут важные встречи. И не вздумай сбежать. У тебя теперь два пути — либо со мной, либо в тюрьму. Они будут еще много дней анализировать сегодняшние записи с видеокамер, а когда закончат, все лица до единого попадут в базу данных. И наше бегство не останется незамеченным. Считай, что мы оба теперь объявлены в розыск.

* * *

Еще через квартал Маша свернула в переулок, и мы очутились в Тендерлойне. Эти места были мне знакомы. В тот самый день я со своей командой, играя в «Харадзюку Фан Мэднесс», бродил вокруг этих домов в поисках открытой точки доступа в сеть Wi-Fi.

— Куда мы идем? — спросил я.

— Нас подвезут, — ответила Маша. — Заткнись, дай подумать.

Мы шагали очень быстро, и я весь взмок. Пот струился по лицу, стекал по спине, проникал между ягодицами и сползал на бедра. Нога разболелась по-черному, и я думал, что долго не протяну и, возможно, вижу пролетающие мимо

улицы родного Сан-Франциско в последний раз.

Как назло, мы все время поднимались в гору. Захудалый Тендерлойн постепенно сменился роскошными особняками Ноб-Хилла. Я запыхался, в груди хрипело и булькало. А Маша тащила меня все выше по узким улочкам, выходя на большие проспекты лишь для того, чтобы сразу нырнуть в следующий переулок.

Едва мы вступили в один из таких переулков — он назывался Сэбин-Плейс, — как сзади нас кто-то окликнул:

— А ну стоять! Не двигаться!

В голосе слышалось откровенное злорадство. Мы замерли и развернулись.

В начале переулка стоял Чарльз в состряпанном на скорую руку наряде вампмобера: черная футболка и джинсы, белая краска на лице.

— Привет, Маркус, — гадко ухмыльнулся он во весь рот. — Куда торопишься? А это что у тебя за подружка?

— Чарльз, чего тебе?

— А вот чего. Я видел, как ты в школе DVD-диски раздаешь, и с тех пор слежу за тобой в этом твоем икснете. Когда услышал, что ты затеял «Вампмоб», решил прийти, побродить вокруг, посмотреть, чего ты напридумывал. И знаешь,

как много интересного я видел?

Я ничего не ответил. Он держал в руках поднятый телефон. Направил на нас — видать, записывает. Может, готов позвонить в полицию. Рядом со мной Маша застыла как вкопанная.

— Я видел, как ты, Маркус, руководишь беспорядками. И записал это. А сейчас позвоню в полицию, и мы с вами будем стоять здесь и ждать их. А потом тебя упекут за решетку и не выпустят больше никогда.

Вперед шагнула Маша.

— А ну стой, цыпа, — осклабился Чарльз. — Я видел, как ты его уводишь. Все видел, с начала до…

Она сделала еще шаг, выхватила у него из рук телефон, потом сунула руку куда-то за спину и извлекла раскрытый бумажник. Махнула какими-то корочками у него перед носом.

— Бестолочь, я из ДВБ, — заявила она. — Я пасла этого лоха, чтобы выйти на его хозяев. Я была при исполнении. А ты загубил все дело. Знаешь, как это называется? Создание препятствий действиям по обеспечению национальной безопасности. Уголовно наказуемое преступление. Тебе еще много раз предстоит услышать эту формулировку.

Чарльз попятился, выставил руки, словно защищаясь. Побледнел так, что даже сквозь белый грим стало видно.

— Что? Не может быть! То есть… Я же не знал! Я только хотел помочь!

— В суде расскажешь! А мы обойдемся без помощи жалких доморощенных сыщиков!

Чарльз снова попятился, но Маша оказалась проворнее. Она схватила его за руку и выкрутила тем же приемом дзюдо, каким свалила меня возле Сивик-сентра. Другой рукой достала из кармана пластиковую полоску, какие в ДВБ используются вместо наручников, и в мгновение ока обмотала ему запястья.

Что было дальше, я не видел, потому что бросился бежать со всех ног.

* * *

С больной ногой и тяжелым ранцем за плечами бегун из меня был неважный. Маша догнала меня уже в конце переулка и подсекла под ноги. Я с разбегу полетел лицом вниз, растянулся во весь рост и ободрал щеку об асфальт.

— Идиот чертов! — накинулась на меня она. — Неужели и вправду поверил в эту чушь?

Сердце бешено колотилось и трепетало в груди.

Маша еще немного посидела у меня на спине и неохотно позволила встать.

— Мне что, Маркус, руки тебе связать?

Я кое-как поднялся на ноги. На мне живого места не осталось. Уж лучше умереть, чем так мучиться.

— Пошли, — сказала она. — Это уже недалеко.

* * *

«Это» оказалось огромной фурой наподобие тех, какими пользовался ДВБ, — их безликие фургоны, ощетинившиеся антеннами, до сих пор разъезжали по улицам города.

Но эта фура никуда не ехала, а стояла в одном из переулков Ноб-Хилл, и на боку у нее красовалась надпись «Трое парней — доставка до дверей». Трое парней действительно были в наличии, сновали между фургоном и высоким жилым зданием с зелеными маркизами над входом. Выносили из подъезда аккуратно упакованную мебель в пронумерованных ящиках и в строгом порядке укладывали в фургон.

Маша провела меня вокруг всего квартала — видимо, ей что-то не понравилось. На втором круге она встретилась глазами с мужиком, охранявшим фургон. Это был чернокожий ста-

рик с добрым лицом, в огромных перчатках и с широченным, как у штангиста, разгрузочным поясом. Увидев нас, он приветливо улыбнулся. Мы с Машей быстро и уверенно взбежали по трем ступенькам и юркнули в недра фургона.

— Залезайте под большой стол, — сказал старик. — Мы оставили вам немножко места.

Грузовик уже был заполнен почти наполовину, однако возле огромного стола, накрытого толстым одеялом, остался узкий проход. Ножки стола были обмотаны пузырчатой упаковочной пленкой.

Маша потащила меня под стол, и мы скорчились, забившись между ящиков. Застоявшийся воздух пропитался пылью, и я еле сдержался, чтобы не чихнуть. В страшной тесноте мы сидели, плотно прижавшись друг к другу. Место для Энджи явно не было предусмотрено.

— Стерва ты, — сказал я Маше.

— Болван. Ты мне ботинки лизать должен из благодарности. Если бы не я, тебя бы захомутали через неделю, самое большее через две. И отвезли бы не в Гуантанамо-в-Заливе, а к черту на кулички. Может, в Сирию. Кажется, туда они упрятывают тех, от кого желают избавиться навсегда.

Я уронил голову на колени и попытался поглубже вздохнуть.

— С чего тебе вообще вздумалось учудить такую глупость — объявить войну ДВБ?

Я рассказал ей все. О том, как надо мной издевались. О Дэрриле.

Маша пошарила по карманам и достала мобильник. Это оказался телефон Чарльза.

— Тьфу, не тот. — Она извлекла еще один, включила, и наша пещерка озарилась призрачным сиянием. Покопавшись немного, она повернула экран ко мне.

На телефоне виднелся снимок, который она сделала за миг до взрывов. На нем были все мы — Джолу, Ван, я и…

Дэррил.

Я держал в руках документальное подтверждение того, что Дэррил не погиб при взрывах, а был жив, здоров и гулял вместе с нами за миг до того, как мы все попали в лапы ДВБ.

— Скинь мне фотку, — потребовал я. — Она мне нужна. Очень.

— Скину, когда доберемся до Лос-Анджелеса. — Маша выхватила у меня телефон. — Только сначала подробно проинструктирую, как жить в бегах и скрываться от полиции. Не хватало,

чтобы нас обоих поймали и отправили в Сирию. И оставь свои благородные идеи о том, как спасти этого парня. Там, где он сейчас, с ним ничего плохого не случится… пока что.

Я хотел было отобрать телефон силой, но Маша уже успела продемонстрировать свою физическую подготовку. Наверно, у нее черный пояс по каким-нибудь боевым искусствам.

Мы съежились в душной темноте, прислушиваясь, как трое парней, пыхтя и ворча, загружают в фургон коробку за коробкой, расставляют и привязывают. Я попытался уснуть, но не смог. А вот Маша сразу захрапела. Железные нервы!

Сквозь узкий, загроможденный ящиками коридор, ведущий наружу, к свежему воздуху, пробивался тусклый свет. Я вгляделся сквозь мрак в эти яркие лучики, и в голове закружились мысли об Энджи.

Моя Энджи. Покачивает головой, хохоча над какой-то моей проделкой, и волосы щекочут мне плечо. Перед глазами встало ее лицо, каким я видел его в последний раз, в Сивик-сентре, когда я упал, притворившись, будто отравлен газом. Потом мысли перескочили на вампмоберов, они корчились на асфальте точно так же, как совсем недавно бились в агонии зрители в пар-

ке, и на них с дубинками надвигались громилы из ДВБ. Многие тогда якобы пропали без вести.

В том числе и Дэррил. Он со свежей раной в боку томился за решеткой на Острове Сокровищ, и его снова и снова таскали на бесконечные допросы, выпытывая, знает ли он что-нибудь о террористах.

Вспомнился отец Дэррила, раздавленный горем, опустившийся, небритый. Он наспех умылся и надел мундир — «для газеты». Узнав о судьбе сына, плакал как ребенок.

Мой родной папа — после исчезновения сына он тоже изменился до неузнаваемости. Сломался, как и отец Дэррила, но по-другому. И какое у него стало лицо, когда я рассказал, что со мной случилось.

И тогда я понял: бежать нельзя.

Я должен остаться и продолжать борьбу.

* * *

Маша дышала глубоко и размеренно, однако, стоило мне с предельной осторожностью, медленно-медленно скользнуть рукой к ней в карман за мобильником, она всхрапнула и шевельнулась. Я замер, затаил дыхание на пару минут, отсчитывая время: раз гиппопотам, два гиппопотам…

Постепенно ее дыхание снова стало глубже. Я плавно, миллиметр за миллиметром, вытягивал телефон у нее из кармана. Такая медлительность давалась нелегко, пальцы и вся рука дрожали от напряжения.

И наконец вот она, добыча. Маленький предмет в форме шоколадного батончика.

Я повернулся к свету, и вдруг перед глазами вспыхнуло воспоминание: Чарльз держит в руке свой мобильник, помахивает им, дразня нас. Серебристый телефон, узкий и длинный, вроде батончика, сверху донизу облеплен десятками этикеток с логотипами спонсоров, за счет которых телефонные компании предоставляют такие трубки бесплатно. При каждом звонке по такому гаджету приходится сначала выслушивать рекламу.

В фургоне было слишком темно. Я нащупал на боках телефона какие-то наклейки. Те самые, спонсорские? Ага. Меня угораздило выкрасть у Маши телефон Чарльза.

Я повернулся обратно и медленно, очень медленно, очень осторожно снова запустил руку Маше в карман. Ее телефон был крупнее и массивнее, с более сильной камерой и кто знает какими еще наворотами.

Вторая попытка показалась немного легче. Я опять миллиметр за миллиметром вытаскивал телефон у нее из кармана, дважды замирая, когда она всхрапывала и шевелилась.

Наконец мобильник очутился у меня. Крепко сжимая его, я попятился к двери, как вдруг ее рука взметнулась по-змеиному и ухватила меня чуть ниже кисти, да так, что под крепкими пальцами хрустнули мелкие косточки.

Я вскрикнул и наткнулся взглядом на ее широко раскрытые горящие глаза.

— Ну и балда же ты, — безмятежно произнесла Маша, забрала у меня телефон и другой рукой нажала несколько кнопок. — И как ты собирался его разблокировать?

Я сглотнул и прикусил губу, чтобы не закричать от боли в стиснутой руке.

Она нажала еще несколько кнопок.

— Ты вот с этим хотел смыться? — Она показала снимок, где были мы все — Дэррил, Джолу, Ванесса и я. — С этой фоткой?

Я ничего не сказал. Рука, казалось, вот-вот переломится.

— Сотру-ка я ее, чтобы ты не соблазнялся. — Ее свободная рука опять зашевелилась. Телефон запросил подтверждения, действительно ли Маша

хочет удалить фотографию, и ей пришлось отвести глаза от меня и взглянуть на экран, чтобы найти нужную кнопку.

В этот миг я понял: пора действовать. У меня в свободной руке был все еще зажат мобильник Чарльза. Я размахнулся, больно ударившись костяшками о столешницу над головой, и со всей силы шарахнул Машу по руке, сомкнутой на моем запястье. Удар получился такой, что мобильник Чарльза разлетелся вдребезги. Маша вскрикнула, ее пальцы обмякли. Не мешкая, я вырвал у нее разблокированный телефон — прямо из-под большого пальца, уже готового нажать на кнопку ОК и подтвердить команду удаления. Ладонь Маши судорожно сжалась, но ухватила только пустоту.

На четвереньках я пополз по узкому проходу к двери, навстречу пробивавшемуся свету. Маша хватала меня за лодыжки, я кое-как отбрыкивался. Пару раз пришлось отпихнуть с дороги штабеля мебели, нависавшие с боков, словно стены в гробнице фараона. Несколько ящиков рухнули позади меня, Маша опять болезненно вскрикнула.

Подъемная дверь грузовика была чуть приоткрыта, и я нырнул в узкую щель. Лесенку уже убрали, и я головой вперед выскользнул наружу,

шмякнувшись макушкой об асфальт так, что в ушах зазвенело. Ухватившись за бампер, поднялся на ноги и, собрав все силы, дернул вниз дверную ручку. Дверь захлопнулась. Изнутри донесся Машин вопль — похоже, я прищемил ей пальцы. Меня чуть не стошнило, но я сдержался.

И торопливо защелкнул висящий на двери замок.

Глава 20

Никого из «трех парней» поблизости не оказалось, и я бросился наутек. Ушибленная макушка болела так, словно я раскроил голову в кровь, но пощупал — рука осталась сухая. От долгой неподвижности растянутая лодыжка онемела, и я бежал хромая, словно поломанная марионетка. Остановился лишь на миг, чтобы отменить введенную Машей команду на удаление снимка и отключить функцию телефонной связи — во-первых, это поможет сберечь энергию в аккумуляторе, а во-вторых, безопасники не смогут меня отследить по этому телефону. Установил таймер перехода в спящий режим на два часа — максимальное возможное значение. Попытался отменить требование ввода пароля при выходе из спящего режима, но для этого действия как раз и требовался пароль. Придется не реже чем каждые два часа нажимать на кнопки, пока не придумаю, каким образом извлечь из телефона драгоценный снимок. И надо будет где-то раздобыть зарядное устройство.

У меня не было никакого плана действий. А

он очень нужен. Хорошо бы сесть куда-нибудь, выйти в сеть, спокойно все обдумать и решить, что делать дальше. Мне уже осточертело, что за меня без конца все решают другие. То Маша, то ДВБ, то родной папа. И Энджи. Хотел бы я поступать так, как придумает Энджи? Пожалуй, да. С удовольствием.

Я брел куда глаза глядят по улицам, ведущим вниз, то и дело сворачивая в переулки, смешиваясь с бурлящей толпой Тендерлойна. Сам не знал, куда направляюсь. Каждые несколько минут нащупывал в кармане Машин телефон и нажимал одну из кнопок, чтобы он не отключился. Открытая «раскладушка» в кармане куртки нелепо выпирала.

Остановился перевести дух, прислонился к стене. Нога болела невыносимо. Куда меня вообще занесло?

Улица О'Фаррелл, недалеко от перекрестка с Хайд-стрит. Напротив сомнительного «Азиатского массажного салона». Ноги сами принесли меня туда, где начались наши приключения, на то самое место, где Маша сделала свой снимок. За миг до того, как прогремели взрывы на мосту, навеки изменившие мою судьбу.

Мне хотелось сесть на край тротуара и разры-

даться в голос, но слезами горю не поможешь. Первым делом надо позвонить Барбаре Стрэтфорд и рассказать ей о случившемся. Показать снимок с Дэррилом.

И где была моя голова? Надо как можно скорее показать ей видео, которое мне прислала Маша, — то, где глава президентской администрации насмехается над взрывами в Сан-Франциско и говорит, что ему известно, где и когда произойдут следующие атаки, но предотвращать их он не будет, потому что они помогут его шефу переизбраться на второй срок.

Вот у меня и созрел план действий. Отыскать Барбару, передать ей документы, и пусть она опубликует их как можно скорее. Наша вампмоберская затея не на шутку перепугала простых обывателей, и они того гляди поверят, что мы и в самом деле банда террористов. Разумеется, придумывая эту игру, я хотел только дать народу развлечься и не думал, как все это будет выглядеть в глазах простого работяги откуда-нибудь из Небраски.

Надо позвонить Барбаре, однако сделать это по-умному, из телефона-автомата, скрыв лицо под капюшоном, чтобы не попасть в поле зрения вездесущих видеокамер. Я извлек из кармана

двадцатипятицентовую монетку и тщательно протер ее краем рубашки, уничтожая отпечатки пальцев.

Я пошел дальше, снова направляясь вниз, к станции метро, там можно найти телефонные будки. На трамвайной остановке мне попалась на глаза обложка свежего номера «Бэй Гардиан» — целая стопка этих газет лежала перед чернокожим парнем. Он улыбнулся мне.

— Подходи, почитай обложку — это бесплатно. А внутрь заглянуть — гони пятьдесят центов.

Такого огромного шрифта в газетных заголовках я ни разу не видел после одиннадцатого сентября.

«УЗНИКИ ГУАНТАНАМО-В-ЗАЛИВЕ»

И ниже, чуть помельче:

«Как ДВБ прячет наших детей и друзей в секретной тюрьме прямо возле нашего порога».

И подпись:

«Барбара Стрэтфорд — специально для “Бэй Гардиан”».

Продавец газет покачал головой.

— Ну и ну, подумать только! Прямо тут, в Сан-Франциско. Ну и сволочное же у нас правительство.

Вообще-то «Гардиан» распространялась бес-

платно, но этот бомж, видимо, решил втиснуться в свободную нишу на местном рынке. У меня в руке был зажат четвертак. Я бросил монету ему в чашку и извлек из кармана еще одну. На сей раз даже не потрудился стереть отпечатки пальцев.

«Когда Бэй-Бридж взлетел на воздух от рук неизвестных злоумышленников, нам говорили: отныне мир никогда уже не будет прежним. В тот день погибли тысячи наших друзей и соседей. Спастись не удалось почти никому; их останки предположительно покоятся на дне бухты. Однако подросток, арестованный сотрудниками ДВБ через несколько минут после взрыва, рассказал нам необычайную историю. Вероятно, многие из тех, кого мы считали погибшими, живы. Наше собственное правительство вопреки всем законам содержит их под стражей в тайной тюрьме на Острове Сокровищ, который сразу после взрывов был эвакуирован и объявлен закрытой зоной…»

Я присел на скамейку — по случайному совпадению ту же самую, на которую мы, выбравшись из метро, уложили раненого Дэррила, и от этого открытия у меня волосы встали дыбом. Прочитал статью от начала до конца и чуть не разревелся. Барбара отыскала наши фотки, на которых мы

с Дэррилом вместе дурачимся, и поставила их возле текста. Снимки были сделаны год назад, но на них мне можно было дать лет десять или одиннадцать. За последнюю пару месяцев я сильно повзрослел.

Барбара справилась с задачей блестяще. Пока я читал, во мне кипело возмущение по поводу несправедливостей, творимых с этими бедолагами, потом я вспомнил, что речь-то идет обо мне. Почти полстраницы занимала увеличенная фотография записки Зеба с его мелким убористым почерком. Барбара отыскала много информации о других ребятах, пропавших без вести и считавшихся погибшими, и задавала вопрос: сколько их томится в секретной тюрьме на острове, в считаных милях от родительского дома?

Я отыскал в кармане еще один четвертак, потом передумал. Скорее всего, телефон Барбары тоже прослушивается. Позвонить ей напрямую не удастся. Надо найти посредника, который свяжется с ней и попросит встретиться со мной где-нибудь к югу от города. Вот и планируй тут!

Мне срочно надо выйти в икснет.

Но как это сделать? Вайфайндер моего телефона мигал индикатором как сумасшедший — вокруг было множество точек доступа к интернету, а

у меня ни иксбокса, ни телевизора, ни DVD-диска с дистрибутивом «Параноид-линукса» для загрузки операционной системы…

Ага, вот кто мне нужен! Среди толпы у верхних ступенек лестницы, спускающейся в метро, разгуливали двое ребят примерно моего возраста.

Я сразу же обратил внимание на их странную манеру двигаться. Они бесцельно слонялись среди толпы, наталкиваясь на прохожих и туристов. Оба держали руку в кармане, то и дело переглядывались и заговорщически хихикали. С одного взгляда было ясно: они заняты взломом маячков. Однако никто не обращал на них внимания. Все знали, что в этом районе лучше ни с кем не встречаться глазами, иначе к тебе привяжется какой-нибудь псих или попрошайка.

Я незаметно приблизился к одному из них. На вид он казался совсем ребенком, хотя вряд ли был намного моложе меня.

— Привет, — сказал я. — Ребята, можно вас на секундочку?

Он сделал вид, что не услышал. Смотрел в упор сквозь меня, как обычно смотрят на бомжей.

— Ну же, — поторопил я его. — У меня мало времени. — Я схватил его за плечо и шепнул на ухо: — Меня копы пасут. Я из икснета.

Теперь он не на шутку перепугался и был готов дать деру. К нам направился его друг.

— Серьезно, — настаивал я. — Выслушай.

Друг приблизился. Он был выше и массивнее — точь-в-точь как Дэррил.

— Эй, что у вас тут творится? — вступил он в разговор.

Мелкий приятель что-то шепнул ему на ухо. Теперь, похоже, удирать собрались оба.

Я сунул им газету.

— Вот, посмотрите! Раскройте на пятой странице.

Они послушались. Прочитали заголовок. Увидели меня на фотографии.

— Ух ты! — восхитился мелкий. — Круто! Прости, что сразу не признали!

Он ухмыльнулся во весь рот, а его массивный приятель хлопнул меня по спине.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Ты, значит, и есть тот самый М…

Я зажал ему рот ладонью.

— Отойдем в сторонку.

Я отвел их на ту самую скамейку. Только сейчас заметил, что под ней на тротуаре темнеет застарелое коричневое пятно. Неужели это кровь Дэррила? По спине пробежал озноб.

Мы сели.

— Меня зовут Маркус, — через силу выдавил я. Теперь те, кому я был известен только как M1k3y, узнали и мое настоящее имя. Мое прикрытие провалено. Впрочем, статья в «Бэй Гардиан» уже протянула ко мне ниточку.

— Нейт, — представился мелкий.

— Лиам, — назвал себя второй, тот, что покрупнее. — Уф, до чего же круто, что мы встретились. Ты наш герой, и для нас огромная честь…

— Не болтай, — перебил я. — Вы что творите? У вас же на лицах написано: «Мы тут глушим маячки, скорее хватайте нас и сажайте в Гуантанамо».

Лиам жалобно скривился, словно вот-вот расплачется.

— Не волнуйтесь, вас пока не застукали. Потом я вас научу кое-каким приемчикам.

Лицо Лиама опять просветлело. Оба сияли идиотскими улыбками. Я с тоской понял: эти двое действительно держат M1k3y за своего кумира и сделают все, что я им прикажу. От этой мысли стало не по себе.

— Послушайте, мне нужно как можно скорее выйти в икснет, но домой возвращаться нельзя. Вы где живете? Далеко отсюда?

— Я недалеко, — вызвался помочь Нейт. — На холме, на Калифорния-стрит. Правда, идти напряжно — все время вверх.

Черт, я же только что оттуда спустился. И Маша где-то там, и фургон. Но выбирать не приходится.

— Пошли, — махнул рукой я.

* * *

Нейт поменялся со мной куртками и дал свою бейсболку. Насчет камер, распознающих походку, можно было не беспокоиться — с распухшей лодыжкой я хромал как актер массовки в ковбойском фильме.

Нейт жил в огромной четырехкомнатной квартире на самом верху Ноб-Хилл. У входа сидел привратник в красной ливрее с золотым шитьем, он почтительно приподнял фуражку, назвал Нейта «мистер Нейт» и с поклоном пригласил нас войти. Квартира сияла безукоризненной чистотой и благоухала свежим мебельным лаком. Такая хата, поди, стоит пару лимонов баксов. Нейт, должно быть, заметил, как я озираюсь, разинув рот, среди этой роскоши.

— Отцу спасибо, — пояснил Нейт. — Он работал финансистом, управлял инвестициями. Умер,

когда мне было четырнадцать. К тому времени был с моей матерью в разводе, но завещал ей всю свою страховку. А там накопилось очень много.

Из огромного, во всю стену, окна открывался потрясающий вид на противоположный склон горы Ноб-Хилл вплоть до Рыбацкой пристани. Вдалеке виднелся уродливый обрубок моста Бэй-Бридж, вокруг него суетились портовые краны и грузовики. Сквозь туман проглядывали очертания Острова Сокровищ. От созерцания этого пейзажа у меня вдруг зародился дурацкий порыв сигануть с высоты.

Нейт подключил иксбокс к огромному плазменному экрану в гостиной, и я вышел в сеть. Индикатор показал в окрестностях множество открытых сетей Wi-Fi — десятка два или три, не меньше. Настоящий рай для икснеттера!

Почтовый ящик M1k3y был переполнен. С того момента, как мы с Энджи утром покинули ее квартиру, прилетело около двадцати тысяч новых сообщений. Из газет поступило множество запросов с просьбой об интервью по следам утренней публикации, однако большей частью писали икснеттеры. Они уже видели статью в «Гардиан» и спешили заверить, что целиком поддерживают меня и готовы оказать любую

помощь, какая потребуется.

Вот оно как. У меня по щекам покатились слезы.

Нейт и Лиам недоуменно переглянулись. Я попытался взять себя в руки, но ничего не смог с собой поделать и начал открыто всхлипывать. Нейт подошел к дубовому книжному шкафу и распахнул дверцы бара, скрытого в одной из полок. Переливчато засверкали шеренги бутылок. Он плеснул мне какого-то коричневатого напитка и пояснил:

— Редкий ирландский виски. Мамин любимый.

На вкус виски обжигал, как огонь или жидкое золото. Я осторожно пригубил, стараясь не закашляться. Вообще-то я не любитель крепких напитков, но этот оказался великолепным. Я перевел дух и несколько раз глубоко вздохнул.

— Спасибо, Нейт, — поблагодарил я. Он просиял, будто я наградил его медалью. Славный малыш.

Я придвинул к себе клавиатуру и стал перелистывать почту. На огромном экране проплывали десятки сообщений. Мальчишки следили, затаив дыхание от восторга.

В первую очередь я стал искать то, что для меня

было самым важным. Письмо от Энджи. Может быть, ей все-таки удалось вырваться. Надежда умирает последней.

Но надежды мои были напрасными. От Энджи ничего не было. Я стал торопливо сортировать почту: запросы от прессы, послания фанатов, вопли недоброжелателей, спам…

Тут-то я и наткнулся на письмо от Зеба.

> Разворачиваю сегодня утреннюю газету и вижу свою записку, которую ты должен был уничтожить. Не ожидал от тебя такой подлянки. Подставил ты меня.

> Но не переживай, я понимаю, почему ты так поступил. Не могу сказать, что одобряю твою тактику, но мотивы твоих поступков достойны уважения.

> Если ты читаешь это, значит, скорее всего, где-то прячешься. Жить в подполье – дело непростое. Я этому долго учился. И до сих пор учусь.

> Я могу тебе помочь. И помогу. Потому что ты и сам делаешь для меня все, что в твоих силах. Хоть и не всегда спрашиваешь моего позволения.

> Если получил это письмо, ответь в любом случае. Если ты в бегах и тебе одиноко, ответь. Или если тебя захомутали и обрабатывают наши друзья в Гуантанамо, все равно ответь, и тебе станет легче. Попавшись к ним в лапы, ты сделаешь все, о чем они просят. Я это понимаю. И готов идти на риск.

> Ради тебя, M1k3y.

— Ух ты! — потрясенно выдохнул Лиам. — Вот это да!

Мне захотелось прибить идиота. Я обернулся, чтобы отшить его парой крепких слов, но наткнулся на восторженный взгляд огромных, как блюдца, глаз. В них читалось, что он готов упасть на колени и поклоняться мне, как божеству.

— Можно я скажу? — вступил Нейт. — Я хочу сказать, что помогать тебе — это величайшая честь всей моей жизни! Вот что я хотел сказать.

От стыда я покраснел до ушей. Я ничем не заслужил такого почитания. Эти ребята привыкли считать меня звездой. Ну какая из меня звезда, в самом деле!

— Ребята, можно вас попросить… — замялся я. — В общем, мне надо немножко побыть од-

ному.

Они выскользнули из комнаты, поджимая хвост, словно нашкодившие щенки, и мне стало еще стыднее. Я принялся торопливо печатать.

> Зеб, я смылся от них. И сейчас в бегах. Мне очень нужна помощь. Любая. На этом пока все.

Я вспомнил, что надо поддерживать телефон Маши в рабочем состоянии, достал его из кармана и нажал одну из кнопок.

Ребята разрешили мне помыться в душе, выдали сменную одежду, упаковали в новенький рюкзак половину своего аварийного запаса, всегда хранящегося в калифорнийских домах на случай землетрясений: питательные батончики, лекарства, гелевые грелки и охладители. Сунули туда же старый спальный мешок. Я был тронут, когда мне вручили запасной иксбокс-универсал с уже загруженной операционной системой «Параноид-линукс». Щедрые подношения продолжались бы и дальше, но, когда дело дошло до сигнального пистолета, я сказал «хватит».

В надежде дождаться ответа Зеба я то и дело проверял почтовый ящик. Отвечал на послания фанатов и запросы журналистов, а хейтерские

письма просто удалял. Думал, получу что-нибудь от Маши, но она, скорее всего, уже на полпути в Лос-Анджелес, да и с перебитыми пальцами вряд ли может печатать. Я снова потормошил ее теле- фон.

Ребята уговорили меня немного поспать, и на короткий постыдный миг в моем воспаленном мозгу вспыхнуло подозрение, что они хотят меня сдать, пока я сплю. Мысль сама по себе идиотская — они с легкостью могли бы сдать меня и в бодрствующем состоянии. Просто у меня в голове не укладывалось, что совершенно незнакомые люди могут окружить мою скромную персону такой бескорыстной заботой. Я, конечно, осознавал, какое огромное влияние имеет M1k3y на своих соратников, сам видел этих людей не далее как утром, когда они носились по Сивик-сентру и кричали: «Кусь-кусь-кусь!» Но эта парочка — совсем другое дело. Они не вампиры, а просто хорошие добрые ребята, которые вышли на улицу, чтобы поприкалываться, и в славную доикснетовскую эпоху вполне могли бы стать моими друзьями. А сейчас они добровольно вступили в мою армию, и ответственность за них лежит на мне. Если пустить дело на самотек, рано или поздно они непременно попадутся. Слишком уж доверчи-

вые.

— Ребята, у меня к вам очень серьезный разговор. Выслушайте внимательно.

Нейт и Лиам чуть не вытянулись по стойке «смирно». Возможно, это выглядело забавно, но мне было не до смеха. Я боялся за них.

— Дело вот в чем. Вы мне помогли, и теперь за это вам грозит реальная опасность. Если поймают вас, то схватят и меня. Они из вас вытянут все, что вы знаете. — Я поднял руку, отметая протесты. — Не спорьте. Вы там не были, а я был. Они своими методами сломают любого. Если попадетесь к ним в лапы, не молчите. Говорите сразу же, быстро и много. Иначе они силой развяжут вам языки. Они это умеют. У них есть отработанные приемы. Но, надеюсь, вас не поймают, и вот почему. Вы больше не пойдете на улицы глушить маячки. Я отстраняю вас от активной полевой работы. Вы станете… — Я покопался в памяти в поисках нужного слова из шпионских фильмов. — Спящей ячейкой. Не высовывайтесь. Ведите себя как обыкновенные ребята. Так или иначе я все равно найду способ сломать эту машину. Или они сломают меня. Если за семьдесят два часа не получите от меня вестей, считайте, что я попался. И тогда можете делать что хотите.

Но в ближайшие три дня носа не высовывайте. Впрочем, если то, что я задумал, удастся, это больше никогда и не понадобится. Обещаете?

Они торжественно поклялись. Я согласился прилечь поспать, но взял с них слово будить меня каждый час. Во-первых, надо было поддерживать в рабочем состоянии Машин телефон, во-вторых, не терпелось скорее получить ответ от Зеба.

* * *

Зеб назначил встречу в вагоне метро. Мне это не понравилось — ведь там полным-полно камер. Но Зеб знал свое дело. Он велел мне сесть в последний вагон совершенно конкретного поезда, отходящего от станции «Пауэлл-стрит» в час пик, когда этот вагон набит битком. Бочком протиснулся ко мне сквозь толпу, и добропорядочные пассажиры послушно расступались, образовав пустоту, которая всегда возникает около бездомного.

— Рад новой встрече, — буркнул он, повернувшись лицом к двери. Я заглянул в темное стекло и не увидел никого, кто терся бы достаточно близко, чтобы нас подслушать, — для этого понадобился бы сверхчувствительный микрофон. А если кто-то из ДВБ пронюхал о нашей встрече и

явился сюда с таким оборудованием, нам конец.

— И я рад, братан. Ты уж извини, что я тебя подставил.

— Да ладно, чего там. Проехали. Я маленько сдрейфил. Ну, что решил? Уйти в бега? Исчезнуть так, что и концов не найдешь?

— Вот об этом я и хотел поговорить.

— И чего?

— У меня другие планы.

— Ого.

— Послушай, ладно? У меня есть фото и видео. Они реально могут послужить доказательствами. — Я сунул руку в карман и потревожил Машин мобильник. По дороге сюда я купил на Юнион-Сквер зарядник для него, зашел в кафе, подключил телефон к розетке и дождался, пока индикатор заряда покажет четыре штриха из пяти. — Мне нужно передать их Барбаре Стрэтфорд, той журналистке из «Гардиан». Но за ней наверняка тоже установлена слежка — ждут, пока я выйду с ней на связь.

— А меня, думаешь, там не поджидают? Если тебе надо, чтобы я подошел к ее дому или офису ближе чем на милю, то не надейся.

— Я хочу, чтобы ты отыскал Ванессу и уговорил ее встретиться со мной. Дэррил наверняка рас-

сказывал тебе о Ванессе. Та самая девчонка…

— Рассказывал. Как не рассказывать. Думаешь, за ней не следят? Как и за всеми, кто побывал у них в лапах?

— Наверное, следят. Только не так тщательно. К тому же Ванесса абсолютно чиста. Она не участвовала ни в одном из моих… — Я замялся, подбирая слово. — Проектов. Так что ее, скорее всего, держат на длинном поводке. И если она позвонит в «Бэй Гардиан» и захочет объяснить, почему я такой мерзавец, то безопасники наверняка разрешат ей сделать это.

Он долго всматривался в темноту за дверным окошком.

— Ты же понимаешь, что с нами будет, если попадемся опять. — Он не спрашивал, а утверждал.

Я кивнул.

— Ты готов на это? Знаешь, при мне кого-то из заключенных увозили с Острова Сокровищ на вертолете. И не в сторону берега. На свете есть страны, где Америка держит особые пыточные тюрьмы. Попадешь туда — исчезнешь с концами. Будешь мечтать только об одном — чтобы тебе дали лопату, разрешили выкопать могилу и пристрелили в затылок, лишь бы все это кончилось.

Я стиснул зубы и еще раз кивнул.

— Тебя и это не останавливает? Мы с тобой могли бы залечь на дно прямо здесь, в Сан-Франциско, и просидеть там очень-очень долго. Пока в Америке не наступят лучшие времена. Пока не вернется привычная жизнь!

Я покачал головой.

— Если ничего не делать, ничего и не изменится. Они отобрали у нас нашу страну. Террористы, атаковавшие нас, разгуливают на свободе, а мы дрожим и прячемся. Можно скрываться на дне целый год, десять лет, всю жизнь и ждать, пока свободу принесут тебе на блюдечке. Не принесут. Свободу нужно отвоевывать своими руками.

* * *

В тот день Ванесса, как обычно, ехала из школы на автобусе. Расположилась на заднем сиденье в тесной компании подружек, и все они шутили и хохотали. Другие пассажиры автобуса то и дело оглядывались на Ван, потому что она шумела громче всех, и к тому же ее лицо почти полностью скрывала огромная нелепая шляпа с мягкими полями, словно забытая на голове после школьного спектакля о дамах и рыцарях эпохи Возрождения. В какой-то миг подружки сбились в кучку, потом прилипли к заднему окну автобуса и, смеясь,

стали что-то высматривать. Шляпа незаметно перекочевала на голову другой девчонки — та была примерно одного роста с Ванессой и со спины могла легко сойти за нее.

Никто не обратил внимания на худенькую девчонку азиатской внешности, вышедшую из автобуса за несколько остановок до станции метро. Одетая в простую старую школьную форму, она спустилась из дверей, робко потупив глаза. К тому же в тот самый миг шумная кореянка издала пронзительный клич, подхваченный подружками, и они расхохотались так громко, что даже водитель замедлил ход, обернулся и окинул их сердитым взглядом.

Ван быстро удалялась по улице, опустив голову. Длинные волосы, собранные в хвостик, прыгали поверх воротника давно вышедшей из моды «дутой» куртки. Она подложила в ботинки подушечки, из-за чего ее рост увеличился на несколько сантиметров, а походка стала неуверенной. Вместо контактных линз надела нелюбимые очки с огромными стеклами, наполовину закрывавшими лицо. Она так изменилась, что даже я, сидя в павильоне на автобусной остановке и прекрасно зная, когда ее ждать, с трудом узнал давнюю подругу. Завидев Ванессу, я встал и

пошел за ней по другой стороне улицы, держась на расстоянии в полквартала.

Встречные прохожие старались как можно скорее отвести взгляд. В замызганной хламиде, с набитым дряхлым рюкзаком, перемотанным клейкой лентой, и висящей на груди картонкой с просьбой о подаянии я походил на юного беспризорника. С такими лучше не встречаться взглядом, а то еще прицепится как банный лист и начнет клянчить мелочь. В таком виде я целый день бродил по Окленду, и за все это время со мной заговорили только два человека: один из секты Свидетелей Иеговы, другой — сайентолог, и оба норовили обратить меня в свою веру. От общения с ними на душе остался гадкий осадок, словно ко мне на улице пристал извращенец.

Ванесса строго следовала маршруту, который я для нее тщательно расписал. Зеб передал ей мою записку точно таким же образом, каким когда-то всучил мне свое письмо, — налетел, будто случайно, пока она на остановке ждала автобус, и потом долго усердно извинялся. В записке я самыми простыми словами напрямую объяснил, чего хочу от нее. «Знаю, ты будешь против. Я все пойму. Но прошу тебя о самой важной услуге за всю мою жизнь. Приходи. Помоги. Пожалуйста».

Она пришла. Я так и думал. Нас с Ванессой связывает очень многое. Ей тоже не нравится, во что превратился наш мир. Кроме того, злорадно хихикал гаденький голос у меня в голове, теперь, после статьи Барбары, Ван тоже попала под подозрение.

Мы шли так кварталов шесть или семь, внимательно глядя по сторонам — что за люди ходят неподалеку, какие машины проезжают мимо. Зеб рассказал мне, что нередко наблюдение ведут цепочки по пять агентов в штатском, постепенно передавая тебя от одного к другому. Обнаружить такую слежку очень сложно. Для этого нужно выманить их в совершенно безлюдное место, где каждый посторонний будет как на ладони.

Эстакада над автотрассой 880 находится всего в нескольких кварталах от станции метро «Колизеум», и, сколько Ван ни петляла, мы довольно скоро оказались на месте. Над головами оглушительно ревели машины. Вокруг, насколько хватало глаз, никого не было. Прежде чем назначить Ванессе встречу в этой дыре, я заранее побывал здесь и все осмотрел, тщательно выискивая места, где можно спрятаться. Не нашел ни одного.

Как только Ван остановилась в условленном

месте, я торопливо приблизился. Она, подслеповато моргая, смотрела на меня сквозь толстые стекла очков.

— Маркус, — еле слышно прошептала она и разразилась слезами. Я понял, что тоже плачу. Никудышный из меня подпольщик. Слишком сентиментальный.

Она сжала меня в объятиях так крепко, что перехватило дыхание. Я в ответ обнял ее даже сильнее.

И тогда она меня поцеловала.

Не в щечку, не по-сестрински. А в губы, жарко и влажно, запоем. Я был так переполнен эмоциями…

Впрочем, нет, вру. Я, в здравом уме и твердой памяти, ответил Ванессе столь же горячим поцелуем.

Потом меня словно стукнуло, я отстранился и чуть не оттолкнул ее.

— Ван, — укоризненно выдавил я, переводя дыхание.

— Ой, — откликнулась она.

— Ван, — повторил я.

— Прости, — потупилась она. — Я просто…

И тут до меня дошло. Как я мог столько времени ничего не замечать!

— Я тебе что, нравлюсь?

Она кивнула с несчастным видом.

— Уже много лет.

О боже мой. Дэррил с самого детства сгорает от любви к ней, а она все это время мечтала обо мне. А я в итоге выбрал Энджи, которая, по ее же словам, с Ванессой никогда не ладила. И бегаю, как последний болван, ничего не замечая, и гружу обеих своими проблемами.

— Ван… — пробормотал я. — Ван, прости меня…

— Ладно, проехали. — Она отвела глаза. — Я понимаю, что мы с тобой не можем быть вместе. Только хотела сделать это хоть разочек, на случай, если… — Она прикусила губу.

— Ван, мне нужна твоя помощь. Дело очень важное. Пожалуйста, свяжись с журналисткой из «Бэй Гардиан» по имени Барбара Стрэтфорд, это она написала ту статью. Передай ей кое-что.

Я рассказал ей о фотографиях в Машином телефоне и о видеозаписи, которую прислала Маша.

— К чему все это, Маркус? Какой смысл?

— Ван, ты была права, хотя бы отчасти. Подставляя людей под удар, справедливости не добиться. Я хочу распутать этот клубок и для этого расскажу все, что мне известно. Надо было сделать

это с самого начала. Выйдя из тюрьмы, сразу же направиться к отцу Дэррила. Но теперь у меня есть документальные доказательства. С этими снимками и записями я могу изменить мир к лучшему. Это последняя и единственная надежда вытащить Дэррила из тюрьмы, последний шанс провести свою жизнь нормально, в открытую, а не в бегах, прячась от полиции. И ты единственный человек, кому я могу довериться.

— Почему я?

— Разве не понимаешь? Посмотри, как ловко ты сюда добралась. Да ты прирожденная подпольщица. Ты справляешься лучше любого из нас. И доверять я могу только тебе.

— А почему не попросишь свою подружку Энджи? — Она произнесла это имя ровным голосом, лишенным всякого выражения.

Я опустил глаза.

— Думал, ты знаешь. Она арестована и сидит в Гуантанамо, на Острове Сокровищ. Уже несколько дней.

Я давно пытался выбросить из головы мысли о том, что с ней там происходит. Но теперь внутри словно прорвалась плотина. Я всхлипнул. Внутренности скрутило болью, словно от пинка, я согнулся пополам, схватился за живот обеими

руками и, не помня себя, с рыданиями повалился набок на острые камни под эстакадой.

Ванесса опустилась рядом со мной и сердитым голосом велела:

— Дай сюда телефон.

Я выудил его из кармана и протянул ей.

Потом, смутившись, перестал плакать и выпрямился, сознавая, что по лицу текут слезы пополам с соплями. Ванесса окинула меня взглядом, полным отвращения.

— Ни в коем случае не давай мобильнику уйти в спящий режим, — заговорил я, немного придя в себя. — Сейчас дам зарядное устройство. — Я порылся в рюкзаке. Из-за этого проклятого телефона я в последнее время не проспал нормально ни одной ночи. Настроил будильник и просыпался каждые полтора часа для очередного нажатия кнопки. — И не закрывай его.

— А видеозапись?

— С этим сложнее. Я отправил копию по электронной почте самому себе, но не могу войти в икснет. — В крайнем случае я мог бы вернуться к Нейту и Лиаму и снова попросить у них иксбокс, но не хотел рисковать. — Слушай, я дам тебе логин и пароль от почтового сервера Партии пиратов. Заходи в него только через TOR-браузер

— безопасники наверняка выслеживают всех, кто использует пиратскую почту.

— Ты дашь мне свой логин и пароль? — с удивлением переспросила она.

— Я верю тебе, Ван. Знаю, что могу на тебя положиться.

Она покачала головой.

— Маркус, ты никогда никому не давал своих паролей.

— Теперь они уже не имеют никакого значения. Либо у тебя все получится, либо я… Маркус Яллоу перестанет существовать. Может быть, я возьму другое имя и сделаю себе новые документы. Но, скорее всего, ДВБ до меня доберется. Я, наверно, с самого начала знал, что рано или поздно снова попаду им в лапы.

Тут уж Ван разозлилась не на шутку.

— Тогда для чего все это? Какой смысл в том, что ты до сих пор делал?

Я и сам понимал, что она права, и это было обиднее всего. Меня словно еще раз пнули в живот. Для чего все это? Какой смысл в моей борьбе? Я уже потерял Дэррила и Энджи. Возможно, никогда больше не увижу родителей. А Департамент внутренней безопасности по-прежнему держит мой город и мою страну в тисках животного стра-

ха и творит беззаконие, прикрываясь борьбой с терроризмом.

Ван долго смотрела на меня, как будто ждала какого-то вразумительного ответа, но мне нечего было ей сказать. Так ничего и не дождавшись, она ушла, оставив меня в одиночестве.

* * *

Вернувшись «домой» в Мишен, я обнаружил, что Зеб припас для меня пиццу. Ночевали мы под эстакадой, в походной палатке военного образца, списанной из армейских запасов за ненадобностью. Трафаретная надпись гласила: «Координационный совет Сан-Франциско по оказанию помощи бездомным».

Пицца была из «Доминос», холодная и чуть подкисшая, но тем не менее очень вкусная.

— Тебе нравится пицца с ананасами? — спросил я.

Зеб снисходительно улыбнулся.

— Нам, фриганам, выбирать не приходится.

— Каким еще фриганам?

— Ну это вроде веганов, только едим мы исключительно свободную еду.

— Что такое свободная еда?

Он опять ухмыльнулся.

— Из магазина, где торгуют бесплатной едой.

— Ты ее украл, что ли?

— Да нет же, балда. Это совсем другой магазин. С обратной стороны от входа. Черный такой, железный. И запах у него специфический. Видал такие?

— Ты вытащил эту пиццу из помойки?

Он расхохотался, откинув голову.

— А как же. Видел бы ты сейчас свое лицо. Не боись, старик, не помрешь. Она ничуть не испорченная. Нормальная свежая пицца, просто кто-то отменил свой заказ. Тогда ее выбрасывают прямо в коробке. Правда, после закрытия помойку посыпают крысиным ядом, но если быть порасторопнее, то успеешь. Видал бы ты, какую вкуснятину выбрасывают из бакалейных магазинов! Погоди, приготовлю тебе на завтрак фруктовый салат, пальчики оближешь. Стоит одной клубничинке чуть замохнатиться, выкидывают всю коробку.

Я перестал слушать его болтовню. Ну и что, в самом деле, пицца как пицца. От пребывания в помойке она ничем не заразилась. А если и невкусная, то только потому, что приготовлена в «Доминос» — худшей на свете пиццерии. Мне их стряпня никогда не нравилась, а потом я и во-

все перестал к ним ходить, когда узнал, что они перечисляют деньги кучке безумных политиканов, убежденных, что глобальное потепление и теория эволюции — это гнусные происки сатаны.

Однако избавиться от неприятного ощущения не удавалось.

Я решил посмотреть на дело с другой стороны. Зеб показал мне тайный, скрытый от посторонних глаз мир, обитатели которого ни в чем не соприкасаются с системой.

— Фриганы, говоришь?

— Ага, — с жаром кивнул Зеб. — А еще йогурт можно раздобыть. Для фруктового салата. Его выбрасывают накануне того дня, когда истекает срок годности. Но ведь он же не позеленеет в одночасье ровно в полночь. Йогурт, он ведь, по сути дела, испорченное молоко.

Я чуть не поперхнулся. Пицца с подозрительным привкусом. Крысиный яд. Испорченный йогурт. Мохнатая клубника. Нет, к этому надо долго привыкать.

Я откусил еще немножко. Все-таки пицца «Доминос», доставшаяся бесплатно, на вкус не такая уж противная.

Окончательно вымотавшись за этот долгий,

наполненный переживаниями день, я с наслаждением закутался в теплый спальный мешок, любезно выданный Лиамом. Ванесса, наверно, уже вышла на связь с Барбарой, передала ей фотографию и видеозапись. Утром позвоню журналистке, спрошу совета насчет моих дальнейших действий. Когда материалы будут опубликованы, мне, наверное, следует объявиться и лично засвидетельствовать их подлинность.

Размышляя над этим, я закрыл глаза и представил себе, как под прицелами бесчисленных видеокамер, стремящихся уловить каждый шаг знаменитого M1k3y, вступаю под своды одного из роскошных, с колоннадой при входе, зданий в Сивик-сентре.

Я задремал. Шум машин, пролетающих над головой, сливался в равномерный гул, похожий на рокот океанских волн. Неподалеку от нашей стояли и другие палатки с бомжами. Днем я успел пообщаться с некоторыми из них, но с наступлением ночи каждый жался к своему убогому пристанищу. Все они были гораздо старше меня, на вид угрюмые и неприветливые, но ни на психов, ни на головорезов не походили. Просто неудачники, которым не повезло в жизни, а может быть, они в какой-то момент приняли

неправильное решение, или и то и другое одновре- менно.

Должно быть, я крепко уснул. В памяти отпечаталась лишь пустота — а потом в лицо ударил ослепительный свет.

— Вот он, — произнес голос по ту сторону световой пелены.

— Взять его, — скомандовал другой голос. Он был мне слишком хорошо знаком, снова и снова возвращался в мучительных снах, наставительно требуя назвать пароли. Голос коротко стриженной тетки.

Мне на голову проворно накинули мешок и стянули у горла так сильно, что я поперхнулся и исторг из желудка полупереваренную фриганскую пиццу. Пока я задыхался и корчился в судорогах, меня скрутили по рукам и ногам, закатили, как бревно, на носилки, оттащили к машине, подняли в фургон — под ногами копов лязгнули две железные ступеньки. Бесцеремонно скинули с носилок на обитый чем-то мягким пол и закрыли дверь. Внутри стояла тишина. Звуконепроницаемая обивка гасила любые шорохи, и я слышал только свое сдавленное дыхание.

— Итак, вот мы и встретились опять, — раздался тот же голос. Фургон покачнулся — она

поднялась внутрь следом за мной. Я по-прежнему беспомощно хватал ртом воздух, силясь загнать хоть немного в обожженные легкие. Едкая блевотина заполнила рот и тонкой струйкой потекла в дыхательное горло.

— Не бойся, — сказала дама. — Мы не дадим тебе умереть. Если задохнешься, откачаем и начнем заново.

Я закашлялся, с силой втянул воздух, и малая толика его просочилась-таки в легкие. Меня скрутил приступ жестокого, мучительного кашля, дыхательные пути слегка прочистились, и я вдохнул еще.

— Вот видишь, у тебя получается, — промолвила она. — Не все так плохо. Добро пожаловать, M1k3y. Мы приготовили тебе особое местечко.

Я действительно кое-как приспособился, немного расслабился под плавное покачивание движущейся машины. Поначалу вонь исторгнутой пиццы была невыносима, но, как бывает с любыми сильными раздражителями, мозг мало-помалу привык и почти перестал ее воспринимать. Лежать на мягко качающихся носилках стало почти приятно.

И в этот миг произошло чудо. Меня захлестнуло глубокое, невыразимое спокойствие. Казалось,

я лежу на песчаном пляже, и на меня тихо накатывает океанская волна, поднимает ласково и бережно, словно ребенка, уносит на просторы бескрайнего моря, и я нежусь в теплой воде под теплым солнышком. Я все-таки попался, но это уже не имеет значения. Я сделал очень много: передал информацию Барбаре, организовал икснет. И победил. А если даже не победил, мне не в чем себя упрекнуть — я сделал все, что в моих силах. Гораздо больше, чем сам от себя ожидал. Лежа в полицейской машине, я мысленно перебирал и раскладывал по полочкам свои достижения — наши общие достижения. В городе, в стране, во всем мире появилось много несогласных с образом жизни, который уготовил нам ДВБ. И мы будем сражаться. Всегда. Нашу борьбу не задушить — тюрем на всех не хватит.

Я вздохнул и улыбнулся.

Только сейчас заметил, что стриженая все говорит и говорит. А я так глубоко погрузился в свое мирное блаженство, что и думать о ней забыл.

— ...Такому сообразительному мальчику, как ты. Казалось бы, уж кто-кто, а ты-то поостережешься вставать у нас на пути. Мы за тобой присматривали с того самого дня, как выпустили на свободу. И все равно поймали бы, даже если

бы ты не отправился рыдать на плече у той журналистки — предательницы и лесбиянки. У меня это в голове не укладывается — мне казалось, мы с тобой достигли взаимопонимания…

Под колесами громыхнул металлический настил, амортизаторы машины просели, снова выправились, и пол начал колыхаться иначе — размашисто, на морской волне. Мы шли к Острову Сокровищ. Но ведь там держат и Энджи! И возможно, Дэррила!

* * *

Мешок с головы не снимали, пока не принесли меня в камеру. Развязать руки и ноги поленились — просто скатили меня с носилок прямо на пол. Было темно, но в тусклых лучах луны, пробивавшихся через единственное крохотное окошко высоко под потолком, я разглядел койку без матраса. В камере были только я, голая койка, унитаз и умывальник, и больше никого и ничего.

Я закрыл глаза и отдался на волю океанских волн. Они подхватили меня, и я поплыл, а где-то далеко внизу осталось мое тело. Я хорошо понимал, для чего меня бросили вот так и что случится дальше. Я написаю под себя. Опять. Но мне уже доводилось писаться, и я знал, что

при этом происходит. Я буду вонять и чесаться. Будет противно и стыдно, словно я превратился в беспомощного младенца.

Но я это уже пережил. Переживу и сейчас.

Я засмеялся. Это прозвучало так странно и неожиданно, что я вернулся к действительности, обратно в свое тело. Я хохотал и хохотал. Они издевались надо мной как могли, но я все выдержал, вышел на свободу и трепал им нервы много месяцев, показал всем, какие они мерзавцы и деспоты. Я их победил.

Мочевой пузырь давно был переполнен. Все равно рано или поздно я обмочусь. Так чего тянуть? Я перестал сдерживаться.

Теплая океанская волна тихо подхватила меня и понесла прочь.

* * *

Наступило утро. Двое равнодушных охранников деловито срезали мне стяжки с рук и ног. Но идти я все равно не смог — встал, и ноги подкосились, как у сломанной марионетки. Слишком долго пролежал в неподвижности. Охранники подхватили меня под руки и потащили по уже знакомому коридору. Бумажки со штрих-кодами отклеились и обтрепались по краям на влажном

морском воздухе.

Меня вдруг осенило.

— Энджи! — заорал я. — Дэррил! — Охранники прибавили шагу. Они явно встревожились, но не знали, как реагировать на мою выходку. — Ребята, это я, Маркус! Держитесь там!

За одной из дверей кто-то заплакал. Послышался чей-то крик — кажется, на арабском. Потом наперебой загалдели тысячи разных голосов.

Меня притащили в другой кабинет, не тот, что в прошлый раз. Он был оборудован в бывшей помывочной, из заплесневелых кафельных стен до сих пор торчали ржавые трубы с душевыми лейками.

— Привет, M1k3y, — встретила меня стриженая тетка. — Кажется, утро у тебя выдалось насыщенное.

Она с преувеличенной брезгливостью наморщила нос.

— Я обмочился, — бодро доложил я. — Незабываемые ощущения. Попробуйте, вам тоже понравится.

— В таком случае, наверное, надо тебя искупать.

Она кивнула охранникам, те подтащили меня к широкой доске с лямками по всей длине и по-

валили на нее. Доска была мокрая и холодная, как лед. Не успел я и глазом моргнуть, как меня привязали ремнями за плечи, бедра и лодыжки. Через минуту добавили и три оставшиеся лямки. Охранники взялись за поручни у изголовья, щелкнули металлическими зажимами, и доска подо мной наклонилась так, что ноги оказались выше головы.

— Начнем с чего-нибудь попроще, — сказала стриженая. Я вытянул шею и попытался ее разглядеть. Перед ней на столе стоял иксбокс, подключенный к роскошному телевизору с плоским экраном. — Будь добр, скажи мне логин и пароль от твоего почтового ящика на сервере Партии пиратов.

Я закрыл глаза и отдался на волю океанских волн.

— M1k3y, тебе знакома такая забава — ватербординг? — вернул меня к действительности ее голос. — Ты лежишь, пристегнутый вот в такой позе, а мы льем тебе воду на лицо. Ты не можешь подавить дыхательный рефлекс, и вода затекает в рот и в нос. Эту процедуру называют имитацией утопления, и, судя по тому, что я наблюдаю с этого конца комнаты, описание довольно точное. У тебя будет создаваться полное ощущение, что

ты умираешь. И это удовольствие можно растягивать до бесконечности.

Я задергался, пытаясь высвободиться. Да, я слышал о ватербординге. Это самая настоящая пытка, и мне предстоит через нее пройти.

Но высвободиться не удалось. И океанская волна не подхватила меня и не унесла в теплую даль. В груди что-то болезненно сжалось, веки судорожно задергались. Я остро ощутил холодные мокрые штаны на ногах и холодный липкий пот в волосах. Кожа зачесалась от присохшей блевотины.

Стриженая тетка медленно приблизилась и встала так, чтобы я ее видел.

— Начнем с логина к твоему почтовому ящику, — произнесла она.

Я плотно зажмурился.

— Дайте ему попить, — велела она.

Вокруг меня раздались шаги охранников. Я набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание.

Охранник поднял надо мной полный ковш воды. Она потекла тонкой струйкой на подбородок, смочила губы, просочилась в обращенные кверху ноздри, из носа проникла в горло. Я твердо решил, что ни в коем случае не закашляю, не вдохну и не дам воде попасть в легкие. Напрягся,

изо всех сил стараясь не дышать, и зажмурился еще крепче.

В коридоре за дверями послышался шум, затопали тяжелые сапоги, раздались возмущенные крики. Мне в лицо выплеснули остатки воды из ковша.

Стриженая тихо сказала что-то охранникам, потом обратилась ко мне:

— Всего лишь логин, Маркус. Это же совсем просто. Ну что я смогу сделать, зная только логин?

На этот раз мне в лицо выплеснули целое ведро. Наверное, оно было огромным, ибо вода текла нескончаемым потоком. Я ничего не мог поделать. Долго сдерживался, потом все-таки не выдержал и вдохнул, набрал в легкие воды, закашлялся и нахлебался еще. Умом я понимал, что мне не дадут умереть, но никак не мог убедить в этом свое тело. Каждая клеточка организма кричала, что я гибну. Хотелось завопить, заплакать, но под непрерывным водопадом я и этого не мог.

Наконец поток иссяк. Я заходился в судорожном кашле, однако лежал под таким углом, что вода, извергнутая из легких, затекала обратно в нос и как кислотой обжигала носоглотку.

От надрывного кашля заломило грудь, заныли ребра, отозвались болью стянутые ремнями ноги.

Я ненавидел свое тело за то, что оно предало меня, свой разум за то, что он не мог подчинить себе тело, и себя самого за то, что ничего не могу с этим поделать.

В конце концов кашель немного утих, я пришел в себя и попытался понять, что же тут происходит. Слышались крики, какая-то возня, звуки ударов. В комнате явно шла потасовка. Я открыл глаза и сразу зажмурился от яркого света, потом, все еще покашливая, вытянул шею.

Народу в комнате заметно прибавилось. Почти все новоприбывшие были в бронежилетах и шлемах с забралами из затемненного пластика. Они орали на тюремных охранников, а те со вздувшимися жилами на шеях орали в ответ.

— Всем стоять! — скомандовал один из бронежилетов. — Не двигаться! Руки вверх! Вы арестованы!

Стриженая говорила с кем-то по мобильнику. К ней мгновенно подскочил бронежилет и рукой в черной перчатке выбил телефон. Тот по широкой дуге пролетел через всю комнату, упал и разбился вдребезги. Все притихли.

Внезапную тишину нарушили бронежилеты. Они рассыпались по комнате и, разбившись по двое, заломали каждого из моих мучителей. У

меня даже почти получилось улыбнуться при виде лица стриженой тетки, когда один бронежилет схватил ее за плечи, а второй защелкнул пластиковые наручники.

От дверей отделился один из бронежилетов. На плече он держал видеокамеру — здоровенную штуковину с ослепительной белой подсветкой. Он заснял все помещение и меня тоже, дважды обойдя вокруг водяной доски. Я терпеливо лежал не шелохнувшись, словно позировал для фотопортрета.

Наконец мне эта комедия надоела.

— Как вы думаете, может, пора меня отстегнуть? — поинтересовался я, слегка закашлявшись.

Ко мне подошли два бронежилета — один оказался женщиной — и стали развязывать лямки. Откинули забрала, улыбнулись мне. На плечах и шлемах у них были красные кресты.

А под красными крестами виднелись другие эмблемы. КДП — Калифорнийский дорожный патруль. Они из полиции штата!

Я начал было спрашивать, как они здесь очутились, и вдруг увидел Барбару Стрэтфорд. Видимо, ее пытались задержать в коридоре, но она, растолкав всех, пробилась-таки в камеру.

— А вот и ты, — с облегчением вздохнула она, опустилась на колени, и мы стиснули друг друга в самых долгих и крепких объятиях.

И тогда наконец все прояснилось. Тюрьма «Гуантанамо» захвачена, а я спасен.

Глава 21

Наконец все разошлись, и мы с Барбарой остались в комнате одни. Я нашел работающий душ и кое-как смыл с себя мочу и блевотину, а то неудобно перед женщиной. Помывшись, увидел, что в глазах Барбары стоят слезы.

— Твои родители… — начала она.

Меня чуть опять не вырвало. О господи, бедные мои предки. За всеми этими событиями я о них как-то не вспоминал. А ведь страшно подумать, что им довелось пережить.

— Они здесь?

— Нет, — ответила Барбара. — Дело очень непростое…

— Почему?

— Маркус, формально ты до сих пор находишься под арестом. Как и все, кого здесь содержат. Полиция не может просто так распахнуть двери настежь и выпустить всех на свободу. Дело каждого будет рассмотрено в соответствии с установленной законом процедурой. Это может растянуться… может быть, даже на месяцы.

— И я буду торчать здесь еще несколько ме-

сяцев?

Она взяла меня за руки.

— Нет, мы очень скоро добьемся, чтобы твое дело заслушал суд и освободил тебя под залог. Но очень скоро — понятие относительное. Вряд ли это произойдет сегодня. Но условия содержания станут гораздо гуманнее. Тебя будут нормально кормить, разрешат видеться с родными, и, конечно, не будет никаких зверств и допросов. ДВБ здесь больше не командует, однако это не значит, что ты можешь просто взять и уйти домой. Строго говоря, мы уничтожили созданную ими искаженную версию правоохранительной системы и вернули на ее место нормальную, привычную, с судьями, юристами и открытыми судебными слушаниями. Если хочешь, можем попытаться перевести тебя в исправительную колонию для несовершеннолетних, но, поверь, туда лучше не попадать. Там ужасно. Так что лучше побудь здесь, пока мы тебя не вытащим под залог.

Под залог. Ну конечно, я же преступник. Правда, никакое обвинение мне еще не предъявлено, но за этим дело не станет. О правительстве, как о покойнике, нельзя говорить ничего плохого, и не только говорить, но даже и думать.

Барбара опять сжала мне руки.

— Понимаю, как тебе плохо, но по-другому не получится. Самое главное — мы покончили с ДВБ. Губернатор велел вышвырнуть их из штата и ликвидировать все блокпосты. Генеральный прокурор выписал ордера на арест всех сотрудников правоохранительных органов, замешанных в допросах стрессовыми методами и организации тайных тюрем. Их посадят, Маркус, посадят благодаря всему, что сделал ты.

Я потерял дар речи. Ее слова попадали мне в уши, но их смысл не доходил до сознания. Вроде бы все кончено, но на самом деле ничего еще не кончено.

— Послушай, — сказала Барбара. — Пока все не утрясется, пока за тобой не придут и не запрут обратно в камеру, у нас есть еще час-другой. Чем бы тебе хотелось заняться? Погулять по берегу? Поесть по-человечески? Здесь, оказывается, роскошная столовая, мы там были по пути сюда. Просто рай для гурманов.

Наконец-то мне задали вопрос, на который у меня был готов ответ.

— Я хочу найти Энджи. Найти Дэррила.

* * *

Я попытался отыскать номера их камер в тюремном компьютере, но для этого требовался пароль, поэтому пришлось обходить все коридоры, выкрикивая их имена. Из-за тяжелых дверей кричали в ответ, плакали, умоляли их выпустить. Несчастные пленники понятия не имели о последних событиях, не видели, как их бывших тюремщиков в пластиковых наручниках уводят под конвоем полицейские спецназовцы.

— Энджи! — кричал я сквозь шум и гам. — Энджи Карвелли! Дэррил Гловер! Это я, Маркус!

Мы прошли вдоль всего коридора и не получили ответа. Я чуть не плакал. Может быть, моих друзей увезли черт знает куда — в Сирию или того похуже. И я никогда больше их не увижу.

Я сел на пол, привалился к стене коридора и спрятал лицо в ладонях. Перед глазами стояла стриженая дама, я словно наяву видел ее самодовольную ухмылку, с которой она требовала от меня назвать логин. Исчезновение моих друзей — ее рук дело. Она сядет за это в тюрьму, но, по мне, ее убить мало, честное слово! Пусть получит по заслугам.

— Вставай, Маркус, — сказала Барбара. — Рано

сдаваться. Надо искать. Мы еще вон там не были, пойдем проверим.

И верно. Все двери тюремного блока, мимо которых мы прошли, были старыми и обшарпанными, стояли на своих местах со времен постройки здания. Но в конце коридора виднелась еще одна дверь, новенькая, с супернадежными замками, толстенная, как толковый словарь. Она была приоткрыта. Мы потянули за нее и осторожно зашли в темный коридор.

Там обнаружились двери еще четырех камер. Листочков со штрих-кодами на них не было, зато имелись маленькие электронные клавиатуры.

— Дэррил! — крикнул я. — Энджи!

— Маркус!

Из-за самой дальней двери послышался голос Энджи. Энджи, моя Энджи, мой ангел!

— Энджи! — завопил я. — Это я! Это я!

— О боже мой, Маркус! — Голос за дверью сорвался, послышались рыдания.

Я заколотил в другие двери.

— Дэррил! Дэррил, ты здесь?

— Я здесь, — отозвался голос, хриплый, еле слышный. — Здесь. Простите меня. Пожалуйста. Простите.

Таким голосом может говорить только человек

сломленный. Раздавленный.

Я привалился к его двери.

— Дэр, это я, Маркус. Все позади, тюремщики арестованы. Департамент внутренней безопасности здесь больше не командует. Мы предстанем перед судом, на открытом слушании. И дадим свидетельские показания против них.

— Простите меня, — повторил Дэррил. — Пожалуйста, простите.

К нам приблизились полицейские из патрульной службы штата. Они с видеокамерами на плечах продолжали обход.

— Мисс Стрэтфорд, — сказал один из них, с поднятым забралом на шлеме. Он выглядел как всякий обыкновенный коп и вовсе не казался мне спасителем, скорее наоборот — того и гляди повяжет.

— Капитан Санчес, — заявила Барбара. — Мы обнаружили двух пленников, которые представляют для нас особый интерес. Прошу освободить их в моем присутствии, чтобы я лично засвидетельствовала, в каком состоянии они находятся.

— Мэм, у нас еще нет кодов для открытия этих дверей, — ответил он.

Барбара протестующе подняла руку.

— Мы так не договаривались. Было условлено,

что я получу полный доступ ко всем помещениям. Это прямое распоряжение губернатора. Мы не сдвинемся с места, пока вы не откроете эти камеры.

На ее невозмутимом лице не дрогнул ни один мускул. Барбара твердо стояла на своем и не собиралась уступать.

Усталый капитан недовольно поморщился.

— Ладно, постараюсь что-нибудь сделать.

* * *

Через полчаса с третьей попытки копы сумели-таки отпереть камеры, по очереди вставляя в прорези карточки-пропуска, отобранные у охранников.

Сначала вошли в камеру к Энджи. Она была одета в больничный халат с завязками на спине, а камера была обставлена даже скуднее, чем моя, — только мягкая обивка на полу и на стенах, ни раковины, ни кровати, ни окошка. Энджи, щурясь, выглянула в коридор, и полицейская камера тотчас же нацелилась на нее ярким лучом прожектора. Барбара торопливо шагнула вперед и прикрыла ее собой. Энджи неуверенно вышла в коридор, слегка пошатываясь. Что-то было не так с ее глазами и лицом. Странное, незнакомое

выражение. Да, она плакала, но дело было не в этом.

— Мне дали какие-то препараты, — пояснила она. — Потому что я орала без умолку, требуя адвоката.

Вот оно что. Я крепко обнял Энджи. Она бессильно повисла у меня на шее, но все-таки тоже обняла меня, хоть и слабенько. От нее пахло немытым телом. Я понимал, что и сам не источаю цветочный аромат, однако мне не хотелось выпускать Энджи из объятий.

Потом отперли камеру Дэррила.

Он изодрал в клочья свой тонкий, как бумага, больничный халат. Свернувшись клубочком, забился в самую глубину камеры и беспомощно прикрывался от камеры и наших взглядов. Я подбежал к нему.

— Дэр, — с жаром прошептал я ему на ухо. — Дэр, это я, Маркус. Все позади. Тюремщиков арестовали. За нас внесут залог, и мы вернемся домой.

Но он лишь лежал, крепко зажмурившись, и трясся всем телом.

— Простите меня, — прошептал он и отвернулся.

Полицейский в бронежилете и Барбара взяли

меня под руки, отвели в камеру и заперли. Там я и провел ночь.

* * *

Дорога до суда почти не отложилась в памяти. Меня сковали цепью вместе с пятью другими заключенными, которые пробыли в заточении гораздо дольше, чем я. Один из них, пожилой, беспрерывно дрожащий араб, вообще не говорил по-английски. Остальные были моложе. Я оказался среди них единственным белым. Когда нас всех собрали на палубе парома, я обнаружил, что почти все узники на Острове Сокровищ — темнокожие разных оттенков.

Я пробыл взаперти всего одну ночь, но она показалась бесконечно долгой. Утро выдалось хмурое, моросил мелкий дождичек. Будь все как обычно, я бы ссутулился и втянул голову в плечи, но сегодня я вместе со всеми, кто был на палубе, запрокинул голову, глядя в бескрайнее серое небо, радостно подставляя лицо обжигающей сырости. Паром на полном ходу мчался к пристани.

Потом нас пересадили в автобусы. Взбираться по ступенькам в кандалах было неудобно, и погрузка сильно затянулась. Но мы никуда и не спешили. Решив сложную геометрическую

задачу о том, как шести человекам на одной цепи протиснуться в узкий проход между сиденьями, мы просто сидели и любовались на городской пейзаж, на дома, уходящие вверх по склонам холмов.

Больше всего мне хотелось найти Дэррила и Энджи, но их нигде не было видно. Народу скопилось очень много, и свободно разгуливать нам не разрешали. Сотрудники полиции штата, перевозившие нас, держались вежливо, но все равно это были копы в бронежилетах и при оружии. Мне то и дело казалось, что я вижу в толпе Дэррила, но всякий раз это оказывался кто-то другой с таким же потухшим взглядом и затравленным видом, какой был у моего друга в камере. Здесь многие сломались от жестокого обращения.

В здании суда всю нашу скованную группу провели в комнату для допросов. С нами побеседовала женщина-адвокат из Американского союза гражданских свобод, она выслушала каждого и задала несколько вопросов. Дойдя до меня, она улыбнулась и назвала меня по имени, потом провела нас в зал заседаний и выстроила перед судьей. Он был одет в настоящую мантию и, казалось, пребывал в хорошем настроении.

Как я понял, решение принималось очень

просто: те, у кого есть родственники, готовые внести залог, будут отпущены домой, а остальные отправятся обратно в тюрьму. Адвокатша из АСГС заступалась за каждого подсудимого, уговаривала судью подождать еще несколько часов, пока родственники прибудут в суд. Судья относился к этим просьбам с пониманием, но, когда до меня дошло, что многие из этих людей находились в тюрьме уже несколько месяцев, с того дня как прогремели взрывы, в полной изоляции, ежедневно подвергаясь допросам и пыткам, в то время как близкие считали их погибшими, — мне захотелось своими руками разорвать на них цепи и отпустить на все четыре стороны.

Когда дошел черед до меня, судья окинул меня взглядом и снял очки. Вид у него был усталый. У адвокатши из АСГС тоже. И у судебных приставов. Когда пристав объявил мое имя, в рядах публики за моей спиной неожиданно вспыхнула оживленная беседа. Судья, не сводя с меня глаз, ударил молоточком по столу. Потом устало потер глаза.

— Мистер Яллоу, — заговорил он, — обвинение утверждает, что вы представляете угрозу для авиаперелетов. Мне кажется, их подозрения небеспочвенны. В любом случае за вами числится немало, так сказать, подвигов, больше, чем

за остальными присутствующими здесь. Я бы предпочел оставить вас под стражей до окончания следствия вне зависимости от суммы залога, который готовы внести ваши родители.

Адвокатша хотела что-то сказать, но судья взглядом велел ей замолчать. И опять потер глаза.

— У вас есть что ответить в свое оправдание?

— У меня была возможность убежать и скрыться, — заговорил я. — На прошлой неделе. Одна знакомая предложила мне уехать из города, сменить имя и документы, начать новую жизнь. Вместо этого я украл у нее телефон, выбрался из грузовика и смылся. В памяти ее телефона была разоблачающая улика, фотография моего друга Дэррила Гловера. Я передал мобильник журналистке, а сам спрятался в городе.

— Вы украли телефон?

— Я решил, что не имею права бежать и прятаться от правосудия. Свобода ничего не стоит, если меня разыскивают как преступника, а город находится во власти ДВБ и мои друзья томятся в секретной тюрьме. Свобода моей страны гораздо важнее, чем моя личная свобода.

— Вы украли телефон?

Я кивнул.

— Да. Но непременно верну, если сумею разыскать ту девушку.

— Что ж, благодарю вас за прочувствованную речь, мистер Яллоу. Вы превосходно умеете говорить. — Он бросил сердитый взгляд на обвинителя. — Многие, пожалуй, назвали бы вас храбрецом. Сегодня в утренних новостях была показана видеозапись с вашим участием. Она неопровержимо свидетельствует, что у вас имелись веские причины скрываться от властей. На основании этой записи и вашего эмоционального выступления я разрешаю вам выйти под залог, однако прошу добавить к иску обвинение в краже телефона. И соответственно, увеличиваю сумму залога на пятьдесят тысяч долларов.

Он опять стукнул молотком, и адвокатша стиснула мне руку.

Судья снова окинул меня взглядом и поправил очки. На черной мантии обильно белела перхоть. Когда очки коснулись жестких кудрявых волос, на плечи просыпалось еще немного.

— Можете идти, молодой человек. И впредь держитесь подальше от неприятностей.

* * *

Я развернулся к выходу, и вдруг кто-то налетел на меня и чуть не сбил с ног. Оказалось, папа! Он стиснул меня в объятиях так крепко, что косточки хрустнули и ноги оторвались от земли. Мне сразу вспомнилось, как он обнимал меня в детстве — сначала стремительно вертел «самолетиком», отчего восторженно замирало сердце и кружилась голова, потом подбрасывал высоко в воздух, ловил и прижимал к себе вот так же, как сейчас, больно стискивая в объятиях.

Из его хватки меня извлекли другие руки, более мягкие. Мама. Сначала она отстранила меня на вытянутую руку и молча всмотрелась в лицо, будто что-то выискивая. По ее лицу струились слезы. Она улыбнулась, но тут же всхлипнула и тоже обняла меня, а папа обвил руками нас обоих.

Когда меня наконец выпустили, я только и смог выдавить:

— Что с Дэррилом?

— Он в больнице. Я виделся с его отцом.

— Когда можно будет поехать к нему?

— Хоть сейчас. — Папа помрачнел. — Только… — Он запнулся. — Врачи говорят, все будет хорошо, — добавил он сдавленным голосом.

— А Энджи?

— Мама забрала ее домой. Она хотела дождаться тебя здесь, но…

Я все понял. Сейчас я вообще исполнился понимания того, что чувствуют люди, столько времени просидевшие взаперти, и их несчастные родственники. Зал суда наполнился радостными вздохами, всхлипами, слезами, и никакие приставы не могли этому помешать.

— Поехали к Дэррилу, — сказал я. — И… можно мне позвонить с твоего телефона?

По дороге в городскую больницу, где держали Дэррила, — это было недалеко, на той же улице, — я позвонил Энджи и договорился встретиться после обеда. Она отвечала торопливым шепотом. Мама еще не решила, наказывать дочку или нет, и Энджи не хотела испытывать судьбу.

В коридоре возле палаты Дэррила дежурили два копа из полиции штата. Они еле сдерживали толпу репортеров, которые вставали на цыпочки, пытаясь что-нибудь разглядеть или сфотографировать за широкими спинами стражей порядка. При нашем появлении ослепительно замигали вспышки, и я встряхнул головой, восстанавливая зрение. Родители захватили мне чистую одежду, и я переоделся на заднем сиденье машины,

а в туалете здания суда кое-как умылся и причесался, однако все равно не мог избавиться от неприятного ощущения грязного тела.

Кто-то из репортеров окликнул меня по имени. А как же, я ведь нынче стал знаменитостью. Полицейские тоже с любопытством покосились на меня — то ли узнали в лицо, то ли уже слышали мое имя.

У дверей палаты нас встретил отец Дэррила. Он был одет в гражданское — джинсы и свитер, в каких я привык его видеть, однако приколол на грудь орденские планки.

— Дэррил спит, — сказал он тихим шепотом, чтобы не услышали репортеры. — Недавно проснулся ненадолго и сразу начал плакать, не мог остановиться. Ему что-то дали, и он опять уснул.

Он провел нас к Дэррилу. Мой друг, умытый и причесанный, спал с разинутым ртом. В уголках рта скопилась какая-то белая дрянь. Палата была на двоих, и другую кровать занимал араб лет сорока. Я его узнал — мы были скованы в одной связке по дороге с Острова Сокровищ. Мы неловко помахали друг другу в знак приветствия.

Я повернулся к Дэррилу и взял его за руку. Ногти были обгрызены до мяса. Он с детства грыз

ногти, но в старших классах оставил эту привычку. Должно быть, на него повлияла Ванесса — описала в ярких красках, как противно он выглядит с пальцем во рту.

За спиной раздался шорох — это папа с мамой и мистер Гловер отступили на шаг и задернули занавески, оставив нас вдвоем. Я опустил голову на подушку рядом с Дэррилом. У него на лице пробивалась чахлая растительность, напомнившая мне бороденку Зеба.

— Привет, Дэр, — шепнул я. — Все будет хорошо. Ты выкарабкаешься.

Он всхрапнул. У меня чуть не вырвалось: «Я люблю тебя», но до сих пор я всего один раз говорил эти слова не родному человеку, и уж совсем нелепо они прозвучали бы в адрес парня. В итоге я ограничился тем, что еще раз пожал ему руку. Бедный Дэррил.

Эпилог

Барбара позвонила мне на «работу» четвертого июля, на День независимости. На свете много людей, которым приходится трудиться в праздничные выходные, но, наверно, из всех этих бедолаг я один не смог покинуть город потому, что это запрещалось условиями подписки о невыезде.

Дело кончилось тем, что меня обвинили в краже Машиного мобильника. Нет, вы можете это себе представить? В результате юридической сделки с меня сняли обвинения в «электронном терроризме» и «провоцировании массовых беспорядков» в обмен на признание моей вины в мелком воровстве. Меня осудили на три месяца исправительных работ с проживанием в реабилитационном центре для малолетних правонарушителей у нас в Мишене. Ночевал я в этом центре, в одной спальне со мной жили настоящие преступники, гангстеры и наркоманы, а также парочка реальных психов. А в течение дня я был «свободен» и по утрам уходил в свой «офис».

— Маркус, ее отпустили, — сообщила Барбара.

— Кого?

— Кэрри Джонстон, — ответила Барбара. — Закрытый военный трибунал снял с нее все обвинения. Материалы дела засекречены. Ее оставляют на действительной службе и отправляют в Ирак.

Кэрри Джонстон — так звали ту даму с очень короткой стрижкой. Это выяснилось на предварительных слушаниях в Верховном суде штата Калифорния, но больше почти ничего узнать так и не удалось. Она не сказала ни слова о том, от кого получала приказы, в чем заключались ее обязанности, кого и за что сажали в тюрьму. Только сидела в зале суда день за днем, храня полное молчание.

Тем временем федеральные органы рвали и метали насчет «одностороннего и противозаконного» решения губернатора закрыть их лавочку на Острове Сокровищ, а на мэра ополчились за то, что он вышвырнул из Сан-Франциско федеральную полицию. Множество из тамошних копов, а также охранники из Гуантанамо-в-Заливе угодили в калифорнийские тюрьмы.

Между тем в один прекрасный день из Белого дома не поступило очередных негодующих заявлений. Молчал и наш калифорнийский

Капитолий. А на следующий день на ступенях губернаторского особняка состоялась напряженная, немногословная пресс-конференция, на которой хозяин дома и руководитель ДВБ объявили, что достигли «взаимопонимания».

Согласно их договору ДВБ обязался провести расследование «возможных ошибок в оценке ситуации», допущенных после взрывов на мосту Бэй-Бридж. Затем должен был состояться закрытый военный трибунал, который всеми доступными средствами гарантирует, что виновные в нарушениях закона понесут справедливое наказание. За это сенат штата Калифорния получал право контролировать деятельность ДВБ, закрывать, инспектировать и перепрофилировать любые ведомственные учреждения.

Репортеры встретили это заявление оглушительным ревом. Первой задала вопрос Барбара:

— Господин губернатор, при всем уважении не могу не спросить. У нас есть видеозаписи, неопровержимо доказывающие, что офицеры Департамента внутренней безопасности, действуя, очевидно, по прямым указаниям Белого дома, применили к Маркусу Яллоу, уроженцу и гражданину этого штата, жестокую пытку под названием «Имитация утопления». Действительно

ли власти штата намерены отбросить всякую видимость правосудия в интересах своих граждан, подвергающихся бесчеловечным противозаконным пыткам?

Голос Барбары дрожал, но она сумела без запинки произнести это до конца.

Губернатор лишь развел руками.

— Правосудие свершит военный трибунал. Если мистер Яллоу или любой другой гражданин, который считает себя пострадавшим от действий Департамента внутренней безопасности, желает получить компенсацию за причиненный ущерб, он вправе истребовать ее в судебном порядке у федерального правительства.

Именно этим я сейчас и занимался. За неделю после губернаторской пресс-конференции было подано больше двадцати тысяч гражданских исков против ДВБ. Моим делом занимались юристы из Американского союза гражданских свобод. Они подавали в суды запросы на получение результатов закрытых военных трибуналов, и до сих пор судьи относились к этому с пониманием.

Но такого я никак не ожидал.

— Выходит, ей все сойдет с рук?

— В пресс-релизе сказано очень мало. «После

тщательного изучения событий в Сан-Франциско и в специальном антитеррористическом изоляторе предварительного заключения трибунал пришел к выводу, что действия мисс Джонстон не дают оснований для принятия к ней дополнительных дисциплинарных мер». Именно так и написано — «дополнительных», словно она уже понесла какое-то наказание.

Я фыркнул. После освобождения из Гуантанамо лицо Кэрри Джонстон каждую ночь являлось мне в самых страшных снах. Она склонялась надо мной и с гаденькой улыбочкой приказывала своим людям «дать мне попить».

— Маркус… — начала Барбара, но я ее перебил:

— Ничего-ничего. В выходные я запишу об этом видеообращение. Понедельник — лучшее время для запуска вирусных роликов. Люди возвращаются с праздников и ищут в интернете что-нибудь забавное, чтобы потом обсудить с друзьями в школе или на работе.

По правилам пребывания в реабилитационном центре я два раза в неделю занимался с психотерапевтом. И когда я перестал относиться к этим беседам как к наказанию, они сразу стали приносить пользу. Он научил меня в трудных ситуациях не сжигать себя в негативных эмоциях, а

сосредоточиться на более конструктивных мыслях и поступках. В этом очень помогала работа над видеороликами.

— Мне пора идти, — твердо заявил я, стараясь не выказать голосом, как мне тяжело.

— Береги себя, Маркус, — сказала на прощание Барбара.

Как только разговор окончился, Энджи подошла сзади и обняла меня.

— Я только что прочитала об этом в сети, — сказала она.

К нам поступали новости из миллионов различных источников — специальная программа выхватывала заголовки, как только они появлялись в сети. Энджи взяла на себя работу официального блогера и прекрасно справлялась с ней, выискивая самые интересные истории и мгновенно публикуя их, словно повар в переполненном кафе, проворно раздающий срочные завтраки.

Я развернулся в руках у Энджи и тоже обнял ее. Правду сказать, этим утром мы не так уж много успели сделать. Мне запрещалось покидать реабилитационный центр после ужина, а ей не разрешали навещать меня там. Видеться мы могли только в офисе, но там всегда крутилось

много народу, а целоваться у всех на виду не так уж приятно. Так что остаться вдвоем в офисе на целый день было редкой удачей. Погода стояла жаркая, душная, поэтому мы были в легких майках и шортах, а значит, работая рядом, то и дело прикасались друг к другу.

— Я запишу видео и выложу сегодня же, — сказал я.

— Правильно, — поддержала Энджи и стала читать пресс-релиз.

Я произнес небольшой монолог, наложил его на ту знаменитую запись, где я со слипшимися волосами, весь в блевотине, лежу на ватерборде и таращу глаза под ослепительным светом видеокамер, а по лицу струятся слезы.

— Это я на ватерборде. Есть такая пытка, называется «Имитация утопления». Слышали? Женщину, которая меня пытает, зовут Кэрри Джонстон. Она работает на правительство. Вы, возможно, помните ее вот из этого клипа.

Я вставил видеозапись, присланную Машей.

— Здесь вы видите, как Джонстон беседует с Куртом Руни, главным стратегом президента США.

«Жители остальной Америки не любят этот город. Для них он Содом и Гоморра, средоточие

педерастов и атеистов, которым самое место в геенне огненной. Вся страна прислушивается к новостям из Сан-Франциско только потому, что, по их мнению, исламские террористы сделали доброе дело, взорвав этот город к чертям собачьим».

— Он говорит о моем родном городе. По последним данным, в день, о котором он говорит, погибли четыре тысячи двести пятнадцать моих земляков. Но многие из них, возможно, живы и до сих пор томятся в той самой тюрьме, где пытали меня. Матери и отцы, братья и сестры, близкие и любимые никогда больше не увидят дорогих им людей, потому что тех незаконно бросили в камеры секретной тюрьмы на острове посреди залива Сан-Франциско, а потом увезли к черту на кулички. Все эти люди тщательно учтены и задокументированы, но ключи к зашифрованной информации находятся у Кэрри Джонстон.

Я вернулся к видео, где Джонстон сидит за длинным столом в зале совещаний перед экраном, с которого смеется Руни.

Потом добавил видеозапись ареста Кэрри Джонстон.

— Когда ее арестовали, я подумал, что наконец-то свершится правосудие и все те, кто исчез

по ее вине, кому она сломала психику и жизнь, будут отмщены. Но вмешались президент… — Я вставил снимок, на котором он, смеясь, играет в гольф в один из своих бесчисленных отпусков. — …и его главный стратег. — Кадр, на котором Руни пожимает руку печально известному лидеру террористов, считавшемуся нашим союзником. — Ее отдали под секретный военный трибунал, и тот ее полностью оправдал. Высшие военные чины не увидели в ее поступках ничего плохого.

Затем я вставил фотомонтаж из снимков сотен узников, брошенных в камеры Гуантанамо. Барбара опубликовала его на сайте «Бэй Гардиан» в день нашего освобождения.

— Мы избрали этих людей и доверили им власть. Они получают жалованье из наших налогов. И, по идее, должны быть на нашей стороне. Защищать нас и нашу свободу. Но в действительности эти люди… — Серия снимков Джонстон и ее соратников на трибунале. — Они предали нас. Показали себя недостойными нашего доверия. До следующих выборов осталось четыре месяца. Этого времени вполне достаточно. Пусть каждый из вас выйдет из дома и найдет пятерых соседей, которые отказались голосовать и ставят галочку в графе «против всех». Поговорите с ними. Убе-

дите их проголосовать. Возьмите с них обещание сделать все, чтобы вызволить нашу страну из рук палачей и душителей свободы, тех, кто насмехался над моими друзьями, погребенными в водах Залива, когда еще не высохли слезы их близких.

Я перевел дух и продолжил:

— Большинство из нас привычно голосует «против всех». Поймите, такой выбор ничего нам не даст. Надо отдать свой голос и выбрать свободу. Меня зовут Маркус Яллоу. В моей родной стране меня подвергли пыткам, но я все равно люблю свою родину. Мне семнадцать лет, и я хочу повзрослеть и провести свою жизнь в свободной стране.

Изображение медленно растворилось, уступив место логотипу нашего сайта. Его нарисовала Энджи с помощью Джолу, который выхлопотал нам неограниченный бесплатный хостинг на «Пигсплине».

Благотворительная некоммерческая организация, в которой я работал, была интересным местом. Формально она именовалась Коалицией избирателей за свободную Америку, но все называли нас просто икснеттерами. Ее основала Барбара со своими друзьями-юристами сразу после освобождения Острова Сокровищ.

Финансирование обеспечивали спонсоры из числа миллионеров, сделавших состояние в сфере высоких технологий, — они были не в силах поверить, что какие-то подростки-хакеры сумели положить на обе лопатки аж целый ДВБ. Время от времени нас приглашали вглубь полуострова, на Сэнд-Хилл-роуд, где обосновались инвесторы, не боящиеся вкладываться в рискованные предприятия, и просили подробнее рассказать об икснете. Уйма народу желала сделать деньги на нашей технологии.

Ну и пусть делают, меня это не касается. У меня есть свой стол в офисе с небольшой витриной, выходящей на улицу Валенсии, где мы бесплатно раздаем всем желающим диски с операционной системой «Параноид-линукс» и проводим семинары о том, как улучшать антенны для более устойчивого приема беспроводного сигнала Wi-Fi. Удивительно, как много народу заходило к нам, чтобы помочь — и техникой («Параноид-линукс» можно установить на любую машину, не только на иксбокс-универсал), и деньгами. Мы пользовались успехом.

У нас был грандиозный план запустить в сентябре, как раз под конец избирательной кампании, собственную игру в альтернативной

реальности. Мы намеревались привлечь как можно больше народу к участию в голосовании. В прошлых выборах на избирательные участки пришли всего сорок два процента американцев — остальные просто отказались голосовать. Я много раз приглашал на наши планерки Дэррила и Ванессу, но они под разными предлогами отказывались. Они проводили много времени вместе, но Ван упорно не желала называть эти встречи романтическими свиданиями. Дэррил мало разговаривал со мной, однако присылал длинные электронные письма, в которых шла речь о чем угодно, только не о Ванессе, терроризме или тюрьме.

Энджи сжала мне руку.

— Господи, как же я ненавижу эту женщину.

Я кивнул.

— Еще одна подлянка, которую наша страна подкинула Ираку. Если бы ее прислали в мой город, я бы, наверное, подался в террористы.

— Ты и так подался в террористы, когда ее прислали в твой город.

— Что верно, то верно, — согласился я.

— Пойдешь в понедельник на слушания по делу мисс Галвес?

— Непременно.

Я познакомил Энджи с мисс Галвес пару недель назад, когда учительница пригласила меня пообедать вместе. Профсоюз учителей добился рассмотрения ее дела в Объединенном школьном совете Сан-Франциско, и ее восстановили на прежней работе. Говорят, сам Фред Бенсон, досрочно удалившийся на пенсию, прервал свой отдых и явился на слушания, чтобы выступить против восстановления мисс Галвес в прежней должности. Мне не терпелось снова повидаться с любимой учительницей.

— Может, сходим съедим по буррито?

— Непременно.

— Сейчас, только возьму свой острый соус.

Я еще раз проверил почтовый ящик на сервере Партии пиратов — туда до сих пор тонкой струйкой стекались письма икснеттеров, не сумевших отыскать мой новый адрес в Коалиции избирателей.

Последнее письмо пришло с какого-то одноразового почтового ящика на одном из недавно появившихся бразильских серверов, гарантирующих пользователям полную анонимность.

> Спасибо, я ее нашел. Ты и не говорил, что она такая красотка.

— Это еще от кого?

Я расхохотался.

— От Зеба. Помнишь его? Я дал ему Машин адрес. Решил, раз уж они оба подпольщики, пусть прячутся вместе.

— Это он Машу называет красоткой?

— Не суди парня строго, у него от жизненных тягот крыша поехала.

— А у тебя?

— Что — у меня?

— Тоже поехала крыша от жизненных тягот?

Я отстранил Энджи на вытянутую руку, окинул внимательным взглядом с головы до ног и с ног до головы. Положил ладони на щеки, заглянул в большие глаза, лукаво блестевшие из-под очков в толстой оправе. Провел пальцами по волосам.

— Энджи, еще никогда в жизни мои мысли не были столь ясными, как сейчас.

Тогда она прильнула ко мне губами, я ответил на поцелуй, и за буррито мы пошли не сразу.

Послесловие Брюса Шнайера

Я специалист по охранным системам. Моя работа — обеспечивать безопасность людей.

Разрабатывая охранные системы, я сначала думаю о том, как их взломать. Потом — как сделать их еще надежнее. Это относится и к защите данных в компьютерах, и к системам видеонаблюдения. К обеспечению безопасности авиаперелетов, машин для голосования, чипов с радиомаячками и множеству других систем.

Кори пригласил меня на последние страницы своей книги, чтобы я рассказал вам, как это интересно — разрабатывать охранные системы. Потрясающе весело, словно игра в кошки-мышки. Кто кого перехитрит — охотник добычу или наоборот? Я считаю свою работу самой увлекательной на свете. Если вам понравилось читать о том, как Маркус обманывал камеры распознавания личности по походке, то представьте себе, насколько интереснее было бы самому додуматься до этого!

Для разработки охранных систем надо хорошо разбираться в технологиях. Понимать, как

работают компьютерные сети и камеры видеонаблюдения, какие химические процессы помогают обнаружить бомбу. Но по большому счету важнее всего склад ума. Образ мышления. Маркус — хороший пример такого мышления. Он всегда выискивает, в каком месте охранная система дает сбой. Наверняка он, даже входя в магазин, придумывает способы стянуть что-нибудь с прилавка так, чтобы его не застукала охранная система. И не потому что он в самом деле станет воровать, просто ему хочется понимать, что он сможет сделать это и остаться незамеченным. Есть большая разница между пониманием, как обмануть охранную систему, и действительным обманом.

Примерно так же видят мир профессионалы в сфере безопасности. Глядя на охранную систему, мы придумываем, как ее обмануть. Таковы уж мы, ничего не поделаешь.

Такой образ мышления очень важен для специалиста, и не имеет значения, по какую сторону охраняемого объекта он находится. Если вам поручено создать систему для защиты магазина от краж, вы должны уметь воровать. Если придумываете систему, распознающую людей по походке, надо предвидеть, что кто-нибудь насып-

лет камушков в ботинки. Иначе ничего путного у вас не полу- чится.

Именно поэтому в череде повседневных забот уделите немножко внимания охранным системам вокруг вас. В магазине, где вы обычно делаете покупки, стоят видеокамеры. Помогают ли они предотвратить кражу или просто отпугивают воришку к соседнему магазину? Обратите внимание, как работает ресторан. Если вы расплачиваетесь после ужина, может ли кто-нибудь уйти, не заплатив? Присмо- тритесь к системам проверки пассажиров в аэропорту. Можно ли пронести в самолет оружие? Подсмотрите за работой кассира в банке. Банковская система безопасности должна не только защищать от грабителей, но и удерживать кассиров от воровства. Понаблюдайте за муравейником. Насекомые — великолепные охранники. Почитайте Конституцию, обратите внимание, как она защищает граждан от злоупотреблений со стороны правительства. Оглянитесь вокруг. Светофоры, дверные замки, любые охранные системы, какие вы видите в кино и по телевизору, — как они работают, от каких угроз защищают, а против чего бессильны, почему дают сбои и как этим воспользоваться?

Уделяйте этому побольше времени, и скоро вы

заметите, что смотрите на мир совсем по-другому. Вы начнете замечать, что многие охранные системы не выполняют возложенных на них задач и что бóльшая часть принимаемых государством мер безопасности — пустая трата денег. Вы поймете, что неприкосновенность личности — необходимое условие безопасности, а не наоборот. Вы перестанете волноваться о том, что беспокоит других, и найдете себе другие поводы для тревоги, о которых многие люди даже не догадываются.

Вам будут попадаться на глаза такие особенности охранных систем, о которых до вас никто не задумывался. И может быть, вы изобретете новый метод взлома какой-нибудь системы безопасности.

Вот так несколько лет назад кто-то додумался до фишинга.

Меня часто изумляет, насколько легко бывает взломать какую-нибудь знаменитую охранную систему. Этому есть множество причин, но главная из них — невозможность доказать, что безопасность гарантирована. Вам доступен только один метод проверки — пытаться самому взломать эту систему. Если не получится, вы поймете, что у системы хватает надежно-

сти выдержать ваш натиск, но что, если за дело возьмется умелец половчее вас? Любой способен создать такую охранную систему, какую он сам будет не в силах взломать.

Вдумайтесь хорошенько, потому что это не сразу укладывается в голове. Ни у одного конструктора не хватит квалификации, чтобы выявить все огрехи в разработанной им системе, иначе он заметил бы их в процессе работы и устранил. Проверять систему на надежность должен кто-то другой, тогда она будет защищена от угроз, которые не пришли в голову конструктору.

А это значит, что никому не возбраняется присматриваться к кем-то созданным охранным системам. И на удивление часто кто-нибудь из нас отыскивает дыру в одной из них. Находки Маркуса вовсе не кажутся притянутыми за уши — в жизни такие вещи случаются постоянно. Наберите в поисковой строке «бамп-ключ» или «как вскрыть замок фирмы “Криптонит” шариковой ручкой» — вы прочитаете несколько удивительных историй о том, как чрезвычайно сложные на вид охранные системы взламываются простейшими инструментами.

И если вам выпадет подобная удача, непременно расскажите о ней в интернете. При кажущемся

сходстве секретность и безопасность — разные вещи. Охранная система, опирающаяся на секретность, никуда не годится. Хорошие системы работают, даже если нюансы их работы знакомы всем и каждому.

Когда слабые места охранной системы становятся широко известны, конструкторы будут вынуждены улучшать ее, а мы с вами получим более высокий уровень безопасности. Если вы купили велосипедный замок фирмы «Криптонит», который можно вскрыть шариковой ручкой, то, значит, вам за ваши деньги подсунули некачественную охранную систему. И точно так же, если несколько смышленых ребят смогли одолеть выстроенную ДВБ антитеррористическую технологию, то она вряд ли будет полезна в борьбе против настоящих террористов.

Глупо жертвовать личной неприкосновенностью ради безопасности; но еще глупее в результате этой сделки не получить настоящей безопасности.

Так что закройте эту книгу — и вперед! Мир полон систем безопасности. Взломайте хотя бы одну.

Брюс Шнайер
http://www.schneier.com

Послесловие Эндрю Банни Хуана, человека, который взломал Иксбокс

Хакеры — это исследователи, первопроходцы цифровых технологий. Неуемное любопытство побуждает их ставить под сомнение устоявшиеся стереотипы и браться за решение самых трудных задач. Ради развлечения хакеры готовы разобрать по винтикам самую сложную систему; отсюда как побочный эффект вытекает повышенный интерес к проблемам безопасности. Общество — это очень большая и сложная система, поэтому хакеры, естественно, не могли оставить его без внимания. В результате складывается стереотипное представление о хакерах как об иконоборцах, не вписывающихся в социальные рамки и готовых нарушить общепринятые правила чисто ради собственного развлечения. Когда я в 2002 году, будучи студентом Массачусетского технологического института, взломал защитную систему иксбокса, у меня и в мыслях не было бунтовать или причинять кому-нибудь вред. Я просто следовал бессознательному внутреннему

порыву, какой заставляет, например, чинить сломанный айпод или из любопытства лезть на крыши и в туннели своего института.

К сожалению, тот факт, что хакеры не вписываются в рамки социальных норм, вкупе с «опасным» умением считывать радиомаячки на банковских картах или взламывать замки, приводит к тому, что многие боятся хакеров. Однако мотивация хакеров зачастую очень проста и сводится к принципам, знакомым каждому инженеру: я конструирую приборы, потому что мне нравится это делать. Меня часто спрашивают, зачем я взломал защитную систему иксбокса. Ответ мой прост: во-первых, я купил эту игрушку, и теперь она моя. И никто не вправе диктовать, что мне можно, а чего нельзя делать с моими вещами. Во-вторых, потому что руки чешутся. Иксбокс — система достаточно сложная, а значит, разбираться с ней будет интересно. Мне было очень приятно поздними ночами копаться в ней, отдыхая от работы над диссертацией.

Мне повезло. Тот факт, что я взломал иксбокс, будучи студентом выпускного курса МТИ, оправдал мою работу в глазах нужных людей. Однако право быть хакером не должно принадлежать только студентам вузов. Я еще в начальной шко-

ле взламывал любые электронные устройства, какие попадали мне в руки, к немалому огорчению родителей. Мое домашнее чтение включало книги по моделированию ракет, артиллерии, ядерному оружию и методам изготовления взрывчатки. Я брал эти книги в школьной библиотеке — думаю, на комплектацию библиотек того времени сильно повлияла холодная война. А еще я вдоволь наигрался с самодельными фейерверками и облазил все окрестные стройплощадки — в городке на Среднем Западе, откуда я родом, возводилось много жилья. Занятия, возможно, не самые благоразумные, однако они наделили меня бесценным опытом, который пригодился в более зрелом возрасте. Терпимость и доверие близких помогли мне обрести свободный образ мыслей.

Современная атмосфера не так благожелательна к начинающим хакерам. Сюжет «Младшего брата» ярко показывает, с какой легкостью мы можем перенестись из нынешней действительности в мир, где полностью исчезла восприимчивость к новизне и инакомыслию. А недавние события показывают, как близко мы подошли к черте, за которой начинается мир «Младшего брата». Мне выпала удача прочитать ранний

вариант этой книги еще в ноябре 2006 года. А всего через два месяца, в конце января 2007 года, бостонская полиция обнаружила два предмета, похожих на взрывные устройства, и закрыла город на целый день. Эти устройства оказались всего лишь печатными платами с мигающими светодиодными лампочками, их использовала в рекламной акции телекомпания Cartoon Network. Художников, сотворивших это урбанистическое граффити, арестовали и отдали под суд по уголовному делу; продюсерам телеканала пришлось раскошелиться на 2 миллиона долларов, чтобы замять дело, а глава компании был вынужден со скандалом уйти в отставку.

Так что же получается, террористы уже победили? Неужели мы настолько запуганы, что готовы подозревать в терроризме кого угодно: граффитчиков, мастеров-самодельщиков, хакеров, бунтарей, ничем не примечательную компанию ребят, играющих в «Харадзюку Фан Мэднесс»?

В медицине для таких нарушений есть особый термин — аутоиммунное заболевание. Оно возникает, когда защитная система организма становится чересчур активной, перестает распознавать собственные клетки и начинает их атаковать. В результате организм саморазрушается.

Нынче Америка, пресытившись собственными свободами, вот-вот впадет в анафилактический шок, и мы должны сделать себе предохранительную прививку. Технический прогресс не спасет от паранойи, наоборот, только усилит ее, превратит нас в пленников нами же изобретенных устройств. Ежедневно миллионы людей вынуждены снимать верхнюю одежду и проходить босиком через рамки металлодетекторов, но и этим делу не поможешь. Подобные меры только лишний раз напоминают населению, что им есть чего бояться, однако решительного злоумышленника такими средствами не остановить.

На самом деле мы не можем надеяться, что придет некий герой и вернет нам утерянное ощущение свободы. Нет, никакой M1k3y не объявится и не спасет нас в день, когда свобода сменится паранойей. Потому что M1k3y живет в каждом из нас, и «Младший брат» напоминает, что, какие бы сюрпризы ни готовило нам будущее, свобода не добывается с помощью охранных систем, криптографии, допросов и обысков. Свободу можно завоевать только храбростью и самоотверженной решимостью жить свободно, стать свободным обществом, какие бы грозовые тучи ни маячили на горизонте.

Будь таким, как M1k3y, — выйди в мир и добивайся свободы!

Библиография[4]

Ни один писатель не создает книгу с нуля. Мы все, по выражению Исаака Ньютона, «стоим на плечах гигантов». Мы изучаем и переосмысливаем произведения искусства и культуры, сотворенные нашими современниками и литературными предшественниками.

Если вам понравилась эта книга и вы хотите узнать больше, обратитесь к многочисленным источникам. Их можно найти как в интернете, так и в ближайшей библиотеке или книжном магазине.

Хакерство — неисчерпаемая тема. Любая наука зиждется на том, что вы рассказываете людям о своей работе, чтобы они могли узнать о ваших достижениях, подтвердить или улучшить их, и это в полной мере применимо к хакерству. На эту тему есть множество публикаций.

Начните с чудесной книги Эндрю Банни Хуана «Как я взломал иксбокс» (No Starch Press, 2003). В ней рассказывается, как Банни, будучи в то время

---

[4] Примечания: 4

Ссылки, помеченные †, в настоящее время не работают. *Здесь и далее прим. перев.*

студентом Массачусетского технологического института, разобрал по косточкам защитные механизмы игровой приставки методами обратной инженерии и проложил дорогу для бесчисленных попыток хакинга платформы. Эта книга стала учебником обратной инженерии и взлома электронной аппаратуры.

Книги Брюса Шнайера «Секреты и ложь» (Wiley, 2000) [5]и «За пределами страха» (Copernicus, 2003) представляют собой отличные пособия для новичков, простыми словами разъясняющие понятие «безопасность» и обучающие мыслить о нем критически. А «Прикладная криптография» того же автора (Wiley, 1995) остается авторитетнейшим источником сведений по криптографии. Брюс ведет отличный блог с почтовой рассылкой на сайте schneier.com/blog. Криптография и безопасность — рай для талантливых непрофессионалов, и в движении шифропанка участвует множество школьников, домохозяек, пап и мам, юристов, представителей других социальных групп, и все они целыми днями пытаются вскрыть протоколы безопасности и всевозмож-

[5] Примечания: 5
На русском языке выпускалась в издательстве «Питер», 2003 г.

ные шифры.[6]

На тему хакерства выходит много прекрасных журналов, но лучшие из них — это 2600: The Hacker Quarterly, в котором хакеры, не раскрывая своих имен, хвастаются подвигами, и публикуемый издательством O'Reilly журнал Make, дающий серьезные советы о том, как создавать собственные устройства дома.

В интернете, разумеется, тоже полным-полно материалов на тему хакерства. Великолепные инженеры-профессионалы из Принстона Эд Фелтен и Алекс Дж. Холтерман ведут блог «Свобода мастерить» (www.freedom-to-tinker.com)†, в котором доступно рассказывают о компьютерной безопасности, прослушке, криптографии и технологиях защиты от копирования.

Не пропустите сайт «Одичавшие роботы» (xdesign.ucsd.edu/feralrobots/)†, который ведет Натали Джеремидженко из Университета Сан-Диего в Калифорнии. Натали со студентами перепрошивает игрушечных роботов-собачек, выпускаемых компанией Toys R Us, и превращает их в великолепные детекторы ядовитых отходов. Потом они выпускают своих собачек в обществен-

---

[6] Примечания: 6
На русском языке выпускалась в издательстве «Вильямс», 2016 г.

ных парках, разбитых на месте могильников, где крупные компании захоранивали токсичные отходы, и те наглядно показывают, насколько отравлена там земля.

Подобно многим другим технологиям из этой книги, туннелирование по протоколу DNS осуществимо на самом деле. Дэн Камински, превосходный эксперт по туннелированию, в 2004 году опубликовал подробности на сайте www.doxpara.com/bo2004.ppt†.

Гуру «гражданской журналистики» и нынешний руководитель Центра гражданских СМИ в Гарварде и Калифорнийском университете Беркли Дэн Гилмор посвятил этой теме превосходную книгу «Мы — медиа» (O'Reilly, 2004).

Если хотите побольше узнать о взломе радиомаячков, начните со статьи Аннали Нюьитц The RFID Hacking Underground, опубликованной в журнале Wired Magazine (www. wirednews.com/wired/archive/14.05/rfid.html)†. Книга Адама Гринфилда Everyware (New Riders Press, 2006) — это леденящее кровь повествование об опасностях мира радиомаячков.

Нил Гершенфельд в своей лаборатории Fab Lab в МТИ взламывает первые в мире по-настоящему дешевые 3D-принтеры, способные напечатать

все что угодно. Гершенфельд описал это в своей прекрасной книге Fab (Basic Books, 2005).

Книга Брюса Стерлинга Shaping Things (MIT Press, 2005) показывает, как с помощью радиомаячков и мелкосерийных деталей можно добиться от компаний выпуска продукции, которая не загрязняет окружающую среду.

Кроме того, перу Брюса Стерлинга принадлежит первая грандиозная книга о хакерах и законодательстве — The Hacker Crackdown (Bantam, 1993). Эта книга стала первой среди многих других, которая появилась в свободном доступе в интернете одновременно с публикацией в крупном издательстве. Ее текст легко найти в сети, например на сайте stuff.mit.edu/hacker/hacker.html†. Именно прочтение этой книги натолкнуло меня на сотрудничество с Фондом электронных рубежей, в котором я с удовольствием работаю уже больше четырех лет.

Фонд электронных рубежей — это благотворительная некоммерческая организация с участием студентов. Деньги от частных спонсоров расходуются на обеспечение в интернете личной свободы, свободы слова, справедливого правосудия и всех остальных прав, гарантированных поправками к Конституции США. ФЭР успешнее

всех борется за свободу в интернете, и вы тоже можете принять участие в этой борьбе. Для этого надо всего лишь подписаться на их рассылку и заявить протест избранным вами чиновникам, если они вздумают предать вас под предлогом борьбы с терроризмом, пиратством, мафией или любыми другими надуманными страшилками. ФЭР также обеспечивает работу браузера TOR — «лукового» анонимайзера, который помогает уйти из-под надзора правительственных органов, школьных властей или библиотечных цензоров (tor.eff.org).[7]

ФЭР владеет обширным порталом с изумительной информацией, предназначенной для самой широкой аудитории. Аналогичную работу проводят Американский союз гражданских свобод (aclu.org), «Общественное знание» (publicknowledge.org), Движение свободной культуры (freeculture.org)†, Creative Commons (creativecommons.org), и все они заслуживают вашей поддержки. Международное студенческое Движение свободной культуры активно привлекает учащихся и открывает местные отделения в школах и университетах. Это прекрасный способ

[7] Примечания: 7

Использование тор-браузера в России ограничено по требованию Роскомнадзора.

активно включиться в работу и изменить мир к лучшему.

Многие веб-сайты ведут борьбу за киберсвободы, но мало кто делает это с такой яркостью, как сайт «Слэш-дот» в своих «Новостях для фанатов о самом важном» (slashdot.org).

И конечно, вам непременно следует заглянуть в Википедию — свободную сетевую энциклопедию, редактировать которую может каждый. Только в ее английском разделе насчитывается более миллиона статей. Темы хакинга и контркультуры раскрыты в Википедии очень глубоко, с актуальностью до наносекунды. Имейте в виду: в Википедии не стоит ограничиваться только чтением статей. Обязательно пройдите по ссылкам «История» и «Обсуждение» в верхней части страницы, посмотрите, как сформировалась текущая версия, изучите все точки зрения и решите, какая из них заслуживает доверия.[8]

А если хотите почерпнуть действительно запретных знаний, вам прямая дорога на «Криптом» (cryptome.org), самый подробный в мире архив секретной, конфиденциальной и раскрытой информации. Отважные издатели «Криптома»

[8] Примечания: 8

Раздел Википедии на русском языке, по состоянию на 19 октября 2022 года, насчитывает 1 861 548 статей различной тематики.

собирают и публикуют материалы, полученные у госчиновников на основании Закона о свободе информации или добытые путем случайных либо организованных утечек.

Лучшим художественным произведением о криптографии, без сомнения, можно назвать «Криптономикон» Нила Стивенсона (Avon, 2002). Рассказывая историю Алана Тьюринга и нацистской шифровальной машины «Энигма», Стивенсон создает захватывающий военный роман, от которого невозможно оторваться.[9]

Упомянутая в «Младшем брате» Партия пиратов реально существует, и на момент написания этой книги (июль 2006 года) ее отделения есть в Швеции (www.piratpartiet.se), Дании, США и Франции. Эти ребята, конечно, немного не от мира сего, но свое дело знают.

Кстати, о тех, кто не от мира сего: Эбби Хоффман и йиппи в самом деле пытались устроить левитацию Пентагона, бросались деньгами на бирже и сотрудничали с группой, называвшей себя «К стенке, Мазефакер». Классическая книга Эбби Хоффмана «Сопри эту книгу!» снова в печати (Four Walls Eight Windows, 2002), а кроме

---

[9] Примечания: 9
На русском языке выпускалась в издательстве АСТ, 2004 г.

того, она выложена онлайн в коллективном вики для тех, кто захочет актуализировать ее (stealthiswiki.nine9pages.com)[10]†.

Автобиография Хоффмана «Скоро будет большое кино» (также выпущенная издательством Four Walls Eight Windows) — одна из моих любимых мемуарных книг, хотя она и сильно приукрашена. Хоффман — великолепный рассказчик и прирожденный активист. Но если хотите узнать, какой на самом деле была его жизнь, прочитайте книгу «Сопри эту мечту» Ларри Слоумана (Doubleday, 1998).

Еще о контркультуре: роман Керуака «В дороге» можно найти во многих книжных магазинах. «Вопль» Аллена Гинзберга выложен на многих сайтах, это стихотворение можно услышать в исполнении автора на сайте archive.org в формате MP3. В дополнение к этому отыщите альбом Tenderness Junction группы The Fugs, в него включена аудиозапись того, как Аллен Гинзберг и Эбби Хоффман проводят церемонию левитации Пентагона.

Эта книга не была бы написана без «1984» — мощного, судьбоносного романа-антиутопии

---

[10] Примечания: 10

На русском языке выпускалась в издательстве «Гилея», 2003 г.

Джорджа Оруэлла о том, что может случиться, если в обществе все пойдет наперекосяк. Я впервые прочитал эту книгу, когда мне было двенадцать лет, с тех пор перечитывал раз тридцать или сорок и всякий раз находил в ней что-нибудь новое. Оруэлл был великолепным рассказчиком и, видимо, терпеть не мог тоталитарное государство, возникшее в Советском Союзе. «1984» и в наши дни считается гениальным образчиком научно-фантастического «ужастика». Эта книга буквально изменила мир. Эпитет «оруэлловский» до сих пор применяется к государствам, где практикуются двуличие, поголовная слежка и пытки.

Многие писатели внесли свой вклад в разработку сюжета «Младшего брата». Юмористический шедевр Дэниела Пинкуотера «Алан Пинкертон — мальчик с Марса» (Farrar, Straus and Giroux, 1997) должен прочитать каждый компьютерный фанат. Если ты когда-нибудь ощущал себя отверженным, или слишком умным, или непохожим на других, ПРОЧИТАЙ ЭТУ КНИГУ! Она изменила мою жизнь.

Переходя к современности, следует отметить книгу Скотта Вестерфельда «Городской охотник» (Razorbill, 2004) о бунтарях контркультуры. Скотт и его жена Джастин Ларбалестьер, а также Кэт

Коджа были среди тех, кто вдохновил меня на написание книги для молодежи. Спасибо вам, друзья.[11]

[11] Примечания: 11
На русском языке выпускалась в издательстве «Эксмо», 2009 г.

Благодарности

В создание этой книги внесли огромный вклад многие писатели, выдающиеся деятели, мои друзья и наставники.

Хакеры и активисты шифропанка: Банни Хуан, Сет Шун, Эд Фельтен, Алекс Хальдерман, Гвидс, Натали Джеремидженко, Эммануэль Гольдштейн, Аарон Шварц.

Выдающиеся деятели: Митч Кейпор, Джон Гилмор, Джон Перри Барлоу, Ларри Лессиг, Шари Стил, Синди Кон, Фред фон Ломанн, Джейми Бойл, Джордж Оруэлл, Эбби Хоффман, Джо Триппи, Брюс Шнайер, Росс Доусон, Гарри Копито, Тим О'Рейли.

Писатели: Брюс Стерлинг, Кэт Коджа, Скотт Вестерфельд, Джастин Ларбалестьер, Пэт Йорк, Аннали Ньюитц, Дэн Гилмор, Дэниел Пинкуотер, Кевин Паулсен, Уэнди Гроссман, Джей Лейк, Бен Розенбаум.

Друзья: Фиона Ромео, Куинн Нортон, Дэнни О'Брайен, Джон Гилберт, Дана Бойд, Зак Ханна, Эмили Хёрсон, Грэд Конн, Джон Хенсон, Аманда Фаубистер, Зени Джардин, Марк Фрауэнфельдер,

Дэвид Песковитц, Джон Бэттелл, Карл Левескью, Кейт Майлз, Нил и Тара-Ли Доктороу, Раэль Дорнфест, Кен Снайдер.

Наставники: Джуди Меррил, Роз и Горд Доктороу, Харриет Вольф, Джим Келли, Деймон Найт, Скотт Эдельман.

Спасибо вам за то, что вдохновили меня размышлять над этими идеями и писать о них.